

Виктор Троицкий

РАЗЫСКАНИЯ
О ЖИЗНИ
И ТВОРЧЕСТВЕ
А. Ф. ЛОСЕВА



Виктор Троицкий

РАЗЫСКАНИЯ
О ЖИЗНИ
И ТВОРЧЕСТВЕ
А. Ф. ЛОСЕВА



///АГРАФ

УДК 141.82(470+571)(092)Лосев А.Ф.

ББК 87.3(2)7-60Лосев А.Ф.

Т70

Художник *Л. Ликальтер*



Информационный спонсор —
радиостанция «Эхо Москвы»

Троицкий, Виктор Петрович.

Т70 Разыскания о жизни и творчестве А.Ф. Лосева /
Виктор Троицкий. — М. : Аграф, 2007. — 448 с. —
ISBN 978-57784-0333-8.

Агентство СІР РГБ

Книга посвящена жизни и творчеству выдающегося русского философа Алексея Федоровича Лосева (1893—1988). Основной мотив исследования: громадное наследие не принадлежит только архиву, только свершившемуся, оно еще и необычайно современно и своевременно, чревато новым, вооружает для встречи с будущим. Ряд фундаментальных тем (проблема информации, типология бесконечностей, периодическая система начал, представление о чуде как научной категории и др.) рассмотрен здесь в порядке дальнейшего развития глубоких идей А.Ф. Лосева.

В приложении публикуются некоторые важные работы из архива философа, снабженные авторским комментарием. Это переписка А.Ф. Лосева и А.А. Мейера (1930-е годы), а также две работы А.Ф. Лосева «О форме бесконечности» (1932) и «О мировоззрении» (1986).

Издание приурочено к 90-летию со дня выхода в свет (1916 г.) первой научной публикации А.Ф. Лосева и адресовано как специалистам, так и широкому кругу читателей, интересующихся вопросами философии.



© Издательство «Аграф», 2007

© Троицкий В.П., 2007

От автора

Предлагаемая любезному читателю книга, посвященная избранным моментам жизни и творчества Алексея Федоровича Лосева (1893–1988), содержит шесть разделов или частей. Большинство из тех работ, что составили здесь 24 главы в первых трех частях, на протяжении последнего десятка (чуть более) лет были опубликованы в различных коллективных сборниках и периодике, включались как послесловия в издаваемые тома сочинений А.Ф. Лосева, а также читались на научных конференциях. Для настоящего издания они подвергнуты небольшой стилистической правке. Унифицированы сноски и ссылки на цитируемую литературу, отчасти сглажены (но не устранены полностью – такая задача не ставилась) имевшие место повторы и пересечения, неизбежные при автономном и разновременном появлении работ. В этих текстах автору представлялось более важным сохранить первичные следы поиска, постепенного развития и наращивания определенных сквозных тем, нежели ликвидировать или прятать приметы (и возможные огрехи) собственного роста.

Материалы первой части призваны, сколь оказалось по силам, выдвинуть или нащупать определенного рода интегральные характеристики творчества А.Ф. Лосева. Основной мотив, всякий раз выверяемый и, будем надеяться, подтверждаемый, – это громадное наследие не принадлежит только архиву, только свершившемуся, но оно еще и необычайно современно и своевременно, чревато новым, вооружает для встречи с будущим.

Во второй части больше описываются и отчасти реконструируются те или иные эпизоды (подчас чрезвычайно драматичные и загадочные) многотрудной жизни философа, листаются также некоторые избранные страницы коллективной «лосевяны», как прошлой, так и современной. Материалы данной части носят преимущественно репортажный или публицистический характер, а выраженные в них эмоции и оценочные суждения подчас не вполне остыли. Но так ли уж это странно, если палимпсест истории XX века (а Лосев – ровня веку и по возрасту, и по судьбе) до сих пор еще пишется, дописывается и переписывается.

Содержание третьей части сосредоточено вокруг одной из генеральных лосевских тем о Числе, тогда как две другие необходимые темы, об Имени и Мифе, остались затронутыми только попутно. Это предпочтение объясняется как добровольно взятыми на себя ограничениями в силу постепенно и стихийно сложившейся специализации среди исследователей творчества А.Ф. Лосева и «его времени», так и большей ориентацией пишущего эти строки в сфере точных наук, нежели наук гуманитарного цикла, – но и те, и другие в равной мере необходимы (предупредим или напомним) для полноценного понимания или хотя бы прояснения избранного нами предмета. Еще об одном базовом в учении Лосева представлении – о Чуде, которое равно относится и к «точному», и к «неточному» в нашем мирозерцании, говорится как в первой части нашего повествования, так и в третьей.

Ряд намеченных в третьей части тем – проблема информации, типология бесконечностей, «несводимость» чисел, периодическая система начал, да и чудо как научная категория, – полагались нами в порядке усиленного развития некоторых глубоких идей А.Ф. Лосева.

Буквально само собой вырисовалось довольно жесткое структурное оформление книги. На уровне нехитрой «аритмологической» символики такую структуру можно истолковать следующим образом. Количество разделов (частей) ровно три, что в аспекте «творчество А.Ф. Лосева», означенном названием нашей книги, отсылает к излюбленному для автора диалектическому методу и производной от метода триадиологии. В каждом разделе ровно по восемь глав, что уже в аспекте «жизнь А.Ф. Лосева» напоминает о том творческом пути, который был промыслительно начат знаменитым «восьмикнижием», завершён восемью томами «Истории античной эстетики» и вновь продолжен восемью фолиантами «серой серии» посмертно вышедшего в издательстве «Мысль» (1993–1999 гг.) Собрания сочинений.

В наш сборник включены публикации некоторых документов из

архива А.Ф. Лосева. Это подборка писем под условным названием «Вопросы философии», короткая, но очень емкая и эмоциональная переписка А.Ф. Лосева и А.А. Мейера (1930-е годы), а также две работы А.Ф. Лосева «О форме бесконечности» (1932) и «О мировоззрении» (1986), представляющие читателю Лосева «раннего» и Лосева «позднего». Нельзя не подчеркнуть, что для последних прилагательных употребление кавычек обязательно. Уже названные два произведения, будучи разделены более чем полувековым отрезком времени, неопровержимо свидетельствуют: творчество Лосева было не только длительным и непрерывным, но и цельным. Архивные публикации данного сборника (все они принадлежат А.А. Тахо-Годи) вместе с небольшими текстологическими примечаниями и комментариями составили четвертую часть книги. Комментарии, надо признать, не только в известной мере субъективны, т.е. вполне отражают пристрастия имярек, но и не претендуют на исчерпывающую общую обрисовку, тем паче – исчерпание большинства затронутых проблем. Занимавшие лосевскую мысль предметы столь глубоки и первоосновны, смысловая плотность лосевских текстов столь высока, что каждый заинтересованный читатель обязательно отыщет в них что-то свое, лично для него важное, дорогое, поучительное. Впрочем, несколько утешает то обстоятельство, что избранные здесь примеры из наследия философа – а специально отбирались лапидарно написанные работы ярко выраженного концептуального и резюмирующего характера, причем пока мало известные, – они могут и сами за себя постоять, являясь крепкой основой для объективного представления «всего Лосева».

В конце книги читатель найдет краткие библиографические сведения о текстах из предыдущих частей. Здесь же приводятся, в случае необходимости, те уточнения и добавления, которых еще нельзя было или не удалось сделать к моменту первого появления данных текстов. С принятым способом подачи материала, как представляется, мы избежали естественного соблазна переписать всё в едином и заметнее отстраненном ключе. В итоге хотелось сохранить облик публикаций *ex novo*, по определению более непосредственный в выражении чувств и не слишком обремененный комментаторским всеведением.

Кроме того, издание снабжено именованным указателем.

Конечно, к Лосеву можно подступаться иными, нежели у нас, путями. Другие и многие стороны этого феномена читатель может найти в освещении таких современных исследователей, как С.С. Аверинцев, Г.М. Адельшин, Н.В. Бекетова, В.В. Биbihин, П.Е. Бойко, С.Н. Бройтман, В.В. Бычков, Г.К. Вагнер, Д.Ю. Васильев, П.И. Гайденко,

С.В. Гальперин, М.М. Гамаюнов, Г.Д. Гачев, Л.В. Голованов, А.В. Гулыга, Н.В. Демин, С.Б. Джимбинов, Д.В. Джохадзе, А.Л. Доброхотов, А.Г. Дунаев, В.В. Ерофеев, В.П. Завьялова, К.В. Зенкин, А.Т. Казарян, А.М. Камчатнов, Ю.Д. Кашкаров, К.А. Кедров, В.И. Ковалев, С.Л. Кравец, В.Б. Кудрин, В.Я. Лазарев, И.Н. Лосева, Д.М. Магомедова, Н.К. Малинаускене, Т.Г. Мальчукова, Вл. Марченков, А.Е. Махов, А.В. Михайлов, В.И. Моисеев, И.М. Нахов, Ю.Ф. Панасенко, С.А. Полковникова, Т.В. Проселкова, В.И. Постовалова, А.И. Резниченко, Ю.М. Романенко, Ю.А. Ростовцев, О.М. Савельева, В.В. Соколов, А.Г. Спиркин, Ю.С. Степанов, Л.Н. Столович, М.А. Таривердиева, М.С. Уваров, С.А. Филатов, П.В. Флоренский, Ю.Н. Холопов, С.С. Хоружий, Д.О. Чехович, С.К. Шаумян, О.С. Широков, А.М. Штерн, В.Н. Щелкачев, С.В. Яковлев. Из зарубежных авторов тут же следует указать такие имена, как Р. Берд (США), М. Денн (Франция), А. Джубара (Германия), Э. Димитров (Болгария), Лин Цзияо (Китай), Ф. Осука (Япония), М. Узелац (Сербия и Черногория), А. Хаардт (Германия), Е. Чаплевич (Польша). Разумеется, этот список неполон и пополним. Есть уже книги, специально написанные о нашем герое: Тахо-Годи А.А. Лосев (М., 1997 в серии «Жизнь замечательных людей»); Тахо-Годи Е.А. А.Ф. Лосев. От писем к прозе. От Пушкина до Пастернака (М., 1999); Тахо-Годи А.А., Тахо-Годи Е.А., Троицкий В.П. А.Ф. Лосев – философ и писатель (М., 2003); Данцев А.А. А.Ф. Лосев (М., Ростов-на-Дону, 2005 в серии «Философы XX века»). Среди материалов довольно многочисленных энциклопедических изданий следует особо, на наш взгляд, выделить обобщающие результаты исследовательской деятельности Л.А. Йоготишвили – обширную работу «Лосев А.Ф.» и примыкающие статьи «Абсолютная мифология» и «Двойной символ» в энциклопедическом словаре «Русская философия» (М., 1995).

Но каждому из здесь названных, как и автору этих строк, до сих пор удавалось размышлять только на частную тему «Мой Лосев», и лишь наши совокупные усилия могут дать и своим чередом, будем надеяться, дадут цельный образ искомого. А философское учение Лосева о части и целом пусть исподволь сообщает всякому ищущему свою толлку оптимизма (ибо на любой части почнет печатъ целого) и одновременно оберегает от гордыни (ибо целое всегда превыше своих частей).

В разговоре о творчестве Лосева вовсе не обязателен только строго научный, академически выверенный подход, тем паче что Лосев сам не упускал случая приземлять свои теории до уровня быденного (извините – обывательского) словоупотребления и нередко совершал «несерьезные» экскурсы в область бытия, скажем, предметов домашнего обихода или самого что ни есть конкретного дерева, произрастающего под окном философа. Нельзя исключать также,

что некоторые, может быть самые заветные, мысли он точнее и полнее сумел (или успел) выразить не в философских трактатах, а на страницах художественной прозы. Тогда и о нем самом тоже не помешало бы хотя бы иногда говорить иным, ненаучным языком. Повествовательные вкрапления, тяготеющие именно к такому языку (и бывшие нередко преследуемыми – теперь уж не слишком, правда, рьяно, – редакторами тех или иных изданий), читатель без труда отыщет в наших текстах. Глядишь, какая-нибудь шуточная «формула Лосева» и сгодится-таки в дело.

Насколько помнится, в 1986 году для поздравления Алексея Федоровича с очередным днем рождения (потом Бог дал еще только один такой день) автор этих строк рискнул на следующую лирико-философскую формулировку творческого облика арбатского мудреца:

Восходящий с предгорий Детали на вершину Общего

или

Гость с планеты Певучей Незнаемости

или

Алеф с индексом не ноль

или

Русский диалектик

или

Фило –

или

–

Каждую строчку этого шуточного «определения» можно оснастить немалым комментарием, причем вполне серьезным, с опорой на всяческие высказывания и публикации. Например, упоминание об алефе с индексом, отличным от нуля, отправляет к одной из излюбленных тем Лосева, теме бесконечного (вряд ли мы заметно почерпали ее в той же третьей части нашей книги), но вместе с тем затрагивает и лосевскую антропологию или, вернее будет сказать, антроподицею, основанную на диалектике интеллигенции, того самосознающего бытия, которое живет бесконечными энергиями Творца...

Но мы чуть задержимся, однако, на самой короткой части этой «формулы Лосева» – на полуслове «фило» и типе, к нему примыкающем (и из него вытекающем во все и всяческие стороны). Они замкнули, как видим, конструкцию в ее развитии, выступили ее итогом. Нетрудно догадаться, что вкладывалось в эту часть «формулы»: наше «фило», непосредственно указывая на две основных специальности Лосева, философию и филологию, прежде всего напоминало о

том терминологическом стержне, на котором держатся не только собственно названия наук о мудрости и о языке, но и сами эти науки. Это «фило» (пред)определяет то преимущественное чувство, что связывает мыслителя с предметом мысли, чувство любви-филии. И вот, насколько приближалась такого рода «образность» к образу самого Лосева, можно было убедиться в ту пору, когда широкий читатель впервые познакомился с философской прозой А.Ф. Лосева. В повести «Жизнь» имеются следующие строки: «Познание не есть отвлеченность. Познание не есть разрыв или раскол, не есть объединение расколотого. Познание есть брак познающего с познаваемым. Познание есть любовь познающего к познаваемому, и любовь эта – взаимная...» И еще прочтем вот эти, итоговые по характеру, слова: «Главное, что есть опора против бессмыслицы жизни, есть твердыня, превысшая судьбы, и есть внутренняя и несокрушимая цитадель презрения к смерти, есть любовь и жертва, есть подвиг и счастье самоотречения, есть в самоотречении для других и для Родины самое сокровенное и уже действительно несокрушимое самоутверждение».

Жизнь и творчество А.Ф. Лосева – это школа любви и жертвы.

Часть I

1.1. Бесконечность «торжественная» и бесконечность «живая»

Что такое точка?
— Это есть бесконечность,
данная как неделимый факт.

А.Ф. Лосев

Отправляясь от эпиграфа данной заметки или же вспоминая многочисленные иные «тезисы» и «формулы» Лосева, поневоле задумываешься над ролью того важнейшего методического правила, каковое сам его автор определенно характеризует «постоянным» и несущим «историко-философскую ясность». Он утверждает: «пока я не сумел выразить сложнейшую философскую систему в одной фразе, до тех пор я считаю свое изучение данной системы неполным»¹. Трудно избавиться от впечатления, что это обязательное требование лаконичности обобщений не только лишний раз подчеркивает принадлежность к определенной школе, основательную выучку Лосева у великих мыслителей прошлого, но и указывает некоторые сугубо индивидуальные, личные особенности его творчества. Далее речь пойдет (разумеется, в самом конспективном, постановочном плане) об отношении философа к категории бесконечности; здесь пока остается только предположить, что если кто и дерзнет когда-либо сжать необъятное наследие Лосева в итоговую «формулу», то неведомая «одна фраза» вряд ли будет убедительной без слова «бесконечность». Впрочем, это еще нужно если не доказать, то, во всяком случае, показать. Как будет ясно из дальнейшего, завершаемое вступление о «формулах» уже работает на такое показывание.

Категория бесконечности является важной составной частью философии языка Лосева. К примеру, уже первые разделы, если не первые страницы, книги автора «Языковая структура»

(1983) доставляют тому немало свидетельств. Так, возражая против «отвлеченного математизма» в современной лингвистике, Лосев четко противопоставляет однородности и неподвижности математических обозначений изменчивую неоднородность элементов естественного языка, обладающего именно «бесконечными семантическими оттенками и бесконечными грамматическими возможностями»². Далее, с переходом к собственно характеристике языковых элементов рисуется грандиозная картина развертывания каждого из них в бесконечный (буквально) ряд языковых значений. Будь то фонема, слог, корень либо аффикс слова, будь то части речи, везде Лосев не устает повторять о тех же «безграничных семантических оттенках», о «значениях не только разных, но и бесконечно разнообразных», о «семантической варьированности бесконечное число раз в зависимости от живого контекста речи», о бесконечных же «степенях проявления модальностей» и даже о той свободе языка, «которая настолько разнообразна и безгранична, что часто граничит с настоящим безумием»³. Характерно, что Лосев посчитал свою задачу выполненной, прервав демонстрацию иерархий языковых бесконечностей на этапе отдельного слова – члена предложения, т.е. как раз там, где при традиционном понимании только начинают строить «свою» бесконечность: слово присоединяется к слову, предложение к предложению и текст к тексту, в точности так, как по мере добавления очередной единицы продлевается движение вдоль натурального ряда чисел. А Лосев мог остановиться и еще раньше, скажем, на префиксе или даже на фонеме, ибо, как теперь можно констатировать, из двух известных типов бесконечностей он предпочитает актуальную бесконечность, именно «данную как факт» и повседневно потребляемую без всяких метафор (повседневность речевого общения – пример) в противовес бесконечности потенциальной, абстрактной бесконечности монотонного и неохватного наращивания унылых «асемантических» единиц.

До Лосева такой же выбор совершил основатель математической теории множеств Г. Кантор. Поэтому не должно казаться странным или случайным такое, скажем, наблюдение, что материал девятого раздела под названием «Структуры языка» упомянутой книги, посвященный типам языковой сигнифика-

ции, отчетливо сопоставляется по разворачиванию своего содержания с последовательным рядом канторовых трансфинитов, т.е. «сверхконечных» чисел, мыслимых, с одной стороны, как наличествующий предел конечного, а с другой стороны, допускающих превышение над собой вплоть до очередного предела-трансфинита⁴. Несомненно, канторовское влияние сказалось и на выборе термина «континуум», которым в лингвистических построениях Лосева как раз отмечены моменты актуальной бесконечности⁵. Наконец, нельзя отмахнуться и от того факта, что интерес к теории множеств не покидал Лосева всю его жизнь: своеобразными начальными вехами высятся давние, но до сих пор еще полностью не опубликованные теоретико-множественные работы автора 20-х годов⁶, а завершают это поприще вовсе близкие нашим дням замыслы Лосева, о которых мы могли узнать хотя бы по одному из последних интервью для «Литературной учебы»⁷.

Однако не следует сводить все дело к простым переключкам и параллелям. Представители несхожих эпох и философских ориентаций, Лосев и Кантор по важнейшим моментам расходятся в понимании актуальной бесконечности. Для уяснения этих различий воспользуемся формулировками самого Кантора из работы 1886 года «О различных точках зрения на актуально бесконечное». Здесь актуальная бесконечность рассматривается в трех главных, теоретически возможных смыслах: *in Deo* («во внемировом вечном и всемогущем творящем начале»), *in concreto* («в конкретном или в сотворенной природе»), *in abstracto* (в познаваемой форме трансфинитных чисел, или, точнее, в канторовской терминологии, трансфинитных порядковых типов). Выделяя первое *in* в самостоятельную и далее не рассматриваемую сферу, Кантор считает единственно правильным принимать актуально бесконечное как *in concreto*, так и *in abstracto* вкуче. Тут обязательно следует подчеркнуть, что для основателя теории множеств подобная объединительная позиция явилась скорее результатом веры, нежели плодом последовательного анализа либо неизбежным следствием освоенных наблюдений предшественников. Да и сам математик положил большую часть отпущенных ему сил именно на развитие взгляда *in abstracto* – с чем он и причислен к

лику «математических святых». Иной путь лежит за плечами Лосева. Разумеется, для него ясно, что «та идея порядка, которая фигурирует в теории множеств, относится только к количествам и только к числам», что в ней «нет никакой качественности» и, следовательно, она воистину без- и внежизненна. Но для него теория множеств одновременно и ценна как область дерзостного знания, где «остро осознано, например, единство целого и частей целого, как единство противоположностей, равно как и противоположность элемента целого и части целого»⁸. Ценна как та область, где идея бесконечности выражена со всей откровенностью и... беспомощностью, да, беспомощностью, если иметь в виду парадоксы теории множеств, столь потрясшие самого Кантора. Иными словами, для Лосева присутствие диалектического начала в понимании *in abstracto* только подтверждает (в очищенной, максимально явленной форме числовых отношений) то главное, без чего актуальная бесконечность *in concreto* предстает устрашающей или, на иной вкус, нелепой, – без живой подвижности отношений целого и частей⁹. Если угодно, лосевское *in concreto* обязательно есть еще *in vivo*.

Итак, Лосев категорически против привычки остерегаться бесконечности как чего-то недоступного и ускользающего, против традиции понимать ее «слишком торжественно и как то, что не имеет отношения к нашей повседневной действительности»¹⁰. Для него бесконечность прежде всего актуальна, следовательно, диалектична, следовательно, органична и жизненна. Это трудный урок! Труден уже сам по себе шаг признания актуальности бесконечного¹¹, трудно идти и дальше согласно логике вещей, а не под диктатом предубеждений и догм. Живое и бесконечное... Обращаясь к той же «Языковой структуре», точнее, к заключительной части лосевского анализа «дофонетического и сверхфонетического осмысления слепого звука в целях коммуникации», мы можем с удовольствием наблюдать на примере малого префикса «про» самую доподлинную языковую бесконечность – и какую – «как структурно функционирующую картину бурлящей человеческой жизни». Читаем там же далее: «И это очень хорошо, что какой-нибудь малозначащий префикс вдруг зажил и загулял у нас как самое настоящее живое существо. И это не метафора, а так

оно и есть. То живое существо, о котором мы сейчас говорим в связи с разумно жизненными функциями языковой сигнификации, – вот в данном случае та языковая структура, без которой действительно невозможно никакое семантическое исследование. Установление подобного рода структур – дело, конечно, не легкое. Но к нему надо привыкать»¹².

В заключение вернемся к тому, с чего мы начали, – к лосевским формулам. Обостренное внимание к термину, органическое чувство глубины слова и понимание «бесконечной смысловой заряженности каждого языкового элемента» – вот что, видимо, прежде всего отличает Лосева как философа (и одновременно ценителя) языка, вот что определяет его педагогический темперамент великого «формулировщика» и что должно прежде всего увлекать нас, постоянных его, языка, пользователей¹³. Говоря об актуальности и жизненной диалектике бесконечного в понимании Лосева, нельзя не заметить эстетическую значимость категории бесконечности вообще и в частности лосевского видения «живой» бесконечности еще и как бесконечности «прекрасной». Однако здесь мы вступаем в преддверие той грандиозной и сложной темы, развитие которой следует искать на страницах «Истории античной эстетики». Нам же да будет дозволено завершить данные заметки малым фрагментом из этой эпопеи гуманитарного знания – в той ее части, где Лосев касается одной из структурных сторон учения неоплатоника Прокла и, как представляется, выражает и собственные симпатии: «Таким образом, точка, по Проклу, вовсе не является абстрактным построением, лишенным частей внутри себя и лишенным всякой связи с окружающим ее инобытием. <...> Всякая точка бурлит своими смысловыми энергиями, которые не могут не изливаться в окружающем ее фоне. <...> В ней есть свой неподвижный центр, но в ней есть также и тот круг, тот шар, который единообразно вокруг нее расположен. В ней бурлит управляемое ею круговращение всякого бытия. <...> Она есть лик тайного всеединства и той явной целостности бытия, которое является результатом ее вечного смыслового бурления.

Точка – прекрасна»¹⁴.

1.2. Виртуоз мысли

Книги этого выдающегося мыслителя, читаем, были доступны «лишь для немногих, да и то издавал он их не легко и не спокойно, и назначались они не для простого беглого чтения, а чтобы читающие вдумывались в них со всем старанием» (4. 13, 16)¹.

«Писал он их в разное время, одни – в раннем возрасте, другие – в зрелом, а третьи – уже в телесном недуге» (6. 11–13); «написав что-нибудь, он никогда дважды не перечитывал написанное; даже один раз перечесть или проглядеть это ему было трудно, так как слабое зрение не позволяло ему читать» (8. 1–4).

«Продумав про себя свое рассуждение от начала и до конца, он тотчас записывал продуманное и так излагал все, что сложилось у него в уме, словно списывал готовое из книги. Даже во время беседы, ведя разговор, он не отрывался от своих рассуждений: произнося все, что нужно было для разговора, он в то же время неослабно вперял мысль в предмет своего рассмотрения» (8. 8–14) «и беседы с самим собою не прекращал он никогда, разве что во сне, впрочем, и сон отгонял он от себя» (8. 18–20).

«Писал он обычно напряженно и остроумно, с такой краткостью, что мыслей было больше, чем слов, и очень многое излагал с божественным вдохновением и страстью» (14. 1–3). «Ум его в беседе обнаруживался ярче всего: лицо его словно освещалось, на него было приятно смотреть» (13. 5–6). Впрочем, всегда находились осуждавшие его «за то, что он чужд всякой софистической броскости и пышности, за то, что говорит он так, словно в домашней беседе» (18. 6–8).

«Учеников, преданно верных его философии, у него было много» (7. 1–2). «Были при нем женщины, всею душою преданные философии» (9. 1–2).

«Был он добр и легко доступен всем, кто хоть сколько-нибудь был с ним близок» (9. 16–17), но и без того «и слог его, и густота мыслей, и философичность исследований» не могли не быть «в великом почете у всех пытателей истины» (19. 35–37).

Приведенные отрывки из «Жизни Плотина» (составлено Порфирием, ближайшим учеником Плотина, около 300 г. от Р. Х.) обретают особый смысл и вызывают к неожиданной теме, когда находишь их в одном из томов «Истории античной эстетики» А.Ф. Лосева. И поражает, пожалуй, не столько до странности дословное совпадение избранных мест из порфириевого повествования и внешних подробностей жизни самого «историка античной эстетики», сколько неизвестно откуда берущееся ощущение, что для Лосева так и должно быть. Тотчас обнаруживается, что оттуда же (пока – «неизвестно откуда») проистекает и уверенность одних его современников, что Лосев-де паразитически напоминает профессора философии из Германии XIX века, что, по мнению других, он словно сошел, чудесным образом материализовавшись, откуда-то из красочного пространства «Афинской школы» божественного Рафаэля и что, вместе с тем, правы и те, кто видит в нем прямого посланца русского религиозно-философского «серебряного века», и тут уже кстати будут свидетельства реальной метрики уроженца казачьего Новочеркасска. Лосев предстает многознающим и многоликим, подобно Протею из греческих мифов. Конечно, история культуры и без факта существования Протея-Лосева знает примеры подобного протеизма: давно замечено, что В.О. Ключевский изрядно смахивал на московского дьячка XVII века, что область исследовательских интересов наложила явственный отпечаток и на облики академиков Б.А. Тураева («настоящий древний египтянин») и Ф.И. Щербатского («много от древней Индии»), что первый русский китаист Иакинф Бичурин в старости ничем даже по внешности не отличался от любезных ему китайцев, а писатель А.М. Ремизов – от персонажей «с чертовщинкой» из собственных фольклорно-этнографических штудий². (А что подобные метаморфозы определяются не только знаменитой переимчивостью загадочной русской души, свидетельствует хотя бы недавний случай французского философа Рене Генона с его полным – от рода ученых занятий до образа бытового поведения – уходом в «традиционную» цивилизацию Востока.) И все-таки, повторим, тайная либо явная убежденность чутких читателей лосевских книг в том, что написаны они, скажем так, подлинным эллином – пришельцем издалека, убежденность эта выделяет

феномен Лосева в особенный разряд. Сразу рискнем дать и разъясняющий ответ: решающую роль в данном случае сыграла максимальная воплощенность некой любимой идеи в индивидуальной жизни (точно по А. Швейцеру – своя жизнь как аргумент), когда предмет научного интереса не остается только «объектом», внешним относительно исследователя, но становится необходимо внутренней основой его собственного духовного опыта, становится частью «субъекта» исследования. И предмет этот подарен античностью, это – диалектика, в ней же и располагается, похоже, ранее упомянутое «неизвестно откуда».

Чтобы показать, как именно лосевский «протеизм» связан с диалектикой, мы начнем с известной констатации С.С. Аверинцева относительно творчества А.Ф. Лосева: «со времен Василия Розанова и Павла Флоренского не было, кажется, никого, кто отважился бы с такой последней откровенностью говорить на темы, которые принято называть отвлеченными»³. Да, с последней откровенностью и – продолжим – с откровенной точностью и верной, последней простотой. Раз и навсегда приняв бессмертные формулы «Парменида» и «Софиста», Лосев именно с опорой на платоновскую диалектику предпринял мощную попытку заново создать «первую философию», обнаружить «логические скрепы бытия». Наверное, можно и нужно оспаривать исходные предпосылки, к примеру, книги «Античный космос и современная наука». Но хотя бы временно принимая эти послышки, нельзя не оценить тот универсализм и ту последовательность, с которыми автор данного трактата охватывает «все мыслимые и вообразимые типы бытия» грандиозно-простым механизмом антитетичной пары «одного» и «иного»⁴. Подобно тому, как математик выстраивает бесчисленные следствия из системы простейших аксиом, Лосев выводит (обычно не дедуцируемые, априорно данные в науке и культуре) категории «числа», «смысла», «вещи», «количества», «качества», «величины», «времени», «пространства», «массы» и еще много чего другого. И для читателей лосевской «Философии имени» неизбежаемо, конечно же, головокружительное восхождение по многочисленным ступеням «структуры имени», где по пути встретятся образцы логического конструирования и «знакомых

незнакомцев» (таковы «восприятие», «мышление», «миф», «организм» и т.д.) и вовсе непривычных, но системой требуемых категорий – еще бы, на этой «лестнице разной степени словесности» по меньшей мере 67 ступенек. Но все это буйство форм живет опять-таки на нескудеющей почве «одного» и «иного», или «сущего» и «меона». На том же многомоощном основании диалектики Лосев не только продолжает свое строительство в областях слова или музыкальных категорий («Философия имени» и «Музыка как предмет логики»), но и переносит его в сферу гносеологии (классификация возможных форм науки в «Философии имени», антиномико-синтетических способов видения мира в «Диалектике мифа») и культурологии (типология культур в «Очерках античного символизма и мифологии»). А еще нужно присовокупить сюда новые логические конструкции и целые их системы из «Диалектики художественной формы», а еще была неизданная «Диалектика интеллигенции»...⁵

Страсть к диалектике, столь характерная для лосевских исканий в первые десятилетия XX века, сохранилась и на закате этого века, так что с именем Лосева безошибочно и навсегда соединено самое, кажется, исчерпывающее итожение – «русский диалектик»⁶. И, вопреки всем внешним обстоятельствам места и времени, столь же неизменна, столь же инвариантна именно «протейская» черта творческой личности Лосева. Потрясает та готовность, с которой и Лосев «ранний» и Лосев «поздний» неустанно излагает, переводит и комментирует чьи-то философские тексты при несомненном таланте оригинального мыслителя, та поразительная бережность, с которой он относится к любой – подчас не только чужой, но и чуждой, – мысли. Потому-то признавался Лосев в давней «Диалектике числа у Плотина», что ему «любы все мировоззрения, какие только есть в истории»⁷, потому говорил он спустя целую жизнь в интервью недавнего времени и – нисколько не преувеличивал: «Я всех люблю, от всех все беру и всех критикую»⁸. Этот широкий захват и вместе с тем трепетное отношение к любой детали смысла специфицируются в его творчестве потребностью обязательного сжатия изучаемого материала в собственные формулы-обобщения (так и никак иначе: «пока я не сумел выразить сложнейшую философскую систему в

одной фразе, до тех пор я считаю свое изложение данной системы недостаточным»⁹) и потребность личного исполнения музыки мысли по партитурам, доставшимся от предшественников не всегда в удовлетворительном состоянии. Здесь будут кстати строчки из «Истории античной эстетики», посвященные особому типу мышления, о котором Лосев пишет в связи с творчеством Давида Анахта (V–VI вв. от Р. Х.): этот философ «стремится, с одной стороны, к мельчайшим расчленениям, а с другой стороны, к возведению этих предельно малых членений к новому универсальному синтезу»; подобным же образом «виртуоз скрипач или пианист поражает нас множеством детальных и мельчайших оттенков исполняемой им музыки <...> и новизной впечатления и даже неожиданностью обобщения, возникающего из этого бесконечного разнообразия мельчайших музыкальных оттенков»¹⁰. Таков же и сам Лосев – виртуозный исполнитель высокой музыки мысли. Диалектика сплетает в мысли частное и общее, единичное и единое, а самого мыслителя неизбежно соединяет с другими мыслящими. Не может личность подлинного философа-диалектика оставаться чем-то «одним», ибо всякое «одно» не только немедленно (воистину!) требует для своего существования определенного «иного», но и вступает с ним в отношения взаимных переходов. Абсолютно любая личность невозможна в изоляции, но не для всякой личности жизненно-практически чужда автономия. Для Лосева же необходимо и комфортно ощущение себя «не-одним» с погружением в мир мысли предшественников, с жизнью возле них и даже подчас вместо них, но и без малейшего забвения себя, т.е. в сбережении неповторимого «одного» – себя «одного», бесконечнократно обогащенного переходами в духовное инобытие. Он бывал далеко-далече и оставался с нами. Он разделялся – и его хватало – по духовным пространствам Платона, Аристотеля, Плотина, Прокла, Кузанца, Шеллинга, Гегеля... и самособирался Лосевым. Он любил мысль и гнался за мельчайшими ее нюансами («я всех люблю, от всех все беру...»), откуда следует многообразие его книг, и он же всегда стремился к синтезу «в одной фразе». Он исследовал часть и помнил целое, и за этим стоит труд, титанический труд, подвиг.

Последнее определение звучит, конечно, громко, и мы вряд ли рискнули бы вводить его самостоятельно, если бы размышление о Давиде Анахте, которое мы приводили выше, не публиковалось бы однажды отдельным изданием, приуроченным к 1500-летию со дня рождения армянского неоплатоника. Публиковалось оно под примечательным названием: «Философско-исторический подвиг Давида Непобедимого». Подвиг, именно подвиг древнего мыслителя А.Ф. Лосев усматривал в его умении и способности «виртуозного сплетения абсолютной, то есть бесконечной, предельно обобщенной истины и отдельных, по природе своей конечных моментов человеческих исканий». Пусть эта похвала виртуозам мысли будет воспроизведена, по философско-исторической справедливости, и к 100-летию со дня рождения А.Ф. Лосева.

1.3. Русский Прокл

Горные вершины принято сравнивать, оценивая возвышение над уровнем моря в футах или метрах. Для человеческой личности что-то не находится подобных универсальных шкал измерения, и человек может быть как-либо соотношен разве только с другим человеком. Наверное, поэтому уже со времен «Параллельных жизнеописаний» Плутарха стал осваиваться явно не метрический способ оценки – сопоставление фигур по принципу «державы с державой». Отсюда явилось известное именование о Павла Флоренского как «русского Леонардо» или, с легкой руки Л. Фейербаха, таков культурно-исторический итог (совсем, заметим, не тривиальный, но его, насколько можно судить, никто не опротестовывал), итог, подведенный некогда относительно Гегеля: «немецкий Прокл». Подобное наделение личности неким родовым, извлеченным из культурных запасников именем может фиксировать или только случайную, больше внешнюю сторону проводимого отождествления, либо глубинное, воистину родовое же сходство и преемство. Кажется, пример с Флоренским скорее всего тяготеет к первому случаю, с Гегелем – ко второму. Ниже мы будем говорить

о «русском Прокле» с надеждой уйти дальше поверхностных аналогий.

Алексей Федорович Лосев прожил большую жизнь и оставил, не сказать – большое, скорее громадное творческое наследие. Достаточно отметить, что к моменту проведения в октябре 1993 года международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня его рождения, библиография трудов ученого достигла почти 600 наименований. Этот внушительный список поражает своей тематической широтой: здесь труды по истории философии (западноевропейской и отечественной) и собственно философские исследования, например о диалектическом методе или проблеме символа, здесь работы по классической филологии, эстетике, языкознанию, музыковедению, здесь переводы с древнегреческого языка и латыни и многочисленные статьи в энциклопедиях, философская проза и разнообразные научно-популярные работы. Славу отечественной науки составили восемь томов его книг 1927–1930 годов, венчает жизнь А.Ф. Лосева не менее фундаментальная и также принявшая форму «восьмикнижия» многотомная «История античной эстетики» (1963–1994 гг.). Здесь многие тысячи страниц методологически выверенных, насыщенных и богатых по мысли и языку текстов. А еще любители экстенсивных оценок должны принять во внимание, что эта «цифирь» могла быть много больше, если бы почти четверть века Лосева не принуждали молчать, и ни одной строчки его авторства не было предано печатному станку¹. Да к тому же и творчество «в стол» давало слишком мало шансов выиграть сражение у века-волкодава: архив ученого погибал трижды – сначала в первую мировую войну, потом после ареста 1930 года, потом в 1941 году под фашистской авиабомбой, отыскавшей дом на Воздвиженке. Впрочем, и того, что уцелело, еще надолго хватит нашим издателям, и к современному читателю идут и будут идти (прежде всего усилиями А.А. Тахо-Годи, хранительницы лосевского наследия) все новые и новые свидетельства подвижнического труда арбатского мыслителя. Так что, окидывая единым взглядом путь ученого на протяжении почти всего XX века (кажется, можно начать отсчет с 1909 года, когда новочеркасский гимназист сочинил свой вдохновенный гимн разуму²), уже на

чисто количественном уровне вполне мыслимо сопоставлять его с Проклом – та же поражающая воображение мощь творческой активности.

Говорить о трудолюбии и мощном интеллекте можно, конечно, специально и не упоминая афинского неоплатоника. Однако мы настаиваем на образе «русского Прокла», и здесь не будет уже почти никакой вольности или натяжки, коли учесть хотя бы только одну особенность творческих пристрастий А.Ф. Лосева. Это – постоянная, сквозь всю жизнь пронесенная любовь к Платону и неоплатонической мысли. Не счесть количества раз, сколько он обследовал и комментировал платоновские диалоги, воспроизводил и разъяснял логические схемы «Парменида» или «Софиста», вновь и вновь уточнял типологическое место этой знаменитой платоновской «идеи», прослеживал ее извилистую судьбу в многовековой истории культуры. В подобном не историко-философском во все, но некоего вневременного масштаба духовном рвении с ним могут соревноваться разве только античные неоплатоники, да и то, пожалуй, без особого успеха, ведь Лосев сумел охватить и их творчество. Любимому предмету отдано столь много, что, выходит, если Платона можно знать и понимать – воспользуемся репликой самого Алексея Федоровича, – только после изучения трудов Прокла, то для думающего человека нашего времени столь же соединяющим уже с обоими философами и с платонизмом вообще будет творчество самого Лосева. Говорят, Прокл был «реставратором». Тогда, в свою очередь, о «русском Прокле» нужно говорить как о заведомом «архаисте». Это и так и одновременно не так. Так – потому что Лосев действительно отдал много сил трудному делу перевода и комментария сложнейших древних текстов, и многие из них действительно вернул современной культуре. Не так – потому что он не был только классическим филологом, он еще всегда ставил перед собой далеко идущие философские цели и смело следовал им – не архаист уже, но подлинный новатор. Платонизм нужен современности и живет в ней, доказывал Лосев и когда писал первую свою книгу «Античный космос и современная наука», и когда прощался с темой всей жизни, ставя последнюю точку в своей «Истории».

Философ системы, точных и детальных расчленений, приверженец ажурных конструкций мысли и сверхплотных обобщений, Лосев счастливо сочетал в себе академическую строгость (во вполне современном, с оттенком невозмутимой монументальности, смысле) со страстным, едва ли не первозданным (под стать радостям античных неопитов-первооткрывателей) преклонением перед безднами Ума, перед «золотистой далью вечной проблемности»³ мышления. Потому ему и выпало немало горького в жизни, что он смело вступался за античную магию и средневековую схоластику, высмеивал просвещение и презирал рассудочность, верно служил принципам чистой мысли и храбро мыслил о принципности бытия – уж точно подобно Проклу. Любить мысль, радоваться самому процессу мысли и мыслить радостно умели они оба, даже если предмет размышлений избирался самый сухой, самый вроде бы абстрактный. Что, казалось, может быть проще и отвлеченнее, скучнее и безжизненнее даже, нежели геометрическая точка? Можно ли о ней рассуждать едва ли не всю сознательную жизнь, можно ли тратить художественные дарования на подлинные гимны во славу этой самой абстракции? Мы убеждаемся – и можно, и нужно, стоит только раскрыть VII том «Истории античной эстетики» и прочесть, как Лосев излагает образчик математической онтологии по Проклу... нет, читаем настоящую философскую поэму, у которой два конгениальных автора, поэму о точке⁴...

Мало кто еще, кроме Лосева, имеет больше прав быть названным первым среди мыслителей, столь приверженных диалектике – главному завоеванию платонизма. Прокл был последним и лучшим ее выразителем в античности, автор «Истории античной эстетики», – в наше время. И еще один только человек между ними – «немецкий Прокл» Гегель. А что диалектике и диалектикам до сих пор еще есть куда приложить свои усилия, особо сомневаться не приходится. Взять для иллюстрации следующее удивительное обстоятельство (удивительно, но факт остается фактом): при всей изошренности и всей многодисциплинарной развитости современной науки до сих пор остаются в беспорядке, вне стройной системы как раз сами основные научные категории. Не в последнюю очередь

потому, видимо, то и дело здесь и там всныхивают очередные дискуссии о природе «пространства», «времени», «информации» или, скажем, о роли «симметрии». Современные научные категории в совокупности своей (а не в изолированном развитии и применении – тут успехи сколь очевидны, столь и локальны) только в количественном отношении превосходят ту «разрезную азбуку мысли», что благодарное человечество почерпнуло из «Категорий» и «Метафизики» Аристотеля. Но они мало чем радуют в отношении качества, в отношении упорядочивающих принципов и объяснений. Когда-то была обозримая «кучка» всего из десяти элементов-категорий, теперь в необозримой «куче» многие сотни наименований и определений. Но ведь именно в недрах платонизма был уготован иной выход для ищущей мысли: из простейших базовых отношений «одного» и «иного» возможно диалектическое выведение всего мыслимого множества категорий, причем каждая из них получает свое исконное место в строго очерченном окружении. В задаче идейной реабилитации платонизма (не безоглядного возвращения его, но критического пересмотра всех плюсов и минусов учения) именно эта возможность, пожалуй, больше всего занимала А.Ф. Лосева на протяжении всей долгой творческой жизни.

Читатели, знакомые только с его поздними трудами, могут засвидетельствовать применение диалектического метода, скажем, в области теории языка. Можно припомнить для примера работу «В поисках построения общего языкознания как диалектической системы». Но будет не так уж просто заприметить присутствие античных неоплатоников на страницах, посвященных вполне современным понятиям структуры, кванта, континуума, алгоритма, информации. Разве что кому покажутся слишком непривычными утверждения о «смысловой заряженности» языковых элементов или на мгновение вдруг приоткроются головокружительные глубины хотя бы в следующем рассуждении о соотношениях «системы», «структуры» и «модели». «Все эти категории, – замечает Лосев, – не только очень близки одна к другой, но прямо-таки предполагают одна другую и базируются одна на другой. Нам представляется, что структура, система и модель есть в основе своей

одно и то же, но только с разным логическим ударением. Одно и то же здесь – единойраздельная цельность. Но единойраздельная цельность, данная как единство, есть *система*, а данная как раздельность, есть *структура*, а данная как цельность, она есть модель»⁵. Эти несколько строк шлют нынешнему читателю привет из далеких 20–30-х годов, из той поры, когда в безудержном порыве мысли строились Лосевым многочисленные триадные и пентадные диалектические конструкции, охватывавшие мировые сферы от высокой ангелологии до «меональных» судеб сущности в материи (что шифруется в категориальном аппарате современной науки) до наведения строго логического порядка в классификации философских школ и эстетических учений, до детального выявления диалектических основ музыки или математики. Сейчас наконец-то переиздаются давние книги А.Ф. Лосева, и извлеченные из архива автора впервые публикуются многочисленные новые свидетельства⁶ этой столь мощной – и, кажется, почти одинокой в XX веке – попытки создания диалектической (неаристотелевской) системы миропонимания. Конечно, странно говорить о прямом преемстве идей неоплатоников спустя 15 веков после античного философского ренессанса, да это было бы и слишком большим упрощением относительно А.Ф. Лосева, энциклопедиста и знатока истории европейской мысли от Гераклита и Платона до Гуссерля и Вл. Соловьева. Но все же по широте охвата действительности и виртуозности использования диалектического метода лосевская попытка соизмерима, видимо, только с «космографией» Прокла. Этот «русский диалектик» (так однажды совершенно точно определил творческий лик Лосева знаменитый филолог Роман Якобсон⁷) объективно, можно сказать, предстает «русским Проклом».

Не только неоплатоническая техника собственно диалектических построений имеется в творческом арсенале А.Ф. Лосева и, значит, как активное средство предлагается к применению в современной науке. С линией Платона – Прокла (а из философов Нового времени к ней же нужно причислить прежде всего Шеллинга) его связывает и отношение к мифу. Может быть, именно здесь более всего выявляется роль Лосева как «эллинизатора» нашей культуры. Конечно, он ни в коем случае не

пытался внедрить среди футбольных болельщиков обряд гекатомбы по случаю, скажем, победы в кубковом матче и не склонял более сдержанный контингент к практике поклонения Афине, Кроносу либо Зевсу. Но он призывал со всей серьезностью относиться к сообщению какого-нибудь древнего источника о том, что в дом такого-то достойного философа являлась богиня мудрости (пускай и во сне)⁸, уже затем, чтобы давать любой подобной экзотике адекватное историко-культурное объяснение, а не довольствоваться «просвещенской» издевкой. И не только историку, религиоведу, филологу или этнографу дает поводы для размышлений та же античная мифология, она – серьезный предмет для анализа в логике и философии, потому наряду с традиционным историко-культурным пониманием миф заслуживает и основательного культурно-типологического рассмотрения, говорит Лосев. Говорит, показывает и доказывает, чего бы это ни стоило. В 1930-м году цена простому изложению социалистических мифов и философскому уточнению самого предмета мифологии – арест и предоставление возможности для продолжения дискуссий в бараке на Беломорканале, в последующие годы это стоило известной изоляции от научного сообщества и постоянных (дежурных) упреков в подмене привычных и общезначимых понятий на новые и якобы необязательные. Лосев ответил своим оппонентам «Историей античной эстетики» (она же – «История античной философии», она же – «Предыстория современной мысли»), где терминологические исследования преследовали одну из главных целей и заняли одно из главных мест, а понятие мифа заняло место главнейшее. Конечно, у всякого мифа есть множество свойств и функций, потому бывают по-своему («в своем углу») правы те, кто находят в нем аллегории либо своеобразное эхо реальных событий, начатки науки и поэзии, свидетельства о психологической атмосфере и технические указания к ритуальной практике. Но у мифа есть еще и логика, есть собственная мыслительная структура, что и позволяет отделять миф от не-мифа и одновременно объединять пеструю картину мифических представлений в единое поле, лежащее мифологу – тому мифологу, который по необходимости становится тут философом и систематизатором. Весь

тысячелетний путь античной культуры рассмотрен в лосевской «Истории» как непрерывный путь освоения и преодоления фундаментальной противоположности идеи и материи (в частности же – внутреннего и внешнего, выражаемого и выражающего, субъекта и объекта и так далее) с логическим завершением этого пути в понимании мифа как естественного единства, подлинного тождества идеи и материи. Роль завершителей довелось сыграть античным неоплатоникам и в особенности Проклу, роль человека, давшего исчерпывающую разгадку диалектической структуры мифа или, скажем иначе, ясно сформулировавшего это высшее достижение Прокла языком современности, роль эта выпала Лосеву. Миф как доныне приемлемая и даже, вернее сказать, необходимая форма полноценного восприятия мира оказался близок и язычнику Проклу и православному мыслителю XX века. Остается надеяться, что и наше временно отпавшее от подлинно духовных истоков сообщество столь же нуждается в этой культурной реставрации, как по-своему нуждался в ней античный мир времен Прокла.

Конечно, не нужно впадать в ересь упрощений. Слишком наивен был бы рецепт избавления современной культуры от болезненных противостояний материализма и идеализма или, скажем, науки и религии только посредством логической (и даже логико-диалектической) аргументации, пусть даже самой верной, самой доходчивой, самой проверенной годами и веками. В конце концов всякая эпоха сама выбирает свою логику и предпочитает свои правила убеждения. Понимал ли это Лосев? Нет сомнений. Но он с удивительным упорством делал свое дело, и когда строил свои собственные «мифолого-диалектические дедукции», и когда свершал многочисленные античные экскурсии, демонстрируя нам достижения и промахи ближайших своих предшественников по школе, по методу, по образу мысли (тысячелетняя дистанция – не в счет). И всё это с ясным пониманием характера современного «окружения», в котором существенно утеряна драгоценная «способность к постоянному мифологическому мышлению»⁹, а если еще и действуют некие мифы, то без благодатного света Ума. Современность же больше нуждается не в новых мифах или в критике старых, ей нужно понять, настаивал Лосев, что не только диалектика

объясняет мифологию, но и мифология вскрывает последнюю тайну диалектики, что Миф и Логос нуждаются друг в друге и реально переходят друг в друга. Вот откуда проистекает подлинная универсальность и мифологии и диалектики. Важнейшая концепция тождества мифологии и диалектики вновь получила мощную защиту, и как в античности не было «более смелого, более бесстрашного и более последовательного проведения этой концепции»¹⁰, чем у Прокла, так в наши дни – у самого автора данной оценки, у «русского Прокла» Алексея Федоровича Лосева.

Все главное в избранной здесь плоскости – в пространстве вневременной мысли, в плоскости исторических параллелей, – будем надеяться, сказано. Остается, в духе освещаемого здесь миропонимания, разве что прибавить напоминание об изначальной соединенности антитетических пар (возьмем одну из самых обобщенных) вроде сходства, вплоть до тождества, и различия, с тем чтобы привлечь ее для индивидуального случая самого Лосева и нашу тему о параллелях закончить подобающим образом. Закончим мы цитатой из одной давней авторской самооценки: «Я не чувствую себя ни идеалистом, ни материалистом, ни платоником, ни кантианцем, ни гуссерлианцем, ни рационалистом, ни мистиком, ни голым диалектиком, ни метафизиком... Если уж обязательно нужен какой-то ярлык и вывеска, то я, к сожалению, могу сказать только одно: я – Лосев! Всё прочее будет неизбежной натяжкой, упрощением и искажением»¹¹.

1.4. «Новый альянс» или старый синтез: об одной интерпретации теории относительности

Проблема античной культуры в творчестве А.Ф. Лосева – тема, что и говорить, более чем естественная. Но не покажется ли тогда вычурным, слишком надуманным включение в ее, темы этой, обширный круг еще одной вполне самостоятельной и самоценной области, области естественнонаучных и

философских идей А. Эйнштейна? Кажется, сомнения постепенно рассеиваются по мере непосредственного обращения к Лосевским текстам. Причем следует сразу отметить, что речь пойдет не о каком-то случайном, проходном высказывании «по поводу» теории относительности, но скорее об устойчивой, хотя и не генеральной, конечно, линии, которая прослеживается буквально на всем протяжении творческой жизни Алексея Федоровича. И античность тоже всякий раз оказывается тут вполне к месту.

Так, среди воспоминаний о П.А. Флоренском, датированных 1988-м всем нам памятным годом, без труда можно отыскать рассуждения о принципе теории относительности и релятивистском сокращении размеров движущихся тел, о «гениальных догадках насчет коэффициента Лоренца» и «разных типах конструирования пространства», каковые Лосев обнаруживает далеко не в первый, как выясняется, раз и констатирует: «В этом смысле я абсолютный ученик Флоренского. Хотя кое в чем я ему возражаю. Но тут невозможно»¹. Данное признание еще понадобится нам в дальнейшем, но оно и так уже прокладывает некий воображаемый мост из конца XX века ближе к его началу, к тому времени, когда (скорее всего чудом) вышла книга П.А. Флоренского «Мнимости в геометрии». В ней, среди прочего, и содержались некоторые важнейшие рассуждения о теории относительности. От 1922 года, года выхода «Мнимостей» в свет, уже рукой подать до года 1927-го, когда была напечатана первая монография самого Лосева «Античный космос и современная наука». Именно здесь, в попытке «понять античный космос изнутри», увидеть его глазами Платона, Плотина, Прокла (но продолжая, конечно, оставаться в отведенном судьбой собственном «эзоне») как раз и выясняется, что «многие физические теории древности опять всплывают, но уже в оболочке точного знания», и они, как подчеркивает Лосев в своей книге, даже в определенной мере составляют суть современного (читать: эйнштейновского) учения об относительности времени и пространства². Размышления о «живом смысле» и «живой фактичности» пространства «как такового»³ рассыпаны во многих местах знаменитого лосевского «восьмикнижия» 1927–30 гг.⁴, к ним мы еще вернемся

в развитие заявленной темы. Пока же, не столько пытаясь в коротком вступлении обосновать правомочность своей заявки, сколько верша беглый осмотр лосевских текстов в поисках необходимых для дальнейшего изложения ключевых понятий, вспомним чрезвычайно значимый и теперь уже, можно сказать, знаменитый отрывок из письма 1932 года, в котором сторож дровяного склада Свирьлага рефлексировал над своим (несвоевременным тогда) творчеством: «В моем мировоззрении синтезируется античный космос с его конечным пространством и – Эйнштейн, схоластика и неокантианство, монастырь и брак, утончение западного субъективизма с его математической и музыкальной стихией и – восточный паламитский онтологизм и т.д. и т.д.»⁵. В цитате же с нажимом подчеркнем место о синтезе, а долг предварений и вступлений посчитаем исполненным.

Рассмотрим теперь, какие же черты теории относительности попали в поле зрения Лосева и как они ему увиделись в перекличке со специфическими чертами античного космоса.

Во-первых и прежде всего, Лосеву дорого то обстоятельство, что современная наука вслед за Эйнштейном вынуждена была отказаться от старого ньютоновского понимания пространства как пустого и равнодушного вместилища. Такое вместилище – это даже не баня с пауками, как определил некую незыблемую вечность один из героев Достоевского (образ сей еще в достаточной мере содержит и жизненного и, в конце концов, юмористического!), это, словами «Диалектики мифа», есть «скучное, порою отвратительное, порою же просто безумное марево, та же самая дыра, которую ведь тоже можно любить и почитать»⁶.

Лосев любит диалектику и служит ей. Для него даже невозможно представить себе абсолютной бесформенности, ибо ее реально попросту нет, ибо диалектика – «в понятиях данная живая жизнь»⁷ – для всякого «одного» необходимо полагает «иное», а потому для материи (вещи) требует присутствия ее сущности, т.е. требует выявленности, выраженности любого феномена. В таком образом намеченной универсальной картине всемирной выразительности сама теория относительности не составляет особой новости, она лишь подтверждает общий

принцип на своем специфическом примере. Потому для Лосева те основания фигурности пространства, которые находятся в т.н. общей теории относительности посредством установления связи тяготеющей массы с кривизной пространства, ничуть не убедительнее, скажем, античных представлений об инобытийной воплощенности и выраженности всех энергий первичной «тетрактиды А» в податливом и переимчивом «моне» вторичной «тетрактиды В» – за неимением места приходится лишь скороговоркой упоминать лосевскую (ре)конструкцию для неоплатонической диалектики бытия. Не испытывал Лосев, нужно сказать, и особого пиетета к известным успехам математики в современной науке. Действительно, миром всецело правит число – вот мысль, одинаково дорогая и Эйнштейну и, скажем, Проклу. Но античный и современный способы математизации существенно различны. Разбирая знаменитый пример «гармонии сфер», изложенный Платоном в «Тимее» на языке пифагорейской числовой диалектики, Лосев подчеркивал: разница состоит «в том, что нынешняя математика по существу своему аналитична, античная же по существу своему геометрична и даже соматична», а потому «космос строится тут по числам не как машина – по формулам, но как материальное воплощение некой умной и чисто смысловой модели, чисто умного изваяния. А само это изваяние – выведено строго диалектически, так что и самый космос оказывается строго диалектическим; в нем каждая часть несет на себе смысл целого, ибо целое потому и воплотилось тут, что все «иное», воспринявши это умное целое, сохранило его в себе и целиком и в каждой своей мельчайшей части». Разумеется, продолжает Лосев, «для аналитической мысли как таковой тут весьма мало пищи. Но это есть *интуитивное* учение о пространственно-временной неоднородности сфер, та самая интуиция, которой не хватает нам, хотя аналитически мы давным-давно в математике мыслим и неоднородность пространства и даже мнимость его. <...> Потому-то и не могут понять принцип относительности даже хорошие физики, что интуиция неоднородности колоссально отстала от теоретического учения о ней в математике. С этой стороны античная мысль несравненно богаче нашей»⁸. Трудно не согласиться с данной констатацией,

тем более что недавняя история физической науки дает новые поводы упрекам в отступлениях от «соматичности» (если хотя бы долю таковой можно еще усматривать в толковании кривизны как проявленной массы, кривизны как телесности) и в рецидивах «аналитичности» – упомянем хотя бы недавние попытки «изгнать» материю в геометродинамике, провозгласившей, что в мире нет ничего другого, кроме пустого и так или иначе искривленного пространства⁹.

Во-вторых, находит Лосев, пространство мира в античном космосе не просто наполнено (всегда хоть чем-то) и рельефно, – в этой характеристике, как уже отмечалось, больше корреляций с общей теорией относительности. Оно еще переменчиво, изначально подвижно – и тут зона аналогий и параллелей лежит преимущественно в специальной теории относительности. Доказанная Эйнштейном зависимость линейных размеров тела и связанных с ним временных интервалов от скорости движения этого тела как нельзя лучше соответствует, по Лосеву, таким особенностям античного мировидения, как широкомасштабная напряженность любой категории, необходимой для представления космоса, беспредельное и непрерывное их становление. Пространство, пишет Лосев, «может сгущаться и разрежаться в зависимости от тех или иных условий. <...> Время – также сжимаемо и расширяемо. И это – не субъективная иллюзия, но – объективное свойство самого времени. Любая категория – интенсивна»¹⁰. Приведенный пассаж из книги «Античный космос и современная наука» непосредственно рисует «бесконечные и, может быть, беспокойные судьбы сущности в материи» и «бытийственную интенсивность» античного космоса¹¹, как он выглядел, по Лосеву, в представлениях Прокла. Но чрезвычайно показательно, что описание это одновременно может служить также и содержательным толкованием для тех релятивистских отношений, что сухим математическим языком явлены в преобразованиях Лоренца и возвращают нас к одному из главных достижений современной науки – теории относительности. И, наконец, словами этого же пассажа можно характеризовать и тот любимый образ собственно лосевского миропонимания, а именно образ вечно бурлящей и вечно живой многоликой действительности. Позитивистскому

образу мира как формально-абстрактного механизма с его растерзанностью на куски, с его навек покинутыми, вечно одинокими и скованно застывшими в пустом пространстве вещами противопоставляется мир вселенского разгула своеволия и, вместе с тем, вечной же слитости на первый взгляд отъединенных частей, музыкальный мир вселенского живого организма¹². Здесь налицо характерная переключка творческих методов Эйнштейна и Лосева. Разумеется, в теории относительности как настоящем образце «математического естествознания» музыкальная терминология в открытую не применялась и не могла применяться. Однако наиболее чутким исследователям творчества Эйнштейна хорошо ведома именно «музыкальность» синтезирующей мысли великого физика, добившегося подлинной «эмансипации от нивелирующей абстракции»¹³. Лосеву же судьба даровала возможность написать книгу «Музыка как предмет логики», в которой «постоянное сравнение музыки с математикой» – главный метод, где само существо музыки выявляет именно «многосторонняя зависимость между музыкальным и математическим предметом» (в частности, «там и здесь, в математике и в музыке, в основе лежит чистое число – последний предмет и опора их устремлений»), где на примере математической «неподвижности и скульптурности» как раз и видна специфика музыки как «искусства времени, в глубине которого таится идеально-неподвижная фигурность числа и которое снаружи зацветает качествами овеществленного движения»¹⁴.

Очередное, в свете избранной темы, обращение к теории относительности будет связано с известным постулатом этой теории, а именно с требованием постоянства скорости света (в пустоте), принятым в электродинамике. Это требование не только исчерпывающе формулируется короткой фразой, но и обладает поразительно мощной смысловой потенцией. Как известно, на постулате постоянства скорости света базируются все основные новшества теории относительности – и лоренцево сокращение, и пересмотр понятия одновременности событий, и представление о четырехмерном пространственно-временном континууме, и оценка массы покоя физических тел. Однако Лосева привлекает еще одно, можно сказать, самое

непосредственное и, на определенный вкус, самое спорное следствие из постулата: сам мир, в котором скорости движения ограничены пределом, должен быть конечным. Вспомним первую пару принципов мировоззренческого синтеза из письма 1932 года, «античный космос с его конечным пространством – и Эйнштейн!» Прекрасный образец решения логической проблемы границы мира Лосев находит именно в античной диалектике. Об этом можно достаточно подробно прочитать и в «Античном космосе и современной науке» и в «Диалектике мифа»¹⁵. Характерно, что обе книги и здесь обнаруживают интересующую нас переключку с теорией относительности, она явственно проведена автором. Но из факта наличия границы мира (мира вещей, мира материального) – не может не быть последовательным Лосев-диалектик – немедленно и неотвратно следует, во-первых, существование чего-либо вне этой границы и, во-вторых, принципиальная возможность достижения и преодоления ее¹⁶. И снова теория относительности оказывается тут кстати. Вслед за П.А. Флоренским, который первым (в упомянутых «Мнимостях») выдвинул новое понимание движения с около- и сверхсветовыми скоростями, Лосев интерпретирует знаменитую формулу Лоренца-Эйнштейна как «математически мыслимую» демонстрацию... реальности мира платоновских идей. Да, на пути из мира материального, в направлении изнутри вовне этот самый барьер (его так и называют «световым барьером») в принципе непреодолим: «само пространство около границы мира таково, что оно не дает возможности выйти за пределы мира»¹⁷, и движению тела мешает убыстряющийся рост его собственной массы. На самой же границе релятивистского мира, «на границе Земли и Неба», как выразался Флоренский, «длина всякого тела делается равной нулю, масса бесконечна, а время его, со стороны наблюдаемое, – бесконечным. <...> Разве это не есть пересказ в физических терминах – признаков *идей*, по Платону – бессельных, непротяженных, неизменяемых, вечных сущностей?»¹⁸ Что, как не идея, есть тело, «массивное в бесконечной степени и свое время собравшее во всей его бесконечности», вторит Флоренскому Лосев и не скрывает восторга, – ну еще бы, тут обнаруживается естественнонаучное подтверждение

его любимому платонизму, еще бы, «весь платонизм в этой формуле»¹⁹.

Итак, перед нами предстал органически сложенный мир, мир живой рельефности, непрестанной подвижности и разнокачественности, мир естественной соединенности идеи и материи. С удовлетворением узнаваемые Лосевым, то очертания античного космоса проглядывают сквозь призму физической теории Эйнштейна. Осталось заметить еще одно: каждая из названных черт такого мира по Проклу–Эйнштейну–Лосеву напрямую сочетается с фундаментальной для творчества Лосева категорией выражения. О «выразительности» в связи с музыкальной «напряженностью» и «фигурностью» уже шла речь, и соответствующий ряд характеристик без труда прослеживается по лосевским текстам. «Выразительность есть именно слияние внутренне-идеального и внешне-материального в одну самостоятельную предметность», – читаем мы в недавней «Истории античной эстетики»²⁰; «*синтезом* бесконечности и конечности мирового пространства является *фигурность* этого пространства», именно диалектика выразительности «требует фигурности пространства, конечности мира и превращаемости каждого тела в другое», – согласное эхо доносится издали «Диалектики мифа»²¹.

Приведенных свидетельств вполне достаточно, чтобы констатировать, что интерес Лосева к теории относительности был не случаен. Конечно, здесь не должно быть иллюзий – многие философские установки рационалиста Эйнштейна, как принято считать, идейного преемника Декарта и Спинозы²², принципиально чужды Лосеву и мыслителям, ему единоприродным, – таков, как уже сказано, Флоренский. Но тема различий лежит за рамками нашего рассмотрения, потому здесь можно лишь бегло указать (вроде отсылающего жеста вместо подробных объяснений) на некий коренной принцип для разграничения. Установка на синтезирующее мировоззрение обнаруживается и у Эйнштейна и у Лосева, но для первого оно достигается «бегством от чуда» (формулировка Б.Г. Кузнецова на основании автобиографических признаний Эйнштейна), второй же всегда рассматривает чудо – в кавычках для слова нет никакой

нужды! – как вершину синтетичности и в «Диалектике мифа» доказывает это.

А «свой интерес» к теории относительности у русской философии в лице Флоренского и Лосева действительно был. Он состоял хотя бы в том, что парадоксальные выводы новой (для начала XX века) физической теории хорошо укладывались как кирпичики в грандиозном здании «конкретной метафизики», по Флоренскому, или лосевской «абсолютной мифологии». Роковая российская история основательно позаботилась, чтобы та беспрецедентная по мощи попытка синтеза, что явлена в 20-х годах XX века, осталась незамеченной или бесполезной, но... но рукописи не горят. Современная мысль, взыскав «неклассического идеала рациональности» (вспомним определение М. Мамардашвили) и мучительно стремясь одолеть разрывы бесконечного и конечного, непрерывного и дискретного, формы и материи, бытия и сознания и т.д. и т.д., мысль вернулась-таки к тем самым вопросам, что уже были поставлены когда-то и в определенной мере даже исчерпаны. Дабы последнее не показалось голословным, отыщем в «Диалектике мифа», к примеру, перечень известных антиномий бытия (*глава IX*) и предложенные Лосевым направления их диалектического разрешения в познании (*глава XIV*). Еще поучительнее, изучая упомянутую книгу Мераба Мамардашвили, встретить утверждение о настоящей необходимости «введения сознательных и жизненных явлений в научную картину мира» (здесь прежде всего и видится «неклассичность» нового типа рациональности), что невозможно без решительного отказа от декартовского дуализма. Не забудем прочесть и строки о «мире в работе» (как не вспомнить бытовое: витрина в работе) и чаемой «явленности» по-новому подвижного и живого мира²³ – сколько тут обнаруживается и категориальных совпадений и принципиального сходства со сквозными темами первого лосевского «восьмикнижия»! Или взять некоторые современные исследования пространственно-временной структуры Вселенной, генетически связанные с теорией относительности, к примеру упомянем длительную дискуссию по поводу «антропного космологического принципа». Согласно этому принципу, фундаментальные физические постоянные

оказываются неожиданно тесно – для «голового» позитивизма неожиданно! – связанными с условиями существования самого физика, наблюдателя, человека. А Флоренскому этого рода связь была ясна по меньшей мере за полвека до Б. Картера и новых космологических изысканий, ибо «внутренняя соотнесенность человека и мироздания» изначальна в его философской антропологии или, точнее, антроподицеи²⁴. И если даже у одного из создателей новейшей так называемой инфляционной космологии мы обнаруживаем любопытные предсказания о появлении в обозримом будущем «единого подхода ко всему нашему миру, включая и внутренний мир человека»²⁵, если из стана известной брюссельской школы физиков и прежде всего устами Ильи Пригожина пусть и донеслись призывы к развитию «нового диалога человека с природой», к «новому альянсу», к умосозерцанию мира не «извне», а «изнутри»²⁶, то не мешало бы поумерить похвалы по поводу смелой прозорливости сегодняшних мыслителей и уже из чувства исторической справедливости воздать должное автору «Диалектики мифа».

1.5. «Античный космос и современная наука» и современная наука

1. О семантике союза «и»

Явственная монотонность и два кряду союза «и» в заголовке нашего текста не смогут удовлетворить строгий эстетический вкус и вообще угрожают явить признаки «топорности», если не удастся сразу же показать функциональность и даже, может быть, необходимость предпринятого способа выражения. Вместе с тем, надо полагать, читателю вряд ли будут интересны только чьи-то рефлексии по поводу структурных тонкостей некоего комментария, ибо подлинный интерес должен представлять и представляет только комментируемый текст А.Ф. Лосева. Отсюда ясно, что если уж вести разговор о двух «и» заголовка (о первом, что скрепляет лосевское название

«Античный космос и современная наука»¹, и о втором, к названию этому примыкающем), то целью такого предприятия должно быть только посильное толкование двум фактам, двум событиям отечественной культуры – свершившемуся в 1927 году и свершающемуся ныне.

Начнем с события более раннего. Будучи первой в ряду знаменитого (первого) «восьмикнижия», попытка Лосева не отстраненно «повествовать о былых мечтах человечества», но прежде всего «понять античный космос изнутри» (6) как бы осеняет собой все его работы 20-х годов и оформляет одну из главных творческих интуиций автора. «Понять изнутри» и при этом жить в XX веке да еще «в его минуты роковые» – это сочетание (это «и») никак не предполагало бегства от действительности, но как раз обращало к ней, высвечивало действительность светом истины. Нет сомнений, что по самому большому счету и для самого взыскательного работника науки составили бы честь те образцы скрупулезных переводов из античных авторов и та смелая широта и одновременно утонченная дробность анализа, что мы находим в «Античном космосе» и прослеживаем как верный признак авторского стиля в последующем творчестве Лосева. Оценим хотя бы энергию размаха из начала книги: «буду иметь в виду, главным образом, космос Платона, Плотина, Прокла и отчасти Николая Кузанского» (12). Другой пример: в «Античном космосе» же находятся и многого стоят как символ научной добросовестности и профессионализма уже одни только индексы из 614 элементов – капитальная сводка всех текстов Плотина с использованием термина «эйдос». А Лосеву еще написалось «и современная наука». Он не мог поступить иначе и обойтись без этого «и»: в простейшей (правда, только по содержанию чисто логической связи простейшей) конъюнкции действительно как бы подытожились в некую символическую точку его человеческое предназначение и гражданское достоинство. Точка сжатия, точка синтеза. Через пять лет после публикации «Античного космоса» Лосев так напишет о себе: «В моем мировоззрении синтезируется античный космос с его конечным пространством и – Эйнштейн <...>»². Это – о человеческом предназначении.

О гражданском достоинстве и мужской смелости (как бы не на грани юношеского безрассудства) автора невольно думается, конечно, с «Диалектикой мифа» в руках. Однако и в «Античном космосе» без особого труда находятся необходимые свидетельства. Так, уже прозвучавшее имя великого физика-теоретика в обстановке конца 20-х годов никак не способствовало респектабельности и благонадежности научной публикации, ибо теория относительности Эйнштейна была объявлена в СССР типично идеалистическим, махистским (ругательные тогда эпитеты) учением. И что же? Свои реконструкции античного космоса Лосев неоднократно сопоставляет с различными чертами как специальной, так и общей теории относительности и не скрывает наслаждения от вида сокровищ, в таком сопоставлении добываемых. Дополняет картину вряд ли уместная в пору господства «единственно верного учения», но максимально высокая в устах Лосева похвала формуле Лоренца – Фитцджеральда (212): «Весь платонизм в этой формуле!» Мало этого? От приравнивания «основоположений античного космоса» к «сути современного учения об относительности времени и пространства» (162) Лосев делает еще один шаг и доводит свои констатации до полной ясности (все-таки очевидная дистанция в две тысячи лет несколько смягчает такое сближение и оставляет хотя бы слабую возможность укрыться за метафорой). Именно признание неоднородности пространства и времени, готовность принимать подвижность и превращаемость элементов бытия, говорит автор, заставляет считать правомочными алхимию, астрологию и магию (229), т.е. те учения, добавим мы, само название которых все еще служит для новоевропейского мышления привычным обозначением мракобесия, разумеется средневекового³. Наконец, даже сейчас страшновато спрашивать, в ладах ли с «основным вопросом философии» уже сама общая направленность «Античного космоса» и основная здесь схема «образцовой» тетрактиды А (свет-сущность) и «производной» тетрактиды В (тьма-материя), столь симпатичная автору... Факт остается фактом, бытие текста «Античного космоса» состоялось в соответствии с непреложными законами бытия культуры, сколь держится

культура на свободе воли человека творящего. Лосев не мог, повторим, поступать иначе хотя бы потому, что светоносный ум превыше благоразумия: «Тут одно из двух. Или нужно дать волю чистой диалектике, и тогда – прощай, диалектический материализм и марксизм! Или мы выбираем последнее, и тогда – прощай античная диалектика с ее космосом и прочими бесплатными приложениями! Разумеется, выбор ясен»⁴ (7).

«Античный космос и современная наука» и современная наука. Второе «и» здесь тоже, если угодно, символично, как символично и переиздание лосевских текстов к 100-летию автора. Чем наполняется это второе «и», что пересеклось и слилось в нем, покажем на примере одной ситуации, что называется, из жизни. Однажды Лосева вынудили высказаться, как он относится к тому в общем-то удручающему факту, что книги его издают, но особенного отклика (разумелось – печатного отклика или даже адекватного печатного отклика) на них нет. «Вместо ответа на эти слова я схватил приятеля за плечи и подвел его к своему шкафу с книгами, в котором несколько полок занято сочинениями моего собственного авторства»⁵. (Вспомним явно симметричное – Антисфен встал и начал прохаживаться... Иные говорят, что это был Диоген. Или – Лосев?) Так что суть ответа сводится к простому: он относится спокойно. Или еще понятнее и точнее: «Еже писахъ – писахъ». Каково основание для лосевского спокойствия? Основание это, во-первых, лежит в прошлом, ибо Лосев ощущает себя воспреемником наследия предшественников (причем без утери собственного лица: «Я всех люблю, от всех все беру и всех критикую») в богатырском охвате от русской философии всеединства и феноменологии Гуссерля до греческой мысли, представленной прежде всего Платоном и неоплатониками. Основание это, во-вторых, распространено в будущее, причем и в данном направлении оно постоянно укрепляется на протяжении всей его многотрудной жизни: «Я всегда старался быть на высоте требований времени, всегда боялся быть отсталым и в меру доступного мне понимания ратовал за торжество новых проблем»⁶. Основание это, в-третьих и в самых своих глубинах, держится лосевской убежденностью в универсальности принципов диалектики, пронизывающих крепкими нитями и

мироздание и житейскую стихию: «одно» есть уже потому, что существует «иное», есть книга – появится отклик на нее, есть «свет ума» – неизбежна и «меональная тьма современного строительства»⁷. Спокойствие рождено истинно философским «равным помыслом ко всему», парадоксальным (по видимости) и каждодневным соединением «старого» и «юного», имя которому, по определению самого Лосева, и есть вечная молодость в науке. Так что неизбежная своевременность и даже актуальная практичность исследований античного космоса – лишь один из многочисленных оттенков этого второго «и», этого единения «вчера» и «завтра».

Наиболее чуткие науковеды и культурологи своими недавними результатами подтверждают крепость подобной позиции. Принимая, например, рассуждения историка физики Б.Г. Кузнецова о «геронтологии» научного познания, мы приходим к принципу «сильной необратимости», с которым различие прошлого, настоящего и будущего представляет собой иллюзию или, точнее, различие это вырождается до «стягивания прошлого и будущего в данное мгновение»⁸. В области, достаточно далекой от физики, а именно на материалах эстетики словесного творчества оформилась также важная в нашем случае концепция М.М. Бахтина. Как известно, здесь в ходе прослеживания устойчивой связи структурных обобщений в филологии (классификация речевых жанров, отношений автор – читатель, автор – герой и т.д.) со специально-психологическими (я – другие) и философскими концептами (объективное – субъективное, внутреннее – внешнее) оформляется идея «хронотопа», поднимаемая до уровня высокой познавательной ценности именно «моментом существенной связи прошлого с настоящим, моментом необходимости прошлого... моментом творческой действенности прошлого и, наконец, моментом связи прошлого и настоящего с необходимым будущим»⁹. Диалогичность и полифония как принципиально диалектические констатации окончательно выходят из гуманитарной сферы на философский уровень в недавних трудах, к примеру, В.С. Библера и Л.М. Баткина... но здесь самое время остановиться и снова вспомнить об античности, вернее, о любимом ею повествовательном жанре. В «Анонимных пролегоменах к платоновской

философии» (VI в. от Р.Х.) мы находим своеобразные размышления о преимуществах диалога как литературной формы и одновременно обнаруживаем сжато сформулированный итог представлений о «диалоге-Космосе» – как итог античных исканий, так и блестящее предвосхищение сегодняшних свежих веяний: «диалог – это своего рода космос <...>, как в диалоге звучат речи разных лиц сообразно с тем, что каждому подобает, так и в космосе есть разные природы, издающие разные звуки»; «самое прекрасное живое существо – это космос, и ему подобен диалог, ибо, как мы уже говорили, диалог – наипрекраснейший из видов словесности»¹⁰.

Современные исследователи не жалуют пока «Античный космос». Куда больше внимания уделяется другим составляющим первого «восьмикнижия», а из текста-золушки разве что выдергиваются отдельные фрагменты, причем преимущественным спросом отмечены переводы античных первоисточников. Предлагаемое переиздание, конечно, само по себе облегчит доступ к «Античному космосу», но причины «нежалования», как представляется, так просто не преодолеть. Многое объясняет то обстоятельство, что текст 1927 года был сильно покалечен; сам Лосев свидетельствует: «Там, где были живые картинки платонизма, – все сокращено. Поэтому «Античный космос» читать очень трудно. Получилось, что книга состоит только из одних очень трудных первоисточников, которые комментируются, конечно, но зато очень мало живых мест»¹¹. Однако главную трудность текста, видимо, составляет само содержание и сам лосевский замах, в названии «Античного космоса», в этом «и» названия сконцентрированный. Воистину, только титану было под силу сопрячь две необъятные духовные вселенные – античное миропонимание и научные представления Новейшего времени. Необычайно взрывчатый, чреватый мощными истечениями концентрат мысли «Античного космоса» практически развернулся на просторах второго лосевского «восьмикнижия», на страницах «Истории античной эстетики». Здесь получили развитие и ясное освещение многие интенции и намеки, рассеянные в пратексте 1927 года, здесь введены в оборот новые первоисточники и услышаны новые переключки голосов, а некоторые принципиальные

моменты в интерпретации античного космоса уточнены и даже существенно пересмотрены¹². Лишь на одно Лосеву не хватило времени земной жизни – заново и в столь же систематической, как в «Античном космосе», форме сопоставить полученную картину мира с научными представлениями конца XX века. Разумеется, тот материал, что предлагается читателю далее, ни в коей мере не является попыткой «дописать» Лосева. Задача наша куда скромнее: из всего многообразия характерных черт современной науки в ее преимущественно «космологической» составляющей указать лишь некоторые образчики, которые или только рядом положены, или существенно пересекаются и солидарны (сообразно семантике связки «и» в формальной логике) с наблюдениями из «Античного космоса». Нужны, видимо, совокупные усилия многих исследователей и обязательно тщательное освоение громадного лосевского наследия, чтобы в тяжеловесном – как и все слишком формализованное – сочетании двух «и» (мы заканчиваем изрядно надоевшую тему параграфа) прочитывался не только неподвижно-объединительный смысл, но и смысл преемства, каузального следования. Того если и не требует, то заранее допускает широкий спектр значений союза «и» в естественном (т.е. подвижном, т.е. живом) языке.

2. О духовной зоркости и вселенском мареве

Приступая к разговору о главных темах лосевского текста, сочтем за удачу возможность воспользоваться веселой подказкой самого Алексея Федоровича – она среди страниц «Античного космоса»: «можно начать с чего угодно, например с моих очков» (51). И вправду, простейшая конструкция для удержания стекол на выпуклостях лица, до ходульности привычный атрибут учености, эти самые очки в случае Лосева обретают совсем не прагматическое значение, во всяком случае для тех, кому дорог лосевский образ мысли и ощутим ее, мысли, нездешний размах. Явственные на всех фотографиях с далеких – начала века – гимназических лет до недавних изображений

конца восьмидесятых годов и будучи единственным инвариантом среди меняющихся черт зримого облика мыслителя, они не только заставляют почтительно вспоминать о титанической работе глаз великого труженика и житейских (в том числе ГУЛАГовских) бедах, они будто являют некое материализовавшееся напоминание о зрении особом, зрении духовном, умозрении «серебряного века» русской философии. Духовные очи Алексея Лосева (добавить еще из когорты: и о. Павла Флоренского, и о. Сергия Булгакова, и Льва Карсавина) не приемлют картину мира как скопища мертвых единиц, понукаемых непреложными «законами природы», – нет, они видят мир живой и пронизанный светом, мир световых ликов, мир осмысленный, мир смысла... Конечно, мы даже и не тщимся одной фразой охватить все реально-исторические переключки и всю глубину оппозиции так называемого материализма и так называемого идеализма, ибо только Лосеву по плечу подобная «одна фраза», да и все громадное его наследие во многом и посвящено-то изучению двух мировоззрений и сосредоточено на критике (нет, не одного мировоззрения в пользу другого, но) каждого из них с одновременной специфической обработкой.

Название соответствующего инструмента – диалектика. Универсальность диалектики такова, что она с высот проблематики мироустройства может с легкостью снизиться до прояснения роли некоего случайного сюжетобразующего фактора нашей статьи. Иными словами, начать можно и с очков, «но прийти необходимо к диалектике «одного» и «иного»» (51) – так закончим мы цитату из «Античного космоса» и с верной путеводной нитью в руках несколько углубимся в творчество А.Ф. Лосева. Конечно, исследователи еще будут пытаться очертить его как единое целое (целостность лосевской мысли не вызывает сомнений, различия возможны только в ее описании), и первые удачные попытки рассматривать «всего Лосева» как «одно» уже имеются – достаточно указать выделение в качестве «магического ключа» к текстам Лосева проблемы соотношения сущности и энергии в публикациях Л.А. Гогтишвили либо интегральное «определение» Лосева как «философа имени, числа, мифа» в известной статье А.А. Тахо-Годи¹³. Но сейчас нам важнее отыскать то «иное», тот чуждый

принцип, который своим скрытым подчас присутствием и сопротивлением сыграл формообразующую роль для лосевского «одного» или, уточним сообразно с логикой и терминологией «Античного космоса», для «одного сущего» (для ставшего, воплотившегося творчества Лосева как целостного феномена). В теоретической схеме «Античного космоса» этот принцип соответствует неоплатоническому «меону», а среди ярких философов «Диалектики мифа» нам рисуется некий мир как «довольно-таки скучное, порою отвратительное, порою же просто безумное марево, та самая дыра»¹⁴ – скучный мир скучной науки. Свидетельства из первого «восьмикнижия» подтверждаются почти наугад взятыми строками из «Истории античной эстетики» (дистанция – шесть десятилетий), мы вновь слышим неприязненную лосевскую интонацию, когда он принужден говорить о «максимальной распыленности», «неопределенных далях», «миражах» и «сплошном тумане неизвестно чего», причем речь заходит именно о характеристике чуждого способа мировосприятия¹⁵. Порицаемый и отвергаемый образ материальной распыленности перерастает, пожалуй, методологические и теоретико-познавательные рамки (а и с чего бы, действительно, великому мастеру строгих дефиниций А.Ф. Лосеву столь упорно твердить всю жизнь об этом «сплошном тумане неизвестно чего», совсем не строго означенном?)¹⁶, и здесь мы вступаем в труднодоступную область психологических мотивировок и скрытых интенций творчества. Творчество одного ли только человека имеется в виду? Разумеется, нельзя упускать даже малейший шанс заглянуть в творческую лабораторию Лосева (а сколько раз погибал его архив!), но вдвойне важными становятся подобные наблюдения, если им найдутся аналоги на примерах других искателей истины. И с помощью автобиографического цикла, который представляет уникальную для «внешнего наблюдателя» возможность доступа к тончайшим рефлексиям еще одного выдающегося мыслителя, мы можем засвидетельствовать глубочайшее духовное потрясение детских лет П.А. Флоренского, во многом, по признанию автора, определившее его мировоззрение (нам сейчас не важна фактическая сторона и предыстория этого события – их можно отыскать в соответствующей

части «Воспоминаний» о Павла): «В несколько секунд надорвались мои внутренние отношения к женскому началу, чтобы никогда больше не возобновляться. <...> Мое не просто непризнание психологизмов и духовного мления, а внутренняя враждебность к ним, почти физическое отвращение к нечеткому и мажущемуся лежит на линии именно этого отхода от стихии женской»¹⁷. Впрочем, однажды Флоренскому представилась возможность изъясниться, надо думать, о том же в более точных выражениях, чем «нечеткое» и «мажущееся», только отметим для ясности, что законы жанра – данный текст явился развернутым авторефератом для персональной статьи в «Энциклопедическом словаре» Гранат, – потребовали говорить о себе в третьем лице: «Основным законом мира Ф<лоренский> считает второй принцип термодинамики – закон энтропии, взятый расширительно, как закон Хаоса во всех областях мироздания. Миру противостоит Логос – начало эктропии»¹⁸.

Итак, мир как «безумное марево», мир распыленный, нечеткий и неоформленный страшит Лосева и Флоренского, итак, именно Хаос составляет некий невидимый полюс отталкивания для их творчества и мировосприятия. Еще раз подчеркнем, что фундаментальная оппозиция Хаоса и Космоса, столь близкая, скажем, для мыслителя античной эпохи, в наше время столь трудно артикулируема, что приходится обращаться чуть ли не к психоаналитическим методикам. Свидетельством глубочайшей упрятанности этой оппозиции является опыт недавнего обобщения наиболее важных познавательных установок. К нему прибег Ю.А. Шрейдер, известный своими впечатляющими обзорами-облетами мира мысли. В его работе «Сложные системы и космологические принципы» таковых установок или познавательных эвристик названо 44, начиная с важнейшей оппозиции «идеализма» и «материализма» («индивидуальная вещь важнее идеи, следовательно, ищи конкретные свойства индивидуума» и – «идея важнее своего воплощения, следовательно, изучая конкретный предмет, нужно искать воплощенную в нем идею») и включая как старинные методологические завоевания (таковы, например, правила пользования «бритвой Оккама»), так и недавние приобретения времен

кризиса оснований математики и теории познания (скажем, соответствующие альтернативы в понимании коллизий модели и теории). В этом списке – несмотря на обширность, автор прозорливо объявил его открытым для пополнения, – нет эвристик именно с участием вселенской пары Хаос–Космос¹⁹.

Попытаемся назвать несколько направлений, по которым, вольно или невольно, современная мысль следует на путях отталкивания от своего невидимого полюса. Прежде всякого другого обнаруживается попятное движение науки от Хаоса как Случая. Напомним, как уверенность в том, что «Бог не играет в кости», крепила «консерватизм» Эйнштейна в его известном споре с Нильсом Бором относительно детерминизма в квантовой механике... впрочем, спор разрешился скорее вничью. Новый детерминизм конца XX века не только не отвергает «случайное» с порога, но и перерастает от представления о «замкнутой Вселенной, в которой все задано», в пользу приятия «новой Вселенной, открытой флуктуациям, способной рождать новое»²⁰. Случай оборачивается упорядочивающим, формообразующим принципом и придает миру жизнь и движение. Нельзя не сопоставить эту (неожиданную для классического детерминизма) установку современной теории необратимых процессов, отстаиваемую И. Пригожиным и его школой, со знакомым нам лейтмотивом «Античного космоса»: «так рождается мир как живой организм» – это возглашается вслед за описанием картины видимых антиномий бытия со всей «пестротой», «хаосом» и «ужасом», усмиренными «живым фактом мира» (134). Любопытно сейчас наблюдать, как вообще «основоположения античного космоса», по Лосеву, находят переключки едва ли не с каждым этапом смены фундаментальных физических воззрений на пути от Ньютона до Пригожина. К 1927 году физика уже «взорвала» незыблемость абсолютного пространства и абсолютного времени как пассивных «вместилищ» материи – явилась теория относительности и вернула миру исконную его рельефность и разнородность. Именно по этому поводу мы и находим у Лосева множество похвал в адрес новой тогда физической теории. Теперь, на склоне века, предметом нового пересмотра становится фундаментальное понятие локализации в пространстве-времени²¹,

когда наука расстается с еще одной фикцией, здесь – фикцией точки как исчезающе малого или, так сказать, точки как точки в пользу идеи делегализации, здесь – идеи макроскопической энтропии, точки как бесконечности²². Можно еще сказать, что вслед за наполнением и окачествлением пространства-времени в целом (в большом) то же самое происходит и для каждой точки пространства-времени (в малом). И вновь сюжеты «Античного космоса» созвучны-соразмерны исканиям современной науки: припомним вдохновенные строки о «живом и трепещущем теле» неоплатонических конструкций бытия – тетрактид, в которых «беспокойные судьбы сущности в материи» и вся «трагедия материи» примиряются «невозмутимым покоем» «смысловой стихии вещи»²³ (132).

Мы незаметно перешли к двум другим ипостасям Хаоса – Хаоса как Раздробленное и Хаоса как Безжизненное. (Нужно ли специально оправдываться, почему столь относительны, неопределенны и текучи выходят эти дистинкции применительно к Хаосу? Марево и есть марево, Хаос равен только себе, а любые спецификации лишь вносят в него нечто противоположное, т.е. элементы Порядка.) Если мы читаем у Лосева, что «космос и делим, ибо возможны любые его части, и неделим, ибо во всякой своей части он опять присутствует весь целиком, и опять его можно делить сколько угодно» (139) и если только при условии целого ряда оговорок можно согласиться, что подобный «атомизм», подобное отношение целого и части как-то соответствует «современной теории делимости атома и ядра», по Резерфорду и Бору (146), то с привлечением некоторых новых тенденций естественных наук можно констатировать действительную переключку и созвучие последних и указанного «основоположения античного космоса». Одна из точек исхода этих тенденций лежит в тех самых 20-х годах, когда писался «Античный космос» и когда безвестный петроградский служащий А.А. Фридман отыскал вариант решения уравнений общей теории относительности и описал возможность бесконечного, но внутренне замкнутого мира. Теперь прогресс изучения физики элементарных частиц совокупно с теоретическими исследованиями поведения больших тяготеющих масс (область космологических сингулярностей)

привел к популярной идее смыкания микро- и макромасштабов, когда «одни и те же объекты можно рассматривать как элементарные частицы и в то же время как макроскопические тела, а в некоторых случаях даже как целые космические миры»²⁴. Так, едва не распылив мироздание по непересекающимся, а то и безднами разъятым разделам и аспектам изучения, наука сохранила-таки Космосу космосово или, говоря строже, себе самой сохранила шанс «малое» не заслонять «большим» и за «малым» видеть «большое». Кавычки в свете вышесказанного здесь обязательны.

Далее нужно сказать и о другой важной тенденции физики, непосредственно включающей в себя упомянутую потребность экстраполяции закономерностей астрофизического масштаба на субатомные процессы (и обратно), а именно о т.н. Теории Великого Объединения. Начатая с эйнштейнова «ворчания», со стремления «преодолеть современную мистику вероятности и отход от понятия реальности в физике» (из письма А. Эйнштейна 1928 года М. Соловину)²⁵, эта могучая тенденция ныне подвигает множество интеллектуалов на отыскание принципов первоедиства мира, дает надежды хотя бы «умственными очами» увидеть, далее повторим слова Лосева, «тот самый *огонь*, о котором мечтала древность, хотя и не умела говорить о нем нашим языком» (219)²⁶. Закончить тему «одоления Хаоса» лучше всего представляется ссылкой на недавние размышления А.Д. Линде, одного из создателей новой космологической теории «раздувающейся Вселенной». Тут характерен вопрошающий тон и примечательны общие ориентиры вопрошания: «Не окажется ли при дальнейшем развитии науки, что изучение Вселенной и изучение сознания неразрывно связаны друг с другом и что окончательный прогресс в одной области невозможен без прогресса в другой? После создания единого геометрического описания слабых, сильных, электромагнитных и гравитационных взаимодействий не станет ли следующим важнейшим этапом развитие единого подхода ко всему нашему миру, включая и внутренний мир человека?.. Гораздо легче убедить себя в том, что таких вопросов не существует, что они по какой-то причине незаконны или что кто-то уже давно дал на них ответ»²⁷. Ответов, конечно, никто – хотя бы даже и давно – не

дал, а вот правильно поставленные вопросы, о которых с такой осторожностью и надеждой говорят ныне, мы вправе искать у мыслителей прошлого. В этом диалоге времен посредничество и прямое участие Лосева неоценимо.

3. О логических скрепах бытия и уровнях реальности

Воистину, этот Хаос хорошо упрятан и редко выказывается в современной науке, чтобы мы так уж легко поверили, скажем, сетованиям Е.Д. Гражданникова на господство «философской парадигмы, которую можно назвать бессистемной»²⁸. Системам и систематикам в науке нет числа! После известных «археологических раскопок», предпринятых Мишелем Фуко на культурных слоях Нового времени, стала чуть ли не общим местом констатация (причем для любой эпохи) господствующего положения неких «упорядочивающих кодов», организующих пространство знания в культурные поля – «эпистемы» той или иной степени ухоженности²⁹. Так что если и бывают победы Хаоса, то они проявляются не в отсутствии каких-то порядков и систем в науке, но в недостатке, если позволительно так выразиться, системности подобных систем, в логической их необусловленности. Поэтому, читая работу уже упомянутого автора по систематизации философских категорий, мы не должны удивляться обширности перечня известных достижений системосозидателей и можем тихо радоваться прогрессу по части укрощения все большего числа категорий: у Аристотеля их было, как известно, десять, в «Науке логики» Гегеля счет доходит до 120, а «фрагментная системная классификация» самого Е.Д. Гражданникова включает в себя уже 161 понятие. Но также с пониманием отнесемся и к честному признанию автора, что у предлагаемой двоично-триадно-пентадной классификации философских категорий «еще» нет теоретического обоснования³⁰. Остается по примеру автора столь же всеобще-безадресно посетовать, припоминая печальную лосевскую констатацию о том, что «вообще диалектика в смысле учения об онтологическом законе единства и борьбы противоположностей всегда с большим трудом усваивалась

философами»³¹. После Лосева не нужно больше доказывать, что верным теоретическим обоснованием самых популярных структур-эпистем служит бессмертная конструкция из «Парменида», новыми красками рисованная на страницах «восьмикнижий» – укажем хотя бы на обрисовку «структуры мира» из «Античного космоса» или прочтем в VII томе «Истории» похвалу Проклу и его триадической диалектике.

Следует отметить, что мощное эпистемо(Фуко)логическое движение сложилось за последние десятилетия в теории классификации и общей теории систем (М. Месарович, Ю.А. Урманцев, А.И. Уемов, С.В. Мейен, Ю.А. Шрейдер, В.А. Лефевр и др.). Мы не будем подробно излагать впечатляющие достижения в рамках этого движения и сошлемся (выбор, разумеется, субъективен) на обобщающий сборник «Система. Симметрия. Гармония», оригинальные монографии Ю.А. Урманцева, Ю.А. Шрейдера и А.А. Шарова и эlegantный компендиум о «золотой пропорции» Н.А. Васютинского – на этих работах в основном построен наш последующий краткий обзор. Спору нет, со времен «Античного космоса» утекло слишком много воды, чтобы пытливые умы не отыскивали новых фактов и закономерностей, скажем, по части изучения музыкально-ритмических рядов (так, о «пульсирующем скелете» музыкального произведения, в продолжение пионерских работ Г.Э. Конюса, много интересного может поведать теория «универсальной меры гармонии» М.А. Марутаева³²) или по типологии симметрий вплоть до попыток их логически полного комбинаторного описания: как утверждает Ю.А. Урманцев³³, «семью и только семью способами Природа может творить свои объекты», сами объекты способны взаимодействовать в 9 (качественно) или 12 (количественно) вариантах и вообще возможно 64 – в большинстве еще не открытых! – фундаментальных симметрии. Значительно продвинулись вперед и давнюю традицию имеющие исследования «золотой пропорции». Тут наметились даже сугубо инженерные достижения типа создания принципиально новых систем счисления на основании рядов Фибоначчи и помехоустойчивых цифровых автоматов в работах А.П. Стахова. Тем не менее столь ясное и полное введение к подобным построениям и строго диалектический вывод

самой симметрии и самого ритма, столь исчерпывающее обоснование «разной степени ритмико-симметрической символичности» мира содержит, кажется, только текст 1927 года (163–167).

После чтения «Античного космоса» весьма поучительно проследить за ходом развертывания одного из самых глубоко разработанных вариантов общей теории систем, принадлежащего Ю.А. Урманцеву. Действительно, захватывающие дух возможности единого описания самых разнородных явлений (для демонстрации чудес системного подхода упомянутому автору нравится составлять экзотические ряды с «тувинскими танцами, евклидовой геометрией, игрой в футбол, взаимодействием, устойчивостью кукурузы к засухе, матрешками...»³⁴) поневоле вызывают в памяти лосевскую формулировку о стремлении «греческого ума по возможности более компактно и единообразно установить при всем фактическом разнообразии действительности существующие в космосе закономерные связи»³⁵, – это переключка, так сказать, по финишу, по родству устремлений. По меньшей мере не разочаровывают и сопоставления применительно к старту рассматриваемой общей теории систем: фундаментальное здесь понятие «объект–система» фактически конструируется как математизированная «калька» с диалектической пары «одного» и «иного». А именно, «объект–система» рассматривается как объект с выделенным из универсума окружением, причем сам автор подчеркивает значение «диалектического материализма» (не рискуя, по условиям своего времени, говорить о «чистой» диалектике) как основной базы для предпосылок своей теории и далее закономерно приходит к выделению множества диалектических оппозиций (в том множестве присутствует и «неуловимая» пара «система – хаос»), обнаружению закона «системного сходства» и неизбежному различию «основных» и «производных» форм существования материи³⁶. Взаимоотношения основных космологических структур-тетрактид «Античного космоса» таковы же. Реальное богатство системных форм выводится Ю.А. Урманцевым посредством изоморфных и гомоморфных (в терминах автора – полиморфных) преобразований исходных «объектов-систем»³⁷, чему мы без труда отыскиваем

очередное идейное сходство с «Античным космосом» – читаем о себетождественности, «интенсивности всегда в одной и той же степени» тетрактиды А и о «той или иной степени воспроизведенности в ином» этой тетрактиды, о «бесконечно-разнообразном напряжении себя» тетрактиды В. Наконец, честный, т.е. последовательно диалектический подход приводит Ю.А. Урманцева, во-первых, к признанию не только логико-методологического, но и онтологического статуса структур (систем) бытия³⁸ и, во-вторых, к пониманию принципиального отсутствия границ между «идеальными» и «материальными» объектами³⁹, т.е. как раз к тем фундаментальным принципам, которые Лосев неустанно отстаивал на протяжении всей своей жизни, с «Античного космоса» начиная.

Выявлять и описывать «логические скрепы вещей» (выражение Лосева⁴⁰) призвана теория классификации. Ее статус изначально высок, а область применения универсальна – «полем применения классификационных процедур являются объекты практически всех научных дисциплин, а также сама система наук в целом», – поэтому неудивительно, что естественное развитие методологии классификации⁴¹ не может не дать плодов, будто сорванных с дерева «Античного космоса». Сказанное прежде всего относится к выявлению необходимой двойственности классификации, разделению ее на «таксономию» и «мерономию» (С.В. Мейен, Ю.А. Шрейдер) сообразно с возможностями подхода к объектам классификации как через дескриптивное, внешнее, экстенциональное описание (такова традиционная таксономия), так и посредством осознания структурных, внутренних, интенционально-сущностных основ объекта и собственно таксона – класса объектов (мерономия). Таксон состоит из тех, и только тех, объектов, которые обладают так или иначе отмеченной для данного таксона структурой, и структуру эту – главный предмет заботы уже мерономии – естественно отождествить с архетипом (планом строения бытия, пра-формой Гёте) или смыслом, сущностью упорядочиваемых объектов⁴². Так последовательный анализ «технических» процедур классификации воскрешает уже вполне общую неоплатоническую схему взаимоотношения «сущего» и «меона». Не случайно же идейный вдохновитель отечественных исследовате-

лей проблемы классификации А.А. Любищев столь тяготеет к «платонизму». Последний термин и кавычки при нем требуют обширнейших комментариев и оговорок, в точности та же трудность, кстати сказать, нависает над каждым, кто захочет выяснять пропорции «идеализма» и «реализма» у Лосева. Поэтому мы с сожалением покинем перекресток интереснейших сюжетов (только напомним, что сам А.А. Любищев внес здесь немалый вклад, оставив обширный труд «Линии Демокрита и Платона в истории культуры») и воспользуемся только одним – сюжетообразующим для нашего текста – путем, по которому пошел Ю.А. Шрейдер, размышляя о творчестве современного «платоника»: «В сфере онтологии идеализм в духе Платона – Пифагора привел Любищева не к сомнению в реальности материи, как это произошло, скажем, с некоторыми представителями махизма, но к представлению о многообразии типов реальности»⁴³. Вопрос о «типах» или «уровнях» реальности вновь обращает нас к «Античному космосу» и прежде всего к теме отношения неоплатонических тетрактид. В книге 1927 года Лосев «проходит» только две буквы алфавита скорее всего из тактических соображений или из осторожности – лишь «педагогически воздействуя на малодушные умы», а потому реконструирует «основную» и «производную» тетрактиды (А и В) лишь как обязательные структуры «живого смысла и живой фактивности» бытия. Но выявление более чем одного «яруса» реальности необходимо требует перехода на множественное число, и это прекрасно понимает Лосев. Недаром в том же «Античном космосе» (правда, бегло) он находит нужным говорить о «бесчисленных» других тетрактидах либо упоминает «постоянное создание тетрактид, сплошное и неустанное», а потом на примерах текстов Прокла и Дамаския указывает пять или, с учетом «абсолютно невыразимого», даже шесть «типов единства» (281–282), причем только в составе первой неоплатонической ипостаси – первоедином. Грандиозная картина многоярусного мира античного космоса рисуется Лосевым в VII томе «Истории» уже на всем логически мыслимом пространстве от чистого и непознаваемого «сверх» до единичных материальных вещей и материи как «нулевого единого»⁴⁴. Как видим, драгоценная для нас перекличка явственна и здесь, в сопоставлении

устремлений «полифундаментализма» современной теории классификации и результатов лосевской попытки «понять античный космос изнутри».

До сих пор мы говорили только о переключках, о совпадениях идей и тем «античного космоса» с различными приобретениями современной науки. На последних примерах из системотворческой части новой и новейшей мысли мы убеждаемся также в созвучии тенденций и целей. Теперь, пожалуй, самое время (посильным для нас способом осторожного вопрошания) сформулировать некоторые важные проблемы и гипотезы, которые имеют прямое отношение к задаче данного параграфа и, главное, произрастают на плодотворной почве «Античного космоса», а отчасти и других текстов первого лосевского «восьмикнижия». С включением, надеемся, не запоздалым, старых книг 20-х годов в контексты современной культуры риск подобного заглядывания в будущее путем вопрошания у прошлого из неопределенного настоящего (не здесь ли признак «сильной необратимости познания»?) может оказаться оправданным.

Первое из вопрошаний назовем «проблемой семиотического существования». Проблема возникает при условии рассмотрения такого важного свойства действительности, как иерархичность существований и многообразие типов бытия (см. выше), вместе с императивом формулы «мир как живой организм имени сущности» – формулы, в которой сосредоточено ядро всей содержательной (т.е. выразительной и потому развернутой в культуру и даже быт) части «Античного космоса». Само «имя» или «выражение» является для Лосева ареной встречи вещи с ее сущностью, и даже не просто встречи, но и полного их тождества (в мифе). Вспомним еще несколько важных констатаций: «имя вещи есть выраженная вещь» и «слово рождается наверху лестницы существ, входящих в живое бытие»⁴⁵ – и да будет приведенных фрагментов достаточно, чтобы напомнить о глубокой онтологичности имени, знака, семиозиса в понимании Лосева. Справедливости ради нужно отметить, что отдельные аспекты затронутого являются объектом изрядных хлопот у современных логиков и философов⁴⁶, однако в суммарной форме подобный вопрос, видимо,

еще не ставился: как связано существование семиотических комплексов с многообразием типов существований? Как именно зависит уровень реальности от степени близости имени и именуемого?

Перейдем к проблеме «информационного посредника», которая по внешности разворачивается как проблема терминологическая. На фоне нынешнего бурного развития информатики и информационных технологий как-то подзабылись философские дискуссии 70-х годов, в ходе которых делались попытки установить статус самого понятия информации то ли как спецификации из области математической теории связи, то ли удобного термина междисциплинарного общения, то ли фундаментального общенаучного понятия или даже одной из базовых философских категорий. Одновременно стала ясна многоаспектность проблемы информации, выявлены многочисленные ее связи с принципами упорядочения (акцент в темах «информация и пространство», «информация и время») и характером процессов в технических и биологических системах, наметился выход и на вечную проблему отношения объекта и субъекта. Образ информации, каким он складывается в науке, невольно ассоциируется с универсальной посреднической деятельностью крылатого Гермеса⁴⁷, вестника олимпийцев и неизменного соучастника дел земных. Следующая «невольность» так же естественна и столь же помнит об античном контексте. Каковы аналоги категории информации в понятийной системе любезных Лосеву (и нам) греческих мыслителей? Как догадка об универсальном гермесовом посредничестве отобразилась в неоплатонических категориях «эманации» и «числа»? Сколько «информационного», далее, содержит широчайшее по спектру функций понятие «логос»? И какова же наконец роль «информационного посредника» в структуре действительности?

В заключение наметим проблему «несводимости чисел». Прямую помощь нам окажет в этом то место из «Античного космоса», где Лосев подробно комментирует загадочное (попросту «глухое», по реплике автора) рассуждение из «Тимея» о «числовой изваянности Космоса» (*Tim. 35b*). Опираясь на обширные комментарии Прокла к данному диалогу Платона и

сам свободно владея «общепифагорейской диалектикой числа», Лосев рисует античную «космологию» (она же и «психогония») в форме порождения привычного – и такого, оказывается, непривычного! – ряда натуральных чисел⁴⁸, которые «суть последовательные потенцирования момента растекающейся множественности» (195–198). Главная непривычность такого ряда состоит в индивидуальности, смысловой уникальности, несводимости друг к другу любого из его членов. Здесь каждое новое число не образовано унылым плюсованием очередной единицы, напротив, оно есть новая цельность с собственным неповторимым ликом. Нужно совершенно поверхностно воспринимать лосевское учение о выражении, чтобы теперь удивляться, почему подобные «архаические» числовые комплексы оказываются сродни современным попыткам постижения «всей числовой области». Бегло упомянем в этой связи гипотетические «реформы» натурального ряда у П.К. Рашевского и А.С. Есенина-Вольпина, мало замеченные математиками и совсем не замеченные философами, а также пригласим читателя оценить первые результаты «тихой революции» в математике, свершаемой ныне благодаря усилиям нестандартного (неархимедова) анализа. Важно отметить здесь предположения о «невосстановимости слагаемых», «неабсолютной одинаковости копий» и «принципиальном сбивании со счета» в обновленном натуральном ряде, а в так называемой «ультраинтуиционистской программе» укажем гипотезу о неединственности натурального ряда и введение «онтологических» процедур, предполагающих отождествление событий (и их имен) только по мере их наступления; последнее мы бы назвали «откровенной семиотизацией» логики. Отметим также, что в нестандартном анализе (с признанием актуально бесконечно малого) как раз возникают непересекающиеся и потому в определенном смысле «несводимые» классы гипердействительных чисел. Возможны и другие способы расширения границ числового «канторовского рая». Как видим, некоторые особенности развития современной математики позволяют нам с некоторой обоснованностью прийти к чаемому вопросу: какую роль могут играть в современной науке неопифагорейские идеи о несводимости⁴⁹ чисел?

Закончим эту «вопросающую» часть текста такими словами А.А. Любищева – в нашу поддержку: «Следуя великому диалектическому закону развития науки, в этом прогрессе неоднократно придется возвращаться к великим мыслителям прошлого, начиная с мыслителей несравненной Эллады. Прошлое науки не кладбище с надгробными плитами над навеки похороненными идеями, а собрание недостроенных архитектурных ансамблей, многие из которых не были закончены не из-за несовершенства замысла, а из-за технической и экономической несвоевременности»⁵⁰.

4. О посвящениях

Надо признаться, что первоначально планировалось совсем другое название этой заключительной части текста, – нечто вроде «О классической неклассической рациональности». Однако соображения формального (вокруг формы) свойства удержали нас от такого поступка. В самом деле, обилие союзов «и» в общем названии нашего текста уже потребовало целого параграфа разъяснений (на самом деле это оказалось удобной формой подступа, введения к философским синтезам у Лосева), теперь, выходило, требует комментария зияющее отсутствие того же союза в заголовке очередного параграфа (содержательно – настает черед нового обращения к интегральной характеристике творчества Лосева). Нет, уж лучше вовсе отказаться от обсуждения нескончаемых «союзных» проблем, даже если тема рациональности и обязательна в разговоре о Лосеве... И все-таки мы не можем обойти вниманием одну небольшую книгу М.К. Мамардашвили – «Классический и неклассический идеалы рациональности». Она являет собой лишь мизерную часть, лишь видимую пока оконечность айсберга философской работы автора⁵¹. Вышедшая в Тбилиси в 1984 году чуть ли не самиздатовским тиражом и написанная подчеркнута эзотерическим языком, эта книга по внешним атрибутам напоминает зашифрованные, едва выбивающиеся «из-под глыб» тексты первого лосевского «восьмикнижия» (прежде всего вспоминаются как раз «Античный космос» и «Философия имени»). Однако вряд ли подобная ассоциация

имела бы для нас ценность, если бы не другое сходство или даже глубинное, внутреннее, идейное совпадение. Содержание тонкой книжицы издательства «Мецниереба» касается самых оснований науки и посягает на их пересмотр. «Классический» идеал рациональности с его отделением явлений от сущностей, фактов от принципов, обобщения от опыта, объекта от субъекта должен уступить место пониманию мира как единого, «сбранного в целое», мира в глобальной слитости, «мира в работе»; такой «неклассический», по Мамардашвили, идеал рациональности преодолевает декартовский дуализм и настоятельно требует «введения сознательных и жизненных явлений в научную картину мира»⁵². И это как раз тот самый идеал, о котором практически синхронно с Мерабом Мамардашвили пишет Алексей Лосев на многих страницах «Истории античной эстетики», а еще раньше – в первом «восьмикнижии»! Если возвращать термину «классика» первородную этимологию («первоклассное», «образцовое») и вспоминать об изначально латинском следовании за греческим образцом, то идеал этот надобно называть именно классическим, эллинским, это – как раз классическая рациональность, только вооруженная, разумеется, почти двухтысячелетним опытом потерь и обретений.

Философская работа, проделанная Лосевым и Мамардашвили, оказывается ныне как нельзя кстати. Не приходится говорить о ее очевидной ценности для наук гуманитарного цикла. Столь же важна она и на фоне пристального интереса к проблеме рациональности в рамках собственно философии науки – как у нас, так и за рубежом. Это обновленное понимание рациональности отвечает также и всему ходу саморазвития тех отраслей знания, которые принято относить к точным наукам. Примеры попыток преодоления дуализма и разрозненности в миропонимании мы обнаруживаем здесь как бы на двух встречных направлениях. Так, отправляясь от микромасштабов, теория неравновесной термодинамики усилиями И. Пригожина и его школы расширила опыт понимания роли «наблюдателя» в квантовой механике до ясной потребности в полномасштабной «картине мира, включающей самого открывающего и описывающего этот мир человека», в «новом альянсе» между человеком и природой⁵³. Движение к субъекту познания

по направлению от макромасштабов генетически связано с углублением космологических представлений. Мы уже приводили высказывание отечественного физика-космолога А.Д. Линде, теперь же можно подчеркнуть, что потребность сопрячь в одном мыслительном акте «изучение Вселенной и изучение сознания» подкрепляется результатами достаточно длительной и обросшей многими подробностями дискуссии по поводу так называемого антропного (антропологического) космологического принципа⁵⁴. Неожиданно (для позитивистской мысли) выяснилось, что наблюдаемые свойства Вселенной существенно ограничены условиями, подозрительно необходимыми для нашего существования как наблюдателей этой Вселенной. Иными словами, фундаментальные физические константы являются фундаментальными же и для бытия всякого физика. Конечно, здесь еще нет прямого доказательства принципиального единства или соразмерности человека и природы (логически сходный случай: если от огня очага вскипел чайник и согрелись озябшие руки, еще не следует, что руки держали чайник или полоскались в горячей воде), но и «вычитать» человека из общей картины мира теперь нужно с некоторой осторожностью (тот же пример с кухни: не пожелай кто-то согреться, огонь под чайником мог и не вспыхнуть). Во всяком случае тонкий знаток русской «идеалистической» философии С.С. Хоружий считает нужным сблизить антропный принцип как уже признанное завоевание современной науки с главенствующей установкой «антроподицеи» П.А. Флоренского (смело можем добавить – и А.Ф. Лосева), если как раз иметь в виду «внутреннюю соотнесенность человека и мироздания, человеческого и космического порядков»⁵⁵.

Философская работа – это еще и жизнь и, по неизбежности, любовь. В лосевских многотомиях достаточно точных формулировок и скрупулезного анализа в самых детальных подробностях, что же такое есть сия «внутренняя согласованность человеческих и космических порядков». Но есть еще и такие строчки, обращенные к его, Лосева, идейным антиподам: «Кто во что влюблен, тот и превозносит объективность соответствующего предмета своей любви. Вы влюблены в пустую и черную дыру, называете ее «мирозданием», изучаете в своих универси-

татах и идолопоклонствуete перед нею в своих капищах. <...> А я люблю небушко, голубое-голубое, синее-синее, глубокое-глубокое, родное-родное...»⁵⁶. Драгоценная «вставочка» (одно из лирических отступлений) «Диалектики мифа» не только дает нам возможность познакомиться с высоким образцом русской «конкретной метафизики», но еще и напоминает о той могучей силе, что, как известно, «движет солнце и светила», – и здесь мы обращаемся к посвящениям, которыми открывается «Античный космос». Спасибо этой малости: «отшедшей и сопутствующей». Калеченная цензорами, усушенная необходимой сдержанностью автора, но сохранившая-таки живое лицо, работа Лосева несет собой тепло духовного мира далеких лет. В немногих словах, обращенных из книги вовне, к читателю, уместилась и сыновняя благодарность за небесную голубизну детства с томиком Фламариона под подушкой, и привет родному сердцу спутника и вдохновителя на каждодневное дерзание, и поклон судьбе за подарок непрерывного чуда бытия. И те же слова прокладывают мосток вовнутрь живого текста – там восхищение пред умными и прекрасными конструкциями античного Космоса, там непреходящая любовь к вечному детству человечества...

Да, грядет «новая рациональность». Но только пусть в ней будет ясность и точность «голубого небушка», пусть грядет рациональность чуда, любви и детства. Лосевские книги тому – в помощь.

1.6. О понятии «мир как целое»

Обращение к теме творчества А.Ф. Лосева на конференции «Христианство и наука» никак нельзя считать случайным. И это не только потому, что знаменитый ученый-гуманистический теперь, когда стали известны многие ранее скрытые обстоятельства его жизни, предстает перед нами глубоко верующим человеком и даже тайным монахом в миру¹. И даже не потому, что Лосеву принадлежат труды, непосредственно посвященные вопросу о месте науки в христианском мире. Им, в частности, активно изучались вопросы соотношения знания и

веры, критически исследовалась тринитарная проблематика, создавалось учение об «абсолютной диалектике» как «абсолютной мифологии» – фактически это была попытка выявления логико-диалектических основ Православия. Известен теперь Лосев и как активный участник имяславского движения на его заключительной стадии 1920-х годов. Здесь, наряду с о. Павлом Флоренским, он выступил в качестве глубокого и ответственно мыслящего теоретика. Представляется принципиально важным и специально предпринятое философом обследование границ, до которых возможен катафатический путь Богопознания (работа «Самое само») ².

Но все дело в том, что уже и в своих нейтральных, лишенных явственной религиозно-философской окраски научных разработках он следовал постоянному жизненному заданию, всегда оставался подлинным арьергардным бойцом (воспользуемся точной формулировкой С.С. Хоружего) в редееющих, теснимых рядах Христова воинства. Для примера возьмем хотя бы самую фундаментальную его работу «История античной эстетики», которая получила в Советском Союзе не только широкую известность в научных кругах и среди читающей публики, но и очевидное официальное признание – Государственную премию 1985 года (показательно, что к моменту присуждения лауреатского звания издание «Истории» еще не было завершено). Да, этот многотомный обобщающий труд является, конечно, неоценимым источником сведений по античной философии и античной культуре вообще. Тут вводится в научный оборот немало до сих пор не востребованных имен и забытых идей. Однако одной из главных задач многотомного труда Лосева было тщательное обследование эволюции эстетических (для изучаемого типа культуры – то же, что и философских) категорий античности с тем, чтобы подвести итог принципиального развития античного, сиречь самого яркого языческого миропонимания, указать его уже чисто логическое исчерпание идей безличного первоединого и показать неизбежность прихода европейской цивилизации к величайшей новости христианства. Запомним эту констатацию, мы еще вернемся к ней по ходу наших заметок.

Говорить о творчестве Лосева сколько-нибудь полно – для небольшого доклада задача явно нереальная. Столь длинную и творчески активную жизнь он прожил, столь много он сделал. Признанный авторитет как филолог, историк культуры и философ, Лосев почитается и как теоретик-музыковед, начали активно осваивать его наследие лингвисты, теперь пришел, кажется, черед математиков и логиков³. Для него характерны не только широта интересов и обилие оригинальных результатов, но и тщательность проработки любой из затрагиваемых тем, в прямом смысле слова академическая полнота изложения и охвата. Потому, к примеру, та же «История античной эстетики» заняла целых 8 томов, где на круг – свыше 400 печатных листов. Потому если уж взялся Лосев писать о любимом своем философе Владимире Соловьеве, то он никак не мог ограничиться заказанной ему книжицей для «карманной» серии «Мыслители прошлого» и оставил сегодняшнему читателю большой фолиант⁴. Или взять серию ранних (в том числе прежде не публиковавшихся) работ философа, что выходит в издательстве «Мысль» с 1993 года и насчитывает сейчас семь томов⁵ – а ведь в каждом из них по 800–900 страниц. Что ж, недаром этот самый читатель зачастую сетует, что объять «все-го Лосева» попросту бывает не по силам.

Есть и другая трудность, с которой неизбежно сталкивается читатель лосевских книг, когда наряду с «развернутым» Лосевым перед ним предстает Лосев «свернутый». Нередко случается так, что в самом трудном и насыщенном теоретическими построениями месте вдруг начинают попадаться какие-то не вполне научные термины и слишком, казалось бы, приземленные «картинки» вроде... старой стоптанной калоши (и такое – при размышлении о природе бесконечности!) или рассуждение о том, что кашу, к примеру, есть можно, а вот идею каши – нельзя. Подобные лирические отступления и излюбленные лосевские подытоживания сложнейших материалов буквально в одной фразе тоже могут озадачивать – неужто все так просто, так слишком просто?!

Да, нужно стремиться «брать Лосева» всегда в сумме и всегда помнить, что под «одной фразой» он умеет скрывать (не вернее ли сказать – концентрировать?) труд целой жизни.

Когда мы читаем рассуждение о каше или нам напоминают, что воду можно налить в сосуд и она там вполне может кипеть, а вот идею воды нельзя наливать и кипятить, нам не следует забывать, что такое утверждение и такое напоминание считает наиважнейшим именно тот человек, который досконально обследовал соотношение идеи и материи у Платона и неоплатоников, затем проследил судьбы платоновского «идеализма» на протяжении двух тысячелетий и в конце концов написал те самые многотомия. И если у Лосева в каком-нибудь очередном «примере на пальцах» почему-то утверждается, что между привычной единицей и столь же привычной двойкой имеется принципиальная качественная разница, как и между двойкой и тройкой, то не нужно думать, что здесь сказано о пустяке или философ не знает, что такое натуральный ряд чисел и что, скажем, к единице любой ребенок сможет добавить еще единицу. Лучше открыть обширные «Диалектические основы математики» Лосева и убедиться, что о понятии числа автору – и как философу и как математику – нашлось что сказать и сказать глубоко, обстоятельно, доказательно, оригинально.

Теперь, после необходимых предваряющих слов, можно обратиться к тому небольшому фрагменту из фильма В. Косаковского «Лосев», на котором мы остановили свой выбор и которым хотим занять внимание присутствующих сегодня на конференции. Это небольшое рассуждение философа (среди других сюжетов фильма оно вполне автономно) записано осенью 1987 года. Тогда философу пошел 95-й год. В таком возрасте, который сам Лосев любил, пошучивая, величать «призывным», если что говорят всерьез – это надо расценивать едва ли не как духовное завещание. Вслушаемся же, что говорилось тогда⁶:

«Мир и бытие существуют или не существуют? Очевидно.

Мир зависит от чего-нибудь или не зависит? Он ни от чего не зависит, потому что ничего другого нет, кроме мира. Всё другое уже вошло в мир.

– Значит, мир зависит сам от себя? – Да!

– Значит, мир творит сам себя? – Да!

– Значит, мир управляет сам собою? – Да!

– Так позвольте, – это же Бог! Бог же и есть начало какое?

Которое творит всё, которое ни от чего не зависит, потому что

ничего, кроме Бога, нет. Которое всё впервые творит. Почему? Потому что без Бога ничего другого нет и быть не может.

Значит, получается так, что либо мы мыслим, что мир есть, либо нужно забыть о существовании мира и считать, что мир – это ерунда. Непознаваемая и никому не нужная ерунда. Ведь Луна – не мир, а только часть мира. И Солнце – не мир, а только часть мира. Какой-то Арктур или Вега – это часть мира, а не весь мир. А где же мир-то весь?! Весь мир представляет собою то це-ло-е, куда Солнце, Луна, Земля и всё прочее, вообще всё входит только как части. Целое, естественно, выше частей.

<...> Должен сказать, что марксисты боятся употреблять слово «мир» как понятие. Почему? Опасно. Если развивать понятие мира, необходимо прийти к понятию Бога. Потому что нужно прийти к такому целому, которое выше отдельных частей, и выше их совокупности. А это же и есть Бог, который выше всего, всем управляет, всем движет и всё включает в себя. Не Луна всем движет, а какое-то высшее начало всем движет, в том числе и Луной. Поэтому, мне думается, что такое простое и самое необходимое понятие о Боге, оно настолько просто, настолько вещественно, настолько оно необходимо для понимания самого же мира, что, думаю, тут разговаривать не о чем».

Действительно, сказанное Лосевым настолько ясно и веско, что докладчику впору было бы собрать листочки и тихо удалиться на свое место в этом зале физического факультета МГУ. Только добровольно взятые на себя обязательства заставляют не делать этого и приступить к некоторому посильному комментарию лосевского монолога о «мире в целом».

Что тут прежде всего бросается в глаза? Выстраивая подобное рассуждение, вовсе не нужно знать современной физики (не из вежливости, но по необходимости скажем, озирая гостеприимные стены нашей аудитории), тут не использовано и ссылок на авторитет Священного Писания (вспомним великий повод, нас всех здесь сегодня собравший, – Рождество Христово). На все хватило только голой и безоглядной логики. Трудно, далее, избавиться от ощущения, что логика данного рассуждения – старинная и по типу, кажется, вполне античная. Так оно скорее всего и есть: голосом Лосева вполне явственно заговорили неоплатоники, в первую очередь Прокл. Напомним,

что «Первоосновы теологии» последнего (и жизнь распорядилась так, что наш российский читатель знает этот трактат в переводе и с комментариями именно Лосева) начинаются как раз с рассмотрения соотношений целого и части или, если быть ближе к терминологии оригинала, соотношений «единого» и «многого». Да, мудрый русский философ дал именно такое доказательство необходимости понятия Бога – максимально доступное как древним язычникам, так и современному обществу, в целом если и не безбожному, то индифферентному к вопросам веры, которому что-то можно доказать, и то не всегда, только с привычной апелляцией к разуму. Но всякое античное (по типу) суждение о «мире в целом», конечно же, неизбежно пантеистично. Для полноты представлений о Боге выраженному здесь миропониманию еще не хватает многого существенно, например, благой вести Священной Истории и благого дара личностных отношений – личности человеческой и Абсолютной Личности. Как раз того, что несет христианство, как раз того, что уже не нуждается в логике⁷. А сконцентрированная в рассуждении русского философа мысль о мире как целом – это тот дар, который преподнесен античностью и, нисколько не умаленный в последующие эпохи, с благодарностью должен быть принят сегодня.

Обсуждаемое нами высказывание о «мире в целом» занимает вполне определенное и даже принципиальное место во всем творчестве Лосева. Без особого труда в «простеньком» рассуждении о Луне, Солнце и прочем узнается лишь переложение на максимально доступную разговорную форму старого, академически строгого пассажа из знаменитой теперь «Диалектики мифа»⁸. В один ряд с этой давней книгой можно поставить и небольшую работу, написанную Лосевым (вернее, продиктованную под запись секретарю) спустя много лет и примерно за год до съемок фильма. Она называется ни много ни мало «О мировоззрении»⁹. Знакомясь с этими произведениями, мы убеждаемся, что и для Лосева «раннего» и для Лосева «позднего» (ставить кавычки приходится потому, что на самом-то деле творчество философа, конечно, предстает принципиально единым) борьба с представлениями о разъятом мире и поиск мирового целого были самой естественной задачей

и обязанностью мысли. Он положил много сил, чтобы оспорить общепринятые представления о непреодолимых, как многим до сих пор кажется, разрывах и антиномиях типа *субъект / объект* или *идея / материя* или *сознание / бытие* или *душа / тело* или *бесконечное / конечное* или, собственно, *часть / целое*. Интуицией целого пронизаны не только его космологические представления и его общее мировоззрение, но и обращения ко многим частным темам, с которыми он сталкивался за свою долгую жизнь исследователя. Культурно-исторические типы как цельные данности в непрерывном шествии цивилизаций, символ как целое или как синтез сущности и явления, актуальная бесконечность как целостность математических и физических объектов, языковые элементы как целое и т.д. – можно долго перечислять подобные более-менее локальные реализации общего метода.

Но все-таки, наверное, тему тем и задачу задач составляет диалектическое «прочтение» Лосевым познавательных антиномий и преодоление гносеологических разрывов миропонимания. Эта генеральная и, если угодно, царственная тема философии невольно клонит нас к сопоставлению лосевского суждения о «мире в целом» с одним из главных результатов мыслительной работы Нового времени, а именно с «Критикой чистого разума». В приведенном монологе Лосев не упоминал Канта, что вполне естественно для избранного жанра домашней беседы, но было бы странно, скажем, для выступления на университетской кафедре. Для Лосева, на самом-то деле, преодоление кантианства всегда представлялось важным делом, начиная еще с его студенческих работ начала века. Направлено против построений кенигсбергского критика и это суждение о «мире в целом», одно из последних в земной жизни философа. Напомним, что именно Кант считал невозможным рассматривать мир как «абсолютную целокупность всего существующего», он категорически утверждал, что «наше суждение о целом неизбежно превращается в безмолвное, но зато тем более красноречивое изумление» перед ним¹⁰ – и только. Именно Кант воздвиг, как ему казалось, непроходимые пропасти познавательных антиномий, разорвав явление от сущности и понятие от вещи. Тем самым он не только вполне завершил дело,

начатое средневековыми номиналистами, не только (вольно или невольно) дал санкцию на бурное развитие европейского позитивизма, но и посчитал несостоятельными все три возможных «доказательства бытия Божия», что известны в истории мысли как онтологическое, космологическое и телеологическое. Ход любого из таких «доказательств»¹¹ Кант обрекал на обязательное пресечение, поскольку для него движение к «абсолютной целокупности» столь же невозможно, как и невозможно движение (его, Канта) мысли к пресловутой «вещи в себе». Отметим еще, что Кант не признавал и идею актуальной бесконечности, считая возможной только бесконечность потенциальную. Так что здесь Лосев выбирал между Кантом и Кантором в пользу последнего. Впрочем, это уже замечание, так сказать, на полях.

Итак, короткое рассуждение Лосева о «мире в целом» – это беспощадная *критика* «Критики чистого разума». Или даже – наглядное *аннулирование* ее. В самом деле, Лосев, невзирая на запрет Канта, строит доказательство неизбежности понятия Бога на основании самого очевидного представления о мире как целом. Это выглядит, надо сказать, очень даже по-русски: вы нас – своими трактатами, своими «Критиками», а мы вам взамен – рассуждение «на пальцах», как нам это и сподручнее и проще уж никак не получится и спор-то вести (Луна – это разве весь мир? а Солнце – разве весь?!). Впрочем, нелишне будет напомнить, что Лосев тоже умеет сочинять ученые трактаты, и тут вместе с «Диалектикой мифа» в качестве развернутой критики кантовских «Критик» нужно назвать уже упоминавшийся большой труд под названием «Самое само». Непосредственная, профессиональная и аргументированная критика Канта – как раз здесь.

Конечно, Лосев не был одинок в своем принципиальном антикантианстве. Он скорее следовал общему руслу отечественной философской мысли. Недаром как раз в то время, когда наш философ только приступал к созданию знаменитых своих книг 1920-х годов, другой русский философ о. Сергей Булгаков, призывая к постижению мира «как целого, как единого и связи всего сущего», бросал упрек современному позитивизму: «Мир, как целое, практически отрицается методом

науки. Целое всегда уходит от нас, потому что она пользуется методом изолирующего, специального изучения»¹². Характерным образом указывал он и одно из главных препятствий на путях постижения такого целого: «Философия Канта принадлежит к числу самых могущественных, но и мертвящих построений, до которых когда-либо доходил человеческий ум и трудолюбие. Словно огромная гора завалила реку, так кантовский критицизм тяжелой глыбой пал на духовном пути европейского человечества... Кант сказал «Нельзя!» религиозному мировоззрению, которое сам он свел к морали, а современная религиозно-философская мысль все увереннее говорит «Можно!»¹³.

«Можно!» – всю жизнь твердил и уверенно заключал в итоге своей многолетней работы Лосев, в итоге, который сведен, по авторскому обыкновению, в «одну фразу» космологического рассуждения. Тем самым он возвратил нам *право представлять целое* и возможность идти к понятию Бога *уже, даже* логическим путем. Или можно еще и по-другому сказать, подытоживая результат в категоричной и сжатой форме познавательной установки, что, кажется, еще остается в научной моде. С такой манерой завершать повествование Лосев, привыкший резюмировать все и вся, скорее всего согласился бы. Итак: *если ты, исследователь, ищешь целого в предмете своего исследования, ты идешь верной дорогой, и ведет она к Тому, Кто даровал саму возможность жить, мыслить, исследовать.*

1.7. К философии чуда

Хорошо известно, что плодотворный диалог или дискуссия возможны только тогда, когда все участвующие стороны заранее договорились о терминах. Одинаковое понимание тех или иных ключевых слов – вот естественная основа, как теперь модно выражаться, для плодотворной коммуникации. Но есть термины и, соответственно, скрытые за ними понятия и подчас целые области идей, для которых такой договор представляет необычайную трудность. И трудность возникает прежде всего потому, что ради одного-единственного слова

договаривающиеся стороны вынуждены формулировать и сопоставлять ни много ни мало, как основные принципы собственного мировоззрения.

Как установить точки соприкосновения, например, в вопросе о том, что такое чудо? Возможен ли такой договор и в последующем какое-либо понимание, если одна сторона убеждена, что *чудес на свете не бывает* (как ни странно, эта ходячая позитивистская мудрость впервые явственно оформилась сравнительно недавно, насколько удастся установить по доступной нам литературе, лишь во второй половине XIX века в одном из полемических выступлений английского литературного критика и эссеиста Мэтью Арнольда¹), а другая сторона – намеренно возьмем внешне далекую от теологии формулировку, – другая сторона твердо верит и наверняка знает:

В любом начале волшебство таится,
Оно нам в помощь, в нем защита наша...

– это из стихов Иозефа Кнехта, героя «Игры в бисер» Германа Гессе². Скорее всего, когда подобного рода позиции (вернее выразиться, оппозиции) все-таки вынужденно встречаются в одном месте и в одно время, когда им предлежит одно и то же чудесное явление, требующее переживания и осмысления, тут скорее всего возможен только прямой конфликт, только грубое столкновение. Вот характерное подтверждение тому – эпизод, который описан в воспоминаниях архиепископа Иоанна Шаховского, опубликованы они в третьем выпуске «Вестника русского христианского движения» за 1982 год:

«Весной 1918 года, 15-летним мальчиком, я прибыл из Тулы в Москву для хлопот о моей матери, сидевшей в Бутырской тюрьме. В эти дни Москву облетел слух о некоем событии, случившемся у Никольских Ворот. Я тоже пошел к этим Воротам. Я увидел там толпы людей. Большая икона Святителя Николая Чудотворца висела над Воротами. Она была занавешена красной материей. Материя была прибита гвоздями к краям иконы и закрывала ее всю. И вот, в этот тихий солнечный день москвичи увидели, что эта красная материя, закрывавшая икону, во-первых, разорвалась сверху донизу; и далее, полоски материи стали, как ленточки, отрываться от иконы

сверху вниз, и падать на землю... Я стоял среди благоговейной и сосредоточенной толпы. Икона, на глазах у всех, очистилась совершенно от красной материи, ее закрывавшей. И вдруг я услышал позади себя выстрелы, один, другой, третий. Я оглянулся и увидел парня в солдатской одежде. Он стрелял из ружья, метя в икону. Лицо его было типично русское, крестьянское, круглое, с напряжением, но без всякого выражения. Очевидно, он, исполняя чье-то распоряжение, стрелял в икону Святителя. Метки от пуль его оставались на иконе, уже ничем не закрытой. <...>

Я видел, – заключил архиепископ Иоанн Шаховской, – как в своей одержимости грешная Русь расстреливала свои святыни, а Русь святая молитвенно созерцала чудесное знамение Божией силы над миром»³.

Да, вот так и расколот мир людской: одним, принимающим чудо как должное, даровано прежде всего *молитвенное созерцание*, благодарное и светлое, иным же, прогоняющим чудо с порога дома своего, свойственна *потребность действия*, отрицающего и агрессивного – действия всякого, от еще почти безобидного покачивания головой в знак сомнения до реализации жгучей потребности устроить какую-нибудь «разоблачительную» химическую экспертизу или, в конце концов, открыть пальбу из кстати оказавшейся под рукой винтовки.

И все-таки, как представляется, есть смысл искать одинаково для всех приемлемый и понятный ответ на вопрос, что такое чудо. Причем сразу нужно бы заметить, что для этой цели весьма мало подходит и даже вполне бесполезно широко известное определение чуда как некоторого рода *вмешательства* высших сил (или Высшей Силы) в течение природных процессов. Сказанное равно относится и к области науки и к религии.

В самом деле, в рамках традиционного научного (традиционно атеистического, как известно) миропонимания подобного «чуда как сверхъестественного вмешательства» попросту нет. Если рассматривать возникшую ситуацию со стороны, так скажем, *внешне-природной*, чудо для науки *излишне* уже потому, что с ее точки зрения некому или нечему вмешиваться, поскольку либо вовсе не признается существование этих самых высших сил (или единственной надмирной Силы), либо даже

если существование такое и признается отдельными учеными в индивидуальном, так сказать, порядке, то практически это никак не отображается на общим характере и содержании научных знаний. А если время от времени и в самом деле обнаруживается какой-либо факт как отклонение от ранее установленных научных законов, то это будет никакое не чудо, а, скажем, *открытие*. Оно обязательно влечет за собой пересмотр той или иной научной теории, и уже в обновленный научный закон или расширенный круг научных взглядов данный факт, будьте уверены, вполне должен уложиться. Во всяком случае, по такому пути развивается любая из наук современности. И отметим еще одно немаловажное обстоятельство. С принятием определения чуда как вмешательства сверхъестественного в естественное молчаливо предполагается, что в сфере самого-то естественного или, скажем иначе, со стороны уже *внутри-природной* также не остается места чуду. Ни в самих природных процессах, ни в законах природы, эти процессы определяющих, ничего чудесного изначально не предположено, не ищется и потому найдено быть не может.

Теперь возьмем типичное определение чуда, выработанное в рамках православной теологии. Оно принадлежит о. Феофану, епископу Кронштадтскому. Берем цитату из большого трактата 1915 года, специально посвященного чуду с точки зрения христианства: «Христианское чудо есть видимое, поразительное, сверхъестественное явление (в физическом мире, в телесной и духовной природе человека и в истории народов), производимое личным, живым Богом для достижения человеком религиозно-нравственного совершенствования»⁴. Не составляет особого труда заметить, что здесь также описывается чудо как «сверхъестественное вмешательство», но только еще специально уточняется, Кто именно производит чудеса и в каких именно целях они совершаются. Безусловно, такое понимание чуда имеет важное значение для верного восприятия и нужного переживания многих эпизодов Священного Писания и в особенности евангельских чудес, т.е. как раз в целях «книжной», если можно так выразиться, христианской апологетики и моралистики. Но ведь для христиан *абсолютно все* события есть чудо, начиная от сотворения мира в целом и кончая рождением и

смертью конкретного человека, не говоря уже о переживании различных событий в церковных таинствах. И такое воистину сплошное чудо, укорененное в порядке всех и всяческих (обычных и необычных) вещей, не подпадает под определение о. Феофана, поскольку оно уже может и не замечаться, особо не выделяться на фоне жизненных явлений. Подобного чуда, из невероятного ставшего повседневным, вроде как и нет. Вспомним хотя бы то совсем недавнее событие (еще недели не прошло), что благодатно переживалось всеми православными людьми, когда на Крещение Господне из ледяного иордана российских рек, прудов и ключей черпалась чудодейственная вода, эта *агиасма*, святыня великая. И оно, чудесное событие это, происходит сразу в тысячах географических точек и из года в год, из века в век... Да, повторим вслед за о. Феофаном, нам дана *поразительная* повседневность, но это поразительное – именно *повседневно*.

Итак, в обсуждаемом определении чуда многого определено не хватает. Фактически такое понимание чуда существенно сужает его распространение в области религиозной и вполне очевидно нейтрализует, если вообще не сводит до нуля – в науке. Оно же, такое понимание, еще и полностью *разводит* науку и религию, не представляя ни возможностей для равноправного диалога, ни даже заметных шансов для движения навстречу друг другу. А возможен ли иной, более плодотворный подход к пониманию чуда?

Да, возможен, и такой подход уже достаточно давно сформулирован, он родился в лоне отечественной религиозно-философской мысли и совершенно четко изложен семьдесят лет назад в «Диалектике мифа» А.Ф. Лосева, книге, надо сказать, отчаянной и во многих отношениях замечательной. Сразу после выхода в свет книга была конфискована, ее автор – арестован, и поэтому и сама она, и те заветные авторские идеи, что в ней сконцентрированы, оказались недоступны широкому кругу читателей. Теперь же, надо думать, ситуация совершенно иная. Эта книга, без преувеличения можно сказать, являет нам один из самых ярких в XX веке образцов исполнения долга настоящего ученого и настоящего человека. Пожалуй, говоря о гражданском мужестве автора «Диалектики мифа», его можно

поставить рядом с автором «Архипелага ГУЛАГ», по смелости суждений и масштабности научных обобщений «Диалектика мифа» принадлежит к той же редкостной породе творений, что и работа В.И. Вернадского «Научная мысль как планетное явление», а та твердость, с которой на страницах «Диалектики мифа» отстаивалось христианское миропонимание, доказывает, что и в самые трудные для верующих времена «великого перелома» оставались в России настоящие православные воины. И вот теперь только по-русски начиная с 1990 года эта книга издавалась пять раз. Так что есть некоторые основания надеяться, что «Диалектика мифа» окажется востребованной в нашем обновляющемся Отечестве. Как придется ко двору и концепция чуда, составляющая идейное ядро «Диалектики мифа».

Вкратце изложим эту концепцию. Конечно, в первую очередь отмечает Лосев, «в чуде мы имеем дело» со взаимоотношением, пересечением, встречей *«двух каких-то разных планов действительности»*. Понимание этого «и заставляло многих говорить о вмешательстве высших сил и о нарушении законов природы»⁵. Но очень важно еще возможно более четко представлять себе природу этих планов (или родов или слоев) бытия. Эти два слоя бытия, считает Лосев, таковы: с одной стороны, план заданности, преднамеренности и цели, идеальная выполненность или первообраз, пребывающий вне времени, вне временного становления, иными словами, определяет философ в итоге, план *внутренне-замысленный*; с другой стороны, план исполнения, выражения изначального задания, план того уже вещественного образа, что получен в результате воплощения исходного первообраза в последующем его становлении, т.е. план *внешне-исторический*. Два плана реальности, внутренне-замысленный и внешне-исторический – это, в свою очередь, две стороны единого *символа*⁶. С упоминанием последнего чрезвычайно глубокого понятия мы сделаем небольшую и необходимую остановку. Приходится иногда слышать, что две «половинки» символа у Лосева похожи на то, что у философов и филологов после Фердинанда де Соссюра принято определять как означаемое и означающее⁷. Сходство, надо подчеркнуть, очень отдаленное и даже, скажем точнее, только чисто количественное – всего лишь и тут и там говорится о

двух сторонах. Но у Соссюра (точно так же – для его многочисленных последователей, включая и современных семиотиков) означающее и означаемое разделены непроходимой пропастью, знак и обозначаемая им вещь соединены совершенно условно, в силу некоторого рода *конвенции* в рамках данного языка⁸. Два плана в символической реальности по Лосеву, наоборот, соединены изначально, выстроены по принципу порождения одного из другого, связаны *генетически* и взаимодействуют *энергийно*. Далее, у Ф. де Соссюра с его онтологической пропастью даже и не стоит вопроса о том, чтобы описывать означающее и означаемое в рамках единого типа реальности. Для Лосева же, всячески отрицающего принципиальное разделение идеи и материи, оба плана символа пронизаны интегральным личностным началом – в символе встречаются две в определенном смысле *родственные* реальности, каждая из которых обладает внутренней самоосознанностью, восходящей к единому Творцу, встречаются два именно *личностных* плана. Уже потому и любые отношения этих слоев реальности в объединяющем их символе всегда ценностны, всегда сохраняют личностную окраску, включая даже самые крайние (вырожденные) случаи.

И вот теперь, вынужденно кратко приведя эти важные оговорки, можно дать искомую формулировку: чудо, по Лосеву, есть *полное воплощение* задания, есть *совпадение* внутренне-заданного плана и плана внешне-исторического⁹. Иными словами, чудо – никакая не сенсация или полная неожиданность, не нечто неестественное или во всяком случае периферийное, а как раз самое *естественное*, самое *массовое*, совершенно *должное* событие.

Будет, кажется, полезно подчеркнуть, что в истоке обнаруживаемых, таким образом, противоположных отношений к чуду лежит важнейшая культурно-историческая подоплека: наша современность с ее ориентацией на якобы блага научно-технического прогресса изначально ориентирована на *новость*, оригинальность, неклассичность, модернизм, тогда как для обществ «антично-средневекового» типа (позволим себе этот на первый взгляд неожиданный термин, заимствуя его из

некоторых работ Лосева¹⁰), для обществ «антично-средневекового», повторим, типа наиболее ценима как раз верность *традиции*, следование определенным образцам и подтверждение незыблемых истин. Нужно ли говорить, что этот второй тип мироощущения вовсе не изжил себя, до сих пор вполне конкурирует с первым и будет, конечно, жить впредь. Впрочем, нам нет и нужды подробнее останавливаться на соответствующих вопросах типологии культур, поскольку они достаточно освещены в известных работах Мишеля Фуко или Умберто Эко, а у нас им в свое время достаточно много внимания уделил, к примеру, Ю.М. Лотман¹¹.

Что дает вышеизложенное понимание чуда для науки? Конечно, можно говорить о возможности свежим взглядом оценить какие-то давно проверенные положения, ставшие едва ли не общим местом научной методологии, например, будет интересно включить привычную цепочку «*гипотеза – эксперимент – теория*» в некоторый более широкий философский контекст, этот механизм по-новому осмысливающий. Лосевская концепция чуда позволяет заново ставить вопрос о разнообразии и жизненной важности *типов причинности* и вспоминать о типах забытых. Скажем, в той же «Диалектике мифа» Лосев показывает и доказывает, что ученые и философы напрасно забросили понятие судьбы, что судьба – «ни в каком смысле не выдумка, а жестокий лик самой жизни»¹². (Пометим в скобках, что позднее, не имея возможности открыто высказываться, Лосев многие свои заветные мысли и об античном понимании судьбы, и о христианском принятии Промысла Божия весьма искусно размещал в фундаментальной «Истории античной эстетики»¹³, излагая некоторые положения собственной философии на языке *историка философии*.) Очень интересный сюжет разворачивается, далее, если сопоставлять лосевскую концепцию с современными воззрениями на природу и значение *информации как таковой*, только, правда, если рассматривать эту важнейшую научную категорию не по Шеннону, не как меру «снятия» неопределенности, но перейти на оценки разности «ожидаемого» и «действительного» – соответствующие необходимые изменения основ теории информации уже разрабатывались¹⁴. Однако едва ли не самое

важное и одновременно самое трудное, что предстоит усвоить современной науке в лосевской концепции чуда – это утверждение о символах как непосредственно данной реальности, с каковой одинаково часто встречаются и самая изощренная, но вместе с тем ищущая мысль, и вполне наивное, а главное, неискаженное чувство. Чуда нет в смысле детской сказки о ска-терти-самобранке, но чудо всегда есть в смысле неколебимости самого факта живой материальной действительности. Подлинное чудо, коли уж на то пошло, попросту «есть действие невещественной структуры на вещь, которая обладает этой структурой»¹⁵, – даже такую вполне позитивистскую по внешности дефиницию чуда давал Лосев уже в конце своей жизни, стараясь быть максимально понятным для науковерчески мыслящего большинства. Вот что труднее всего – уметь отнестись к простому и, казалось бы, ни к чему не обязывающему начертанию формул на бумаге столь же реалистично, как к непосредственному возведению некоего сооружения по чертежам какого-то конструкторского бюро, а может быть, и даже как к делу воистину вселенскому. Но тогда и ответственность за каждый шаг ученого, и верный и опрометчивый, неимоверно возрастает сообразно столь развернутому масштабу ценностей. И никуда от чуда не денешься! Поскольку самая обыденная жизнь, если всерьез вдуматься, есть «Школа Сплошного Чуда» – так говорил уже упоминавшийся у нас архиепископ Иоанн Шаховской, – постольку она «богословствует, даже когда молчит о Боге»¹⁶.

Что дает лосевская концепция чуда в области религии? Она, конечно, нисколько не противоречит глубинному пониманию чудесного, которое интуитивно ясно всякому христианину, а в более афористически емкой форме выражается в словах о. Сергия Булгакова: чудо – это «явление божественной целесообразности в мире», чудеса «суть дела Божии, которые даны человеку»¹⁷ (берем эти определения из работы «О чудесах евангельских», опубликованной о. Сергием в эмиграции в 1932 году). Лосевская формула чуда как совпадения двух планов бытия ни в коем случае не должна рассматриваться и как попытка какой-то секуляризации высоких идей – то общее, что заключает это определение и для науки и для религии,

просто относится к первоосновной области логики, хотя и логики, может быть, особой, без которой на деле не обходятся ни аксиомы точного знания, ни церковные догматы. Как нам представляется, лосевский подход в своих выразительных возможностях (если угодно, научного) описания – далее воспользуемся словами того же Булгакова, – обнимает весь «духовно-природный состав мира как перманентное чудо»¹⁸, а по сути своей подход этот зиждется на мощном фундаменте христианской веры. Тут нельзя не вспомнить слова апостола Павла: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (*Евр. 11.1*).

1.8. Типология культур А.Ф. Лосева и символ фокстрота

Сейчас, когда на дворе юное третье тысячелетие, приход которого почти невольно склоняет мысль к историко-культурным обобщениям, самое время вспомнить знаменитый «Закат Европы». Только что миновал 2000-й год с предсказанным О. Шпенглером и теперь многими явственно ощущаемым «культурным сломом». Вот уже и в названия книг и научных конференций по праву вошел этот термин, явно не лишенный драматического оттенка и примет жутковатой чувственной реальности. И хотя за прошедшие почти 80 лет – отсчет нужно вести со времени выхода в свет сборника 1922 года «Шпенглер и Закат Европы» – хор русской «шпенглеряны» значительно расширился и обогатился многими блестящими именами, в нем до сих пор вполне различим голос А.Ф. Лосева, к которому мы должны внимательно прислушаться.

Отношение Лосева к творчеству Шпенглера, несмотря на известный, мягко характеризуюя, *неакадемизм* последнего, следует признать во многом положительным. Это без труда доказывается на основании довольно многочисленных высказываний русского философа начиная, прежде всего, с «Очерков античного символизма и мифологии». Лосев солидаризировался

с автором «*Der Untergang des Abendlandes*» и в негативной оценке новоевропейского рационализма, и по вопросу пересмотра привычных отношений природного и исторического в социальном бытии, и относительно понимания важнейшей культурно-выразительной роли музыки и математики, и – особенно – в методологически последовательном интересе к физиогномике культур, к выявлению основополагающих интуиций, лежащих в недрах тех или иных «органических эпох».

Находим мы и принципиальную критику определенных издержек «физиогномизма» Шпенглера, который, как с пониманием и сочувствием отмечалось Лосевым, настолько ярко переживал «своеобразие и индивидуальную несводимость лика каждой культуры», что утверждал «прямо абсолютную разорванность всемирно-исторической культуры человечества, полную независимость и изолированность каждой культуры»¹. Поэтому возникала насущная задача – представить «ряд человеческих культур как нечто целое, как жизнь единого всечеловеческого организма» и, далее, использовать при этом диалектический метод, который призван не только выявить «единство тех категорий, которые входят в структуру каждой культуры», но и показать, «что каждая культура отличается от всякой иной только своеобразием в комбинации и акцентуации тех или других категорий, общих для культуры вообще», – эта задача преодоления и, вместе, развития идей Шпенглера не только формулировалась, но и ставилась Лосевым перед собой². Автор не преминул еще добавить и напомнить, что чисто диалектическую картину истории культур пытался строить в свое время Гегель, так что очередная задача науки виделась Лосеву в *органическом соединении* «физиогномики» и диалектики.

Теперь можно констатировать, что выдвинутая программа типологии культур вполне была реализована Лосевым в избранной им области. Конечно, прежде всего речь должна идти об «Истории античной эстетики» (1963–1994), недавнее второе издание которой символично пришлось на 2000-й год, Шпенглером прозорливо помеченный. В этом фундаментальном труде мы находим и емкие характеристики специфических черт античности (см. в особенности знаменитые «12 тезисов об античной культуре») вместе с указанием направлений,

по которым шло исчерпание античного мироощущения и вместе с тем близилась подготовка великой новости мироощущения христианского, и описание многообразия философских школ и эстетических учений античности, того многообразия, в котором уже сама установка на цельность выявленного типа культуры позволяла автору «Истории» обнаруживать подчас непривычные отношения и связи (отметим, к примеру, подчеркиваемый у Лосева «идеалистический» момент в «материалистическом» учении Демокрита об атомах или важнейшую тему дополнительности и взаиморазвития «линий» Платона и Аристотеля), и особый акцент на кажущихся маргинальными – со своими едва прослеживаемыми «ферментами» и «рудиментами» – течениях мысли и культурных явлениях переходного характера (скажем, целые тома «Истории» отведены исследованию эллинизма), и четкое исследование функционирования логических категорий, лежащих (с тем или иным «ударением», степенью «выявления») в основе всяческих оттенков философской мысли, сколько бы их ни предлагалось на всем протяжении тысячелетнего существования античного типа культуры.

В основу своих классификаций автор «Истории античной эстетики» – этой симфонии культурологических типологий – положил особое понимание *мифа*, осмысленного на базе разнообразных данных и точно определенного языком логико-философских категорий. Миф представлен как диалектический синтез идеи (формообразующей идеи) и материи (материи-потенции), как синтез, неизменно разрабатываемый античностью в виде *чувственно-материального космоса* с выдвижением на первый план того или иного пункта в единой (для всей античности) «номенклатуре» его составных частей. И весь путь античного мироощущения и античной мысли рисуется Лосевым как последовательное и неуклонное освоение всех (воистину конструктивных) возможностей этого диалектического синтеза, так что с исчерпанием его духовных запасов закономерно наступил и конец самой античности.

Отметим, что лосевские типологии предстают на столь высоком уровне строгости, последовательности и систематичности обработки обширнейшего материала, обычно относимого

только по гуманитарному ведомству, что к полученным классификациям вполне могут быть применимы методы наук, что называется, точных, прежде всего современной математики. В частности, для адекватного и в определенной степени формального изображения лосевских типологий нам представляется возможным использование элементов *теории операторов*. Данная теория, получившая расцвет при создании языка для квантовой механики, в последние годы активно развивается и для случая макрообъектов вплоть до космологических масштабов, с претензией стать универсальным языком описания мира в целом, для описания, как выражались и Шпенглер и Лосев, *формы мира*. Разумеется, дискуссия о роли языка операторов и оценка его изобразительной мощи в наши намерения не входят уже хотя бы потому, что они потребуют значительного места для непростых построений междисциплинарного характера. По той же причине мы не будем здесь излагать и примеры перевода типологий культур, по Лосеву, на указанный язык. Но тут, надо все-таки сказать, вырисовывается очень существенная тема «Заката Европы» – если действительно «язык форм человеческой истории» и «ее органическая логика», найденные Лосевым, должны получать заметное соответствие в новых тенденциях и достижениях математической науки, ибо «то, что выражается в мире чисел», по Шпенглеру, «есть стиль души»³. Зафиксируем, пожалуй, только одно любопытное обстоятельство, связанное с этой высшей культурной мерой числа, с одной стороны, и с недавним выходом на арену идей теории операторов, с другой стороны. Если рассматривать «Таблицу духовных эпох», которой Шпенглер завершил вступление к своей книге, то в ней нетрудно обнаружить строку под названием «Концепция числа как отражения и сущности формы мира», а в строке – конспективное изложение магистрального пути математики. От числа как *величины и меры* (в арифметике и геометрии античности) через *неопределенное* число (в алгебре Средних веков) к числу как *функции* (в анализе Нового времени) лежит, по Шпенглеру, этот путь последовательного, стадийного наращивания изобразительных возможностей мысли в пространстве «одновременных» духовных эпох (мы не будем здесь обсуждать своеобразие шпенглеровского понимания соотношений синхронии и диахронии в

культурном процессе). Операторы как *функции над функциями*, о которых автор «Заката Европы» еще не мог знать, абсолютно точно укладываются в угаданном Шпенглером направлении общего движения. Хотелось бы только понять, о каком новом типе культуры сигнализирует это математическое новшество. Обсуждение возможных гипотез на сей счет отвлекло бы нас, однако, слишком далеко.

Проблемы философии культуры (с входящими сюда задачами типологических описаний) ставились Лосевым не только в «Истории античной эстетики» и примыкающих работах, где специально рассматривалась античность как тип культуры. Можно указать еще ряд книг 1920-х годов, в особенности уже упоминавшиеся «Очерки», а также «Философию имени», «Диалектику художественной формы» и «Диалектику мифа». Последняя из названных книг выступает характерным образом, и в том же аспекте присоединяются к ней дошедшие до нас фрагменты обширной работы автора, известной под названием «Дополнение к “Диалектике мифа”». Во всех перечисленных книгах «раннего» Лосева задача типологии культур уже не обязательно увязана с античностью. Здесь рассмотрению известных из истории культурных типов предшествует теоретический анализ, дающий структуру и логику функционирования обобщенной «художественной формы». Логика – это логика диалектическая, структура – структура символическая или, в конце концов, все тот же миф. Тщательным перебором и пересмотром всех возможных соотношений логических категорий, образующих структуру мифа, автор и занят в «Диалектике мифа» и «Дополнении» к ней. Рассматриваются все мыслимые типы «относительных мифологий» (им находятся содержательные «дублиеты» из истории культуры), которые отличаются друг от друга – вспомним уже приведенную выше реплику на шпенглеровский «физиогномизм», принадлежащую Лосеву, – «только своеобразием в комбинации и акцентуации тех или других категорий», и эта аналитическая работа настойчиво подводит к тому, чтобы приступить наконец к последовательному описанию устройства «абсолютной мифологии», содержащей все базовые структурные категории в равновесии их «акцентуации», в их синтезе. Полученная таким

образом, а вернее сказать, фактически строго выведенная «абсолютная мифология» есть собственно *христианское* мировоззрение (для Лосева, напомним, вопрос единства знания и веры не стоит, он раз и навсегда решен положительно, и важно лишь умело и верно распорядиться наличным логическим оснащением христианской мысли). Последнее, в свою очередь, развивается в *православном* русле и уточняется сообразно раскрывшимся структурно-логическим возможностям (таковы софиологические и имяславские перспективы учения). Тут самое время вспомнить одно характерное авторское признание, давно сделанное при весьма драматических обстоятельствах: «Я, прежде всего, теоретик, ученый, в основном живущий в сфере логических категорий. В области логической я должен признать свою смелость и бесстрашие, меня не пугают самые крайние выводы, если они логически необходимы»⁴.

Но конечно же, Лосев не мог ограничиться только сферой невозмутимого теоретизирования уже по одному тому, что он по праву принадлежал к славной когорте тех русских философов, для которых слово было еще и делом, а наука смыкалась подчас с публицистикой, если не проповедью. Потому-то и в «Диалектике мифа» и в «Дополнении» мы наряду с принципиальными типологиями находим еще и столь яркие суждения социальной направленности и злободневные примеры, щедро почерпнутые «из реки по имени факт». И здесь, по большому счету, собственно философские результаты объективно смыкаются еще с одним пластом творчества Лосева, с его философской прозой. На ином фоне, посредством новых выразительных возможностей, естественно предполагающих диалог и дискуссию, требующих эмоционально-экспрессивные оценки и жизненно важные выводы, автор в очередной раз проговаривает все свои излюбленные типологии, устами литературных героев вновь ставит те же вопросы о подлинном содержании узловых понятий и стоящих за ними интуиций, сопоставляет и сталкивает точки зрения тех или иных «относительных мифологий». Вообще, надо констатировать, лосевскую прозу еще предстоит специально прочесть (отрефлектировать общественным сознанием) в едином комплексе с его философскими работами 1920–30-х годов. Для исследователей

явно назрела эта важная и ответственная задача ближайшего будущего. Мы же в настоящих заметках ограничимся только одним с виду микроскопическим, но на поверку весьма значительным (да еще и своеобразно отсылающим к «Закату Европы») эпизодом из философской прозы Лосева. Это – *символ фокстрота*⁵.

Среди великого множества разнообразных музыкальных тем, картинок, эпизодов, которыми изобилуют почти все лосевские повести и рассказы, упоминание фокстрота выделено уже чисто количественно. Он появляется сразу в двух повестях, причем с весьма существенными текстуальными совпадениями. Вот мы читаем характеристику жителя-бытия на Беломорское, которую обрисовывает Николай Вершинин, главный герой повести «Встреча»:

«... все мы тут живем по методу фокстрота...

<...>Что такое фокстрот? Тут два момента: живой, выразительный и четкий ритм, доходящий до вещественно-броской моторики, и – томительное, дрожащее, сладострастное, бесшабашно-наглое, абсолютно анархичное мление и щекотание. И это всё сразу, вместе; этот контраст – внутренне связывает обе сферы и связывает – нарочито, подчеркнуто, как бы глумясь над чем-то, сливает их до последнего тождества, достигая этим юмористически-показного эффекта. <...>

Мы и наша работа, это – фокстрот. Мы – бодры, веселы, живы; наши темпы – резкие, броские, противоположность всякой вялости. Но внутри себя мы – пусты, ни во что не верим, над всем глумимся и издеваемся; мы млеем, дрожим, сюсюкаем; и всё там, в глубине, расхлябанно, растленно, всё ползет, липнет, болезненно млеет, ноет, развратно томится, смеётся над собственным бессилием и одиночеством. Беломорстой, вся эта колоссальная энергия строителей, это – наш интеллектуально и технически выразительный, производственный и социальный фокстрот»⁶.

Схожую, хотя стилистически и несколько отличную характеристику фокстрота можно найти в повести «Из разговоров на Беломорское», где она произнесена одним из сотрудников лагерной газеты «Перековка»:

«Ежедневно, вернее еженощно, вы слышите как по всему

Беломорстрою раздаются – и на дворе, и в домах – тягучие и плаксивые, но в то же время бодрые и даже маршеобразные мелодии фокстрота. Эта штука вся состоит из однообразной ритмической рубки, как бы из толчения на одном месте, но вся эта видимая бодрость и четкость залита внутри развратно-томительной, сладострастно-анархической мглой, так что снаружи – весело и бодро, а внутри – пусто, развратно, тоскливо и сладко, спереди – логика, механизм, организация, а внутри – дрожащая, вызывающая, ни во что не верящая, циничная и похотливая радость полной беспринципности.

<...> Мы и наша работа – фокстрот. Мы – бодрые, веселые»⁷ и т.д. – в дальнейшем следует полное повторение пассажа из повести «Встреча».

Этот образ явно увлекал автора, потому он в какой-то момент, не страшась несколько погрешить против эстетической меры, даже планировал включить текст, близкий к только что приведенному, и в третий текст – в повесть «Женщина-мыслитель»⁸ (о том свидетельствуют архивные черновики). Более того, символ фокстрота рисовался настолько емким и даже, в известном смысле, универсальным, что в дальнейшем он распространялся автором не только на советскую действительность (и уж, конечно, не только на ее «лагерное» сужение), но и на действительность буржуазную, западную. В подтверждение тому мы должны выйти за пределы философской прозы Лосева и обратиться к характеристике западноевропейской философии XX века, которую автор почёл нужным дать спустя примерно три десятилетия после собственного опыта «разговоров на Беломорканале»:

«Может показаться, что эта философия – весьма энергичная, мощная, якобы свидетельствующая о каком-то расцвете и гигантских размерах. На самом деле тут нет ни расцвета, ни гигантских размеров, а её энергия и видимая бодрость похожи на ту, которую мы чувствуем в современном джаз-банде. Джаз строится на очень бодрых, почти маршеподобных ритмах, но весь пронизывается развратно-млеющей и расхлябанной мелодией, в которой нигилистически тонет всё оформленное, а скачущие и острые синкопы вместе с нудно и ласково ноющими и надрывно взмывающими глиссандо превращают всё

целое в какое-то аморальное, алогическое, ни во что не верящее и утерявшее все свои ценности человеческое самочувствие. Это нигилизм и оптимизм одновременно»⁹. Между прочим, и о том, что упомянутый здесь джаз-банд следует приравнивать фокстроту, и об определенном сближении социалистического типа культуры и культуры буржуазного мира (эта на первый взгляд неожиданная параллель естественна в лосевской типологии) вполне определенно говорилось в той же повести «Встреча»: «мы охотно принимаем этот продукт разложения – фокстрот и джаз-банд, подобно тому, как принимаем всю технику и машинную культуру, но употребляем все это по-своему»¹⁰.

Фокстрот – *символ подлинный*, это видно уже из той общей его характеристики, что мы находим в приведенных высказываниях Лосева. К тому же при описании фокстрота как «музыкального символа» автор сознательно прибег к столь четкой структурности, что нельзя не увидеть указания на принятый в русской философии (после Флоренского и Лосева же) символ как таковой, на «символ вообще» – тот, как известно, объединяет два различных «пласта» бытия в нерасторжимое целое.

Фокстрот – *символ мифологический*. В нем (вспомним лосевское определение мифа) внутренний «пласт», «момент» или «слой» бытия – сфера человеческого субъекта с его «анархическим мнением», с тою «циничной и похотливой радостью полной беспринципности», вступает в некий синтез с внешним «пластом» – сферой объективной выраженности, где царит «видимая бодрость и четкость». Тот самый «нигилизм и оптимизм одновременно» есть миф века сего. Стоит разве что сделать поправку на быстротекущее время и вместо внешних признаков фокстрота (или джаз-банды) подставить в лосевском уравнении новые хард-, рэп-, шлягер- (или какие они там еще?) звучания.

Фокстрот – если разобраться и вдуматься, *символ жуткий*, что опять-таки непосредственно следует уже из прямых авторских характеристик. И вновь нужно вспоминать о лосевских типологиях и теперь уже вооружаться важнейшим пониманием чуда, восходящим к «Диалектике мифа». Если определять по Лосеву, то чудо, как и всякий символ, объединяет два «пласта» или «плана» бытия, а именно, план внутренне-замысленный и

план внешне-реализованный, т.е. чудо есть как раз полное совпадение замысленного и реализованного. А если в замысле-то ничего нет, если там – «пусто, развратно, тоскливо» и т.д., если утрачены все и всяческие ценности? Тогда получается нечто действительно аморальное, нечто прямо противоположное чуду, некоторого рода вражеская, сатанинская мимикрия под него...

Так А.Ф.Лосев своими новыми и весьма убедительными средствами нарисовал то, что у Шпенглера обозначено картиною «заката Европы».

Часть II

2.1. Черная шапочка мастера

К 30-летию публикации романа Михаила Булгакова
«Мастер и Маргарита» в журнале «Москва»

Нижеследующие заметки смело можно отнести к разряду многочисленных и более-менее спорных попыток «расшифровки» знаменитого романа Михаила Булгакова. Громада загадок «Мастера и Маргариты», но и не меньшая громада поражений и побед, понесенных и одержанных его внимательными читателями, взывают к одному – к осторожности. Потому-то, если браться за очередную «разгадку», то допустимо позволить себе, с одной стороны, относительную малость «замаха», и здесь такая малость – головной убор одного из литературных героев. И нужно привлечь при этом, с другой стороны, максимально новые для исследователей факты, желательно крупные по значимости и потенции, такие факты ушедшей российской жизни первой трети XX века, мимо которых творцу романа было бы трудно пройти, знай он о них в нужный момент. Черная шапочка с головы мастера, ее происхождение и возможная символика – в связи с одним очень примечательным и пока малоизвестным веянием духовной жизни булгаковской Москвы – вот наша главная тема.

Для начала раскроем роман (в его общеизвестной редакции) на той 13-й главе «Явление героя», где пред Иваном Бездомным впервые предстают мастер и его шапочка.

« – Вы – писатель? – с интересом спросил поэт.

Гость потемнел лицом и пригрозил Ивану кулаком, потом сказал:

– Я – мастер, – он сделался суров и вынул из кармана халата совершенно замусоленную черную шапочку с вышитой на ней желтым шелком буквой «М». Он надел эту шапочку и показался Ивану и в профиль и в фас, чтобы доказать, что он – мастер. – Она своими руками сшила ее мне, – таинственно добавил он».

Следующий после клиники Стравинского раз, когда мастер и его атрибут снова явлены читателю, приходится на главу 24-ю под названием «Извлечение мастера». Здесь Воланд распорядился исполнить просьбу Маргариты, и утерянный было ею возлюбленный, ночной Иванушкин гость, очутился в доме № 302-бис, что на Садовой улице. «Он был в своем больничном одеянии – в халате, туфлях и черной шапочке, с которой не расставался». Мастер и Маргарита снова соединились, чтобы уже никогда более не покидать друг друга, не на земле, правда, а в той неведомой стороне, куда указал дорогу сам Воланд. «Прощение и вечный приют» – так называется заключительная глава романа. Пилат получил прощение, мастер – вечный приют тишины и свободы, а читатель – третью, и последнюю, возможность встретиться с героями, а также возможность убедиться, что и здесь мастер не расстается с шапочкой («Ты будешь засыпать, надевши свой засаленный и вечный колпак, ты будешь засыпать с улыбкой на губах» – так говорила Маргарита, «идя с мастером по направлению к вечному их дому»).

Как видим, шапочка на голове булгаковского избранника неизменна, она столь неотделима от героя, что писатель даже не побоялся тревожить эстетические чувства своих читателей, вновь и вновь поминая ее, шапочки, засаленность. На то она и авторская воля; мы не будем обсуждать и тем более осуждать подобные приемы поэтики у Булгакова. Нам сейчас важнее принять как должное существование вечной (потому – засаленной) шапочки мастера и важно понять, что же с такой настойчивостью выпячивал и подчеркивал ею автор «Мастера и Маргариты».

Сразу скажем, *на что* шапочка ни в коем случае *не указывала*, как бы ни хотелось того поклонникам булгаковского творчества. Речь идет о прототипе. Сколько в романе расставлено фигур, сколько роздано фигурам имен со всеми привходящими и говорящими деталями! Перед нами не просто некий толстяк с багровой физиономией, но *председатель домкома номер такой-то* (не без титула деятель) *Никанор Иванович Босой*; не просто легендарный Пилат, но *сын короля-звездочета, пятый прокуратор Иудеи, всадник Понтий Пилат* (смесь исторических данных и апокрифических подробностей); не просто Христос, а

Иешуа по прозвищу Га-Ноцири (а здесь подробности уже вполне этнографические). Даже у главной героини, как ни хранил свою тайну ее любовник, достоверно известно отчество: *Маргарита Николаевна*. Прямо не роман, а паспортный стол какой-то! И вот на этом фоне некоего буйства именовании высятся одинокая фигура мастера, у которого нет не только имени или фамилии, но даже и прозвище отсутствует: слово «мастер», написанное со строчной буквы, скорее передает профессионально-оценочный оттенок (мастер-закройщик, мастер художественного слова), для личной же интонации и специального выделения персоны имярек явно нужна прописная буква – Мастер. Недаром в эпилоге (где повествуется об активных действиях следствия, кажется, чекистского) констатировано, что так и «не удалось добыть и фамилию похищенного больного» и что «сгинул он навсегда под мертвой кличкой: “Номер сто восемнадцатый из первого корпуса”». Словом, автор романа приложил все свои силы и всю свою изобретательность, чтобы сказать каждому простому читателю и непростому булгаковеду: не ищите прототипа для мастера, видите, у него нет имени, нет и быть не может...

К этой особой позиции, занятой Булгаковым в сфере именовании, мы еще вернемся, когда у нас появится шанс на достойные романа истолкования. А пока нужно возвращаться к шапочке мастера или, точнее, к букве «М», шитой на шапочке желтым шелком. Увы, исследователи, которые оказались нечувствительны к настойчивым указаниям автора романа и вопреки им выискивали-таки приметы прототипа, принялись читать это «М» как инициал имени «Михаил» (те, кто посчитал мастером самого Булгакова) или имени «Максим» (те, кому привиделся здесь Максим Горький – есть и такие¹). С подобными чтениями даже уже не интересно спорить. По сравнению с ними куда полезнее обратиться к давней гипотезе В.Я. Лакшина, который в порядке эксперимента предложил масонскую расшифровку буквы на шапочке мастера: «Мастер-строитель»². Но поскольку сам автор гипотезы в дальнейшем затронутую тему особо не развивал, видимо, не найдя настоящих масонских нитей в судьбе автора романа, для нас данный

пример «М-чтения» больше сгодится для коллекции, зафиксируем его как таковой.

А наша точка зрения, вкратце, следующая. Во-первых, буквенное украшение шапочки, не являясь чьим-то инициалом, призвано было знаменовать идею *выделенности*, избранности носителя шапочки (заметим по случаю: хороши были бы масоны, ежели бы они где ни попадая расставляли указания на свое тайное общество). Во-вторых, начальная буква «М» некое слово все же представляет, но она попросту тавтологична, она сообщает, что он, мастер, *является мастером же*. Вспомним, что сотворена сия буква руками Маргариты, то есть руками не только той женщины, что «шила вот эту самую шапочку», но она же и «сулила славу» своему возлюбленному, остро переживала за судьбу главного сочинения мастера, даже «подгоняла его и вот тут-то стала называть мастером». Вышивание (стежками? крестиком?) по шапочке предстает, таким образом, просто как своего рода письменное закрепление отношений двух людей. Вроде росчерков в загсе. Но если упомянутые подписи призваны только скрепить, так сказать, союз двух сердец, то буква в исполнении Маргариты несет еще и прежде всего оценочную функцию (мой возлюбленный – творец великого произведения) и вместе с тем функцию клятвы верности («говорила, что в этом романе ее жизнь»). Вполне допустимо еще и предположение – а разборку с буквой «М» нам пора уже заканчивать, – что Маргарита могла бы оставить на шапочке мастера и свой собственный инициал. Но тогда получится вовсе даже скучно, вовсе в духе форменного загса: эдакое удостоверение со стороны мужа (сама шапочка), со стороны жены («М» и старательный росчерк) и печать резинового штампея... Нет, такое прочтение буквы на шапочке попросту излишне, избыточно. А как же напоминание о любимой? Что ж, великий Мастер нашел ему место, только не понадобились какие-то слова или их сокращения. Напоминаниям и воспоминаниям куда надежнее служит, как известно, язык цвета. Желтого шелка начертание по черной материи, желтое на черном – что может еще лучше сообщить, вернее, напомнить о первой встрече мастера и Маргариты? Вспомним и мы. «Она несла в руках отвратительные, тревожные желтые цветы...

И эти цветы очень отчетливо выделялись на черном ее весеннем пальто. <...> Повинуясь этому желтому знаку, я тоже свернул в переулок и пошел по ее следам», – так говорил мастер, говорил и тоже вспоминал, вспоминал желтое на черном как главное, именно как знак судьбы.

Итак, даже буква «М» на шапочке, даже начало некоего слова (как мы уже постарались показать, это слово простое – «мастер») ни в коем случае не колеблет изначальную авторскую установку на сокрытие прототипа героя. Максимально демаскирующий фактор ничто, оказывается, не демаскирует и не расшифровывает. *На что* указывает шапочка, ответ наш вполне ясен, да его и не составляет особого труда найти: она выделяет мастера на всеобщем фоне, символизирует его избранность и даже, если угодно, богоизбранность. *На что* – знаем. Но можно ли спросить, *на кого* указывает шапочка, этот символ избранничества? И не прототип мастера нас интересует, а реальный человек, на голове которого воочию наблюдалась черная шапочка и реально (хотя, скорее всего, и тайно) выделяла этого человека среди других и прочих. И Булгаков реально мог знать об этом человеке и об этой шапочке. Так допустимо ставить вопрос, не посягая на незыблемую тайну прототипа мастера и одновременно принимая важнейшую булгаковскую особенность – ничего никогда не выдумывать. Ведь общеизвестно, что роман «Мастер и Маргарита» объективно предстает как своеобразная летопись московской жизни или как мгновенный срез, как художественная фотография московских реалий и раритетов. Спросить можно, выходит, так: чью именно шапочку водрузил Михаил Афанасьевич на голову мастера? Или осторожнее спросим: мог водрузить – чью?

Будем по возможности последовательны в поисках непростого ответа на этот вопрос, стараясь не пропустить любую мыслимую возможность и постепенно сужая область наших поисков, переходя от множества шапочек к шапочке единственной, от множества всевозможных носителей головных уборов к носителю уникальному, тем и приближаясь к вполне определенной личности, несущей свое имя и фамилию, свою судьбу, счастье и боль.

Первое, что приходит на ум, когда речь заходит о головных

уборах для употребления не на улице, а в помещениях, в домашнем обиходе, это так называемая *ермолка*, или *феска*. Сейчас этот головной убор уже вышел из моды, а в первой половине или, скорее, трети XX века он был еще весьма употребителен в среде, так сказать, «чистой» публики, будучи передан по эстафете из дворянско-помещичьего быта XIX века. Этот комнатный колпак-наплешник, эту легкую шапочку «вплоть по голове, без околыша или какой-либо прибавки» (исчерпывающее определение и термины заимствуем у В.И. Даля³) можно отыскать в литературных произведениях того же М.А. Булгакова. Скажем, «Сон седьмой» в «Беге» живописует социальное расслоение русской эмиграции следующим образом: господин Корзухин восседает за громаднейшим письменным столом в пижаме и золотой ермолке, а к нему является нищий «женераль» Чарнота в черкеске и кальсонах лимонного цвета; лицо выпуклая, зримо предметная оппозиция золотой ермолки и «золотого» исподнего. Приходилось пользоваться удобствами ермолки-фески и самому писателю, о чем красноречиво свидетельствуют известные фотографии 1930-х годов: явлен Мастер за работой, на голове красуется нарядная шапочка со свисающей набок кисточкой. Наверное, сторонники идеи приравнивания *мастера* и *Мастера* вдохновлялись именно этими фотографиями, обнаруживая «шапочку мастера» именно здесь, – и поступали так напрасно. Несчастному, неустроенному, неприкаянному мастеру чуткий Мастер ну никак не мог натянуть на голову то, что описано... Кроме того, ермолки-фески не бывали черными (отнюдь, они щеголяли разноцветием и снабжались, для увеселений, восточными орнаментами) и не приспособлены для ручного изготовления (уют с приметамы достатка покупаем, как водится, в магазинах). Вместе с данным сортом головных уборов, одновременно избавляясь от соответствующей ереси «прототипов», отринем также еще один тип домашних колпаков того же булгаковского времени – *тюбетейку*. Таковую, как известно, любил нашивать М. Горький, видимо, памятуя о поволжско-татарской своей юности. Тюбетейке также не бывать черной, не бывать шитой тонкими ручками любимой женщины (обычай мусульманских семей брать

здесь в расчет не приходится), не бывать носительницей идеи избранничества.

Пойдем дальше. Многое из того, чего не хватает ермолкам, фескам и тюбетейкам, обнаруживается у так называемых *академических шапочек*: им полагается быть черными, да и украшают они вполне избранные головы. Только применительно к случаю мастера предполагаемый смысловой потенциал одного головного убора оказывается чуть великоват. Мастер явно не принадлежал к высшей научной элите, потому и внешний атрибут такой принадлежности был бы ему не к лицу. Мастер – писатель, да к тому же гонимый. Но тут возможен вариант, он подсказан недавно (в 1977 году) опубликованной мемуарно-мемориальной повестью Валентина Катаева «Алмазный мой венец». Вот как сказано в ней об одном герое воспоминаний: «Не исключено, что он видел себя знаменитым французским писателем, блестящим стилистом, быть может даже одним из сорока бессмертных, прикрывавшим свою лысину шелковой шапочкой академика вроде Анатоля Франса»⁴. Сказанное отнесено, сразу скажем, не к Михаилу Булгакову (в повести он выведен как «синеглазый»), а к Исааку Бабелю, то бишь «конармейцу», – именно он вполне мог примерять на себя литературную награду, мечтательно сидючи в парижском кафе. Отметим попутно, сколь широко В. Катаев обобщил метод именования, обнаруживаемый нами в запасниках «Мастера и Маргариты» (у него уже два десятка лиц именованы, подобно мастеру, со строчной буквы), и поблагодарим писателя за помощь. Да, черная академическая шапочка в ее французском прочтении-уточнении, в виде символа признания именно литературных заслуг вполне могла фигурировать как предмет дружеского трéпа и подначек в писательском кругу тех лет, и в устах Катаева-мемуариста ее упоминание можно рассматривать почти как протокольный факт. Мог и Булгаков, со смешанным чувством юмора и печали, возложить сей знак принадлежности к «бессмертным» на голову своего героя... вернее, это сделала Маргарита, торопя литературную славу своего избранника. Такую возможность мы никак не можем сбрасывать со счетов. Однако, поскольку нам доподлинно не известно, произошло ли на самом деле где-то в Москве тех лет

водружение символической «французско-академической» шапочки (да еще и неофициально, да еще и в подвальной комнате), придется на этом и остановиться. Подобного факта мы не знаем, но такой мотив, такую окололитературную реминисценцию предполагать вполне разумно.

Остаются еще черные (вплоть по голове) шапочки духовных лиц, а именно *скуфьи, скуфейки, скуфеи*. Их носят православные монахи. Применительно к людям светским интересующие нас головные уборы подобает упоминать разве что индизнаительно и метафорически. Пример, далеко не ходя, возьмем у того же В. Катаева. Он пишет о Есенине: «...Ко мне зашел королевич, трезвый, тихий, я бы даже сказал благостный – инок, послушник. Только скуфейки на нем не было»⁵. Была ли, спросим в свой черед мы, скуфейка на мастере? Прямолинейный и скорый ответ напрашивается сам: нет, не была, потому что он не являлся монахом. Однако, если говорить всерьез, т.е. заводить речь о шапочке-символе, так ли уж подходит прямой ответ и скорый приговор? Не будем же спешить, ибо мы подошли к трудному и ответственному, следовательно, кульминационному моменту наших поисков.

Мотив монашества, если пока рассматривать схиму только как метафору, вовсе не чужд, конечно, образу мастера. Он, автор хроники времен пятого прокуратора Иудеи, жил вполне уединенно (до появления Маргариты в его подвале), был явно не от мира сего (вспомним Воландову реплику о сюжете романа: «О чем, о чем? О ком? ...Вот теперь? Это потрясающе! И вы не могли найти другой темы?»), был, наконец, смиренен и, одновременно, жил целенаправленно и подвижнически. Как монах в скиту или монастыре всецело посвящает свою жизнь служению Господу, так мастер всецело отдал себя роману о Пилате и Иешуа. Да, этот головной убор и этот осеняющий жест рукою Маргариты символически прямы и безупречны: черная шапочка (скуфья) отметила человека тайного обета, покрыла главу *монаха в миру*. Данное прочтение, между прочим, несколько не противится вполне светскому смыслу шапочки как награды «академической», о котором мы говорили чуть ранее. Символ схимы и творчества, служения и мастерства, символ

тайного духовного подвига – вот что такое, на наш взгляд, черная шапочка безымянного булгаковского героя.

Мы сформулировали некую объясняющую гипотезу, не выходя за видимые пределы романа «Мастер и Маргарита». И вот теперь самое время спросить, жил ли в Москве тех лет человек, для которого и сама шапочка, и ее эзотерическое (пусть только для посвященных открытое) значение описывались в точности теми же словами, каковые мы до сих пор только и употребляли.

Ответ утвердительный: такой человек жил, и звался он Алексей Федорович Лосев. Это имя хорошо известно современному образованному читателю как имя крупнейшего филолога-классика, автора фундаментальной «Истории античной эстетики» и многих работ по философии, филологии, языкознанию, эстетике, музыковедению, как имя последнего в ряду славных имен русских мыслителей Серебряного века. Но пока еще не так широко известен недавно (в октябре 1993 года, на открытии Международной научной конференции, посвященной столетию со дня рождения А.Ф. Лосева) обнародованный факт, весьма примечательный для нашего вопроса о шапочке мастера. Как сообщила Аза Алибековна Тахо-Годи, ученица и наследница философа, в далеком 1929 году, 3 июня, А.Ф. Лосев и его супруга В.М. Соколова-Лосева приняли *тайный* монашеский постриг под именами Андроника и Афанасий⁶. Тайна была настолько глубокой, что даже А.А. Тахо-Годи, знавшая семью Лосевых еще с 1944 года (как аспирантка профессора Лосева) и потом, после кончины Валентины Михайловны в 1954 году, ставшая его супругой, даже она не знала тогда этой тайны. А неизменная черная шапочка на голове Алексея Федоровича всегда почиталась ею как неизбежный предмет домашнего обихода да еще, пожалуй, как напоминание о трагических временах пребывания Лосева на ударных стройках Беломорканала, – он вернулся оттуда в 1933 году почти слепым и без волос на голове. Шапочка для согрева... Сообщение Азы Алибековны стало возможным только после внимательного изучения материалов из архива Лосева, прежде всего дневниковых записей В.М. Лосевой и некоторых указаний на тайное монашество в лагерной переписке супругов (теперь письма частично опубликованы). Кроме того, среди

семейных реликвий были обнаружены и, что называется, вещественные доказательства, относимые к принадлежностям монашеского одеяния. Тут-то и стало окончательно ясно, что сама черная шапочка, которую Лосев более полувека носил на голове (и всякий раз по специальному трафарету шилась новая, когда прежний экземпляр ветшал), что особая форма ее, мало похожая на стандартную «профессорскую», форма скуфы, свидетельствует о том же. Тайное было изначально символизировано, но лишь теперь стало очевидным, стало явным.

Но позвольте, при чем здесь мастер и его головной убор – могут спросить нас. Неужели же автору «Мастера и Маргариты» пришлось (не без помощи Воланда, так, выходит?!) сначала попасть в октябрьскую Москву 1993 года, там вооружиться информацией о лосевской новооткрытой тайне и в срочном порядке возвращаться ровно на шестьдесят лет назад, в октябрь 1933 года, к той самой (второй) редакции романа, где впервые появились новые действующие лица, их желтые цветы и черная шапочка?.. Все получается в точности по тому шуточному рецепту, который прописал однажды известный литературовед А.З. Вулис для тех ретивых «булгакоманов», что готовы сочетать реалии романа с любыми самыми «романтическими» соображениями, какие только могут прийти в голову⁷. Так что, коли гипотеза наша требует вмешательства Воланда, она... тоже слишком романтична?

Нет, не слишком. Все встанет на свои места, если удастся доказать, что М.А. Булгаков действительно знал (или с большой вероятностью мог знать) о Лосеве и некоторых особых обстоятельствах его жизни, причем это узнавание происходило в пору активного формирования замысла и воплощения бессмертного романа. Доказательство такое, надо отметить, дать весьма сложно, особенно если учесть, что пока не известно, увы, ни одного свидетельства каких-либо прямых контактов между этими людьми. Жили в одном городе, оба самозабвенно любили театр и, наверное, сживали не раз в одном зрительном зале, но – не пересеклись, не сошлись. Так не могут сойтись два берега одной реки.

Однако меж берегов может быть мост. И такой мост, как мы попытаемся показать, все-таки был, был посредник, самой

судьбой призванный соединить берег Булгакова с берегом Лосева: Павел Сергеевич Попов (1892–1964).

Мост на сторону автора романа выстраивается так. Интересующий нас П.С. Попов вошел в круг Булгакова во второй половине 1920-х годов, о чем единодушно твердят многие мемуаристы. Он быстро завоевал статус близкого человека, добровольно и, заметим, весьма энергично взяв на себя никем не тронутую ношу верного летописца-биографа. Сошлись, таким образом, как раз накануне начала работы над «романом о чёрте». О степени же близости свидетельствует уже имя Пятя, каковым неизменно пользовались в обиходе дома Булгакова. Можно судить также и по интенсивности переписки, когда они разделялись известным расстоянием в физическом пространстве (архивный фонд Булгакова в Рукописном отделе РГБ хранит три десятка посланий Пати), и по интимности дружеских жестов, когда таковое расстояние устремлялось к нулю, по ритуалу их шутейного соревнования, кто кого опередит при прощальном рукопожатии и... чмокнет в ручку, о чем упоминает Мариэтта Чудакова в известном «Жизнеописании»⁸. Она же специально подчеркивает роль П.С. Попова и отмечает, что его письма «нередко играли провоцирующую роль, на которую адресат охотно откликнулся, подробно, по пунктам, отвечая на вопросы»⁹. Ясно также, что непосредственное (письменно не зафиксированное) общение надо полагать тогда еще более плодотворным, то бишь провоцирующим. Информация из уст *vis-à-vis* не просто циркулировала в их тесном дружеском кругу, но и с неизбежностью трансформировалась в ткань рождавшихся тогда булгаковских образов. Ибо таков был сам Булгаков – неустанный коллекционер или, лучше (пусть и грубо) сказать, мощный пылесос, не упускающей ни одной мало-мальски приметной пылинки в культурной атмосфере тогдашней Москвы. Остается добавить, что среди знакомых Булгакова, преимущественно журналистов, литераторов и театралов, П.С. Попов занимал исключительное место как признанный знаток дел в сферах научных и философских.

В сторону как раз философского берега, в сторону А.Ф. Лосева конструкция моста прокладывается не менее уверенно. Начать можно, пожалуй, с 1916 года, когда оба они, недавние

товарищи по университету, дебютировали первыми своими достаточно крупными работами под одной обложкой «Юбилейного сборника проф. Г.И. Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве». Статья А.Ф. Лосева называлась «Эрос у Платона», П.С. Попова интересовал «Бергсон и его критики». После «переворота» и гражданской войны их последующие встречи не могли не произойти там, где еще было много начинаний и где теплились надежды интеллигенции дореволюционной закваски, – в ГАХНе, сначала Российской, затем Государственной академии художественных наук. По крайней мере, с 1926 по 1930 год (летом 1930-го академия была окончательно разгромлена) они самым тесным образом работали над созданием первого тома «Энциклопедии художественных наук». Тогда П.С. Попов заведовал Терминологическим кабинетом, а А.Ф. Лосев активно обеспечивал сие маленькое учреждение словарными статьями. Конечно, даже если в записной книжке заведующего кабинетом возле записи «Лосев» значится великое множество пунктов «словника»¹⁰, даже если в бумагах Попова почти семьдесят лет пролежали две готовые статьи¹¹ Лосева («Игра» и «Единство» – только недавно они были опубликованы в четвертом томе лосевского собрания сочинений), конечно, это еще мало свидетельствует о степени близости коллег по работе. Однако для нас важна здесь уже сама возможность с уверенностью утверждать, что в период активного сближения Пати с Булгаковым в круг хороших знакомых первого – точно – входил Лосев¹².

В цепочке наших доказательств можно было бы остановиться уже на данном месте, констатируя искомое: да, Пята Попов вполне мог сообщить своему задушевному собеседнику, живописуя типы и лики из ГАХНа, что один из его коллег (о, это весьма активный ученый; что ни год, он выпускает – «изданием автора» – по несколько книжек весьма любопытно, если не сказать гениального, содержания!) вдруг стал носить черную шапочку несколько странной формы... Мог сообщить, что-то присовокупив в предположение на сей счет, и благополучно перейти на другие темы, забыв о проходной, может быть, реплике своей. А для случая Михаила Афанасьевича, надо с нажимом подчеркнуть, особой внешней реакции

ждать и не приходится: он никогда ни с кем не делился замыслами, планами, не впускал соглядатаев в свою творческую кухню. Потому тот же П.С. Попов, к примеру, узнал о появлении в романе мастера и Маргариты лишь после смерти автора. Прочитав машинопись в декабре 1940 года, он сознавался в письме Е.С. Булгаковой: «Зная по кусочкам роман, я не чувствовал до сих пор общей композиции. <...> И я думал по новому заглавию, что Мастер и Маргарита обозначают Воланда и его подругу»¹³. Еще одна особенность Булгакова-писателя требует упоминания, она нам, жаждущим каких-то доказательств, ставит жесткие и даже скорее жесточайшие рамки. Его рукописи поразительно пустынные для литературоведа, в них практически нет следов поиска слов и набросков сюжета, нет симптомов типичной писательской муки творчества. На бумагу он изливал готовое. Аллюзии же, ассоциации, подоплеку и символы достались исследователям, чьи поприща, таким образом, никогда не будут скончаемы. В академически-сдержанной форме о том же сказала в свое время М.О. Чудакова, первой обследовав творческие рукописи М.А. Булгакова и настоятельно советуя своим коллегам-исследователям «не возлагать больших надежд на письма, дневники и мемуары современников»¹⁴. Булгаковский внутренний мир был труднообщим и в устной форме (беседы в кругу близких) и в письменной (черновики и эпистолярный). Все это приходится говорить, чтобы в какой-то мере оправдать наши «ухищрения» вокруг шапочки мастера. Не следует ждать милости от природы и надеяться, что где-то в бумагах Булгакова, на полях среди виньеток, силуэтов и профилей (это у Пушкина так, это пушкинистам раздолье!) отыщутся машинально вписанные инициалы имярек, что в дневниковых записях П.С. Попова будет выложено на блюдечке: «Вчера рассказал о шапочке, М.А. очень взволновался». Приходится расстаться с воображаемым литературоведением и довольствоваться скупыми методами литературоведения реального.

Однако вернемся к мосту. Дело в том, что с лета 1995 года об отношениях А.Ф. Лосева и П.С. Попова стало известно много больше, чем просто как о пересечении по профессиональным интересам. Стало доступно многотомное следственное дело

№ 100256 из Центрального архива ФСБ РФ, посвященное так называемому православно-монархическому центру, в котором А.Ф. Лосеву отводилась роль идейного лидера. Также обнаружилось (не чудо ли? но *рукописи*, как точно сформулировано одним из героев романа Булгакова, *не горят*) обширные материалы из архива самого А.Ф. Лосева, совокупно изъятые при аресте 18 апреля 1930 года и считавшиеся безвозвратной потерей. Рукописи действительно не горят: если бы эти бумаги не попали в заточение (вышло – для сохранения) на Лубянку, они бы, скорее всего, погибли летом 1941 года, когда фашистская авиабомба с роковой и слепой неизбежностью выбрала лосевское жилище на Воздвиженке... Новообретенные документы еще тщательно изучаются, подлежат публикации и публикуются, и на это направлены усилия некоторых членов культурно-просветительского общества «Лосевские беседы» и его руководителя А.А. Тахо-Годи. Но уже сейчас можно сказать: интересующие нас люди, проходя по одному «делу», были *действительно близки*, близки столь тесно, сколь это допустимо предположить для единомышленников, входящих в узкий круг полулегального (или даже нелегального) сообщества. Конечно, о каком-то «православно-монархическом центре» можно говорить только на инфернальном языке «соколов Генриха Ягоды». Мы же должны сказать о небольшом кружке московских интеллектуалов, в основном философов, математиков и литераторов, каковых объединило желание сохранить самобытность отечественной духовности и развить ее неиссякаемый потенциал на базе оригинально-русского начинания под общим названием *имяславие*. Без краткого отступления для характеристики последнего не обойтись, да к тому же эти дополнительные сведения еще пригодятся нам при возвращении в сферу «вокруг Булгакова».

Насколько можно судить по разрозненным данным из различных источников, активное обсуждение проблем имяславия протекало в Москве на протяжении всех 1920-х годов. Так, в Отделе рукописей РГБ хранятся тезисы доклада В.Н. Муравьева «Имяславие как культурно-философское учение», датированного 17 сентября 1921 года¹⁵. Другую границу этого периода можно примерно обозначить началом 30-х годов, когда

А.Ф. Лосев закончил отрывок, предназначенный для своей последней, перед арестом вышедшей, книги «Диалектика мифа». Теперь данный текст, трактующий общие философские принципы имяславия, издан под условным названием «Миф – развернутое магическое имя» в третьем томе лосевского собрания сочинений¹⁶. Однако эта проходившая в пореволюционной Москве религиозно-философская дискуссия объективно продолжала дискуссию иную, уже дореволюционную. Та началась как «афонский спор об Имени Божием» с книги схимонаха Илариона под названием «На горах Кавказа», вышедшей в свет в 1907 году, а ее заключением можно (достаточно, впрочем, условно) считать письмо о. Павла Флоренского 1923 года, направленное имяславцам-инокам на Кавказ. Два имяславских периода, как видим, перекрываются в своих границах. И все-таки есть смысл их различать, поскольку они существенно отличаются и тональностью споров, и содержательными акцентами, и списком участников. Есть и общее: имяславцы были всегда гонимы, сначала со стороны царской власти и Св. Синода, вплоть до войсковой операции по высылке афонской братии имяславцев в 1913 году, потом со стороны советского правительства, когда дело кончилось арестом московских дискуссионеров и подавлением загадочного «бунта имяславцев» снова на Афоне, теперь уже Новом, на Кавказе.

История имяславия (в особенности второго периода) пока еще не написана, как и не изучены толком все религиозные, философские и социальные черты этого интереснейшего явления духовной жизни России начала XX века. Поэтому приходится ограничиться здесь лишь самыми общими характеристиками. Начат был «афонский спор» монахами-практиками, отшельниками и ревнителями уединенного «умного делания». Они не были искушены в теологических тонкостях, но свято верили в Иисусову молитву и, следовательно, в то, что Имя Божие уже по самой своей Сущности свято и потому есть Сам Бог. Потом в споры включились лучшие богословы и далее, и в первом и во втором периодах, религиозные философы. Словом, в едином движении соединились, как говорил в своем докладе В.Н. Муравьев, «простые люди, претерпевшие гонения за свою веру, и мыслители, облекшие эту веру в научную форму»¹⁷. И этот

союз готовил новые плоды. Как раз в такой момент П.С. Попов, член имяславского кружка, оказался вхож в круг знакомцев уже известного автора пьес, хлестких фельетонов и занимательных рассказов.

Итак, вот с чем мы возвращаемся на заметно окрепший мост Лосев – Булгаков: в период максимального сближения с кругом московских имяславцев П.С. Попов, скорее всего, знал ряд интеллектуальных и духовных тайн, как общих, в рамках имяславского «дискуссионного клуба», так и частных, например, о чете Лосевых. Сейчас остается только гадать, в какой дозировке и под каким видом эта сокровенная информация попала в творческую лабораторию М.А. Булгакова. Но если принимать гипотезу, что имяславские изыскания и связанные с ними персоналии действительно оказались ведомы автору «Мастера и Маргариты», то просто нельзя теперь удержаться от соблазна и хотя бы эскизно не наметить возможные «имяславско-лосевские» мотивы знаменитого романа. На подобном, именно имяславском, фоне роман еще никогда, кажется, не рассматривался, и в свете имяславия некоторые его особенности приобретают новый и подчас неожиданный характер.

Начнем с черной шапочки мастера. Не стоит повторять все сказанное ранее о ее символике – после имяславского экскурса она получила лишь более мощную и, одновременно, драматическую подоснову. Следует разве добавить, что соединение этой шапочки с именем Лосева еще явственней намечалось в одной из промежуточных редакций романа. Именно в сцене возвращения мастера после ходатайства Маргариты перед Воландом тот явился таким: «Ватная мужская стеганая кацавейка была на нем. Солдатские штаны, грубые высокие сапоги. Весь в грязи, руки изранены, лицо заросло рыжеватой щетиной»¹⁸. Сразу несколько исследователей в свое время проницательно заподозрили, что герой романа прибыл не из благопристойной лечебницы, а из одного вполне определенного учреждения ГУЛАГа. Нам остается заметить, что данная редакция романа датируется концом 1933 года, а бывший «заключенный каналармеец» А.Ф. Лосев вернулся в Москву к тому же сроку. Нелишне узнать, что и такая значимая деталь, как цвет упомянутой щетины, является вполне говорящей –

Лосев был рыж. Кстати сказать, в том же варианте романа в эпизоде финального полета над миром участников Воландова суда можно обнаружить вполне прямое наименование места, где писатели носят телогрейку и сапоги, и еще одно прицельное (биографически развертываемое) указание: «Я никогда ничего не видел. Я провел свою жизнь заключенным. Я слеп и ниш»¹⁹. Так мог бы вздохнуть, со словами мастера на устах, и А.Ф. Лосев, растерявший на берегах Беломорканала и физическое зрение, и надежды на полноценную творческую жизнь. Мог бы, а сказал по-своему, но о том же (в философской повести «Жизнь»): «Я многие годы провел в заточении, гонении, удушении; и я, быть может, так и умру, никем не признанный и никому не нужный»²⁰.

Пойдем дальше. Вот структуралистски ориентированные исследователи романа обнаруживают троичное построение отношений его героев (Б.В. Соколов насчитывает восемь таких триад) и тройственную структуру мира, в котором разворачивается совокупное действие (Москва, Ершалаим и Воландов неизвестно где располагающийся «слой»). Любопытно, что при комментариях этой почти очевидной «триадологии» в роли философского консультанта и вдохновителя автора предполагается не кто иной, как П.С. Попов. Правда, с его помощью далее выстраивается посредничество между М.А. Булгаковым и о. Павлом Флоренским (кстати, он – имяславец еще первого призыва, в отличие от Лосева и Попова) и считается, что триадность романа «во многом выглядит как своеобразная пародия на учение Флоренского о триединстве»²¹. Конечно же, триадизм – слишком глубокая и всепроникающая идея, чтобы можно было принять явно упрощенную констатацию о «пародии». Но не будем отвлекаться от основной нашей темы. Рядом, в непосредственном контакте с П.С. Поповым в годы созревания «Мастера и Маргариты» был все-таки не Флоренский, а Лосев. В любой из восьми книг последнего, успевших выйти в свет с 1927 по 1930 год, триады мелькают едва ли не всюду. Что важно, триадология как одна из теоретических сторон имяславия не терпит застылости структур и не знает триаду как некую готовую, неизменную данность. О непрерывной диалектической жизни логических категорий

вообще и триад в частности А.Ф. Лосев как раз и твердил неустанно. И именно его аргументация (по крайней мере для нас) вспоминается прежде всего, когда вслед за тем же Б.В. Соколовым²² мы обнаруживаем в романе Булгакова некий иерархический путь от упомянутых структурных триад сначала к диаде Иешуа – мастер, а затем и к монаде по имени Маргарита. Не исключено, что именно этот, именно лосевский напор был привнесен, посредством П.С. Попова, в сложную архитектуру романа.

С привлечением круга идей имяславия твердую и даже несокрушимую основу приобретает особое булгаковское отношение к именованиям. Имена героев прямо-таки взывают самостоятельной реальности, наглядно демонстрируя базовый имяславский тезис о магической силе слова. Недаром столько сил затрачено исследователями на раскрытие семантики имен Воланда и его присных, Берлиоза, Маргариты, других. Слово энергично, слово действует, слово творит – доказывается и внутри романа (воистину живыми картинками Ершалаима, к примеру, по сути своей явленных знаковой реальностью *текста* самого мастера) и вне его, когда перед современным читателем зримо предстают все три сферы (или сколько их там?) романного мира. Слово вызывает непосредственное действие, говорит Булгаков, и скатывается голова председателя правления МАССОЛИТа, и одним-единственным словом Маргариты как снимается вечная вина Фриды, так и мастер извлекается из неволи. Только магический реализм слова²³ санкционирует подлинную истинность знаменитой фразы Воланда, брошенной нехотя, как бы из особой милости к чадам неразумным: «Рукописи не горят». Только особое чутье (и, конечно, знание глубоких философских наработок) могло подвигнуть автора уберечься от разглашения собственного имени героя и одарить его непочерпаемо загадочным и точным: *мастер*. Сама идея нетленности, всепобеждающей силы мастерства и в особенности мастерства слова – одна из фундаментальных идей романа, – вырастает в «Мастере и Маргарите» с поразительной степенью отшлифованности и готовности, каковую нужно отнести, конечно, на счет писательского таланта автора,

который, вместе с тем, трижды талантливее слушал, запомнил и размышлял.

Наконец, можно наметить особый имяславский ход и в таком сложном и ответственном вопросе, как отношение Михаила Афанасьевича к вопросам веры или, точнее, к личности Иисуса Христа. Допустим, имяславская формула «Имя Божие есть Бог, но Бог не есть ни Имя Божие, ни имя вообще»²⁴ не вполне устраивает ортодоксальное Православие, несмотря ни на какие оговорки (как во второй части приведенной формулы) и доказательства (если пока не брать во внимание почти два десятка лет ученых и богословских споров, теперь, кажется, основательно забытых). Но если имяславскую позицию все-таки принять хотя бы в первой части формулы, которая способствует максимальному приближению колеблющегося меж атеизмом и верой к приятию факта реальности исторического Христа? И если именно к этому склонялся автор романа? Ведь скорее именно из таких посылок следует достойное объяснение особенностей «пилатовской» части романа, тот же реализм и обостренный психологизм «евангельских» сцен, с которыми необходимым образом сочетается уже сам выбор неканонического, с фольклорно-этнографическим оттенком имени – Иешуа Га-Ноцри. Впрочем, приходится ограничиться лишь постановкой вопроса, учитывая деликатность темы вообще и непроясненность дошедших до нас вестей о вероисповедании автора романа в частности.

Подытожим сказанное. Гипотеза об имяславском (с преимущественно лосевским вкладом) влиянии на некоторые идейные и образные особенности романа «Мастер и Маргарита» – не более чем гипотеза. Лишь очередная попытка включить в круг размышлений о выдающемся литературном произведении серию новых данных и новых имен. Если и решены некоторые загадки, то выявлены очередные, и это нормально. Наибольшей проработке здесь подвергся лишь один вопрос – о вероятной принадлежности черной шапочки мастера. И предлагаемый ответ, если его принимать, может представлять определенную ценность в глазах поклонников творчества и выдающегося отечественного писателя, и выдающегося отечественного философа. Соединяются, как мы полагаем, две ценности,

и наша культура еще по одному пункту демонстрирует тогда свою изначальную нерушимую цельность.

А случайность? Сохраняется ли ее вероятность? Конечно, ибо нам дано только лишь предполагать возможное, не располагая достоверным. Но не следует ли нам, сколько дозволено, признать случайной в состоявшейся истории разве одну только «перемычку», соединившую однажды два бездонных сосуда? Все остальное действительно неизбежно, все остальное – судьба. Потому и приходят всяческие «совпадения» в календаре, наподобие событий в октябре 1933 года и октябре 1993 года, о которых уже говорилось выше. Или вот еще такое же: 18 апреля 1930 года в одной московской квартире раздался телефонный звонок, и голос с характерным кавказским акцентом порекомендовал подать-таки заявление во МХАТ («Мне кажется, они согласятся»); в другой московской квартире – день точно тот же, а о времени мы ничего не знаем – заполнялся протокол на основании ордера Объединенного государственного политического управления за № 3693 и в графу «Согласно данным указаниям задержан гражд.» вписывалось требуемое – «Лосев А.Ф.».

2.2. О борьбе с природой и еще кое о чем

Читатели, окинувшие взором данный заголовок, вовсе не обязаны тут же сообразить, что он образован из названий двух публицистических статей, которые были практически одновременно написаны М. Горьким без малого семьдесят лет назад. Одна из них называлась «О борьбе с природой», другая – «Об анекдотах и еще кое о чем». Но мы избавили заголовок наших заметок от кавычек, отсылающих к первоисточникам. Тем самым он лишился чисто архивного звучания, хотя речь еще будет идти об архивных изысканиях, и получил определенный самостоятельный смысл. Так что «дела давно минувших дней» пусть будут своеобразным символическим подтекстом для текста, в конце-то концов писавшегося на потребу дня нынешнего.

Но говорить нам придется больше о прошлом. Занимаясь

изучением творческого наследия А.Ф. Лосева и выявлением различных подробностей его многотрудной жизни, автор сих строк не мог пройти однажды мимо одного малоизвестного эпизода из биографии М. Горького. Речь идет об уже упомянутой статье «О борьбе с природой», которая была опубликована одновременно в газетах «Правда» и «Известия» 12 декабря 1931 года. Именно здесь классик социалистического реализма упомянул о «профессоре философии Лосеве» и привел несколько выдержек из весьма загадочной «рукописной копии нелегальной брошюры» его с несколько странным (для тех, кто знает творчество Лосева) названием «Дополнение к диалектике мира». Долгие годы это упоминание и эти цитаты были единственным подтверждением существования некоего «Дополнения», вроде бы написанного Лосевым к книге «Диалектика мифа» (мифа, а не мира). «Диалектика мифа» была конфискована, «Дополнение» сгинуло¹, их автор подвергся аресту и к моменту публикации статьи М. Горького уже «перековывался» на Беломорканале. Там он и прочел в газете о себе и о том (это мы почитаем сегодня тоже – будет достаточно большая цитата), что им, Лосевым, «сказано то самое, что ежедневно печатается в прессе политиканствующих эмигрантов, предателей трудового народа в прошлом, готовых предать его еще раз и завтра. Не считаясь с тем, что даже классовые враги Союза Советов признают факт культурного возрождения русской трудовой массы, профессор Лосев пишет: «Россия кончилась с того момента, как народ перестал быть православным. Спасение русского народа я представляю себе в виде “святой Руси”». Но что же такое, по мнению Лосева, представляет собою русский народ? Народ этот он характеризует так: «Рабочие и крестьяне безобразны, рабы в душе и по сознанию, обыденно скучны, подлы, глупы. Им свойственна зависть на все духовное, гениальное, матерщина, кабаки и циничное самодовольство в невежестве и бездействии». Нечего сказать – красивенький народ! И если б профессор был мало-мальски нормальный человек, он, разумеется, понял бы, что из материала, столь резко охаянного им, невозможно создать «святую Русь», – понял бы и повесился. *Только идиот может оценивать «зависть к духовному» как порок.* Но профессор этот явно

безумен, очевидно малограмотен, и если дикие слова его кто-нибудь почувствует как удар – это удар не только сумасшедшего, но и слепого. Конечно, профессор – не один таков, и наверное он действовал языком среди² людей подобных ему, таких же морально разрушенных злобой и ослепленных ею. Что делать этим мелким, честолюбивым, гниленьким людям в стране, где с невероятным успехом действует молодой хозяин, рабочий класс, выдвигая из среды своей тысячи умных, талантливых строителей социалистического общества, в стране, где создается новая индивидуальность? Нечего делать в ней людям, которые опоздали умереть, но уже гниют и заражают воздух запахом гниения»³.

Странно, зачем понадобилась писателю какая-то «рукописная копия нелегальной брошюры», о которой никому ничего не известно, кроме, конечно, хорошо осведомленных «органов». Странно, что свое «лирическое», то бишь философское отступление он весьма искусственно и даже, можно сказать, поспешно внедрил в текст, отведенный пространством рассуждениям о задачах пролетарского государства в управлении стихийными силами природы (статья представляет собой отклик на Всесоюзную конференцию по борьбе с засухой, проходившую в Москве в начале ноября 1931 года). Странны, наконец, сами эти резкие и уничижительные выпады в адрес автора предполагаемого «Дополнения», они весьма и весьма контрастируют с вполне уравновешенным и даже торжественным тоном остальной части статьи. Похоже, текст с этими выпадами именно вставлен, о чем недвусмысленно свидетельствуют заключительные строки, следующие сразу за текстом, приведенным у нас только что: «Я как будто уклонился от моей темы? Возвращаюсь к ней».

Невольно возникала мысль, которая, казалось бы, позволяла снять все или почти все подобные вопросы: а принадлежит ли весь пассаж о Лосеве перу М. Горького, не вставлен ли он неким безвестным «писателем», которому положено штудировать разного рода «нелегальные брошюры» по долгу службы? Эта мысль хотя и не подкреплялась, но и не отвергалась теми скудными данными, что несложно было извлечь из общедоступного «Описания рукописей М. Горького». Данное академическое

издание 1948 года сообщает: оригинал текста «О борьбе с природой» представляет собой машинопись, подписанную автором (ну вот, попробуй определи авторство, если в твоём распоряжении «машинка», пусть даже и с подписью), причём в ней – это уже обнадеживает – содержится «незначительная правка Г<орького> чернилами и красным карандашом» и есть ещё – может быть, вот оно, искомое! – «правка неустановленного лица»⁴. Что, интересно, подделывало это «неустановленное лицо» с рукописью классика?!

Делать нечего, нужно обращаться в Архив Горького и собственными глазами убеждаться, где там чьи правки. И нам без особых трудов удалось подержать в руках рукопись за архивным номером ПСГ 2-18-1, это и есть «О борьбе с природой». И что же? Исправления «неустановленного лица» действительно наличествуют. Однако они не коснулись интересующих нас строк, да и характер их – типичная газетная редактура косметического характера. Абзац же с текстом о Лосеве никак особо не выделен, это сплошная, без перерывов (относительно предыдущего или последующего текста) машинопись. Но есть, есть-таки здесь правка, причём именно авторская! Строка, которую М. Горький собственноручно дописал поверх готовой машинописи⁵, передана у нас (см. выше) курсивом. Всякие сомнения рассеиваются: подпись в конце рукописи поставлена с полным правом, эти жутковатые формулировки принадлежат самому автору статьи, а если какие-либо из них и подсказаны (навязаны) со стороны, М. Горький с ними вполне, выходит, согласился.

Со стороны пришли, конечно, выдержки из «Дополнения», и к ним мы ещё вернемся чуть позже, следуя хронологии поисков. Пока же нам ещё есть что взять из архивных материалов. За номером ПСГ 2-18-2 значится машинопись под названием «На борьбу с засухой». В ней содержится небольшой фрагмент, где тоже фигурирует имя Лосева, только «цитация» несколько меньше. Что ж, не пропустим и эту малость, почитаем. В очередном своём обобщении М. Горький рисует историю культуры как «по преимуществу процесс угашения разума буржуазным государством и его слугою – церковью», которым безразлична «жизнь и судьба трудового народа». И тут же:

«На этот народ они смотрят глазами своего идеолога и представителя Лосева: «рабочие и крестьяне безобразны, рабы в душе и по созданию [в «О борьбе с природой» читаем – «по сознанию»], обиденны, подлы [позднее – «обиденно подлы»], глупы. Им свойственны [позднее – «свойственна»] зависть на все духовное, гениальное, матерщина, кабаки и циничское [позднее – «циничное»] самодовольство в невежестве и бездействии»⁶.

Перед нами – первоначальный вариант статьи «О борьбе с природой». Точнее, текст под названием «На борьбу с засухой» фактически полностью перешел в данную статью, а единственному существенному изменению подвергся (в сторону значительного расширения) как раз фрагмент о Лосеве. Надо бы не забыть об этой неслучайной связи: усилив антилосевский выпад, М. Горький (вряд ли бессознательно) откорректировал и название своего опуса, придал ему более планетарный, если угодно, масштаб, так что вместо частности «засухи» ему понадобилась глобальность «природы». Сравнение двух редакций статьи, ранней и поздней, дает нам и еще одно важное наблюдение. Оно – о принципах цитирования, которых придерживался М. Горький. Как видим, при воспроизведении пяти строк одной и той же «цитаты» писатель с легкостью допустил четыре разночтения. Изменения слов вроде бы незначительны, трансформации нереволуционны, но они все-таки есть, это факт. Чтобы кому-то не показалось, что речь идет о случайности, приведем еще пример из сравнения тех же архивных текстов. Ближе к концу статьи (статей) М. Горький ссылается на старую публикацию Владимира Соловьева по сходной – тоже о засухе, – тематике, и в одном случае эта публикация названа «Гроза с Востока», а в другом – «Враг с Востока»⁷. Близко, похоже, но не одно и то же. Словом, мы убеждаемся, что цитировал М. Горький весьма своеобразно, с регулярным внесением следов своего присутствия в чужие тексты. Об этой творческой особенности давно, надо сказать, ведомо горьковедом. Ну а нам эта довольно рутинная текстология понадобилась для того, чтобы самостоятельным трудом получить возможность утверждать: да, в специфическом прочтении М. Горького трансформация «Дополнения к «Диалектике

мифа”» (название утраченной работы А.Ф. Лосева) в «Дополнение к диалектике мира» – через снятие внутренних кавычек и искажение одного слова, – выглядит вполне закономерной.

Впрочем, для случая статьи «О борьбе с природой» закономерны и типичны не только какие-то внешние особенности авторской работы с текстом. Статья характерна для М. Горького (точнее, для М. Горького 30-х годов) и содержательна, прежде всего в его откровенном выражении враждебного отношения к интеллектуалам. «О борьбе с природой» размещается в длинном ряду себе подобных публицистических выступлений, полных издевательств и открытой ненависти, адресуемых так называемым умникам. Зачерпнём немного и из этого кладезя. Вот характерная дефиниция интеллигента, которая обнаруживается в уже упомянутой публикации «Об анекдотах и еще кое о чем» (1931): «По характеру своему они – в большинстве своем жулики, но по убеждениям гуманисты»⁸. Из статьи «Ответ интеллигенту» (тоже 1931 год) можно еще узнать, что «индивидуализм интеллигента XIX – XX вв. отличается от индивидуализма крестьянина не по существу, а только по формам выражения; он более цветист, глаже отшлифован, но так же зоологичен, так же слеп»⁹. Да, и крестьянство М. Горький тоже весьма не жаловал. Но не будем терять нить нашего поиска и отвлекаться на развернутые комментарии. Заметим только (к этой теме еще предстоит вернуться), что для М. Горького «борьба с природой» естественно предполагала и подавление «звериных инстинктов» как интеллигента, так и крестьянина. И еще обращает на себя внимание узнаваемый мотив слепоты – вспомним, как сказано о Лосеве: «это удар не только сумасшедшего, но и слепого». Много поучительного дает и статья «Об умниках» (1930). Ее окончательную версию можно отыскать в любом Собрании сочинений автора, к каковому мы и отошлем заинтересованных читателей, чтобы опять-таки слишком не отвлекаться. В наш же сюжет точно укладывается чтение машинописи этой статьи, что хранится в Архиве Горького за шифром ПСГ 5-1-1. Вернее, обратимся к той заключительной части рассуждения об «умниках», которая по каким-то соображениям не попала в публикацию (абзац зачеркнут синим карандашом), однако покажется

нам весьма знакомой: «Надо ли вспоминать о людях, которые исчезают из жизни медленнее, чем следовало бы им исчезать? Надобно, ибо они, разлагаясь, создают гнилостную атмосферу, способную отравлять не только людей молодых и честных, но невнимательно относящихся к действительности и слишком чувствительных к ее бесцеремонным щипкам и толчкам»¹⁰. Строчки зачеркнуты, а мысль не пропала, как мы теперь знаем, она сгодилась в статье «О борьбе с природой» как раз для клеймения одного из «умников».

По правде говоря, совсем и не обязательно было заниматься изысканиями в машинописи этой работы каких-то непосредственных следов «руки Горького». И без того ясно, что «нюансы» статьи декабря 1931 года – не эпизод, не случай и не временное (к примеру, на момент чтения выдержек из какой-то «рукописной копии») помрачение. Такова была, увы, публицистика М. Горького 1930-х годов вообще, М. Горького – автора формулы «если враг не сдастся, то его уничтожат» и апологета принудительной «перековки» непокорных «масс» в специализированных учреждениях ОГПУ.

С упоминанием ОГПУ мы переходим к следующему этапу наших разысканий вокруг статьи «О борьбе с природой». Здесь надо сказать, что вскоре после похода в Архив Горького своим чередом появилась возможность изучить «Следственное дело» А.Ф. Лосева¹¹ из Центрального архива ФСБ РФ. Этот многотомный документ содержит немало бесценных материалов, дающих новые штрихи к истории трагического (а по судьбам отдельных личностей судя – и героического) периода жизни нашего Отечества, и за многими подробностями и фактами «дела» мы можем отослать читателя к недавно опубликованной в серии «Жизнь замечательных людей» книге А.А. Тахо-Годи «Лосев». А для нашего небольшого и частного исследования истории статьи М. Горького важен такой факт: в «деле» содержится весьма обширный, с грифом «сов. секретно» на титуле, «Материал о рукописи Лосева А.Ф. «ДОПОЛНЕНИЯ К ДИАЛЕКТИКЕ МИФА» (мы передаем название «Дополнения», вернее, «Дополнений»¹² строго по тексту первоисточника), его в июне 1930 года составила – воспроизведем еще и неудобочитаемый титул – «помощник начальника ИНФО

ОГПУ» Герасимова (инициалы не указаны). Текст занимает 25 машинописных страниц и содержит большое количество цитат (или, скажем осторожнее и точнее, изложений) из канувшего в Лету «Дополнения». Само собой напрашивается вопрос, имеются ли в этом «Материале» те строчки, что уже известны нам по статье «О борьбе с природой». Ответ: имеются, но не все и не точно такие, какие вышли из-под пера М. Горького. В частности, в справке-реферате Герасимовой однозначно говорится о «рукописи», а не о «рукописной копии нелегальной брошюры» (согласитесь, что это далеко не одно и то же, тем более для ОГПУ), нет здесь и пассажа о православии и святой Руси. Зато строчки о «красивеньком, нечего сказать, народе» присутствуют, и мы воспроизведем их с необходимой подробностью – они отыскиваются в том разделе «Материала», где излагаются взгляды А.Ф. Лосева на историю человеческого общества начиная с «античного рабовладельчества». Последнее рассматривается как естественный строй, читаем в реферате, «равно желательный и необходимый для господ и рабов». О свободной части этого «рабовладельчества» автор «Дополнения», по Герасимовой, пишет следующее: «Общество делится на два класса. Платон называет первый класс философами, второй – ремесленниками и земледельцами, то есть ПО НАШЕМУ, РАБОЧИМИ И КРЕСТЬЯНАМИ [так в оригинале. – В.Т.]. Философы – созерцатели идей, рабоче-крестьянская масса – послушная исполнительница философских созерцаний. <...> Философы и монахи – прекрасны, свободны, идеальны, мудры. Рабочие и крестьяне – безобразны, рабы по душе и сознанию, обыденно-скучны, подлы, глупы. Философы и монахи – тонки, глубоки, высоки; им свойственно духовное восхождение и созерцание, интимное умиление молитвы и спокойное блаженство и величие разумного охвата. Рабочие и крестьяне – грубы, плоски, низки, им свойственен вульгарный пафос мордобития, зависть на все духовное, гениальное и свободное, матерщина, кабак и циничное самодовольство в невежестве и бездействии»¹³. Многое узнается, не правда ли? И, наверное, читателю уже поднадоела череда похожих (но всякий раз не совпадающих в деталях!) рассуждений о «рабах по душе и сознанию», потому придется предупредить, что к

этой теме – правда, уже без прямого касательства к «Дополнению», но тоже с участием М. Горького, – мы обратимся чуть позже еще раз, уже последний. Для наших же задач «Материал» Герасимовой оказался безусловно полезен. Конечно, можно весьма и весьма сомневаться в аутентичности самого этого реферата. Где тут Лосев и где за него написано, дописано либо вписано, поди теперь дознайся! Но если предположить, что данный «Материал» или некий производный от него текст все-таки лежал на столе М. Горького, то получается следующая весьма неприглядная картина: писатель не только понадергал из оригинала отдельные выражения и по-своему их отредактировал, он еще и намеренно сменил их адрес, область их приложения. В самом деле, из реферата Герасимовой ясно следует, что ругательные строчки о «рабочих и крестьянах» входили в характеристику античного общества, общества времен Платонова «Государства», тогда как М. Горький произвольно перенес их на характеристику русского народа и на времена лосевской «Диалектики мифа». Впрочем, сама Герасимова, закончив вышеприведенную цитату об античном обществе, от себя добавляет-таки актуальную интерпретацию: «Совершенно ясно, что давным-давно истлевшие рабы античного мира не могли бы вызвать припадку такой живой ненависти у профессора Лосева». Иными словами, она вполне солидарна с М. Горьким. Конечно, помощник начальника находилась на службе, ее задача и состояла в увязке всяческих «материалов» с «текущим моментом» и «злостью (буквально) дня». А вот кому служил М. Горький?

Нам пока не известно, как и когда к нему попали из ОГПУ «справочные материалы» о творчестве А.Ф. Лосева. Их нет в фондах Архива Горького, как нет и в обширной библиотеке писателя ни одного издания из числа тех восьми знаменитых теперь книг, что А.Ф. Лосев успел опубликовать за 1927–1930 годы. Здесь стоит отдельный вопрос и видится самостоятельная линия разысканий (известно, к примеру, что после таинственной смерти М. Горького «компетентными органами» были сделаны изъятия в его бумагах). Зато относительно самого реферата Герасимовой точно известно, что он был размножен и рассылался «для информации» по различным адресам. Один

такой экземпляр обнаружился недавно среди документов ЦК ВКП(б)–КПСС (теперь они хранятся в Архиве Президента РФ) в фонде Е. Ярославского, откуда и был извлечен на свет Божий работниками архива и опубликован в журнале «Источник» (1996, № 4). Товарищ Ярославский еще пометил: «В папку к философской дискуссии»¹⁴. В свою очередь к дискуссии о путях покорения природы привлек свой «материал» и М. Горький – тут нет ничего странного или оригинального. Тем более, что ему не нужно было особенно привыкать к информационным услугам ОГПУ. Известно, скажем, из личной переписки М. Горького с Г. Ягодой (она недавно опубликована), что он сам просил присылать свежие вести из Советской России к нему в Сорренто, дабы не стопорился творческий процесс. Так и сообщает в письме от 2 ноября 1930 года¹⁵: «Пьесу о «вредителе» бросил писать, не хватает материала, вредитель выходит у меня ничтожнее того, каков он в действительности. Весною, в Москве, буду просить у Вас материалов!» Упомянутую пьесу, получившую название «Сомов и другие», он так и не дописал, а в Москве побывал с 14 мая по 18 октября 1931 года и «материалов», видно, испрашивал¹⁶. Кстати, не после той ли поездки на Родину М. Горький привез с собой реферат Герасимовой?

Но наиболее известной «информационной услугой» была, конечно, поездка, осуществленная по инициативе М. Горького большой группы советских писателей по самой знаменитой стройке, ведомой ОГПУ, результатом чего явилась книга «Беломорско-Балтийский Канал имени Сталина». Книга увидела свет в 1934 году и была почти полностью конфискована и уничтожена через три года, когда карающий меч пролетарской диктатуры снес голову одному из меченосцев и главных героев этой книги – Г. Ягоде. В коллективном труде тридцати шести авторов под редакцией славной «тройки» в составе М. Горького, Л. Авербаха и С. Фирина (первые двое тоже писали, а третий, не всякий знает, был начальником соответствующего исправительно-трудового лагеря) отыскивается много поучительного для историка советского периода русской литературы. Много поучительного, поразительного и страшного. И поражает и пугает даже не то, как натренированно и профессионально звучит писательский хор во славу «исправительного»

рабского труда, страшно скорее другое – сколь доверительными и сколь эпическими интонациями сдобрен сей трактат, полна едва ли не каждая его страница. Трудно удержаться от воспроизведения, для примера, хотя бы фрагмента из описания приезда партии заключенных «спецов» на станцию Медвежья гора, где в новом здании Управления Беломорстроя помещился лагерный Производственный отдел (где-то здесь в 1932–1933 годах пришлось работать и А.Ф. Лосеву). «Ученые бреются, протирают очки, с удовлетворением видят, что столы такие же, как и в тех учреждениях, откуда их, ученых, взяли, и возле плоских чернильниц такие же деревянные ручки. Они берут ручку и покрывают большие белые пространства бумаги значками на различных языках. Они пишут книги, они пишут выводы, они совещаются, они щупают, ворошат эту страну, эти сивые валуны, озера, порожистые реки. Все это – реки, озера, топи – сжимается, стискивается, превращается в один клубок, чтобы этот клубок, сброшенный с песчаных холмов Медгоры, покатился к Студеному морю, оставляя за собой шлюзы, дамбы, водохранилища, дома, машины, самое главное – иных, чем прежде, инженеров и ученых.<...> Чекисты Медгоры смотрят с уважением на это ученое племя и хотя знают их души, но все же им кажется странным: почему, читая жизнь и технику жизни на многочисленнейших языках, эти ученые не прочли самого главного, что только социализм способен переделывать, исправить, выточить новый мир, новую землю, черт возьми!»¹⁷

Не выражают ли ключевые слова «социализм», «переделывать» (или в более расхожей формулировке – «перековырять») и «черт возьми» некий стержень отношений М. Горького и ОГПУ, не разъясняют ли они истинную суть устремлений писателя, обнаружившего в методах Советской власти некую идеальную модель мироустройства? Может быть, тогда и в самом деле исчерпывающе точны сказанные о нем слова С.Л. Франка – те, что прозвучали в журнале «*Hochland*» вместо некролога после смерти М. Горького: «чудовищное заблуждение, когда люциферовское отпадение от Бога снова принимает реальную форму, стало судьбой Горького»¹⁸. Нет, М. Горький не служил «органам» или в «органах», скорее «воспитательная» деятельность последних служила подтверждением не только

мыслимости, но и возможности и даже своевременности «побед», о которых как раз сам-то он и чаял. Потому и был, наверное, вполне искренен, когда с восторгом писал во вводной главе («Правда социализма» называется) упомянутой книги: «Быстрая победа над враждебной людям природой, совершенная дружным натиском тысяч разнородных, разноплеменных единиц, – изумительна, но еще более изумительна победа, которую одержали над собою люди, анархизированные недавней, звериной властью самодержавного мещанства»¹⁹.

Люциферианство... Да, вот какие жутковатые глубины на самом деле окликает наш простой (и, надеемся, что последовательный) анализ одного из образцов поздней публицистики М. Горького. Боретесь с засухой и проложили канал сквозь камни Севера? – Своевременно! Разорили «кулака» и пустили по этапу «умников»? – Давно пора! Вон в консервативной Европе даже респектабельные ученые заговорили «о необходимости для медицинской науки перейти к эксперименту с человеком» и тут же признают, что такое «по силам только Союзу Советов»? – Так вот же оно, «настоящее, большевистское, революционное дело!»... Последние цитаты взяты нами из письма М. Горького к Сталину от 12 ноября 1931 года²⁰, оно написано как раз в те дни, когда шла работа над статьей «О борьбе с природой». С явственным волнением (то бишь «с большой радостью») М. Горький извещал вождя о выходе в свет книги Б. Рассела «Научная перспектива» и удовлетворенно констатировал, что «идея, о которой я беседовал с Вами и которая получила Ваше одобрение, – «посится в воздухе», иными словами: это признак ее жизненности и практичности»²¹. Жутко читать такие письма и предполагать, в какую бездну могли завести эти «преобразователи природы», особенно если представить действительно свершившимся и прочным их союз.

Заметим теперь, что М. Горький оставался верен идеям борьбы с природой (с Природой вообще) не только в пору собственной максимальной лояльности Советской власти, когда та в свой черед отвечала максимально лестными оценками вроде такой: «лучший писатель нового человечества, как будто пришедший из коммунистического завтра»²². Если достаточно внимательно читать горьковские «Заметки о революции

и культуре» – они объединены в сборнике «Несвоевременные мысли» 1918 года издания, то нетрудно обнаружить и в этих еще вполне оппозиционных по направленности и гуманистических по духу заметках уже известные нам мотивы. Автору «Несвоевременных мыслей» также ясно, что «высшая форма борьбы за существование – борьба человека с природой», и смотрит он «на сознательного рабочего как на аристократа демократии» в противовес крестьянину, поскольку первый «не так зависит от стихийных сил природы, как зависит от них крестьянин, тяжкий труд которого невидим, не остается в веках», «тогда как труд рабочего остается на земле, украшая ее и способствуя дальнейшему подчинению сил природы интересам человека». И весь-то «народ» России ему сильно не нравится уже потому, что тот традиционно не ценит лозунг «знание – сила» (а что еще, опять-таки, может «привести людей к победе над стихийными энергиями природы!») и «вся жизнь которого строилась на «авось» и на мечтах о помощи откуда-то извне», для которого характерны «лень, семечки, социальная тупость», – да, разумеется, «и не следует любить народ таким, каков он есть», и не следует ничего хорошего ожидать от него, воспитанного «мелочно злобным и очень бесталанным, <...> в рабстве, пьянстве, мрачных суевериях»...²³

Читатель без труда обнаружит в данной характеристике много, слишком много совпадений с определениями относительно «рабочих и крестьян» (или, в прочтении самого М. Горького, относительно «русского народа») из текста «Дополнения». Мы, повторим, не можем говорить в точности, что и как написал на сей счет А.Ф. Лосев, а вот его критик и обвинитель – тот в свое время и в своем месте выразился именно теми словами, что воспроизведены. Может быть, как раз поэтому столь резким и был выпад «своевременного» Горького 1930-х годов против автора «Дополнения», что ему что-то и как-то напомнило о прежнем Горьком, о Горьком времен «Несвоевременных мыслей».

Впрочем, главное состоит не в совпадениях, а как раз в расхождениях. Даже если М. Горький и не знал А.Ф. Лосева и судил о его творчестве только по справочным материалам ОГПУ (достоверными данными в пользу обратного предположения

мы не располагаем, хотя и видятся некоторые ходы дальнейших поисков²⁴), пересечение судеб этих двух личностей в случае статьи «О борьбе с природой» является вовсе не случайным. Столкнулись два мировоззрения, два проекта, две программы «преобразования» природы. В самом деле, какая идея победит? Та ли, что «способна обернуться безрелигиозной в своем существе, самовлюбленно-человеческой, фетишистски-науковерческой душой бездушно-машинной эпохи»? Или все-таки наконец станет понятным, что «борющееся «с природой» человечество есть само ведь тоже природа в глубочайшем смысле слова» и что «борется оно, не ниспровергая природу, а напротив, опираясь на нее, утверждая и прославляя ее». Но тогда с необходимостью выходит, «преобразование и преображение мира должно быть не борьбою с природой, а утверждением ее идеально-реального бытия».

Точные формулировки для этого противопоставления мы позаимствовали у Н.В. Устрялова²⁵, который не только много и плодотворно думал о проблемах исторического прогресса, но и явственно определил свой собственный выбор в пользу движения вслед за Лосевым, а не за Горьким. Не за Горьким, который откровенно признавался в одном своем письме в декабре 1930 года: «... даже вижу себя великодушнее одной Природы и даже нахожу ее – между нами – глупой»²⁶, а за Лосевым, который говорил в своей «Диалектике мифа» как на исповеди: «А я люблю небушко, голубое-голубое, синее-синее...»

На этом можно было бы и закончить... Но вопрос выбора пути – причем не столько индивидуального, личного, сколько стоящего перед Россией в целом, – до сих пор не снят с повестки дня. Уже потому наше сегодняшнее обращение к некоторым обстоятельствам давней публикации М. Горького не может преследовать только лишь чисто литературоведческую либо архивно-исследовательскую задачу. Мы хотели еще напомнить, что история имеет свойство повторяться и возвращаться к своим развилкам. Не потому ли как раз тогда, когда писались данные заметки, в книжных магазинах Москвы стали вдруг продавать репринтное (1998 года) издание той самой книги о Великой Стройке Беломорканала – роскошный, любовно сделанный том без указания тиража и самого издательства, без

всякого комментария и необходимого «аппарата». Зато предваряет книгу краткое обращение некоего загадочного «Издателя», который предлагает воспринимать текст 1934 года непосредственно, без всяческих толкований и интерпретаций. Эту мысль прозрачно шифрует подзаголовок обращения – «Тем, кто не любит читать между строк». Именно потому «Издатель» находит главную ценность данной книги «в том, что это документ эпохи, что она описывает время глазами людей, которые в нем жили», находит и настоятельно советует: «Прочитайте эту книгу, вспомните, что у нас есть прошлое»²⁷...

Да, прошлое у нас есть, и оно не преминуло о себе напомнить в очередной раз.

2.3. «Духовная Русь» – неосуществленный издательский проект 1918 года¹

«Раньше, когда я был молодой, я распространялся о русской душе, славянофильские идеи у меня были, Москва – третий Рим, «а четвертому не быти». А теперь с течением времени я во всем этом разочаровался...» – признавался А.Ф. Лосев в одном из разговоров с В.В. Библихиным в январе 1973 года². Сведений об этом «славянофильском периоде» жизни Лосева, в сущности, нет. Можно разве только сослаться на некоторые ранние публикации Лосева.

Так, в статье 1916 года «О музыкальном ощущении любви и природы. К тридцатипятилетию «Снегурочки» Римского-Корсакова» Лосев формулирует, в чем сущность народной музыки («Народная музыка находит в мировом целом нас самих, ибо если музыка вообще есть живописание внутренней жизни духа и бытия, то народная музыка есть в одно время и мы сами, и та вожденная глубина мироздания») и почему, «несмотря на изысканную сложность симфонической структуры творений Римского-Корсакова – сложность, временами превосходящую вагнеровскую», его музыка народна и слушатель чувствует себя «при живописании этих глубин как у себя дома» – «это *наша*, русская глубина, и это наше место в мировом

целом»³. Спустя два года Лосев попытался определить уже «наше место в мировом целом» философии – в статье «Русская философия». Лосев различает несамостоятельную русскую философию, находящуюся под западным влиянием, и самобытную русскую философию, олицетворяющую собой вечную «борьбу между западноевропейским абстрактным *ratio* и восточно-христианским, конкретным, богочеловеческим Логосом». Вслед за Н.А. Бердяевым Лосев видит в философии славянофилов и конец отвлеченной философии, и начало «философии цельной жизни духа», «цельного знания», получившей свое воплощение у Владимира Соловьева. Именно во внутреннем строении русского философского мышления кроется, по Лосеву, причина того, что русская философия «является насквозь интуитивным, можно сказать, мистическим творчеством». Основная проблема русской философии – «преодоление хаоса посредством Логоса» – воспринимается ею как внутренний подвиг, а значит, и как определенного рода религиозный акт. Вот отчего в русской философии видится продолжение философии святоотеческой, вот отчего она стоит «на пороге нового откровения», вот отчего «все истинные русские» ждут от такой философии (с добавлением апокалиптической мистики) «новых догм»⁴. Эта лосевская статья была напечатана в 1919 году на немецком языке в швейцарском сборнике «*Russland*». Скорее всего, для того же издания предназначалась и написанная примерно в то же время статья «Имяславие» («*Die Onomatodoxie*»), освещающая «одно из древнейших и характерных мистических движений православного Востока»⁵, которое автор, судя по всему, тоже склонен был рассматривать как некое особое «наше место в мировом целом» – теперь уже христианства.

Вот, пожалуй, и все, что можно привлечь к характеристике «славянофильского периода» Лосева. Недавно найденные новые архивные материалы дают возможность представить этот период не только полнее, но и во вполне определенном религиозно-философском и общественно-политическом контексте.

С характеристики последнего и начнем. Уже вскоре после Февральской революции некоторая часть русской интеллигенции, как известно, начала проявлять серьезное беспокойство за

судьбу русской культурной традиции. Именно в это время П.Б. Струве задумывает создать «в противовес разлагающему влиянию антипатриотических и интернационалистических идей – некий идейный центр для духовно-обоснованного патриотизма»⁶. Таким «оплотом национального возрождения» должна была стать Лига русской культуры, объединяющая, по замыслу ее организаторов, «все общественные слои, дорожащие традициями русской духовной культуры»⁷. Среди учредителей Лиги были и видные общественные деятели (например, А.В. Карташев, Н.Н. Львов, М.В. Родзянко, В.В. Шульгин), и известные философы (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк), и философствующие писатели (В.Н. Муравьев, А.С. Изгоев). В обращении учредителей Лиги «К русским гражданам» говорилось: «Инстинкт жертвенности и бескорыстия, вместо положительных государственных интересов ведет к безумию национально-самоубийства. Но миру не нужно бессильной, национально уничтоженной и безличной России. Как из пустых нулей не складывается никакой величины, так и из обезличенных национальностей не образуется живого организма объединенного человечества»⁸. Так что П.Б. Струве, доказывавший в это время «совместимость национализма с христианской идеей всечеловечности»⁹, создавая Лигу русской культуры, и пытался осуществить этот тезис на практике. Лига была создана в июне 1917 года, но еще раньше, в мае, в статье с аналогичным названием «Лига русской культуры» Струве определил главную задачу будущей организации – «строить русскую культуру» – и ее форму – «особое внепартийное объединение, преследующее национально-культурные цели»¹⁰. Позже в заметке «Несколько слов о Лиге русской культуры» он вновь повторил, что «политическая внепартийность должна быть необходимым характеристическим признаком такого объединения», ибо «задача развития национальной культуры – просветительная в широком смысле»¹¹. Но несмотря на то, что на примере Лиги, по словам Струве, «впервые в русской истории чисто культурная проблема национальности» была отчетливо отделена «от политических требований и программ»¹², именно политические события октябрьского переворота 1917 года положили конец этому начинанию, а сам Струве вынужден был отправиться на юг России

для участия в организации Добровольческой армии. И тем не менее, в феврале 1918 года вернувшись в Москву, Струве вновь обращается к тем же проблемам.

В программе «Русской мысли» на 1918 год он как редактор-издатель заявляет, что журнал будет печататься «как и раньше, твердо проводя идею национальной русской культуры и уделяя всего больше места вопросам и темам, связанным с высшими стремлениями и ценностями человеческого духа»¹³. Хотя предостережение «Вех» о «великой опасности, надвигавшейся на культуру и государство», не было принято во внимание русским образованным обществом, Струве предлагает вновь «не поодиночке, а как совокупность лиц <...>, переживающих *одну муку* и исповедующих *одну веру*»¹⁴, высказаться по поводу уже совершившейся катастрофы. С этой целью в марте 1918 года он задумывает издание сборника «Из глубины», первоначально называвшегося «Сборником “Русской мысли”». Однако за три недели, как предполагалось, собрать материалы не удалось. 3 (16) апреля С.А. Аскольдов сообщал в письме Вяч. Иванову, что уложиться в отведенный срок он не успел, а в последующем письме (открытка) от 10 (23) апреля предполагал, что печатание сборника начнется только после Пасхи¹⁵ (которая, отметим, в 1918 году приходилась на 22 апреля по старому стилю). Статья С.Н. Булгакова для сборника была написана в апреле-мае, А.С. Изгоева и В.Н. Муравьева – в июне, А.И. Покровского – в июле, июлем же помечено и предисловие Струве, сама статья его – августом. В августе начинается печатание сборника, в августе же Струве покидает Москву, чтобы в декабре 1918 года перейти границу с Финляндией.

Одновременно со сборником «Из глубины», в котором также приняли участие Н.А. Бердяев, Вяч. Иванов, С.А. Котляревский, С.Л. Франк, в том же марте 1918 года Струве задумывает издание «Библиотеки общественных знаний» под своей общей редакцией. Если сборник «Из глубины» ставил задачу уяснения исторического и религиозного смысла русской революции, ее корней и перспективы «положительного развития и самоутверждения жизни»¹⁶, то у «Библиотеки общественных знаний» была другая цель, примерно та же, что и у Лиги русской культуры, – «просветительная в широком смысле».

Считая, что «возрождение России должно быть прежде всего возрождением и укреплением *национального духа*», редакция и издательство «Библиотеки» обещали «стремиться в серьезном, но доступном широкой публике изложении освещать *основные* вопросы культурного, общественного и государственного развития и бытия человечества и в особенности русского народа, пробуждать в русском человеке *исторический смысл* и обличать перед его сознанием ложь и тщету тех мнимо-научных отрицательных течений, разлив которых исковеркал народную душу и разрушил государство»¹⁷. Среди намеченных выпусков «Библиотеки» были и такие, как «О сущности правосознания» И.А. Ильина, «История русской торговой политики» П.Б. Струве и «Пушкин как национальное явление» того же Струве, «Национальное лицо и его выражение в народной поэзии» Б.М. Соколова, «Толстой и Достоевский» С.И. Карцевского. Струве и его единомышленники, видимо, еще надеялись успеть воспитать в русском обществе тот национальный дух, который остановит поругание национальной культуры и разрушение русского государства. Но было уже слишком поздно. «К сожалению, в русском культурном обществе, либеральном и просвещенном, нет той силы духа и той горячей веры, которые могли бы спасти Россию от беснования. <...> Духовное национальное движение у нас еще впереди, оно образуется после изжития и осмысления трагического опыта войны и революции»¹⁸, – писал Н.А. Бердяев в августе 1917 года, не предполагая еще, что кризис затянется так надолго и что осмысление трагического опыта революции откладывается на неопределенное время, да и сама подлинная революция еще впереди.

Четыре письма А.Ф. Лосева к Вяч. Иванову, о. Павлу Флоренскому, А.С. Глинке-Волжскому и М.В. Сабашникову, написанные весной и летом 1918 года и хранящиеся теперь в трех разных архивах, позволяют добавить некоторые любопытные штрихи и к истории свободной мысли в России после большевистской революции, и к биографии тех, кто пытался в новых условиях продолжать служить этой свободной мысли.

Судя по лосевским письмам, весной 1918 года в Москве возник замысел издать серию небольших, объемом каждой не

более четырех печатных листов, религиозно-философских книжек на темы русской национальности. Кому принадлежала эта идея, сейчас сказать трудно. Как вспоминал незадолго до своей кончины Лосев, это была «всего лишь мечта», «отчасти моя, отчасти их, моих старших товарищей»¹⁹. «Старшими товарищами» были Вяч. Иванов и С.Н. Булгаков, принимавшие деятельное участие в осуществлении этого проекта. Вяч. Иванов предложил назвать планируемую серию «Духовная Русь». Он вместе с Булгаковым хотел привлечь о. Павла Флоренского в качестве автора, они встречались с ним по этому поводу. Сохранилось письмо от 1 марта (старого стиля) 1918 года Флоренского к Иванову, которое должен был передать также один из авторов намечавшейся серии и близкий Флоренскому человек – С.А. Сидоров²⁰. Помимо указания на интересующие Иванова тексты об «ангелах-народоблюстителях» (из Ветхого Завета и Отцов Церкви), о. Павел обещает Иванову обдумать и дать статью для серии, о которой Иванов сообщал ему ранее: «Относительно статьи я ничего не придумал, но выражаю свое согласие – разумею серию, о которой Вы мне говорили. Когда придумаю, напишу»²¹.

То, что речь в письме Флоренского идет именно о серии «Духовная Русь», подтверждает письмо Лосева к Флоренскому от 24 марта (старого стиля) 1918 года, которое мы здесь приводим:

«Ваше Высокоблагословение о. Павел!

С.Н. Булгаков и В.И. Иванов говорили Вам о готовящейся серии религиозно-философских книжек на темы русской национальности. В настоящее время я, как редактор этой серии, могу сообщить Вам окончательные условия, которые издатель склонен считать ультимативными.

Рукопись должна быть от 2 до 4 печатных листов.

Рукопись должна быть доставлена мне (Воздвиженка, 13, кв.12) не позже 12-го апр<еля> ст<арого> ст<илия>. Напечатание рукописей, предоставленных позже, проблематично.

Редактор²² предлагает за 3000 экземпляров 300 рублей за каждые 40 000 букв. Вопрос этот может быть перерешен по получении рукописи. 300 р. – минимум.

При получении рукописи выдается $\frac{1}{2}$ гонорара; при напечатании, которое предполагается немедленно, – остальная половина.

В тексте рукописи не должно быть никаких партийных точек

зрения и никакой злободневности. Если все эти условия для Вас подходящи, то покорнейше прошу сообщить мне немедленно тему, размер статьи и срок, в который она может быть мною получена.

Искренно преданный Вам

А. Лосев »²³.

С целью получить статью для серии Иванов и Булгаков обращались и к другому представителю «нео-идеализма» (выражение С.А. Венгерова) – литературному критику А.С. Глинке-Волжскому, выпустившему в 1915 году брошюру с достаточно говорящим названием «Святая Русь и русское призвание». В ответ Глинка-Волжский предложил несколько тем на выбор (возможно, связанных с его работой 1915 года, а может быть, с той, которую он в то время писал – «Социализм и христианство», напечатанной в 1919 году). Упоминаний о серии непосредственно в переписке Глинки-Волжского с Ивановым и Булгаковым обнаружить, впрочем, пока не удалось, так что о ней мы знаем лишь из следующего письма А.Ф. Лосева к Глинке-Волжскому от 9 (22) апреля 1918 года:

«Глубокоуважаемый Александр Сергеевич!

В.И. Иванов и С.Н. Булгаков писали Вам о серии, которая предложена у нас в Москве к изданию. Вы сообщили им несколько тем, на которые Вы можете дать номер серии. Теперь, после переговоров с Ивановым и Булгаковым, а также и с издателем, я, редактор этой серии, могу сообщить Вам условия напечатания, которые издатель склонен считать ультимативными.

1. Тему можете выбрать любую из тех, которые предложены Вами Иванову и Булгакову.

2. Рукопись должна быть в 2–4 печатных листа.

3. За 3000 экземпляров издатель предлагает 300 руб. за каждый лист в 40 000 букв.

4. Рукопись *должна быть доставлена мне не позже середины Святой недели*, так как печатание всей серии предположено начать сейчас же после Пасхи.

5. Гонорар будет выдан немедленно после печатания.

6. В тексте не должно быть партийных точек зрения и злободневно-публицистических дискуссий»²⁴.

Заметим, что ни Иванов, ни Булгаков официально не значились организаторами упомянутой серии. Это подтверждают

и первые строки письма Лосева к Вяч. Иванову, написанного в тот же день, что и письмо Флоренскому, т.е. 24 марта 1918 года:

«Многоуважаемый Вячеслав Иванович! Не осмеливаясь раздражать Вас своим появлением, а также и быть предметом незаслуженных и своеобразных упреков, обращаюсь к Вам письменно. В настоящее время я могу точно передать Вам условия напечатания Вашей рукописи, причем эти условия издатель склонен считать окончательными и ультимативными <...>»²⁵ (далее излагаются точно те же условия, что мы находим в письме к Флоренскому).

По воспоминаниям Лосева, его «поставили в виде делового лица во главе этого безнадежного, как оказалось, предприятия»²⁶. Однако на самом деле во главе этого предприятия Лосев оказался не только потому, что был молод и энергичен. Как выясняется из письма самого же Лосева от 13 августа (стиль не указан) 1918 года к М.В. Сабашникову, в издательстве которого предполагалось печатать книжки серии, роль Лосева отнюдь не сводилась к чисто организационной, – предполагаемая серия должна была выходить под его, лосевской, *общей* редакцией. Лосев писал:

«Глубокоуважаемый Михаил Васильевич!

Не будучи в состоянии видеть Вас последнее время, осмеливаюсь побеспокоить Вас письменным обращением. Я посетил Вас в мае месяце и встретил у Вас некоторое сочувствие к серии книжек национально-философского содержания. Это дает мне некоторое право сейчас еще раз обратиться к Вам за окончательным ответом. Я напому Вам эту серию. «Духовная Русь», – религиозно-национально-философская серия под общей редакцией А.Ф. Лосева.

Вып. I. Вячеслав Иванов. Раздранная риза.

Вып. II. Н.А. Бердяев. Духи русской революции (Гоголь, Достоевский, Толстой).

Вып. III. Георгий Чулков. Национальные воззрения Пушкина.

Вып. IV. С.Н. Дурылин. Религиозное творчество Лескова.

Вып. V. А.Ф. Лосев. О русской национальной музыке.

Вып. VI. Кн. Евг. Трубецкой. Россия в ее иконе.

Вып. VII. С.Н. Булгаков. [О духовной Руси].

Вып. VIII. С.А. Сидоров. Юродивые Христа ради.

Вып. IX. А.Ф. Лосев. Рихард Вагнер и Римский-Корсаков (религиозно-национальное творчество).

Вып. X. С.Н. Дурылин. Апокалипсис и Россия.

Предложено еще около трех номеров. Общие основания: Каждая рукопись около 31/2 печ^атных листов (по 40 000 букв).

Издание исключает всякую минимальную возможность какой-нибудь партийной точки зрения.

Взгляды авторов анти-марксистские, но исследование везде ведется в тоне свободного, вне-конфессионального религиозного сознания.

Покорнейше прошу, Михаил Васильевич, не счесть за труд ответить мне в возможно непродолжительном времени и назначить час личного свидания.

Глубоко уважающий Вас

А.Лосев.

Москва. Воздвиженка, 13, кв.12. Алексею Федоровичу Лосеву.

НВ. Название серии «Духовная Русь» предложено Вяч. Ивановым. Оно может быть изменено в связи с пожеланиями издателя, т.к. оно не у всех и участников серии встречает полное сочувствие»²⁷.

Издание серии оказалось вполне безнадежным предприятием, конечно же, из-за мало благоприятствующей ему общественно-политической ситуации. Хотя «идея была замечательная, и соорганизовались быстро», и Лосев тогда как редактор «получил от многих, заинтересованных в подобных книгах, поддержку»²⁸, дело не пошло дальше издательских коридоров. Причин тому было достаточно: 18 марта 1918 года Совет Народных Комиссаров уже принял постановление «О закрытии московской буржуазной печати», а 23 декабря того же года по указанию ЦК РКП(б) в структуре Реввоенсовета был учрежден отдел цензуры, призванный положить конец всем иллюзорным надеждам авторов с «анти-марксистскими взглядами» на возможность высказываться по «религиозно-национально-философским» вопросам, да еще «в тоне свободного, вне-конфессионального религиозного сознания», пусть и без «партийных точек зрения и злободневно-публицистических дискуссий».

Казалось бы, от серии, как говорил Лосев, не осталось «никого намека». В самом деле, нет следов подготовки книжек ни в «Перечне изданий, находящихся в разных стадиях производства в издательстве М. и С. Сабашниковых» по состоянию на декабрь 1918 года, ни в издательской «Картотеке рукописей»,

поступивших в работу вплоть до 1929 года²⁹. И все же теперь, спустя восемьдесят лет, мы можем не только перечислить, исходя из письма А.Ф. Лосева к М.В. Сабашникову, имена участников серии и заявленные ими темы, но и указать на некоторые тексты, которые должны были бы быть напечатаны под общим названием «Духовная Русь». А о содержании некоторых других попытаемся построить определенные предположения.

Из перечисленных в письме к М.В. Сабашникову десяти выпусков серии два – «О русской национальной музыке» и «Рихард Вагнер и Римский-Корсаков (религиозно-национальное творчество)» – должны были принадлежать перу самого Лосева. Однако в лосевском архиве сохранилась только одна страничка рукописи, вероятно имеющая отношение к первому из названных выпусков, – она посвящена русскому национальному мелосу. Потому только, судя по другим музыковедческим статьям Лосева, мечтавшего в эти годы о создании «философии музыки» (см. его «Очерк о музыке» 1920 года³⁰), мы можем примерно представить, в каком направлении автор мог бы разрабатывать эти темы. Возможно, речь шла бы и об особой «объективности славянского мелоса»³¹ у Римского-Корсакова, и о том, что современный человек живет музыкой Вагнера и Скрябина оттого, что теперь «как раз ступились над нашей головой мировые тучи»³², что музыка Скрябина – отнюдь не славянский мелос, хотя в ней порой «воскресает чеховская Россия с ее надрывом и бессилием» или слышится «родной наш русский хлестаковский смрад души»³³. Вот почему скрябинская «причудливая смесь языческого космизма с христианским историзмом» есть не только «наивысшее напряжение западноевропейской музыки», но и очевидный знак «заката Европы», гибели ее «мистического существа»³⁴, в то время как Вагнер, подобно Скрябину познавший «мировые трагедии, возвешаемые дионисийской музыкой», сумел все-таки прийти к ясности «Парсифаля», дал «пережить этот мировой Мрак и музыкальную сладость бытия, чтобы потом наилучше поднять нас до великой простоты и светлого царства Христова»³⁵.

Подобным же образом могли бы мы реконструировать и общую направленность брошюры Георгия Чулкова «Национальные воззрения Пушкина», который, пройдя путь от

«мистического анархизма» к «мистическому национализму», к изданию газеты «Народоправство», размышляя о судьбе России, стал писать и о Пушкине: о Пушкине и славянах, о Пушкине как зачинателе русского театра и так далее вплоть до чисто биографической работы, появившейся к столетию со дня гибели поэта³⁶.

Однако с гораздо большей уверенностью можно говорить о текстах, которые не только писались, но и были напечатаны. Первой укажем статью Н.А. Бердяева «Духи русской революции», фигурирующую в лосевском списке в качестве второго выпуска серии. Не как отдельная книжечка (брошюра), а в составе собранного П.Б.Струве сборника «Из глубины» она печаталась в том же 1918 году, когда и задумывалась «Духовная Русь». О том, что это не просто дословное совпадение названий, свидетельствует перечень имен, указанных в лосевском списке в скобках и раскрывающих содержание статьи. Имена Гоголя, Достоевского, Толстого – они в точности повторяют рубрикации бердяевской статьи в сборнике «Из глубины»: «Гоголь в русской революции», «Достоевский в русской революции», «Толстой в русской революции».

Логическим продолжением идей Н.А. Бердяева о положительных и отрицательных сторонах русской апокалиптичности («Русская апокалиптика заключает в себе величайшие опасности и соблазны, она может направить всю энергию русского народа по ложному пути, она может помешать русскому народу выполнить его призвание в мире, она может сделать русский народ народом неисторическим»³⁷), выраженных в статье «Духи русской революции», должна была, по-видимому, стать работа С.Н. Дурылина «Апокалипсис и Россия» (десятый выпуск серии). Но если следов данной статьи мы пока что не обнаружили, то первоначальный и, вероятно, более краткий вариант другой его книжечки «Религиозное творчество Лескова», заявленной под номером четвертым серии, был напечатан под аналогичным названием «О религиозном творчестве Лескова» еще в 1916 году³⁸. Судя по тому, что в этой статье Дурылин касается и мотива юродства в лесковской прозе, его книжечка «Религиозное творчество Лескова» должна

была перекликаться с не найденной нами работой С.А. Сидорова «Юродивые Христа ради».

Вероятно, некоторого рода вариантом более раннего проекта была и открывающая серию работа Вяч. Иванова «Раздранная риза», возвращающая нас вновь к сборнику «Из глубины». Именно в статье Вяч. Иванова «Наш язык», входящей в данный сборник, появляется евангельский образ «раздранной ризы». Заметим, что в первоначальных набросках статьи сравнение русского языка с «однотканым» хитоном Божиим, о котором мечут жребий, отсутствовало³⁹. Оно появилось позже. Видя, как великий и прекрасный дар, «уготованный Провидением народу нашему в его языке», в наступившие «дни буйственной слепоты, одержимости и беспамятства... кощунственно оскверняют богомерзким бесивом – неимоверными, бессмысленными, безликими словообразованиями, почти лишь звучаниями, стоящими на границе членораздельной речи, понятными только как перекличка сообщников», Вяч. Иванов восклицает: «Только вера в хитон цельный, однотканый, о котором можно метать жребий, но которого поделить нельзя, спасает от отчаяния при виде раздранной ризы отечества»⁴⁰. Объем статьи Вяч. Иванова «Наш язык» существенно меньше, чем было заявлено для серии, да и название в списке у Лосева, на первый взгляд, неблизкое. И только «ключевые слова» – *раздранная риза* – позволяют нам предположить существующую связь между различными этапами единого творческого замысла. С этим замыслом, несомненно, связан и еще один – книжечка Вяч. Иванова могла представлять собой и авторское истолкование стихотворения «На суде пред Божиим Престолом» (датировано 18 ноября 1917 года):

На суде пред Божиим Престолом
Встал наш ангел и винил соседа:
Раскололась вся земля расколом
И досталась ангелу победа
На суде пред Божиим престолом.

Но лишь громы прорекли: «победа!», –
Разодрал он с ворота до низу
На себе серебряную ризу;
И взмолился «пощади» к престолу
И раздралась плоть отчизны долу⁴¹.

Беловой автограф незавершенного автокомментария к этому стихотворению имеет то же название, что и заявленная Вяч. Ивановым книжечка серии – «Раздранная риза». Для Иванова, читаем мы здесь, «наш Ангел – ангел [России] народа русского – [есть не только] его духовная личность, его умопостигаемое единое я»⁴². Так что отнюдь не случайно в период обдумывания своей работы о «раздранной ризе» Вяч. Иванов просил у Флоренского указать ему «основные тексты» об «ангелах-народоблюстителях»⁴³.

Этот же образ раздранной ризы возникает и в статье «На пиру богов» С.Н. Булгакова («Растерзано русское царство, но не разодран его нетканый хитон»⁴⁴), помещенной в сборнике «Из глубины» между статьями Бердяева и Иванова. И здесь под хитоном мыслится та русская душа, за которую «борются рати духовные, желая отнять вверенный ей дар»⁴⁵. Может быть, и Булгаков, подобно Бердяеву и Иванову, предназначал свою статью не только для сборника Струве, но и для «религиозно-национально-философской» серии «Духовная Русь»?

Вопрос этот возникает не только из-за тематических переключек, которых внутри серии достаточно много (апокалиптические мотивы у Бердяева и Дурылина; мотив юродства у Дурылина и Сидорова; общие евангельские образы у Иванова и Булгакова⁴⁶; осмысление современного исторического момента при посредстве различных видов искусства: живописи-иконописи у кн. Трубецкого, литературы – произведений Гоголя, Достоевского, Толстого, – у Бердяева, Пушкин у Чулкова, Лесков у Дурылина, музыки у Лосева). Вопрос этот возникает еще и потому, что большинство потенциальных авторов серии «Духовная Русь» имели те или иные связи со Струве как с издателем и редактором. Не говоря уже о Вяч. Иванове, С.Н. Булгакове и Н.А. Бердяеве, напомним только, что и С.Н. Дурылин печатался в журнале Струве «Русская мысль» (его статья о Лермонтове была напечатана в 1914 году по ходатайству Булгакова⁴⁷), что и драма Г.И. Чулкова «Дети греха» появилась в 1918 году в последнем из выходивших в свет номеров «Русской мысли» (№ 3–6); в той же «Русской мысли» и в том же 1918 году появилась статья кн. Евг. Трубецкого «Россия в

ее иконе»⁴⁸, по названию точно совпадающая с заявленной в лосевском письме к М.В. Сабашникову темой шестого выпуска серии. Неясными остаются отношения с издателем «Русской мысли» только двух участников этой серии – С.А. Сидорова, сотрудничавшего в 1918 году, наряду с П.А. Флоренским и С.Н. Дурылиным, в религиозно-философском журнале «Возрождение»⁴⁹, и самого редактора серии – А.Ф. Лосева.

Не был Лосев ни учредителем «Лиги русской культуры», как Бердяев и Булгаков, не печатался он и на страницах «Русской мысли», не был он и среди авторов сборника «Из глубины»⁵⁰. Возможно, что никаких личных отношений с П.Б. Струве тоже не было, но это не мешает нам отметить очень интересный параллелизм замыслов 1918 года. В марте возникает у Струве идея издать сборник и «Библиотеку общественных знаний» под своей редакцией – в марте же Лосев пишет Вяч. Иванову и Флоренскому⁵¹ об условиях задуманной под его редакцией серии; по апрельскому письму С.А. Аскольдова к Вяч. Иванову известно, что П.Б. Струве думал начать печатанье сборника после Пасхи – и Лосев пишет в апреле А.С. Глинке-Волжскому, что рукопись нужно доставить «не позже середины Святой недели, так как печатание всей серии предположено начать сейчас же после Пасхи»; в августе П.Б. Струве пишет свою статью для сборника, на этом заканчивается сбор материала и начинается печатанье – в августе месяце Лосев извещает М.В. Сабашникова о том, что серия готова к изданию. Кроме хронологического параллелизма, есть, несомненно, и параллелизм идейный: в переломный для России момент происходило обращение к национальной культуре, к национальному духу, с освещением основных вопросов бытия русского народа на основе политической внепартийности и преследуя цель «просветительную в широком смысле». Судя по всему, А.Ф. Лосев, как и П.Б. Струве, в 1918 году относился к тому верному «положительной и творческой идее народа»⁵² меньшинству, считавшему, что «на том пепелище, в котором изуверством социалистических вожakov и разгулом соблазненных ими масс превращена великая страна, возрождение жизненных сил даст только национальная идея»⁵³.

2.4. Из истории «Диалектики мифа»

Если задаться целью подержать в руках «Диалектику мифа» первого (1930 года) издания, сделать это будет весьма сложно. В подавляющем большинстве крупнейших библиотек ни у нас, ни за рубежом книги нет и не было. Нет ее ни в собраниях Книжной палаты, ни в обширной библиотеке, принадлежавшей самому А.Ф. Лосеву. Исключение составляют только два московских книгохранилища, но и там совсем уж просто взять и подержать – не выйдет. В одной из таких библиотек, фундаментальной библиотеке ИНИОН (много раритетов перешло сюда по наследству от прежних академий, Социалистической и Коммунистической) «Диалектика мифа» действительно значится в каталоге, но там же имеется еще и пометка «утеряна»¹, а на руки читателям выдаются лишь две ксерокопии. Другое место нахождения этой книги – Российская Государственная библиотека, однако путь к экземпляру первоиздания и здесь тернист. Широкой публике также выдается ксерокопия, а сам оригинал давно уже изъят из основного фонда и сберегается в отделе хранения² (заметим между прочим, что большинство других книг А.Ф. Лосева, изданных в 1927–1930 годах, находятся в «Музее книги» этой библиотеки). К сотрудникам отдела и нужно обращаться, чтобы увидеть книгу собственными глазами и убедиться, что «Диалектика мифа» – не «голый» миф.

Рассмотрим же этот экземпляр книги³, ибо здесь нас вместе с читателем ждут наблюдения, весьма полезные для дальнейшего изложения истории «Диалектики мифа». Первым делом заметим, что книга активно использовалась и вызывала живую реакцию. Так свидетельствуют многочисленные читательские пометки. В большинстве своем они явственно группируются, потому их можно даже отнести к условным (пока) персонажам. Вот, например, потрудился некий «педант», он не пропустил ни одной опечатки по всему тексту, употреблял при этом – вполне в масть шрифту – неброские черные чернила, буквочки из-под его руки выходили аккуратными бисеринками, так и ощущается рачительное и заинтересованное отношение к повествованию. А вот оставил свои следы «цензор» – где скобками на полях, где прямоугольными рамочками и незамкнутыми овалами

пометил он целые участки страниц, причем жирный красный карандаш и уверенные, без всякого почтения к тексту размашистые надписи «вставка» вполне изобличают весьма определенное самочувствие автора сих граффити. Невольно вспоминается, что самые пристрастные читатели «раннего» Лосева служили в карательных органах. И в самом деле, не пришла ли эта книга в библиотеку, поначалу в ее, скажем, спецхран пряمهонько со стола эксперта ОГПУ–НКВД или же из Главлита? И что тогда подсказывают нам сообщения о вставках? В дальнейшем, когда мы попытаемся установить возможное авторство выделенных пометок, мы вернемся и к проблеме вставок в «Диалектику мифа», ибо такая проблема действительно существует. Пока же, на стадии сбора непосредственно-эмпирических фактов, нам только и остается фиксировать вопросы, откладывая ответы на них до момента, когда фактов этих скопится достаточное количество.

Мы познакомились, таким образом, с избранными откликами-маргиналиями, которые зафиксированы в рукописной форме непосредственно на одном-единственном экземпляре «Диалектики мифа». А что можно сказать о публичных, т.е. печатных откликах современников на эту книгу? Начав с зарубежных материалов, мы тут же обнаружим некоторую странность, требующую объяснения. Нужно принять во внимание, что многие другие книги Лосева, предшественницы «Диалектики мифа», в свое время вызывали довольно оперативную и заинтересованную реакцию прежде всего в русской эмигрантской прессе, – достаточно назвать статьи Д.И. Чижевского, С.Л. Франка, П. Прокофьева⁴ и др. Быстро входили лосевские идеи и в сферу академических интересов некоторых известных западноевропейских ученых. К примеру, в 1929 году А. Койре в монографическом исследовании о мировоззрении Якоба Бёме⁵ включил «Философию имени» Лосева (увидела свет в 1927 году) в цепь наиболее ярких «отголосков» на учение знаменитого мистика XVII века. Словом, книги охотно принимались, что называется, в научный оборот. Но вот о «Диалектике мифа», выдающемся философском произведении – молчание. Она вовсе не упоминается даже в вышедших много позднее фундаментальных историко-философских

работах В.В. Зеньковского и Н.О. Лосского, а ведь они были посвящены именно русской философии и содержали специальные разделы о творчестве Лосева. Объяснение напрашивается одно: эта книга не попала к заинтересованному читателю по вполне объективной причине. И причину эту сообщает ссылка на «Диалектику мифа» (единственное известное нам заграничное упоминание книги современником), которую сделал Н.В. Устрялов в далеком от Европы Харбине. В своей работе, посвященной проблеме исторического прогресса, он цитирует один пассаж из «Диалектики мифа» и сообщает, вполне подтверждая свой тезис о сложности и противоречивости упомянутого прогресса, что использованная им книга конфискована⁶. Нам остается только спросить, где и как ее удалось в таком случае прочесть самому Устрялову?

Еще своеобразнее предстает перед нами история прочтения «Диалектики мифа» в Советском Союзе. Книги Лосева и здесь не проходили незамеченными, причем поначалу даже были попытки включить их в русло здорового научного обсуждения, пусть даже, как у того же А. Койре, при исследовании вполне частных проблем. Благородный пример тому – это стоит отметить специально – подал В.Ф. Асмус в 1927 и 1928 годах⁷. Однако в дальнейшем по адресу Лосева раздавались только окрики, начиная с погромного выступления А.М. Деборина в апреле 1929 года. Но и в хоре откровенно враждебных «анализов» и «рецензий» не нашлось места для упоминания «Диалектики мифа». За одним (но зато каким!) исключением: обширные цитаты из книги, которая планировалась к изданию скромным тиражом в 500 экземпляров и в итоге, судя по всему, вообще «ушла под нож», были размножены в миллионы крат на страницах массовых партийных газет и специальных изданий материалов XVI съезда ВКП(б)⁸. В третий день работы съезда, 28 июня 1930 года прозвучал «Организационный отчет Центрального комитета» в чтении тов. Кагановича, и в текст этого выступления нам интересно будет заглянуть. Вот раздел III доклада под названием «Укрепление органов диктатуры пролетариата и усиление организующей роли рабочего класса», в нем отыщем подраздел «Обострение классовой борьбы и организация политической активности масс». В указанной тематической области

докладчик, как водится, констатирует наличие «недостатков» (надо понимать – «отдельных»), далее формулирует главный тезис о том, что «по линии культуры, по линии литературы обострилась классовая борьба», откуда выводит искомое: «нужна величайшая бдительность на этом фронте». А поскольку, как хорошо всем известно, истина конкретна, далее следуют иллюстрации. Читаем: вот вам «пример из области философской литературы. В «Правде» была помещена рецензия о семи книгах философа-мракобеса Лосева. Но последняя книга этого реакционера и черносотенца под названием «Диалектика мифа», разрешенная к печатанию Главлитом, является самой откровенной пропагандой наглейшего нашего классового врага (несмотря на то, что она была напечатана благодаря Главлиту, она не увидела света). Приведу лишь несколько небольших цитат из этого контрреволюционного и мракобесовского произведения <...>» – сами цитаты мы пропустим, поскольку современный читатель имеет возможность изучить «Диалектику мифа» вполне самостоятельно и целиком, а не смотреть на нее глазами партийного бонзы. Остается дочитать заключение: «И это выпускается в Советской стране. О чем это говорит? Это говорит о том, что у нас все еще недостаточно бдительности. (Голоса: «Кто выпускает? Где выпущено?») Разрешено Главлитом. (Голоса: «Чье издание?») Это выпущено самим автором, но весь вопрос заключается в том, что у нас, в Советской стране, в стране пролетарской диктатуры, на частном авторе должна быть узда пролетарской диктатуры. А тут узды не оказалось. Очень жаль. (Голоса: «Правильно»)⁹.

Книга все-таки конфискована, на ее «частного автора» отыскалась «узда» (Лосев был арестован еще 18 апреля 1930 года), потому на съезде, похоже, больше говорилось о недоработках Главлита, чем о пишущих (еще) философах. Спустя несколько дней после доклада Кагановича тему разовьет литератор тов. Киршон – сначала он язвительно «почитает» с партийной трибуны книгу «История Царского Села» (ее, кстати, написал Э.Ф. Голлербах, не названный в выступлении – с этим именем мы еще встретимся в дальнейшем), потом продолжит начинание в деле тиражирования «Диалектики мифа» следующим образом: «Или вот, например, товарищи, место из

книжки, которую цитировал уже здесь т. Каганович, «Диалектика мифа» Лосева, – она тоже вышла в 1930 г. и пропущена Главлитом. Этот Лосев, помимо всяческих других откровенно-черносотенных монархических высказываний, между прочим сообщает: «Пролетарские идеологи или ничем не отличаются от капиталистических гадов и шакалов, или отличаются, но еще неизвестно, чем собственно они отличаются». Коммунист, работник Главлита, пропустивший эту книжку, в которой нас в лицо называют капиталистическими гадами и шакалами, мотивировал необходимость ее разрешения тем, что это «оттенок философской мысли». (*Смех. Голос: «Оппортунизм на практике»*.) А я думаю, нам не мешает за подобные оттенки ставить к стенке. (*Аплодисменты. Смех*)¹⁰. Знай Киршон свое собственное недалекое будущее, вряд ли ему захотелось бы шутить столь предметно – он будет расстрелян в 1938 году.

А что происходило в ту пору в Главлите? Деятельность этой организации плохо изучена, так что будущим исследователям еще много предстоит потрудиться для снятия белых (или скорее черных) пятен ее истории. Кроме того, значительная часть архивных фондов Главлита, охватывавшая период с 1922 по 1937 год, как теперь выясняется, была уничтожена¹¹. Поэтому больше приходится уповать не столько на терпение в процессе поиска документов, сколько на случайность и исследовательское везение. И в нашем случае последние не заставили себя ждать! Оказалось, что в Архиве Академии наук (московское отделение) в личном фонде П.И. Лебедева-Полянского почему-то сохранилась стенограмма совещания работников Главлита («заведующих Крайоблитами») от 26 января 1931 года, где для нас интересен доклад, как выражаются архивисты, фондообразователя (а он был первым начальником Главлита) на тему «О политико-идеологических принципах контроля над литературой в период реконструкции». Часть этого документа, который никогда не публиковался, мы приведем ниже с сохранением всех особенностей (грамматических огрехов тоже) первоисточника. Начнем, пропустив первый десяток листов стенограммы, с изложения общей точки зрения оратора на «область философии, психологии и логики». Сказано следующее: «Вы знаете, что на первых порах философские книги у нас выходили

очень туго, а когда начинался Главлит¹², тогда вообще их не выходило и многие очень скучали, что не на чем поточить зубы. <...> Тогда у нас была такая линия – если эта книга хотя и не марксистская, но не содержит в себе активного наступления на марксизм, то выпустить ее в ограниченном количестве можно. <...> Сейчас идеалистическая работа в области философии, хотя бы она была беззубой по отношению к марксизму, она не нужна, потому что просто бумагу не нужно тратить на это дело. Такие работы бесполезны, а может быть кого-нибудь они и заразят, хотя вряд ли теперь можно кого-либо заразить, потому что у всех зрение довольно зоркое и все научились примерять [так!] противоположности и крайности. Так что в этой плоскости книги идеалистического направления мы пропускать не будем». Далее докладчик рассудил, вспомнив о дискуссии «механистов» и «диалектиков», что не стоило бы полностью «истреблять» заблудших «механистов», после чего перешел было к «самому сложному фронту» – художественной литературе, но тут же спохватился: «Вот относительно философии я не говорил о Шпеке [надо, видимо, понимать – о Шпете], о Лосеве, о Грузенберге, а между тем нужно сказать относительно Лосева. Лосев начал писать совершенно невинные вещи. о [видимо, стенографистка не смогла осилить имен типа Плотина или Прокла], об Аристотеле – совершенно невиннейшие вещи. В последний раз, когда нас крыли на 16 съезде партии, что пропускали мы такие книги Лосева, тут оказалась большая наша ошибка, ошибка прежде всего та, что политредактор не прочел этой книги, только поворачивал ее [в смысле – небрежно перелистывал], а самое главное – что этот господин в эту книгу [имеется в виду «Диалектика мифа»] около ста страниц включил, которых не представлял и напечатал в Троицке [так!], бывшей Сергиевской лавре. Оказалось, что там были вещи не только идеалистические, но прямо-таки контрреволюционные, и удивляешься прямо, на что человек рассчитывал, неужели он думал, что никто ее не будет читать? Нашлись все-таки коммунисты, которые захотели отточить зубы и прочли эту книгу. Такие люди, как Лосев, сейчас, конечно, не выступают и не будут выступать: урок был здесь дан хороший по всем направлениям. Мы по нашему направлению сняли того товарища, который пропустил эту

книгу, не читавши, Лосев получил хороший урок, его приятели это знают и не могут так выступать», – завершил Лебедев-Полянский «философскую» часть своей речи¹³ и перешел-таки к художественной литературе.

Отметим попутно, что в Главлите обратили внимание на творчество Лосева отнюдь не в момент напечатания «Диалектики мифа», но много раньше. В том же архивном фонде сохранились еще «Тезисы доклада т. Лебедева-Полянского о деятельности Главлита за 1926 г.», где указываются, в частности, «проходивший в области философии» по так называемому Русскому отделу «ряд трудов, представляющих подделку под диалектический материализм (Челпанов, Лосев), по существу же насквозь идеалистических»¹⁴. Сказано скупно, но многообещающе. Вернемся, однако, к более позднему (мы его цитировали выше) выступлению главного цензора страны, из которого следует, сколь многие ожидания и обещания исполнились. Оставим при этом без комментариев оценочные характеристики и специфический стиль подобных откровений, предназначенных для узкого круга лиц, которые «должны иметь нюх» и в то же время некую «универсальность» при условии, что последняя «строго и определенно ограничена политическими и идеологическими установками» (дефиниция из заключительного слова Лебедева-Полянского на упомянутом совещании¹⁵). Мы коснемся только некоторых фактов и обстоятельств, затронутых в докладе и непосредственно связанных с судьбой «Диалектики мифа» и ее автора.

Прежде всего, следует уточнить место, где книга была напечатана. О загадочном «Троицке» стенограммы мы можем выяснить правду, прочитав так, как это и значится на обложке доступного нам экземпляра: Москва, издание автора, типография Иванова, г. Сергиев¹⁶ (вариант названия – Сергиев Посад). Теперь об уроках. Как известно, Лосев был осужден и определенный период жизни провел сначала в московских тюрьмах, а затем на сталинской «перековке» Свирьлага и Белбалтлага. Получив освобождение по амнистии при завершении строительства Беломорканала (сыграли свою роль инвалидность и хлопоты Е.П. Пешковой), он взял на вооружение вполне определенное «политическое правило» (просьба не

путать с жизненными принципами!), позаимствованное у Гамлета: «Не позволяй клоунам болтать больше того, что написано в пьесе»¹⁷. Нет, Лосев не забросил философию и не перестал развивать и углублять многие из тех идей, что были сформулированы в «Диалектике мифа» и других ранних книгах, — чтобы убедиться в этом, достаточно внимательно читать хотя бы его «Историю античной эстетики». Но больше он никогда не позволял себе высказываться с тою последней точностью и обнаженной прямоотой, что явлены на страницах фатальной книги 1930 года. Это факт, что с тех пор Лосеву постоянно приходилось укрывать свои самые сокровенные мысли под ширмой интересов классической филологии или истории эстетики, а то и прибегать к эзопову языку, по внешности, случалось, приближенному к «новоязу» диаматчиков.

Эзоп, иносказания, басни... Есть странность, вернее, некая закономерная странность в том, что на прочтении «Диалектики мифа» с линией жизни Лосева пересеклась судьба именно баснописца, и ему тоже был «дан урок». Баснописца звали Сергей Александрович Басов-Верхоянцев (1869–1952), служил он политредактором в Русском отделе Главлита. Ему-то и предписывалось «по штату» первому встать на пути в свет «Диалектики мифа». Он этого не сделал, хотя и не преминул отметить, что автор данного «философского трактата» явственно подозрителен как «чуждый марксизму (идеалист)». Но тот же Басов-Верхоянцев и составил резолюцию, которая, как мы знаем, столь мобилизовала остроумие бдительного В. Киршона: «Разве только в интересах собирания и сбережения оттенков философской мысли м.б. и можно было бы напечатать эту работу, столь не материалистически и не диалектически построенную». Баснописца-политредактора поддержало начальство в лице заместителя заведующего отделом: «печатать 500 экз. М. Гришин 7/IX- 29 г.»¹⁸. Именно М. Гришина уволили и об этом «уроке» оповестили «по своему направлению» на упомянутом совещании, а Басова-Верхоянцева допустили к работе спустя полгода — то ли учли почтенный возраст и заслуги старого партийца, то ли посчитали, что немудрящая рифма «оттенки — к стенке» способна воодушевлять и без прочих «оргвыводов».

Многие подобные (ранее абсолютно не доступные) подробности теперь можно извлечь из многотомного следственного «Дела № 100256 по обвинению Лосева Алексея Федоровича и др.», которое хранится в Центральном архиве ФСБ РФ. История изучения и многочисленные материалы этого важнейшего документа изложены в книге А.А. Тахо-Годи «Лосев» и ряде ее публикаций в периодических изданиях¹⁹; на данные исследования мы и будем опираться ниже при цитировании выдержек из «Дела».

В докладе Лебедева-Полянского, как мы помним, фигурируют «около ста страниц», пронесенных в «Диалектику мифа» мимо бдительного ока Главлита. Этими «вставками» займемся теперь подробнее, ибо они были призваны сыграть особую роль. Как видно из «Дела» (точнее, из «Постановления ОГПУ» в нем), именно внесение в прошедшую через цензуру рукопись ряда добавлений «контрреволюционного содержания» послужило непосредственной причиной ареста Лосева (отметим, что в ходе дальнейшего следствия этот повод был напрочь забыт, и философу вменялось в вину уже идейное руководство некоей «монархической организацией церковников»). Не случайно рассмотрению этих добавлений посвящена львиная доля специальной справки о «Диалектике мифа». Она подписана начальником IV Отделения ИНФО ОГПУ Соловьевым 18 апреля 1930 года. Справка сообщает ряд сведений, которыми теперь можно воспользоваться. В частности, мы узнаём тут, что первоначально объем книги составлял 153 страницы. Если учесть, что в известном нам экземпляре «Диалектики мифа» насчитывается 268 страниц, то указанная в докладе Лебедева-Полянского приблизительная оценка объема «вставок» может быть признана верной. Далее, в справке сообщается²⁰, что автор «без согласования с Главлитом внес ряд принципиальных исправлений и дополнений (на с.7, 8, 11, 17, 18, 19, 22, 70, 71, 74, 75, 77, 78, 84, 87, 90, 92 и 95)» и ввел заново, как указывается, страницы 98–134 и 241–263. Что ж, и эти скрупулезные подсчеты также верны. Их можно напрямую проверить, поскольку первоначальная рукопись «Диалектики мифа», которая «прошла» Главлит и которую как раз и сравнивал названный Соловьев или его помощники с окончательным текстом

книги, рукопись эта недавно была возвращена из Центрального архива ФСБ РФ в архив А.Ф. Лосева и потому доступна для исследования. Но это еще не все. Точно теперь зная, какие и где имеются лосевские исправления и вставки, мы можем обратиться и к тем пометкам «цензора», которые обнаруживались нами в экземпляре «Диалектики мифа», хранимом в Российской Государственной библиотеке. И что же? Несложная операция сопоставления показывает, что жирный карандаш давнего читателя этой книги действительно безошибочно выделил все крупные вставки; не помечались только незначительные исправления в одно-два слова. Следовательно, наше условное имя «цензор» нужно теперь рассматривать как весьма близкое к действительности – с таким знанием дела могли читать или в Главлите или в ОГПУ, больше нигде²¹.

Что же можно сказать о содержании и характере тех изменений, что рискнул внести Лосев в свою книгу? Многое позволяет прояснить непосредственный анализ рукописного (вернее, машинописного с рукописными фрагментами) оригинала «Диалектики мифа», возвращенного с Лубянки.

Устройство этого текста многослойно. Первый слой или слой «пра-текста» образует машинопись с первоначальной нумерацией страниц 1–152, которые составляют главы I–VIII и X–XIII (вспомним, что справка Соловьева указывала объем «подцензурной» книги в 153 страницы²²). То, что это – действительно исходный вариант книги, подтверждается и следующими соображениями. Из следственных материалов известно, что первую редакцию «Диалектики мифа» Лосев завершил еще в 1927 году, и это указание хорошо соответствует всем (пусть и немногочисленным, но именно всем) хронологическим отсылкам в выделенном машинописном массиве: именно на этих страницах мы встречаем пример о нехристианской привычке носить одежды «по последней моде 1925–1928 гг.» (п.4 главы VIII) или пример прогноза, «каково небо будет 1 января 1928 г. в 12 час. ночи в Москве»²³ (п.2 главы XI), или прямую фиксацию времени написания определенной части текста («Эти строки писались во время Крымского землетрясения летом 1927 г.»; отметим, что землетрясения в Крыму пришлось на 26 июня и 12 сентября 1927 года) в примечании

в конце п. 6 главы XI. И так, вполне выделяется как раз та версия «Диалектики мифа», которая изначально должна была официально «проходить инстанции». Чтобы судить о содержании и, в частности, о степени ее, этой версии, лояльности и нейтральности по отношению к официальной же идеологии, мы проверим, много ли данной части текста соответствует тех громких, ударных, погромных и т.п. цитат, что отобрали чуткие (согласно дефиниции о «нюхе») референты Кагановича для озвучивания с трибуны XVI съезда. Результат таков: из восьми пассажей «Организационного отчета» сюда входят как минимум пять, да и еще о двух, вполне «контрреволюционных» по содержанию пассажах с известной долей уверенности можно сказать то же самое²⁴. Сделанное (текстологическое по своей внешности) наблюдение дает очень важный вывод о содержательности поступка и о подлинных мотивах, которыми руководствовался автор «Диалектики мифа». Нет, он не подпихивал шпильки в подушку, не протаскивал «непроходные» строчки и страницы исподтишка – он выступал с открытым забралом, идя на бой. Он писал эту удивительную книгу, конечно, не в надежде на то, что «никто ее не будет читать» (вспомним абсурдное предположение Лебедева-Полянского), он надеялся и на прочтение и на понимание. Отсюда и характер написанного: все главное содержалось уже в «пра-тексте», а последующие вставки и дополнения лишь развивали мысли и доводили их до большего совершенства, лишь способствовали достижению единственной цели настоящего творца – самовыражению. О том и писал Лосев в одном из своих писем (из лагеря в лагерь): «Я задыхался от невозможности выразиться и высказаться. Этим и объясняются контрабандные вставки в мои сочинения после цензуры, и в том числе (и в особенности) в «Диалектику мифа». Я знал, что это опасно, но желание выразить себя, свою расцветающую индивидуальность для философа и писателя превозмогает всякие соображения об опасности»²⁵.

Второй слой в повествовательной ткани «Диалектики мифа» составил фрагмент неизвестного нам произведения – это машинописный блок с первоначальной нумерацией страниц 1–46. Первая часть этого блока²⁶ (страницы 1–37), трактующая

о соотношении мифа и догмата, стала основой главы X книги, а вторая часть (страницы 38–46) с примерами синтеза антиномий в «абсолютной диалектике» образовала заключительную XIV главу. Так вперемешку первые два слоя текста образовали единую машинописную основу уже для третьего слоя – последующих рукописных исправлений и вставок, сделанных рукою Лосева.

Этот слой рукописного массива сконцентрирован в главах VII–XIV, он весьма значителен по объему (суммарно его можно оценить примерно в 450 строк) и содержит много важнейших добавлений. Здесь, прежде всего, много обращений к работам различных авторов. Перечислим только темы: Василий Розанов о «половых делах»; Леонид Андреев и св. Марк Подвижник о бесах; св. преподобный Иоанн Лествичник о странничестве; Николай Тарабукин о типах живописного пространства; стихотворение (и какое!) Зинаиды Гиппиус; определение чуда у епископа Феофана Кронштадтского; преподобный Венедикт Нурсийский о световом луче; дьявольщина в современной поэзии. Эта основная часть добавлений явственно свидетельствует как раз о том, что автор теперь озаботился укреплением аргументации своей теоретической части (того, что расположилось в первых двух слоях), для чего и были привлечены авторитеты из различных областей мифологии, как «абсолютной» – используем авторские термины из «Диалектики мифа», – так и «относительной» мифологии. Среди рукописных вставок имеется ряд небольших, но весьма колоритных выражений и формулировок (вполне подошли бы в коллекцию Соловьева–Кагановича) по общественно-политическим и вероисповедальным мотивам: толкования Апокалипсиса; телесность души; различения по национальному и половому признакам; подвижническая практика слез; примеры большевистских мифов; значение колокольного звона; историзм «Пролога»; специфика пролетарского искусства; либерально-буржуазная мифология атеизма. – Тут следует извиниться перед читателем и объяснить, для чего понадобилось прибегать к столь сухой номенклатуре. Мы специально достаточно подробно и тщательно перечислили основные темы, затронутые в машинописных и рукописных вставках, поскольку именно

они выводят нас на некоторые возможности судить о содержании загадочного «Дополнения к “Диалектике мифа”».

Здесь необходимо отступление для некоторых разъяснений. Долгое время о существовании этого «Дополнения» было известно из одного-единственного и весьма неподходящего для философии источника – из публицистической статьи М. Горького «О борьбе с природой». Она была опубликована 12 декабря 1931 года одновременно в двух центральных газетах «Правда» и «Известия». Рассуждая о задаче покорения природы – актуальной задаче пролетариата, – классик социалистического реализма позволил себе небольшое отступление к некоторым реалиям «сего дня» и привел несколько выдержек из «рукописной копии нелегальной брошюры профессора философии Лосева». Эта «брошюра», заметим, называлась несколько странно: «Дополнение к диалектике мира» (мира, а не мифа). Впрочем, еще более странно или, может быть, символично или, точнее, мифологично само событие этой публикации. Получился некоторого рода исторический повтор: как Каганович с трибуны партийного съезда растиражировал выдержки из конфискованной «Диалектики мифа», так и Горький старательно довел до многомиллионной аудитории отдельные цитаты (или «цитаты») из «Дополнения» – из канувшего в Лету, казалось бы, документа эпохи «великого перелома». Оказалось, не канул. После изучения следственного «Дела» и некоторых недавних архивных находок вырисовывается следующая, довольно прихотливая картина²⁷. Первоначальный вариант «Диалектики мифа», заверченный, как мы уже знаем, в 1927 году, автор в дальнейшем включил в расширенную работу под названием «Диалектика мифа и сказки». Далее, осенью 1929 года именно к этой расширенной «Диалектике» было написано «Дополнение», которое не было разрешено Главлитом к печати. Тогда Лосев разделил «Диалектику» на две книги, «Диалектику мифа» и «Вещь и имя», каковые были разрешены к печати. Вторая из них выйти не успела, «Диалектика мифа» печатный станок увидела. При разбивке надвое и подготовке книги к выходу в нее было добавлено (как следует из показаний В.М. Лосевой в следственном «Деле») 20–30 страниц²⁸ «Дополнения». После ареста «Дополнение» было конфисковано и

послужило предметом специального «реферата», который выполнила сотрудница ОГПУ Герасимова. Текст его не только оказался приобщен к «Делу», но и размножен в нескольких экземплярах для рассылки в адреса различных высокопоставленных лиц. Одним из читателей «реферата» Герасимовой, как недавно выяснилось, стал Емельян Ярославский²⁹, «рефератом» же воспользовался, судя по всему, и Максим Горький. А само «Дополнение» с тех пор исчезло, в архиве ФСБ РФ отыскалась только пустая обложка с названием (вот и еще одна вариация в нашей истории) «Добавления к книге А.Ф. Лосева “Диалектика мифа и сказки”». Вот так и рассеялись эти «Дополнения–Добавления» по белу свету: что-то осталось в архиве автора (некие еще подлежащие изучению и полной публикации фрагменты), что-то искаженно трансформировалось в тенденциозном «реферате» Герасимовой и еще раз исказилось в подаче М. Горьким, что-то сохранилось в виде вставок в «Диалектику мифа». Сказанным приходится ограничиваться. Конечно, проблема «Дополнения» требует самостоятельного изложения и нуждается в дальнейших кропотливых исследованиях.

Выделенные в результате нашего анализа три текстовые слоя «Диалектики мифа» совокупно составляют весь объем той машинописи-рукописи, что вернулась с Лубянки в архив Лосева. Именно этот текст следует считать тем, что называется «наборной рукописью» – тому подтверждением на каждой странице служат характерные следы пальцев, испачканных типографской краской. Однако между данным текстом и окончательным печатным экземпляром имеется ряд расхождений, каковые естественно понимать как корректурные авторские правки. Это – четвертый, теперь уже завершающий слой «Диалектики мифа». Правка случилась небольшой (общий объем составляет около 15 строк), а ее содержательная направленность вполне следует духу «Дополнений». Здесь не вводится новых примеров и образов, но только оттачивается стилистика дополнений третьего слоя – ведется речь о квартирах, которые страшны без света лампад; о еврейской микве и обрезании; о женской психологии; еще о «половых дел мастере» В.В. Розанове. На последнем наблюдении мы и завершим

наш (скорее все-таки предварительный) разбор многотрудной истории создания текста «Диалектики мифа»³⁰.

Остался не проясненным только один вопрос, который был поставлен в начале наших заметок, – о втором неведомом читателе «Диалектики мифа», оставившем приметы тщательных трудов своих на экземпляре из Российской Государственной библиотеки. Ответ на этот вопрос оказался, как ни странно, тоже возможен. По ходу установления имени читателя удалось также получить некоторые новые факты, связанные с биографией книги Лосева. Но обо всем по порядку.

Собственно говоря, этот читатель сам сообщил о чтении именно «Диалектики мифа» именно в упомянутой библиотеке (называлась она, конечно, несколько иначе), и сообщил именно автору книги. В архиве Лосева недавно отыскалось два письма от Николая Николаевича Русова, довольно известного в 1910–1920-е годы писателя и библиографа (об этих письмах вкратце упомянуто в ряде публикаций А.А. Тахо-Годи; здесь мы используем фрагменты писем несколько более развернуто). В первом письме от 31 мая 1942 года Н.Н. Русов, в частности, писал: «С упоением и восторгом, возбужденный вихрем Ваших замечательных мыслей, заканчиваю чтение Вашей книги «Диалектика мифа», книги, глубоко интимной и лирической при всей ее насыщенности умозрительным элементом и логическим остроумием. Наслаждаюсь я этим занятием за столом библиотеки им. Ленина, где Ваша книга хранится под шифром С52/16 и спокойно выдается всем желающим. Для полноты собрания Ваших сочинений я собираюсь переписать от руки и [обратим внимание на это «и»] «Диалектику мифа». Не могу отказать себе в нескольких цитатах <...>» – цитаты мы за неимением места опускаем, касались они общих взглядов автора на науку вообще и позитивизм в частности; разумеется, по условиям военного времени (письма проверялись) в «избранное» не могло попасть слишком многое. В другом письме от 1 августа тот же корреспондент сообщал: «К данному моменту урывками я закончил переписку «Диалектики мифа» и отдал для перепечатки на машинке». Нет слов – завидный у книги оказался читатель. Так не Русова ли пометки остались на страницах библиотечного экземпляра?

К сожалению, оба письма этого замечательного читателя стали доступны нам в виде машинописной копии (в архиве есть и рукопись), потому простейшую операцию сличения почерка проделать сразу не получилось. Кроме того, общая тональность писем явственно свидетельствовала, что корреспондент был давно знаком адресату и потому, не трудно предположить, должен быть «в курсе» не столь давних перипетий с «Диалектикой мифа». Все это заставило искать следы Н.Н. Русова в некоторых отечественных архивах. Результат не замедлил: в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург) в фонде Э.Ф. Голлербаха, старинного друга Н.Н. Русова, оказалось большое количество писем последнего. Сравнить почерки и убедиться, что эти письма заполнены уже знакомыми нам буквами-бисеринками и что излюбленные чернила в письмах черные, не составляло особого труда. Но в некоторых посланиях к Голлербаху сообщалось и нечто более интересное для нашей темы. Так, в письме от 21 января 1929 года Н.Н. Русов признавался: «Сейчас я больше работаю для себя, в уединенном чтении, размышлении – меня завлекли проблемы чисто отвлеченные: логика и гносеология, для чего нужны математика, языки...». И чуть ниже добавлял: «Из философов медленно поглощаю богатейшие книги нашего А.Ф. Лосева»³¹. В письме от 24 декабря 1929 года есть новая информация: «Попадались ли когда-нибудь в твои руки философские книги А.Ф. Лосева? Я с ним сблизился. Мыслитель фундаментальный, своеобразный, увлекательный в стиле и в развертывании своих обдумываний»³². А позже (открытка от 4 января 1930 года), видимо, в ответ на просьбу Голлербаха сообщается домашний адрес Лосева – теперь, выходит, философ интересуется обоим. Сохранился в переписке и такой несколько загадочный след – он тоже скорее всего лосевский: «У тебя должен быть экземпляр Мифологии в не сброшюрованном виде, который ты читал в Узком. А сама книга – изъята»³³. Нужно учесть, что это написано на открытке (от 20 июля 1930 года), где по определению предполагается стиль не только телеграфный, но и не без шифровки. Потому вполне правдоподобно будет предположение, что лапидарно и сдержанно речь идет здесь о «Диалектике мифа» и – это уже

вдвойне важно для нас – о явно нестандартном знакомстве с нею по гранкам или, вероятнее, методом выноса бумаг из типографии россыпью, до выхода издания в свет. Да, эта книга находила своих читателей самыми разнообразными и невероятными способами, так почему бы не отыскаться еще и такому, тоже вполне легендарному.

2.5. Домик у горы Дивьей

«Этот разговор проходил 1-го мая 1933 г. на Беломорстрое. Уже высилась красавица Маткожненская плотина, издали привлекая взор своим кокетливым, матово-зеленым ажуром. Уже приходил к концу восьмикилометровый 165-й канал, на котором круглые сутки стоял гул от подрывных работ, похожий на войну 1914–1915 гг. на западном фронте, и из которого из одного было извлечено больше миллиона кубометров самых разнообразных пород. Велось последнее наступление для открытия Беломорско-Балтийского Канала летом этого года и для сдачи его тут же в эксплуатацию.

Мы отменили свои выходные дни с тем, чтобы компенсировать их впоследствии. И 1-е мая было нашим первым праздничным днем после двух месяцев работы».

Так буднично и с точным знанием дела, изобличающим в авторе заправского строителя гидротехнических сооружений, а вернее сказать, *каналоармейца* со стажем, начинается одна из повестей А.Ф. Лосева под названием «Из разговоров на Беломорстрое»¹. Герои повести, в недавнем прошлом всяческие *анархисты* или *вредители*, а теперь, после сталинской *перековки*, просто *ударники* Беломорстроя решили с умом использовать редкостный случай относительно длительной передышки и горячо откликнулись на призыв своего коллеги, от лица которого ведется повествование, – «собираемся у меня в Арнольдском поселке». И собрались, чтобы вести философскую дискуссию о непростой связи технических усовершенствований и прогресса цивилизации (тема, что и говорить, вполне естественная в кругу образованных *ИТРов*), но также о проблемах выбора и

ответственности, о судьбе и случае, о теории и практике, о художественном и целесообразном, о *мере* (эстетической) и *порке* (разумеется, кнутом)... Можно было бы еще перечислять много важных категорий, а можно выразиться и в двух словах – рассуждали они о *смысле жизни*. Признаться, жутковато следить за прихотливыми извивами этой ученой и временами весьма горячей дискуссии, случившейся вдали от университетских кафедр на фоне не слишком изысканных лагерных декораций. В этих хорошо им изученных декорациях реально пребывал и сам автор повести.

Да, в жизни Лосева было много трудностей и гонений. И географическая точка Арнольдовского поселка, что возник когда-то в границах Медвежьей горы, станции на Мурманской железной дороге и одновременно административного центра строительства Беломорканала, – она стала и важной вехой в жизни и творчестве мыслителя. Сюда его вел длинный путь. Уже увидели свет восемь знаменитых трактатов (1927–1930 гг.), о которых сейчас знает, кажется, едва ли не всякий образованный человек в России. Уже отгрохотала газетная травля ученого за *идеализм* и с трибуны партийного съезда донесся окрик – не пора ли надеть на этого Лосева *узду пролетарской диктатуры*. Уже был арест (апрель 1930 года) и полтора томительных года во внутренней тюрьме Лубянки. Уже *прошел по делу* некоей организации «Истинно-православная церковь», уже *получил* 10 лет концлагеря (а жене, Валентине Михайловне, *дали* 5), потом были Бутырка, этап в Кемь, Свирьлаг; вдруг неожиданное *ослабление* с разрешением съехаться с женой в Белбалтлаге и даже *временно* проживать на частной квартире – как раз в Арнольдовском поселке... В это время и пишется повесть «Из разговоров на Беломорстрое»², где упомянут этот самый поселок. По документам богатейшего архива Лосева недавно удалось установить, что *последний* лагерный (или, вернее, окололагерный) адрес философа и его верной спутницы был таков: улица Фрунзе, дом 10, квартирная хозяйка Е. Антонова.

А что если проверить, не уцелел ли этот дом в Арнольдовском поселке?

И вот в конце июля 1999 года мы³ оказались в Медвежьегорске. Теперь это районный центр, входящий в состав Республики

Карелии, небольшой городок на северном берегу Онежского озера. В тридцатые годы по степени, так сказать, *столичности* сей град соперничал с самим Петрозаводском. Еще бы – столько народа, вольного и подневольного, было сконцентрировано здесь *по воле партии* на великой стройке, порученной ОГПУ–НКВД. Первые шлюзы Беломорканала расположены в двух десятках километров отсюда, в Повенце (*Повенец – свету конец*, любят здесь приговаривать), а на полпути между ними и Медвежьегорском среди глухого сосняка расположилось урочище Сандормох. Осенью 1937 года по решению *Особой Тройки* в нем тайно расстреляно *более тысячи* наших соотечественников, привезенных с Соловков. Года два назад открыт мемориал. Такие тут места.

Прямо от симпатичного деревянного здания вокзала (возведено еще до войны, уцелело каким-то чудом) в сторону озера уходит широкая улица *Кирова*, она пересекает улицу *Дзержинского*, центральную в городе. Что ж, хороший симптом: глобальное *поветрие* переименований не колыхнуло здешних уличных табличек, глядишь и улица Фрунзе отыщется без особого труда.

Вот и городской музей, где нас уже ждут. Директор музея С.И. Колтырин и большой знаток медвежьегорских реалий, он же сотрудник музея Е.О. Тумаш гостеприимно показали, чем богата их коллекция. Право, здесь есть что посмотреть, но о том надобна отдельная повесть. В *лагерном* разделе музея нашлось место и для упоминания о нашем герое: небольшой стенд с фотопортретом (правда, знаменитая черная шапочка после усилий ретушера обратилась в нечто фантастическое) и с броским, даже не без гордости, заголовком «И великий Лосев был у нас» (воспроизводится примерно, по памяти). Скромный эвфемизм *был* читается, конечно, как общепонятное *сидел*. Договорились о дальнейшем сотрудничестве, в том числе о расширении лосевской экспозиции по нашим материалам – книги, фотографии, копии документов скоро, надеемся, придут сюда из запасников Культурно-просветительского общества «Лосевские беседы».

Что касается *Медвежьей горы*, то здесь приходится констатировать некоторое неудобство. Дело в том, что о самом-то

названии есть соответствующая, вполне развернутая этимологическая легенда, да еще и в трех вариантах. А вот *таковую* *гору* старожилы указать затрудняются. Та красивая сопка (она нам сразу приглянулась), что высится над Мурманской железной дорогой и которую так хорошо обозревать с привокзальной площади, носит название *Лысой*. А если смотреть через «железку» по направлению из центральной части города в сторону поселка сплошь из деревянных домов (он, кстати, и назывался когда-то *Арнольдovskyм поселком*, по фамилии инженера Арнольдова, его строителя; теперь это название мало кто из жителей помнит), то перед нами предстанет изящный силуэт *Дивьей горы*. В каком из этих возвышений больше *медвежье-горности*, предлагается рассудить самостоятельно... Наш путь лежал туда, в сторону горы Дивьей, в бывший Арнольдovskyй или Арнольдов – еще и так называли – поселок.

Он расположился в большой котловине, по форме напоминающей заметно вытянутый треугольник. Одну сторону этого треугольника прочерчивает железная дорога, что отделяет поселок от основной части города. Вторая сторона образована цепью сопки, которая не только разнообразит роскошную плоскость Онежского озера пусть и скромными, но все же вертикалями, но и защищает Медвежьегорск от северных ветров. Основание треугольника являет речка Кумса, неспешно несущая свои чистые воды в Онегу. А ведь могло и не быть этой симпатяги: существовало же два проекта Беломорканала, с использованием естественных водных путей через Водораздел, Сегозеро и реки Сегежу и Кумсу (так называемый *западный* вариант) и от Повенца через озеро Выг и реку Выг (*восточный* вариант)⁴. Победил второй, как более дешевый и скорый в завершении.

Сразу видно, что многие дома поселка недавней постройки, так что на их фоне явственно выделяются вкрапления старых изб, приземистых и зеленью плотно укрытых. Поселковая ономастика тоже по-своему доносит весть из недавнего прошлого, трагического и одновременно героического – вдоль реки тянется улица *Октябрьская*, на нее выходят, одна параллельно другой, улицы *Красногвардейская*, искомая *Фрунзе* и, наконец, *Пролетарская*. Не без волнения идем вдоль улицы

Фрунзе, отсчитываем строения, – и вот он, дом под номером 10, целехонький! Как и многие здешние старые дома, этот стоит прямо на земле без всякого фундамента, бревна стен черны от времени или, точнее сказать, красно-коричневы с изрядной чернью. А время-то наступает неумолимо: прямо к тыльной части дома примыкает *новодел*, как мы вскоре узнали, возведенный на месте послевоенной пристройки. Любезный хозяин – здесь живет семья Наумовых – охотно сообщил, что дом их построен еще в 1926 году (как раз тогда, подходяще отметить, закладывали поселок) и среди немногих уцелел после пожаров в войну. Жили тут переселенцы, которых не следует путать со *спецпереселенцами*, например, бывшими *кулаками*, т.е. людьми репрессированными, высланными принудительно. Они, вольные, имели некоторые льготы, получали *подъемные* и специальную *бумагу* на жительство. Видели мы такую в музее, *водворительный билет* называется: хоть и *вольные* вы люди, дорогие товарищи, а соизвольте-ка *водвориться*, куда велено...

О пребывании Лосева здесь никто, ясное дело, не помнит, да и в доме за столько лет сменилось множество обитателей⁵. Удивительно, что жилище это в хорошей сохранности и является, кажется, вполне первозданный вид. Только крыша явно подновлялась да вот балкончик на уровне чердака недавно разобрали, по ветхости пришлось *убрать красоту*. Кстати, о красотах. Домик располагается весьма нестандартно, если сравнивать его с другими строениями по улице Фрунзе. Он как бы отступает в глубь сцены, в сторону от линии общего ранжира, теснимый по направлению к *дивьегогорскому* горизонту извилистым ручьем. Этот безымянный приток Кумсы образовал под окнами избы локальный, можно сказать, для *домашнего употребления* пейзаж со своею лужайкой у плавной водной излучины (слегка подпорчена *заболотиной*) и склоненными деревьями по берегу. Если Алексей Федорович имел возможность выбирать свое медвежьегорское пристанище, то он выбрал лучше некуда. Сейчас трудно судить, точно ли это тот самый *особняк*, та самая *хибарка* или даже банька, о которой столь часто упоминалось в письмах Лосевых. Не исключено, к примеру, что рядом с ныне сохранившимся домом действительно было когда-то еще некое строение, его и сдавали внаем.

Но в любом случае адрес, пейзаж, само место на фоне Дивьей горы, бесспорно, те самые. Именно здесь родилась значительная часть философской прозы Лосева, полной страстных, а когда и горьких размышлений о судьбе Родины. Здесь же были написаны некоторые главы его фундаментального труда «Диалектические основы математики». Рукопись удалось опубликовать лишь недавно, спустя 60 лет, она составила большую часть шестого тома собрания сочинений мыслителя⁶. И создавалось все это урывками (надо ж еще *драться за Канал*), под угрозой неуклонно надвигающейся слепоты и с постоянно-тяжким грузом ожиданий, не отпускающих сердце (то-то *еще* будет?!). Именно здесь после лагерных мытарств соединились два любящих человека, «после стольких мук и слез, после стольких надежд и ожиданий» – так писал Лосев жене, уже перебравшейся в Москву *для хлопот*, сам все еще оставаясь здесь, на *Медвежке*. «И куда не пойду, везде ощущаю какую-то тайную надежду на что-то большое и чудное, и везде вижу тебя, твой тонкий и высокий стан, твою измученную, чуткую душу. И этот мост с дырками и вечным корявым, нелепым железом, которое все еще лежит там ни к селу ни к городу, и это толстое неуклюжее бревно, которое мы с тобою так-таки и не перепилили, и это озеро, и эти погашенные зеленые тона лесных ландшафтов, и эти баночки, и эти две бутылки керосину, и эти гудки «тю-тю-тю-тю-тю» – всё, всё, вся Медвежка наполнена тобою, звучит тобою, и куда ни пойду, везде вижу твой ласковый, улыбчивый лик и чую твою ласку, твою нежную, и вечную, и веселую, и трепетную ласку»...⁷

В архиве Лосева сохранилось еще немало писем, которые до сих пор не публиковались. Они уходили отсюда, из домика в Арнольдовском поселке с видом на гору Дивью, когда чета Лосевых (сначала оба супруга, потом только Валентина Михайловна) еще носила мету з/к, то есть состояла в рядах многочисленных *заключенных каналовармейцев*⁸. До освобождения предстояло еще многое претерпеть. Корреспонденция адресовалась на улицу Коминтерна (бывшую Воздвиженку), дом 13, квартиру 12, в тот самый родной московский дом, где оставались милые *старуки* – родители Валентины Михайловны. Эти красноречивые документы эпохи, полные драгоценных

бытовых частностей и хранящие свидетельства общей для многих драмы ГУЛАГа приводятся далее в качестве приложения. Здесь отобраны те письма, в которых так или иначе упоминается домик у горы Дивьей. Мы позволили себе снабдить их рядом примечаний для разъяснения тех или иных реалий, в них упоминающихся. Но одну мысль, важную особенно для молодой читательской аудитории, хотелось бы подчеркнуть прямо сейчас. Дело в том, что при чтении медвежьегогорских посланий кому-то может померещиться едва ли не идиллическая картинка – как хорошо, мол, устроились Лосевы. *Хорошо* – понятие слишком относительное. Не нужно забывать, что авторы писем еще совсем недавно томились в концлагере, а потому самые пустяковые признаки обретенной (опять-таки, относительной) свободы казались им едва ли не свидетельствами рая на земле. Письма, кроме того, адресовались пожилым и ранним людям, которые печалились о судьбе своих *детей* – повернется ли рука писать им *всю правду*. Да и запрещено было излагать эту самую правду, т.е. раскрывать реальные условия жизни строителей Беломорканала под недреманной заботой карательных органов. Письма проходили цензуру. Наконец, неплохо бы задуматься и над тем фактом, каково было жить тогда *на воле*, если керосин и молоко удавалось покупать только в *закрытом распределителе* Белбалтлага (Медвежьегогорское отделение которого считалось самым привилегированным во всем ГУЛАГе), а продуктовые посылки впору было слать в полуголодную Москву, уделяя долю из *пайка* строителя. Печальны эти разъясняющие подробности, однако, увы, необходимые.

Письма Лосевых к М.В. Соколову и Т.Е. Соколовой из Арнольдковского поселка

1

6 октября 1932 г.

Милые, родные, ненаглядные наши мама и папа, целуем Вас неслучайное число раз. Мы живы, здоровы, живем все в той же хибарке, где жили с папой, когда он приезжал на свидание. Сегодня получили от начальника строительства разрешение на совместное проживание

на частной квартире. Боимся, что зимой в той избушке-бане будет холодновато и сыро, ищем комнату потеплее. Родные, надеемся, что Вы теперь, после приезда мамы летом и папы осенью, стали спокойнее за нас; работаем по-прежнему. Из вещей ничего не посылайте пока. Ал. Фед. получил теплую ватную телогрейку здесь и теплые брюки. У меня тоже все есть. Только вот, если платье мне из шерстянки, которую папа привез. Из съестного немного не хватает жиров. Это уж я такая ненаедная. Если пришлете немного масла и манной крупы – спасибо скажем, я особенно. Если масло дорого, а сало дешевле, то я ем и сало теперь. Желудок поправился, оказывается могу есть сало. Долго не писали, все ждали, как выяснится с нашей дальнейшей жизнью. Привет всем знакомым, кто помнит. Портянки и проч. все получили. Спасибо. Как мама? Не собирается ли на свидание? Да далеко ехать. Может поближе когда-нибудь будем. Тогда уж что ли? Как Ваши дела и хлопоты? Берегите себя, не волнуйтесь, не беспокойтесь о нас. Теперь мы вместе.

Если трудно Вам с деньгами, то ничего не присылайте. Рояль хорошо бы продать. Вам было бы легче, да и место не занималось бы. Нам денег пока не надо, но недели через две-три можно бы послать рублей по 15 на меня и на Алешу. Адрес наш прежний: Медвежья гора Мурм. ж. д. Белбалтлаг 1-ый лагерь женрота мне.

Валя.

2.

[середина октября 1932 г.]¹

Милые, родные мама и папа, что же это от Вас ничего нет. Только одну открытку получили после нашего приезда и больше ничего. Очень беспокоимся.

У нас события необыкновенные. 7-го числа утром получили разрешение на частную квартиру от начальника строительства. Были очень обрадованы и успокоены, что зиму будем жить вдвоем, или если не зиму, то месяц-два, а потом на Москву-канал, где опять-таки будет действительно это разрешение. Написала Вам в тот день письмо.

Недолго было наше спокойствие. В тот же день вечером сообщили нам, что Ал. Фед. освобождается. Проверили – правда. По постановлению Коллегии ОГПУ в Москве от 7 сент. 1932 г. во изменение прежнего постановления, освободить немедленно, но... Вот тут-то и начинаются всякие но. Дали минус двенадцать, т.е. нельзя жить в целом ряде областей. Самые близкие места к Москве – это Поволжье: Самара, Симбирск и проч. Главное же это то, что обо мне пока ничего нет. И вот теперь положение нелепое. Медгора, где мы сейчас, область пограничная, здесь Ал. Фед. жить нельзя, да и меня могут

каждую минуту перевести в Дмитров, ехать ему одному тоже чудно. Глаза у него нехорошо видят, куда он один денется. Кроме того, будет амнистия скоро общая и наша Белбалтлаговская². Надеемся, что ограничения снимут и мы сможем поехать, если не в Москву, то близко куда-нибудь, в Александров, Тулу или в этом роде. Не хочется поэтому уезжать до амнистии.

Главное же, как Ал. Фед. поедет один и что он со своей полной беспомощностью будет делать там, на что жить? Да и от меня ему уезжать не хочется невозможно. Только съехались после 2¹/₂ лет разлуки и вдруг опять разъезжаться. Он подал заявление в лагерь, чтобы его оставили до конца строительства вольнонаемным, но не знаем разрешат ли, потому что у него нет специальности, которая была бы нужна для строительства.

Словом, мы в полном неведении, как быть и что делать.

Что-то с нами делается новое. Куда нас Бог ведет — ничего не знаем.

Родные мои, опять к Вам просьба, опять Вас беспокоить придется. Надо узнать, есть ли какое-нибудь постановление в ГПУ относительно меня. Неужели Ал. Фед. освободили, а мой приговор оставили в силе? Это интересно! Я-то не возражаю, я все равно должна скоро освободиться (думала так, а может быть еще долго просижу). Во всяком случае, по-человечески рассуждая, думается, что если освободили Ал. Фед. (просто не верится!), то должны и меня освободить.

Не послали ли они извещение об этом в Сибирь? Может у них нет изменения³ адреса? Все возможно. Может быть случайная задержка в канцелярии ГПУ. Словом, сюда пока приказа о моем освобождении не получено.

Хорошо бы поскорее узнать. Пошлите телеграмму Медвежья гора Мурм. т. Лосеву до востребования. Он теперь свободный, может не через лагерь писать. Послали Вам телеграмму. Получили ли ее?

Пошлите еще открытку мне на лагерь и письмо Ал. Фед. по адресу: Медвежья гора Мурм. Арнольдовский поселок, ул. Фрунзе, дом 10, Алекс. Фед. Лосеву. Это адрес нашей бани.

Еще вот что: не знаю уж как и приступить к этому вопросу: если нам уезжать, то ведь надо денег. Мамочка, родная, попросите Николая Дмитриевича⁴ от меня дать, сколько он может (руб. 100—200). Скажите, что как только я начну преподавать, скоро верну эти деньги. Если можно, что-нибудь продайте, но у Н.Д. обязательно возьмите. Деньги надо посылать на имя Елизаветы Ивановны Малейной на почту до востребования от имени ее сестры, Марии Ивановны Малейной, а то в лагере не выдадут. Если уже послали на лагерь, то больше не посылайте.

На службу не сразу поступишь. Придется месяц прожить без службы, а то и больше. Да и не знаю, дадут ли служить. Жутко опять

начинать жизнь сначала! Полная неизвестность. Хочется к Вам, жить вместе.

Итак: 1) ждем телеграммы о моем положении: освобождена или нет, есть ли ограничения, 2) ждем письма и 3) ждем денег. Не перепутайте адреса.

Для телеграмм: Медвежья гора Мурманс. дор. Почтовое отделение Лосеву до востребования.

Для денег: то же, но Елиз. Ив. Малеиной.

Для писем: Медвежья гора Мурм. Арнольд. поселок, улица Фрунзе, дом 10, А.Ф. Лосеву.

Открытку мне на лагерь.

Об Ал. Фед., его оставлении здесь выяснится на днях. Если не оставят — надо ехать. А куда — не знаем. Не можем решить, в какой город, не знаем, куда можно. Надо, чтобы был Университет или ВУЗ, чтобы я могла читать математику. Приговор дан с прикреплением ему.

Целуем. Помолитесь. Пишите. Здоровы ли Вы? Так беспокоимся. Милые, родные старики. Хочется с Вами пожить, дать Вам отдохнуть, не работать.

Валя и Алексей.

3.

[октябрь или ноябрь 1932 г.]

Милые, родные наши мама и папа, крепко Вас целуем несчетное число раз. Так жаль, что мы не вместе сейчас. Если бы хоть было постоянное место жительства, выписали бы Вас обоих к себе, да и жили бы вместе. Но все время висим в воздухе. Дело в том, что здесь строительство заканчивается, остается до весны небольшая, сравнительно, группа людей. Можно, если захотеть, остаться и нам обоим здесь. Большинство, во всяком случае очень многие, от нас уезжают в Дмитров на стройку Москва-Волга. Нам, конечно, хочется туда, поближе к Вам и к Москве. Тут затруднение может быть в том, что у меня есть ограничения, я не просто свободен, а минус 12: не имею права жить в Московской области. Валю туда могут взять в любой момент, задержка за мной. Как будто будут разрешать вольнонаемным, служащим в лагере, ехать в Дмитров, независимо от ограничений. Здесь ведь тоже нельзя мне жить, потому что это пограничная область, но так как я служу в Белбалтлаге, то это разрешается. Так же, может быть, будет и там. Некоторые с ограничениями уже уехали в Дмитров. Возможно, что в начале декабря уедем и мы. Если же не придется ехать туда, то будем устраиваться здесь до весны. Тогда

будем ждать в декабре-январе Вас к себе на месяц, по крайней мере. Продукты у нас есть, целый запас, хватит на всех. Да и паек дают мне очень хороший.

Что с Вале́й, ничего не понимаем. Хорошо бы выяснить, как освободили меня, по пересмотру ли дела или ЦИК направил в ГПУ для пересмотра. И, главное, почему это не коснулось Вали. Как это могло быть? Ведь если пересматривали дело, так ведь и о ней должен был быть поставлен вопрос. Интересно, как Петровский Николай Васильевич, Салтыков Александр Борисович⁵ (к которому невеста ездит). Что слышно о них? Петровскому ведь тоже было 10 лет. Освобожден он или нет?

Загадочное дело какое-то.

Наша жизнь идет внешне так: живем все там же. Погода пока теплая, так что не мерзнем. Я получаю завтрак в 12 час., обед в 4 ч. и ужин в 10 ч. вечера. Все берем домой (один знакомый уступает лишний обед и ужин), так что нам не только хватает, но даже не всегда берем, не съедаем. Купили за 7 руб. по карточке керосинку Греца, покупаем в закрытом распределителе керосин (всегда есть — 22 коп. литр). Гениальное изобретение — керосинка Греца. Быстро, не коптит. И даже греет прекрасно комнату. Не готовим, только разогреваем. Валя берет сухой паек, чтобы не ходить в столовую, иногда подваривает винегрет. Немного только маловато жалованье. Я получаю 160 руб., 28 руб. — вычитают за наем и проч. Обед стоит 70 коп. (из трех блюд — прекраснейший обед; два обеда 1 р. 40), завтрак и ужин по 60 коп., т.е. еще по 1 р. 20 коп. Валя получает 30 руб. Купил себе по карточке шиблеты за 11 р. 80 коп. Хозяйке еще за квартиру платим рублей 20—30 в месяц. В общем этот месяц мы подкормились, как в санатории, за все 2 1/2 года.

[без подписи]

4.

9-II-33 г.

Дорогие мама и папа, целуем Вас крепко. Мы оба здоровы. На днях послали Вам с Ольгой Васильевной письмо.

Валя просила прислать ей, если целы, одну-две сорочки, а то у ней совсем износились. Если нет, то не покупайте, купить можно и здесь. Если же целы, то пришлите, чтобы не покупать, не тратить зря деньги. Еще, если цело, пришлите, пожалуй, теплое платье Ваино коричневое, бумазейное, но не шерстяное. Шерстяное не надо, пусть полежит, оно еще пригодится, только бы моль не съела. Как здоровье Ник. Дм.? Он пишет, что оставил почти все свои службы. Боюсь, что он совсем болен. Как их девочка? Поправились ли от скарлатины?

У нас все по-старому. Живем там же. Хозяйка очень хорошая женщина. Достала Вале галоши по ноге, без каблуков. Сейчас-то они, правда, не нужны, в валенках она ходит, но весной на ботинки нужны галоши. Кроме того каждый день ходит в закрытый распределитель и покупает для нас молоко (1 литр – 50 коп.). Самим ходить со службы нельзя. Далеко, да и долго. Даем ей хлеб и крупу, мясо иногда из Валиного пайка. Напишите, думаете ли приезжать и когда. Ольга Васильевна Вам все расскажет, как дорога и все прочее. Привет всем. Как Егор Вас.? Напишите, что Вам прислать. Есть у нас белая мука, картофельная, консервы.

[без подписи]

5.

22-II-33 г.

Родные наши мама и папа, вчера получили от Вас посылку. Она была так прекрасно, аккуратно запакована, что просто жаль было ее раскрывать. Хотелось положить туда что-нибудь еще от себя и отправить все это Вам назад. Особенно трогательно уложено печенье: штука к штучке. А уж варенье так завернуто, что хоть на дно моря, так и там, кажется, останется баночка невредимой.

И подарки дороги, а еще дороже, что все это родные Ваши руки да заботы.

Спасибо, спасибо, сколько раз спасибо – счета нет.

Только, ради Бога, не посылайте нам больше ничего. Я уже писал Вам, что здесь почти все можно купить, что надо, в закрытом распределителе. Недостатка ни в чем у нас нет. Питаемся пока, слава Богу, так, как в Москве, конечно, не могли бы питаться. Морозов тоже не чувствуем. В нашей избе пока тепло. Думаем, что главные морозы уже были, так что теперь не страшно. Кругом нас занесло снегом, как заваленкой до самых окон. От этого еще теплее, совсем не дует.

Одно трудно: очень много работы. От этого иногда и самочувствие хуже. Сердце у Вали дает себя знать. Верно уже это невроз, вроде как у мамы. У нее ведь тоже сердце начало болеть лет в тридцать.

Родные, если можно, узнайте Вы, как следует, насчет Вали. Ведь после моего освобождения прошло 5 месяцев. Пора чему-нибудь выясниться и насчет нее. Пожалуйста, пойдите в Красный Крест⁶, найдите там Михаила Соломоновича Фельдштейна и Зинаиду Аполлоновну, расскажите ему все и попросите обязательно узнать, в чем дело, почему не освобождают Валу. Он может узнать. Меня освободили по пересмотру дела постановлением Коллегии ОГПУ от 7 сент. 1932 г. Она, в случае освобождения, останется, конечно, здесь до конца строительства, т.е. до лета, но все же совсем будет другая

жизнь. Обязательно узнайте через Фельдштейна. К Вам на днях, в конце масленицы или немного попозже придет один знакомый. Если Николай Дмитриевич даст книги по астрономии, то передайте этому знакомому, он вернется сюда и привезет. Что-то мы не поняли из письма, где Александр Борисович и когда же он женится. Передайте спасибо за конфеты. Попали, действительно, в самые именины⁷. Как Егор Васильевич и его семья (дети, жена, мать, сестра). Передайте благодарность и привет Варваре Ефремовне. Как хочется, чтобы Вы приехали! Спасибо, простите нас за все. Пишите мне, Алексею.

Алексей.

2.6. Чеховская тема в творчестве А.Ф. Лосева

Под таким названием 27 ноября 1998 года в Доме-музее А.П. Чехова в Москве состоялось научное заседание, с сообщением на тему которого выступила Елена Аркадьевна Тахо-Годи. Присутствующих заметно интересовали и новые для чеховедения материалы, и сама фигура докладчика, исследователя русской литературы по специальности и близкого родственника выдающегося отечественного мыслителя – по биографии. Впрочем, сообщение было выдержано в подчеркнуто нейтральном стиле и выстроено в рамках добротного литературоведческого анализа доступных, т.е. уже опубликованных и потому достаточно широко известных текстов. Что же касается личных интонаций и, что называется, домашних наблюдений и преданий, то они сосредоточились (и были озвучены в конце сообщения) во фрагменте, специально к случаю написанном А.А. Тахо-Годи, вдовой Лосева. Отметим еще, что сама идея обсуждения указанной темы принадлежала В.Б. Катаеву, председателю Чеховской комиссии Совета по истории мировой культуры РАН.

Как прежде всего подчеркнул докладчик, русская художественная литература для Лосева не была предметом сугубо профессиональных интересов, а являлась скорее естественной средой обитания его духа. Можно говорить о более-менее постоянной практике, когда философ извлекал из запасников русской классики, из наследия А.П. Чехова в частности, определенные образцы и примеры для оснащения собственной

обыденной речи и для иллюстрации тех или иных положений своих научных исследований в области теории литературы, эстетики или языкознания. Лосев как интеллектуальный пользователь чеховской прозы – это первый смысловой пласт темы – был представлен у Е.А. Тахо-Годи на материалах авторских обращений к Чехову по разнообразным поводам: при разработке, скажем, теории стиля («вишневый сад» как одна из первичных конструктивных моделей) или теории символа (различение нейтрально-созерцательного и символического описаний, реалистических и импрессионистских элементов в творчестве писателя), при определении специфики художественного мироощущения (драматизм и лиризм чеховских пьес) и психологии восприятия чужого слова. Весьма показательно, что именно образ нарисованного Чеховым вишневого сада использован в заключительной части «Истории античной эстетики» Лосева как убедительное свидетельство реальности некоей глубокой универсалии, согласно которой логика развития «высоких» слоев культурно-исторических типов находится в тесной связи с «низменными» экономическими факторами¹.

Второй смысловой пласт темы обнаруживается с привлечением пока еще мало известной стороны творчества Лосева – его философской прозы. Здесь докладчиком намечена куда более драматичная и уж совсем не просто отстраненно-аналитическая (как преимущественно было выше) система отношений, ибо оказываются затронутыми важнейшие, из разряда «проклятых» вопросы смысла жизни, бытия, судьбы. Как представляется, Е.А. Тахо-Годи весьма удачно использовала в своем анализе некоторые общие положения недавно вышедшей монографии В.В. Мусатова «Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века». После Пушкина и Достоевского с их трагедийным пафосом изображения «маленького человека» идея «недоволенности человеческого бытия» у Чехова не только заново выражена, но и переведена в разряд пусть и кошмара, но кошмара обыденного, а русский символизм как своеобразная реакция на «чеховскую действительность» – рисует В.В. Мусатов – активно выступает против этой «недоволенности»².

Проза Лосева, по оценке докладчика, впитала в себя и бунтарские уроки русского символизма, и опыт Достоевского. Немаловажное значение имело и тщательное изучение духовного мира античной трагедии (точно так же, как в смысле формы Лосев много почерпнул от платоновских диалогов – добавим мы). В этом контексте отношение к творчеству Чехова предстает у Лосева-прозаика как отношение дополнительности, как антиномичное притяжение-отталкивание. Потому у него легко отыскиваются не случайные параллели с чеховским творчеством – взять хотя бы сюжет встречи на вокзале двух гимназических товарищей («Театрал» Лосева, «Толстый и тонкий» Чехова), взять ли мотив гибели сада как символ уходящего строя жизни (в повести «Трио Чайковского») или мотив «черного человека» (тот же «Театрал» и чеховский «Черный монах»). Органически близка Лосеву и чеховская ирония. Но если герои Чехова с неизбежностью вянут и гибнут, погружаясь в болото «жизненной скуки», то лосевские персонажи чаще всего переживают свою субстанциальную драму отнюдь не покорно, но с непосредственной «демонстрацией идеологии» на уровне действия. Приводя примеры из прозы Лосева и показывая на них когда скрытые, а когда и открытые переключки с творчеством Чехова, докладчик подчеркивал наличие особого, явственно личностного отношения автора к Чехову. Не последнюю роль в этом могли сыграть, конечно, некоторые биографические моменты – недаром оба были провинциалы по происхождению и нашли вторую родину и признание в Москве, недаром юность Лосева, не только страстного читателя, но и завязтого театрала, жадного до эстетических наблюдений, пришлась на пик чеховской славы и расцвет чеховского МХАТа, отметила Е.А. Тахо-Годи в заключительной части своего выступления³.

На хорошо подготовленной почве теперь можно возводить, насколько видится, некие новые исследовательские конструкции. Так, поступая типологически (лосевский завет), интересно было бы рассмотреть Лосева и Чехова в качестве примеров творческих личностей, реализовавших собою фундаментальную оппозицию начал *мужского/женского* или, говоря без культурологических метафор, оппозицию авторских

принципов *понимания/вопросания*. Если принимать интегральное определение чеховской прозы как некоего «марева» (В. Набоков), то поневоле вспоминается, что именно этим термином у Лосева обрисовывался антипод к собственному императиву «кристаллической ясности». Впрочем, границу проводить непросто. Тот же Набоков подметил «волновой» характер повествования у Чехова, в противовес, к примеру, сугубо «атомарной» прозе М. Горького⁴; тяготение к «волновому» полюсу имеет и проза Лосева с ее многогласием героев-участников дискуссий и «сходок» (излюбленный сюжетный элемент у автора) и своеобразной интерференцией нескольких точек зрения на один и тот же предмет. И это понятно: путь к настоящему пониманию всегда прокладывается в пространстве альтернатив именно посредством непрерывного и всестороннего вопрошания.

Кроме своеобразной дополнительности или, в лосевской терминологии, единораздельности сопоставляемых фигур, можно говорить и специально о глубинных сходствах. Бегло перечислим некоторые из них. Величественный образ широких пространств, оброненный с детства в души обоих, продиктовал для каждого, приверженца лаконичных форм выражения, необходимость выхода (хотя бы иногда) на крупные литературные формы – так явились «Степь» одного, многотомные эстетические «итоги» другого. Обоим присуще чувство онтологизма слова, тесной прикрепленности его к бытию. Потому-то для Лосева в самых абстрактных местах ученого трактата естественно прибегнуть к рассмотрению старых стоптанных калош или же дерева, созерцаемого в момент написания текста через оконное стекло, потому у Чехова можно прочесть глубокомысленный монолог, обращенный к шкафу, и найти внутреннюю готовность вмиг, «на коленке» сотворить рассказ о случайном, только что взятом со стола предмете. Совпадают некоторые пристрастия «атмосферического» характера, также истоком своим восходящие к детству и оставившие след в результатах творчества – любовь к колокольному звону и интуиция звездного неба, по Фламариону. Общи для них и обостренный психологизм наблюдений, готовность впитывать и запечатлевать извивы чужого лика, проявления чужой души,

откуда проистекает бережное отношение к малейшей подробности как основному материалу для литературного строительства. Особо хотелось бы выставить тему (проблему) одиночества, отгороженности от-. Оба метафизически одиноки и, хотя часто были окружены собеседниками, поклонниками и даже любящими женщинами, предпочитали уединение и даже схиму – таково тайное монашество одного, многочасовые труды в саду (пускай и вишневом) другого. Оба делили и растрчивали себя между службой и служением, так что одному досталось быть *врачом* и *литератором*, а другому *учителишкой* и *философом*. В подобной сдвоенности (не хочется говорить – «раздвоенности») не укрыта ли вообще родовая черта отечественной интеллигенции? Впрочем, с предельной ясностью черту эту обрисовал еще Вяч. Иванов:

«Интеллигент», сиречь проклятых
Вопросов жертва – иль Эдип.

С последней темой связано мощное отталкивание, которое, по всей видимости, переживал Лосев в отношении некоторых реальных следствий творческого вклада писателя: речь о «чеховских интеллигентах» и лосевской критике «интеллигентности». Нечто схожее обозначено, кстати, в докладе по части связи, которую Лосев, вряд ли в шутку, проводил от некоторых содержательных посылов «Человека в футляре» к последовавшему в советское время разгрому классического образования.

Напоследок хотелось бы высказать убеждение, что исследования, подобные работе Е.А. Тахо-Годи, представляют ценность не только для представителей исследовательских коллективов, выступающих с той или иной стороны в принятом парном соотношении. Хотя и этого уже много, ведь подобные пары и сопутствующие им анализы, чего греха таить, зачастую выходят или надуманными или не слишком продуктивными. На примере данной «темы в творчестве», думается, возникает еще редкостная возможность заглянуть в ту заповедную зону, что интересна уже для всех и которую до сей поры условно (или же, как знать, исчерпывающе точно?) именуют «загадкой русской души». Во всяком случае, участники упомянутого

научного заседания не только весьма сочувственно встретили сообщение, но и настоятельно рекомендовали докладчику продолжить свои изыскания для расширенного круга отечественных поэтов и писателей, творчество которых интересно было бы увидеть «глазами Лосева».

2.7. Здесь думают и помнят (беседа с А.А.Тахо-Годи)

Старинный особняк, что расположился на углу Арбата и Калошина переулка, весь в строительных лесах. Здесь с 1941 по 1988 год жил выдающийся отечественный философ и филолог Алексей Федорович Лосев, а теперь создается культурно-просветительский центр «Дом Лосева». Своим чередом уже год идет капитальный ремонт, но ни на минуту не прерывается творческая работа в небольшой квартире на втором этаже. Здесь думают, пишут, издают, борются с волокитой, и душа всех начинаний и свершений – Аза Алибековна Тахо-Годи.

Их соединила прекрасная античность. Но еще за плечами каждого был горький опыт жизни, который тоже способен объединять. Она, молодая аспирантка пединститута, пришла на Арбат в 1944 году для совершенствования знаний древнегреческого языка и с клеймом «член семьи врага народа». Он, профессор классической филологии, успел издать в 1920-е годы восемь великолепных книг и пройти затем путь через Лубянскую тюрьму и стройку Беломорканала. Это его именем пугали в «философских» дискуссиях тех лет и с трибуны XVI съезда ВКП(б), это его с нелепой озлобленностью М. Горький причислил к людям, «которые опоздали умереть».

Им оставалось одно – работать. Когда в 1954 году скончалась супруга Лосева Валентина Михайловна, судьба распорядилась так, что ее место, место любящего и незаменимого помощника заняла Аза Алибековна. Доктор филологических наук, профессор МГУ, один из крупнейших знатоков античной культуры, она по сей день подчиняет свою жизнь Лосеву и его делу.

* * *

Что это за корректура лежит на Вашем столе, Аза Алибековна?

Корректура пришла на днях из журнала «Вопросы философии». Собираются напечатать там мою статью в пятом номере. А май – месяц очень важный для меня и моих друзей, это как раз тот месяц, когда скончался А.Ф., 24 мая 1988 года. В статье я использую уникальные материалы из Архива ФСБ РФ, из следственного дела А.Ф. Между прочим, в получении этих материалов вы же, Виктор, принимали активное участие.

Ну, не будем об этом, Аза Алибековна, тем более что я могу удалить запись...

(Смеется). Э-э, нет. Я считаю, что это неправильно. Ни в коем случае не удаляйте. Вот.

Статья рассчитана на широкую публику?

Да, эта публикация предназначена не только для философов или историков культуры. Я думаю, там все очень понятно и ясно. В ней говорится о судьбе А.Ф., которая была достаточно тяжелой и драматичной. Вместе с тем я там прихожу к выводу, что та знаменитая работа, из-за которой в 1930 году был арестован А.Ф., «Дополнения к “Диалектике мифа”», оказывается, вовсе не сгнули бесследно. Долгое время считалось, что какая-то часть «Дополнений» была нелегально вставлена в книгу «Диалектика мифа», уже прошедшую цензуру Главлита. Из следственного дела выясняется, что вставки, да, были, но это всего несколько десятков страниц, причем они делались не только Валентиной Михайловной, супругой А.Ф., но и сотрудницей Главлита. Прямо в помещении этого заведения две дамы старательно вкладывали в книгу листок за листком, непосредственно перед отправкой в типографию. Сами же «Дополнения», как выясняется, это большой том, потому что из архива Лубянки поступила часть его рукописи с нумерацией уже четырехсотых страниц. А вот куда делась значительная часть этой фактически самостоятельной книги? Похоже, из нее следователем Герасимовой были сделаны выписки, на основе выписок сконструировали небольшой «реферат» или так

называемую «брошюру», и это потом рассылали видным партийным функционерам, а также М. Горькому..

«Нелегальная брошюра профессора философии Лосева», так она, кажется, называлась в ругательной статье М. Горького «О борьбе с природой».

Вот-вот. Профессор Лосев ничего нелегально не издавал, а это была специально сконструированная в ОГПУ брошюра. Потом она снова, видимо, вернулась на Лубянку, потому что розыски ее в архиве Горького ничего не дали. Вы же сами занимались этим поиском?

Известно, что архив Горького изрядно «почистили» сразу после смерти писателя, потому не стоит особо удивляться...

Ну да. Выписки были сделаны, брошюра сослужила свою службу. Видимо, первая часть «Дополнений», ввиду ее остро социального и политического характера, была после этого уничтожена. А вторая часть, вернее, ее фрагмент, который больше посвящался проблемам религиозно-философским, вторая часть уже не столько пугала эту публику. Потому она и сохранилась, пусть и не целиком. Хотелось бы опубликовать эти драгоценные материалы в очередном томе собрания сочинений А.Ф., он подготавливается в издательстве «Мысль». Дай Бог, чтобы все задуманное осуществилось.

А как Вы относитесь к недавней публикации в журнале «Источник» (№ 4 за 1996 год) того самого «реферата» следователя Герасимовой? Он был найден в Архиве Президента РФ, в фонде Емельяна Ярославского.

Мне этот «реферат» хорошо знаком, потому что его экземпляр включен в следственное дело А.Ф. Кстати, там на полях, в углу указано: «5 экз. в ад.» Как это надо понимать? Пять экземпляров в администрацию?

... скорее – в адрес, обычно так пишут при рассылке секретных документов.

Словом, куда-то. Забавная двусмысленность: надо «в ад» экземпляры отправить (смеется), на всякий случай, на сохранение... Так что я этот материал хорошо знаю, выписки эти понятны. Другое дело, что публикация «Источника», я считаю, могла бы быть более основательной. Важно ведь не просто опубликовать «голый» архивный текст и дать от редакции

несколько строк своего вступления о том, как страдал А.Ф. и как искажалась истина... Надо было дать настоящий комментарий, чтобы не было разных кривотолков. Многие люди совершенно не понимают, какая обстановка было в 30-е годы и какова цена этим «рефератам».

Хотя бы из соображений своеобразной санитарии, чтобы яды прошлого не могли отравлять сегодняшнюю атмосферу.

Конечно, конечно. Если бы соответствующий комментарий был сделан, стало бы ясно, к примеру, что многие высказывания из «реферата» никакому Лосеву не принадлежат: то это Платон, то Константин Леонтьев, то Маркс, то Отто Вейнингер и т.д. и т.д. Ученый-то народ в этом сразу разобрался, но не всякий же будет возиться с первоисточниками... Нельзя так легко обращаться с документами прошлого.

А.Ф. предстает в нашей истории как одинокий Дон Кихот, храбро выступивший перед целой беспощадной системой.

Ну что говорить. У Сергея Хоружего есть хорошая статья, посвященная А.Ф., называется «Арьергардный бой». Действительно, Лосев был последним, кто дал этот самый арьергардный бой, когда все другие уже сдались или погибли. Думаю, ни к каким позитивным результатам «Диалектика мифа» поначалу не могла привести. Ну что может один-единственный человек, даже написавший такую острую и замечательную книгу?! Но далекие результаты, они несомненно сказались. Потому что эту книгу читали, переписывали, в дальнейшем уже и копировали, словом, распространяли ее. Я прекрасно помню, как десятки экземпляров этой книги приносили в наш дом совершенно незнакомые люди, чтобы хоть букву получить на них в качестве автографа.

На копиях, конечно.

Да, да, да. Это когда уже появились ксерокопии. А до этого просто на машинке переписывали. Тут такой замечательный пример, как очень известный библиограф, знаток книг Николай Николаевич Русов безвылазно сидел в Ленинской библиотеке и от руки переписывал всю «Диалектику мифа». Потом машинистка эту рукопись перепечатала, и Русов эпически спокойно сообщает об этом А.Ф. в письме. Идет война, Лосев живет под Москвой, дом его разбит фашистской авиабомбой, и он там

где-то на даче, затерявшейся среди снегов, ее сняли у уехавшей из Москвы известной киноактрисы Эммы Цесарской. А в годной и холодной Москве переписывают его книгу – арестантскую книгу, весь тираж которой был уничтожен. Удивительно, что эта книга сохранилась и ее еще и выдавали читателям. «Органы» проглядели, а библиотекари, видно, сами запутались: миф, мифология – это что-то безобидное, какие-то античные сказки... Чудесная история с этой книжкой.

А.Ф. до ареста 1930 года успел напечатать восемь книг, и поначалу он должен был скрываться от цензуры. Скрывался громадный пласт религиозно-философской мысли. Вы сами читали эти книги и теперь это хорошо понимаете, и люди следующие понимают. А ведь даже слово «Бог» нельзя было употреблять! Автору приходилось прибегать ко всяческим ухищрениям, массу сложностей должны одолевать теперь и читатели. Но вот в «Диалектике мифа» человек решил свободно высказать свое отношение к государственным и научным мифам, свое отношение к Церкви, монашеству, вере – то, что уже никто не смел высказывать.

Так все-таки он – одиночка?

Думаю, что не совсем так. Лосев недаром считается последним русским философом. Прежде всего, его творчество есть именно дальнейшее развитие русской философии. И те, кто писал о нем на Западе, они специально отмечали, что Лосевым была создана новая русская философская система (*с нажимом*), – это отмечали в свое время Франк, и Зеньковский, и Лосский, и Чижевский. А как известно, прежняя русская философия, и между прочим и учителя А.Ф., они не очень были привержены системе. Он еще в молодости в статье «Русская философия» – она издана в Цюрихе, на немецком языке в 1919 году – как раз отмечал эту особенность: русская философия всегда была исполнена глубочайших мыслей, но чуждалась такой строгой систематики. В этом смысле А.Ф. ушел дальше своих предшественников, это уже новое качество отечественной философии. Потому его книги показали, что русская мысль не прервана в 1917 году или, скажем, в 1922-м, когда многих выслали за границу, нет, она жила и развивалась. На Лосеве она, конечно, можно сказать, и кончилась.

Его нужно характеризовать прежде всего как оригинального философа и в последнюю очередь как, скажем, историка античной философии?

Ну, я не скажу насчет «последней». Ведь когда он поступал в университет, у него уже была такая идея – поступить на историко-филологический факультет, но обязательно кончать два отделения. Одно из них было философское, другое – классической филологии. Значит, античность его глубочайшим образом волновала, беспокоила и привлекала. Недаром ему, еще гимназисту, были подарены одновременно и собрание сочинений Платона и собрание сочинений Владимира Соловьева. Нельзя и говорить, что ему поневоле в дальнейшем пришлось заниматься античностью. Жизненная необходимость античности уже была обдумана им очень давно, как действительно такая основа, на которой произрастает вся европейская культура. Потому и первая книга А.Ф. называется «Античный космос и современная наука».

Всё сожнулось. Недаром он давал определение для своего учения: православно понятый неоплатонизм.

Конечно, потому что А.Ф. прежде всего опирался на Дионисия Ареопагита, на т.н. «Ареопагитский корпус», а это и был, собственно говоря, христианский неоплатонизм. Совершенно правильно. Другое дело, что если бы была дана возможность спокойно работать, то А.Ф., конечно, глубже развивал бы собственные философские идеи, а вовсе не занимался столь пристально той же историей античной эстетики. Тут еще нужно знать, что античную эстетику он понимал своеобразно, для него она была и историей философии и историей мифологии. Это было единое. Потому важна последняя его работа, которую он написал (вернее, продиктовал) уже в совершенно тяжелом физическом состоянии, но с абсолютно ясной головой. Небольшая книжечка под названием «История античной философии в конспективном изложении» была по существу конспектом его огромного восьмитомного труда по истории античной эстетики. Он же понимал, что не всякий сможет осилить эти восемь томов...

Да и приобрести – не всякий...

...и даже приобрести их сможет не всякий, они же выходили

с 1963 года, а последние книги вообще напечатаны посмертно, в 1994 году. И он действительно конспективно изложил эти свои мысли об античности, уже вполне твердо говоря об истории философии, а не только эстетики. Да, будь другие времена, он творил бы свою философию. Но и в этой истории философии по существу присутствует личность А.Ф. Огромное количество его собственных идей содержит «История античной эстетики». И, конечно, главное – все время он прослеживал и ощущал эту подготовку в античности нового мировоззрения, христианского взгляда на мир.

Это была – через призму истории – своеобразная апология христианства?

Ну, как еще сказать. По-моему, А.Ф. никогда не был апологетом, если под апологией (*посмеиваясь*) понимать такую безусловную похвалу. Он всегда со всех возможных сторон обследовал любой предмет, любил объективное изложение своих мыслей. Так же как он не был апологетом античности...

И еще каким критиком...

Да, всегда воспринимал ее с долей критицизма. Объективное же изложение мыслей мало кому нравилось, а в советское время еще и высмеивалось и преследовалось. Считалось, что единственно верна позиция марксистская, всё остальное же надо бранить и зло критиковать. А Лосев любил даже теории, которые были ему явно чужды, он со вкусом любил их излагать, подходил всесторонне, с привлечением огромного количества фактов...

А как, на Ваш взгляд, могла бы развиваться его собственная философия, конечно, при более благоприятных внешних условиях?

Думаю, прежде всего, он серьезно развил бы свое учение об имени. Главное – тут. Очень характерно, что в рукописях А.Ф., и в тех, которые сохранились в его архиве, и в тех, что были мне переданы из архива Лубянки, словом, едва ли не во всех работах, связанных с философией имени, часто упоминается и всюду, однако, отсутствует заключительная часть, итоговая глава: философское обоснование имяславия, учения об Имени Божиим. Проблема давно его интересовала. Еще в начале 20-х годов в одном из своих писем к о. Павлу Флоренскому он, посылая свои тезисы об Имени Божиим, как раз подчеркивал,

что его особенно волнует философски точное обоснование имяславия, строгое и точное.

Столь строгое, что он намеревался привлечь и какие-то математические структуры, например из теории множеств, да?

Конечно, конечно. Я думаю, именно этим бы он и занимался. Между прочим, и тогда, когда он работал в плане филологическом, особенно много печатая после войны, здесь можно видеть продолжение прежних поисков. Трудно назвать эти публикации чисто лингвистическими или чисто филологическими, это, несомненно, работы по философии языка. Просто их нельзя было так называть – философия языка, – никто бы не стал тогда печатать в трудах Пединститута или в журнале «Вопросы языкознания». А их печатали, да еще и в большом количестве. И вот как раз один из очень хороших знатоков, просто профессионалов в лингвистике, Людмила Гоготишвили, она твердо стоит на такой позиции, что в этих «филологических» трудах шло дальнейшее лосевское развитие, что здесь А.Ф. продолжал заниматься учением об имени. Другое дело, что терминологию приходилось использовать уже какую-то другую. Просто-напросто даже вся наука о языке претерпела в XX веке большие изменения, сменилась вся мировая терминология. И А.Ф. постоянно следил за всеми изданиями, отражавшими современное состояние языкознания. Он был в курсе всех новейших теорий и не мог, конечно, отставать.

Неудивительно, что в последней своей работе «В поисках построения общего языкознания как диалектической системы» А.Ф. призывает к использованию некоторых новых для гуманитарной науки категорий (силовое поле, континуум), которые открывались для него, однако, еще в античной мысли.

Совершенно верно! Между прочим, эта работа писалась параллельно с тем конспективным изложением истории античной философии, о котором мы уже говорили. А.Ф. как бы подводил итоги по двум основным линиям своей научной жизни, философской и филологической. Как он в юности поступил на два отделения университета, философское и филологическое, так всю жизнь и соединял всё это воедино. Потому что невозможно по-настоящему заниматься философией без глубокого понимания проблем языка, но и языком, философией языка

нельзя заниматься, если ты не творец в философии. Так в конце жизни А.Ф. подытожил свои поиски этими двумя текстами, очень яркими и чрезвычайно концентрированными. Я очень хорошо помню, как упорно шла эта работа, как А.Ф. старался изложить всё как можно более сжато, ясно и точно. Это были достойные итоги. (*Прерыв записи*).

Расскажите, Аза Алибековна, как обстоят дела с Домом.

Что ж, бедный наш Дом, можно сказать, вокруг него в последнее время было столько страстей. Дом сейчас строится (*задумчиво*), Дом строится... Правда, по срокам он должен быть закончен уже в феврале, теперь срок определен июнь этого года. Борется за выполнение планов Геннадий Зверев, главный мой в этих делах помощник. Дай Бог, чтобы не напрасно. Есть, впрочем, постановление московского Правительства, где говорится, что Дом должен быть готов к 850-летию Москвы. Здесь планируется открытие Центра русской философской мысли, который задумало культурно-просветительское общество «Лосевские беседы», председателем коего я и являюсь. Да и Вы, Виктор, член этого общества. Признаться, не уверена, что всё получится, как запланировано. Ну, к юбилею снимут леса, публика увидит красивый фасад. Авось мемориальную доску поставят, вместо той, что была раньше со стороны Арбата, вместо охранной доски... Это, конечно, очень беспокоит, потому что важен не только фасад, важно и содержание Дома, важно то, что в нем будет делаться.

Прежде всего!

Это, конечно, самое главное. А помимо того, меня просто страшит, что будет здесь происходить, когда начнется ремонт жилой части, реставрация моей квартиры. Каким образом огромное количество книг и разных ящиков с архивными документами, материалами, рукописями, куда мы это будем всё хотя бы и на время переносить? До сих пор ведь не готово помещение, которое запланировано для такого переноса. И каким образом всё это описывать? Мы же не можем делать этого сегодня, просто вынимать книги, заносить данные в карточку и снова ставить их на место. Это же бессмысленный труд. Тем более что книги стоят в несколько рядов, и если одну вынешь, остальные могут упасть на голову, буквально так.

А сколько примерно книг в Вашей библиотеке?

По-моему, еще А.Ф. насчитывал около 20 тысяч. Вообще-то они всё время прибавляются, уже класть их неизвестно куда. Некоторым образом я, помня где и что, еще рассовываю их по шкафам, либо что-то лежит по подоконникам, благо еще подоконники широкие, старинные, а то и на полу в углах пристраиваю. Известная картина...

Что планируется разместить в Доме?

Дом находится в аренде нашего Общества, причем половина площади принадлежит банку-инвестору. Они еще пристраивают мансарду, так что в итоге у них площадь окажется больше. А здесь мы предполагаем много чего. На первом этаже будут помещения для занятий, семинаров и т.п. Затем, культурно-просветительская работа обязательно должна вестись. Будет актовый зал, где можно просматривать фильмы, слушать концерты, проводить наши конференции. Будет помещение для экспозиций, связанных с жизнью и творчеством А.Ф., и не только, думаю, с ним, а и вообще с русской философией. А еще мы собираемся хранить и разрабатывать не только архив А.Ф. – тут много всего надо публиковать! – но и изучать более обширные темы, связывать разные периоды русской философии. Значит, придется где-то размещать документы, их копии, относящиеся к другим русским философам.

Еще есть идея, чтобы на первом этаже была небольшая домовая церковь, посвященная славянским Просветителям святым Кириллу и Мефодию. Между прочим, домовая церковь в гимназии Новочеркаска, где учился А.Ф., была посвящена их памяти.

Потом, если уж говорить о культурно-просветительской работе, нужно учесть, что здесь, на Арбате, у нас весьма интересное окружение. К примеру, в соседнем переулке дом-музей А. Скрябина. Нас там знают, и мы будем, конечно, иметь с ними связь. Как известно, А.Ф. немало занимало творчество Скрябина... Или вот еще рядом музей Андрея Белого...

Кажется, с А. Белым было недолгое знакомство?

С ним А.Ф. был знаком до революции и потом в начале 20-х годов. Как сказать, долгое или недолгое – во всяком случае, несколько лет встречались часто, обычно в домашней обстановке

в семье поэта Г. Чулкова. Георгий Иванович и его супруга Надежда Григорьевна принимали в своем небольшом домике на Смоленском бульваре. Сейчас этот домик снесен.

Затем, недалеко от нас расположен Лермонтовский музей. Больше всех поэтов А.Ф. любил Лермонтова, это его давняя любовь была, еще с юности. Можно много почтенных учреждений перечислять. Так что Дом Лосева придется кстати. Тут и музыка, и литература, вот еще и философия, отнюдь не чуждая и тому и другому. А еще и театры окружают нас, напротив через Арбат – Вахтанговский, во дворе – театр имени Рубена Симонова. Мы с А.Ф. часто, бывало, хаживали в театр Вахтангова. В 50-е или там в 60-е годы спектакли шли неторопливо, один большой антракт бывал таков, что мы даже приходили сюда (*смеется*) домой чай пить.

А.Ф. уже плохо ходил?

Мы всегда ходили только вместе, конечно, его одного нельзя было пускать. Он и ходил плохо, и видел очень плохо. Один он мог гулять во дворе, с палкой. Знал тут каждый шаг, каждый кусочек двора. Под окнами там внизу обычно и прогуливался. Двор-то не был, как сейчас, разорён и столь обширен, тогда он был уютный, нас отгораживал от зданий напротив забор, как раз начинался от этого гигантского тополя.

Забор был каменный?

Нет, деревянный, высокий и глухой. Так что двор был очень обозрим. А еще по двору проходила чугунная решетка, очень хорошая, и ворота чугунные были. Это всё при Хрущеве уничтожили, когда шла борьба с чугунными решетками и вообще со всяческими отгораживаниями от народа. По всей Москве снимали, между прочим. Красивая была решетка... Потом, были еще деревья во дворе, посредине была клумба, под окнами росли цветы в ящиках. И А.Ф. обычно прогуливался вдоль дома. И потом, когда забор исчез, все равно он прогуливался с нашей, так сказать, стороны или около этого дерева огромного. На ту сторону мы ходили уже вдвоем, обычно по переулкам гуляли вечером, всегда под руку. В переулках была абсолютная тишина, никакие машины там не ходили, да и Арбат был еще нормальной улицей, не то, что сейчас. Так и прогуливались под вечер. Иной раз встречали, гулял тут в

одинокости, сына о. Сергия Булгакова, Федора Сергеевича. Он был художник и скульптор, потому очень хотел вылепить бюст А.Ф. и даже просил ходатайствовать об этом профессора Гудзия, чтобы уговорил Лосева. Потому что А.Ф. отказывался...

А Гудзий-то чем мог помочь?

А потому что Федор Сергеевич в свое время сделал бюст его, тот еще стоял в домашнем кабинете у Николая Каллиникова, там я его и лицезрела. Сейчас этот бюст находится у нас на факультете, в кабинете декана. Но А.Ф. категорически возражал, как его ни упрашивали, он говорил (*смеется*), как это можно, живого человека вдруг в бронзу или в мрамор... воплощать. Нет, ни в коем случае! Я помню, он отказывался и от художников. Так вот и Георгий Иванович Селиверстов просил, но А.Ф. ему, помнится, категорически (*с нажимом*) отказал. Но когда Лосеву «стукнуло» 90 лет, тут наш старый друг Валерий Павлович Ларичев, врач-психиатр, который теперь стал батюшкой – известный в Москве священник, надо сказать, – он совершенно неожиданно и привел к нам Селиверстова. Они, оказывается, давние друзья, чуть ли не со школы. И хотел А.Ф. или не хотел, но сидели, разговаривали и пили чай, и одновременно происходили зарисовки...

Почти, можно сказать, нелегально?

Да, так можно сказать. Происходили зарисовки. Портрет потом впервые появился в «Литературной газете», когда там стали печатать серию очерков о выдающихся русских мыслителях. Эту серию открыли как раз моей статьей «Алексей Федорович Лосев», была напечатана 26 октября 1988 года, примерно через полгода после кончины А.Ф. Мне тогда надо было уезжать из Москвы, потому что в Тбилиси в память А.Ф. собирався Ареопагитский Центр, устраивалась научная конференция. Много народа, наших друзей тогда из Москвы отправилось. Была специальная служба в Сионском соборе, католикос Илия II служил, провозглашал память великому русскому философу... И я, уезжая, просила только одного: чтобы статью напечатали в день моего рождения, 26 октября. Это к тому же и день Иверской Божьей Матери. Так и оказалось, совпало с днем выхода «Литературной газеты» по средам. И портрет работы Селиверстова так появился...

А неплохо было бы во дворе бюстик поместить...

Ну, об этом, между прочим, мечтал Арсений Владимирович Гулыга. Здесь у нас в 90-м и 91-м годах были съемки телевизионного фильма «Лосевские беседы», режиссер Ольга Васильевна Кознова. В одной из частей этого фильма Арсений Владимирович и действует, выступает, говорит, – как раз эту идею он и высказал. Мол, как было бы хорошо... Ну, я не знаю, как там будет... Дай Бог, справиться бы со всеми делами ремонта Дома... Что тут будет, что произойдет? Все время ведь только и идут разговоры, что будет всё благоустроено, будут цветники, деревья...

И бюст как раз под деревом, где он гулял...

Да, об этом старом тополе Лазарев Владимир Яковлевич не раз писал в стихах – как там А.Ф., «бесконечно одинок и бесконечно слитен», под ним «стоял в прогулке неподвижной». Так что это дерево прославилось, можно сказать...

Аза Алибековна, надо бы, в заключение, немножко и о себе рассказать.

Ой, да ладно, о себе...

Хотя бы о Ваших книгах. Вы же ведущий специалист в области античной мифологии.

Ну, действительно, собираются монографию «Греческая мифология» переиздать в Петербурге, а вместе с ней и мои основные работы по античному мифу и символу. Задумано так – «Греческая культура в мифе и символе». Пока еще ни одного материала от меня не взяли, а реклама уже ходит. Ну, теперь издатели так часто делают, чтобы заранее привлечь народ...

И заодно прозондировать, так сказать, спрос...

Да-да. А так в основном я же все-таки издаю труды А.Ф., сопровождая их своими статьями. Сейчас вот готовим новое издание книги «Владимир Соловьев и его время». Пришлось серьезно поработать, потому что это будет не просто переиздание, включены новые главы, которые раньше не входили в книгу. Затем, прилагаются интересные мемуары, в записи С.М. Лукьянова, известного биографа Соловьева, они еще нигде не печатались. Будет и мое предисловие об истории создания этой большой книги. Ведь всякий же раз, когда А.Ф. создавал ту или иную книгу, всегда было достаточно всяческих

тяжелых событий. Важно восстановить, как всё на самом деле происходило. Сейчас всё настолько сместилось во времени, люди как-то странно относятся к хронологии даже ближайших лет. Я тут недавно перебирала вырезки, упоминаний же о творчестве А.Ф. сейчас огромное количество бывает, у меня этих вырезок и выписок из газет и журналов целые папки, надо сказать. И вот что, к примеру, любопытно: в заметке по поводу выхода только что упомянутой книги о В.С.Соловьеве (это было в 1990 году) автор приветствует появление долгожданного тома и между прочим сообщает читателям, что вот лет двадцать назад (*смеется*) творились всяческие гонения и против А.Ф. и против издателей маленькой книжечки – ее А.Ф. написал тоже о Соловьеве.

Прошло всего шесть лет, а не двадцать...

Вы представляете, как интересно?!

Это важный психологический или, скорее, социокультурный факт. А и в самом деле, эпоха прошла...

Да, прошла целая эпоха. Гонения, правильно, имели место, но книжечка-то вышла в 1983 году. Вот вам и двадцать лет, пожалуйста! Уже поэтому сейчас очень важно восстанавливать прошлое, даже относительно недалекое. Сколько же стремились закрыть, уничтожить, сколько страданий приходилось претерпевать тому же Лосеву. Об этом я и пишу, на документах восстанавливая настоящую картину того, что происходило многие десятки лет. Того, чему я была свидетелем, свидетелем и участником.

2.8. С веком наравне

Передо мною лежит свежей печати книга московского издательства «Мысль». Этот том завершает собрание избранных сочинений А.Ф. Лосева. Пухлый семисотстраничный фолиант, как может показаться, даже излишне наряден для серьезного издания трудов классика философской мысли. Но, право же, невольно хочется приласкать добротную обложку приятного серо-стального цвета, вдобавок украшенную колоритной

эмблемой серийного дизайна, здесь – схематичной рыбкой в сетях, с застывшими барашками волн житейского моря или, быть может, того самого Хаоса, без которого автор сей книги вовсе не мыслил никаких Структур и Смыслов. Картинке согласно вторит точное имя тома, в строгом тиснении означенное: «Личность и Абсолют». Не будем придирааться к внешности печатной продукции. Думаю, между прочим, что художественные изыски книги нацелены не на коммерческий успех (труды Лосева никогда не залеживались на прилавках книжных магазинов), но только лишь на создание атмосферы праздника, настроения желанного пиршества для тех ценителей красоты подлинной мысли, в чьи руки придет этот том и прочие тома, ему предшествующие.

Выход книги планировался и ожидался в 1998 году, к десятилетию со дня кончины философа, однако известные финансовые и политические события того памятного года отодвинули срок материализации замысла на одну календарную единицу. Хорошо, что вышло так немного: мы-то знаем, что некоторые книги Лосева дожидались своего часа по полвека и более. Настоящий том является восьмым по счету, первый же увидел свет в 1993 году, когда отмечалось столетие со дня рождения Лосева. Тогда сходным образом скрестились даты двух календарей, биографического и исторического, и тоже со всею наглядностью всем нам давалось понять, сколь на поверку эфемерны и наивны еще в России планы (в том числе издательские) и надежды (хотя бы по части непрерывности культурного движения), – сигнальный экземпляр первого тома вышел точно в те дни, когда на стенах Белого дома (и где-то в километре или двух от дома Лосева, что на Арбате) наносились росписи самым что ни есть прямым посредством танковых снарядов. Нужно ли удивляться этим перекличкам и считать их случайными? В многотрудную жизнь Лосева слишком часто вплетались внешние обстоятельства судьбы его и нашей Родины. Памятные вехи двух мировых войн, Октябрьского Переворота, Большого Террора и Большого Застоя были и веками его обширной творческой биографии, когда гибли рукописи, гибли замыслы и все больше и больше текстов, научных и художественных, следовало в самое ненадежное для хранения

место – в стол. Так что судьба посмертного издания трудов Лосева в полной мере подтверждает давно ставшее расхожим утверждение: действительно, в России нужно жить долго... а уж коли печатать, добавлю, то сколь возможно быстрее.

Если и следует удивляться, то как раз тому, что восьмитомное издание в «Мысли» есть уже факт, причем факт не только масштабный, но и свершившийся воистину стремительно. За малый промежуток времени – немного займемся экстенсивными описаниями – узнало печатный станок около 436 учетно-издательских листов текста, т.е. более 7000 страниц обычной машинописи. И каких еще, надо заметить, листов и страниц: в собрание вошли в порядке переиздания и давние книги Лосева (а именно, всё первое авторское «восьмикнижие» 1927–1930 годов, включая знаменитую «Диалектику мифа»), и не столь давние, но ставшие уже библиографической редкостью (таковы «Античная мифология в ее историческом развитии» и «Эстетика Возрождения»), а главное, в публикацию попали обширные новые материалы из архива философа, занимающие более трети от объема всего собрания. Архивные материалы – это сложные, нередко многоязычные тексты, прикосновенные к самым различным областям знания и почти всегда требовавшие долгой кропотливой дешифровки. Это предполагало от составителей, комментаторов и редакторов лосевского многотомия, как легко догадаться, немалых интеллектуальных и в конце концов физических усилий. Всё издание подготовлено трудами небольшой, в несколько человек, группы исследователей из культурно-просветительского общества «Лосевские беседы»¹ и сотрудниками редакции по изданию библиотеки «Философское наследие». Заведующая редакцией Лариса Владимировна Литвинова и ее преемница в последние годы Александра Васильевна Матешук по праву могут гордиться своим профессиональным (и душевным тоже) вкладом в благое дело. Бесспорным же лидером данного малого творческого коллектива, его душой и вместе с тем его подлинным движителем, пусть мне простятся слишком прямолинейные, но и точно к случаю подходящие образы, да, подлинным движителем и душой всего многотрудного дела издания творческого наследия Лосева явилась, конечно, Аза Алибековна Тахо-Годи, ученица и

наследница Лосева, заслуженный профессор МГУ, видный филолог-классик. Она – бессменный составитель и ответственный редактор всех этих восьми томов.

Книги, как говорят подчас почти автоматически, имеют свою судьбу – латинским чеканом так буквально и высечено в анналах культуры: *habent sua fata libelli*. Но для книги «Личность и Абсолют» особенных (и всегда драматичных, касанием Судьбы отмеченных) историй действительно набирается ровно столько, сколько в ней объединилось отдельных, в разные годы созданных работ Лосева. По необходимости кратко некоторые из таковых историй попробуем – здесь и теперь – обрисовать.

Открывает том работа «Исследования по философии и психологии мышления». Она была закончена в 1919 году² и вполне могла бы стать первой из книг, опубликованных Лосевым, но, увы, не стала; еще ровно 80 лет прихотливая Судьба отмеряла только ей ведомые сроки. А ведь каким поучительным и знаменательным был этот первый монографический опыт! Философ, который всю долгую жизнь свою будет служить потом делу непрестанной мысли и славословия ей, начал сей путь с тщательной проверки прочности фундамента, на котором строится и само мышление, и способы его самопостижения. И не столь уж и важно, что поводом для своего пристального всматривания в самое познание молодой ученый избрал результаты Вюрцбургской школы (о ней ныне помнят, кажется, лишь немногие историки психологии), главное, что именно он выбрал решающим в предмете своего исследования – то проблема интенциональности, вопрос об изначальной глубине мысли и ее целостной первичной данности. А здесь-то и располагалась точка роста многих наук XX века. Новость, которая в западноевропейской культуре приближалась и оформлялась трудами Гуссерля, Джемса, Хайдеггера и Витгенштейна, в России была осознана молодым Лосевым, их совопросником и современником. Да, тут бы еще надо указать и следующее обстоятельство. Как следует из архивных данных (о них в своем послесловии сообщает А.А. Тахо-Годи³), эта ранняя книга замышлялась и писалась отнюдь не локально в пределах какой-то одной «школы», но мыслилась в куда более широком

контексте историко-философского анализа начиная, кажется, со старинной «Суммы теологии» Фомы Аквинского. Свою берлинскую командировку по окончании университета Лосев посвятил целенаправленному изучению средневековых схоластов, но все начинания и даже все уже скопившиеся рукописи пришлось оставить в Германии, спасаясь бегством – настал август 1914-го... Так что теперь, читая эту давнюю работу о «непосредственных данностях» сознания и по достоинству оценивая ученость и прозорливость автора, пусть читатель помнит – перед ним лишь видимая оконечность внушительного айсберга.

Еще в большей мере образ айсберга (образ вполне банален, но уж больно подходит он для нашего случая) соотносится со второй частью книги под названием «Проблемы философии имени». Здесь собрано то немногое, что скопилось и сохранилось в архиве Лосева как редкостное свидетельство интереснейшей и во многом до сих пор еще загадочной страницы нашей недавней истории, которую можно назвать «движением имяславцев». К этим чудом уцелевшим фрагментам следует добавить только опять-таки немногое, что сохранено в другой архивной сокровищнице, в бумагах о. Павла Флоренского⁴. Начатая на Святой Горе афонскими монахами дискуссия о почитании и прославлении Имени Божия неожиданно выплеснулась за пределы келий и монастырских стен, став острой проблемой церковной и культурной жизни России меж двух революций. Позицию монахов-имяславцев, теснимых властями, поддержали некоторые известные русские философы, такие как уже упомянутый о. П. Флоренский, С.Н. Булгаков, В.Ф. Эрн. Для них афонские споры затрагивали, ни много ни мало, сам вопрос о сущности и судьбах православия. Но «смута» была грубо подавлена, потом пришла мировая война, потом грянул 1917-й год. Удивительным (да так ли уж удивительным?) образом к проблемам имяславия вдруг снова вернулись в начале 20-х годов, но уже в среде московских интеллектуалов, без всякой газетной шумихи и вообще публичности. Дебаты могли вестись и велись нелегально, в условиях, когда гонениям подверглись не только какие-то «странные» монахи, но суровые испытания выпали уже всем верующим⁵. Московские имяславцы обсуждали проблемы Имени и имен в

широком охвате от разбора библейских текстов и трудов Отцов Церкви до привлечения данных современной лингвистики и математики – род профессий и уровень образованности это вполне позволял. Новое афонское движение ставилось в связь с учением св. Григория Паламы (XIV в.) и сравнивалось по значимости с духовными ристаниями на первых Вселенских Соборах. Словом, шел естественный для культуры процесс перевода или погружения некоего важного эпизода «малого» времени в поток времени «большого». Но и этот духовный всплеск был обречен на пресечение. Многие участники имяславского кружка, нередко собиравшиеся на квартире Лосевых, были арестованы в 1930 году. Вместе с хозяином ушли на Лубянку и рукописи. Ушли, казалось, в небытие. Но нет, настали новые времена, и некоторая часть (нам неизвестно, какая) арестованных лосевских бумаг в 1995 году была в торжественной обстановке передана из Центрального архива ФСБ РФ в руки А.А. Тахо-Годи⁶. Среди возвращенного отысканся большой фрагмент работы Лосева «Вещь и имя», не известный исследователям. Он вместе с уцелевшими в архиве автора тезисами и черновиками докладов, проходивших на давнем нелегальном кружке, как раз и вошел во вторую часть книги «Личность и Абсолют».

Оттуда же, где принято «хранить вечно», пришел к нынешнему читателю и составивший третий раздел книги большой фрагмент «Дополнений» к лосевской «Диалектике мифа». Фрагмент внушительный, он даже в своем ущербном виде (в оригинале – большие машинописные листы с нумерацией от стр. 332 до стр. 485, ни начала ни конца) почти равен по объему самой «Диалектике», но важнее – мы пока не будем говорить о содержании данного текста – уже само его существование, его (вы)явление как таковое. Ибо многие годы об этом «Дополнении» ходили только увлекательные легенды. Еще бы не увлечься: если уж в «Диалектике мифа» было столько отваги и силы правды, то что же автор имел и сумел еще добавить – сообщить «городу и миру» в обширном произведении, без колебаний отвергнутом Главлитом?! А кто хоть видел, кто читал «Дополнение»? Это у М. Горького в статье «О борьбе с природой» сообщалось о какой-то «рукописной копии нелегальной брошюры профессора философии Лосева» и даже приводились

«цитаты» из оной⁷. Это уже в наши дни в исследовательском журнале «Источник» хтонические глубины архива бывшего ЦК КПСС неожиданно выплеснули некий «материал» или «реферат» по «Дополнению», составленный референтами из ОГПУ день в день к аресту Лосева⁸. Нужно ли специально доказывать, что в подобных «произведениях» крайне трудно отделить оригинал от интерпретации, как трудно (если вообще возможно) расслышать одинокие голоса жертв за громким боем барабанов на политических судилищах тех лет.

И вот перед нами – подлинный текст. В нем, к сожалению, не сохранилось возможных продолжений для лосевского об следования «относительных мифологий», но о таковых заинтересованный читатель может получить представление и по книге «Диалектика мифа», где воздано должное и мифам буржуазным, и мифам большевистским, и мифам конфессиональным, и мифам позитивистской и «нигилистической», по Лосеву, науки. Зато этот драгоценный фрагмент доносит до нас попытку построения уже «абсолютной мифологии», т.е. максимально отважную и максимально неизбежную для верующего человека мысли попытку судить о Боге. Обсуждать и уж тем более оценивать построения «абсолютной мифологии» (в логическом срезе она же у Лосева – «абсолютная диалектика») было бы в настоящих заметках и опрометчиво и преждевременно. Могу только пожелать читателям неспешного и благодарного вхождения и, если угодно, даже вживания в этот трудный текст – может быть, самый трудный из труднейших, ибо укоренен он где-то на грани допустимого для человеческой малости, дерзающей высказываться об Абсолютном. И для первой в трудах помощи предназначены здесь статьи-послесловия данного тома, принадлежащие Людмиле Арчиловне Гоготишвили («Лосевская концепция предикативности») и Владимиру Вениаминовичу Бибахину («Двери жизни»). Ценимые в научных кругах мнения этих известных исследователей могут получить некий дополнительный вес и для широкой читательской публики, если иметь в виду, что оба упомянутых в разное время общались с Лосевым как близкие помощники, т.н. секретари.

В качестве приложения в книгу включены заключительные главы фундаментального труда Лосева «Диалектические

основы математики», который создавался в 30-е годы. В обычном представлении исследования по философским основаниям математики почитаются достаточно далекими и от задач теоретической психологии и от богословской проблематики. Однако для случая Лосева такое разграничение будет явно поверхностным. Он всегда ценил глубокую мысль любимых своих античных неоплатоников о Числе, которое ближе всего другого к Первоединому, и всегда рассматривал математические «экскурсы» как удобный и даже естественный (для личности, для мыслящего субъекта) повод судить о строении Сущего на чистом или, осторожнее скажем, сколь возможно свободном от земных наносов языке «царицы наук». Может быть, именно потому диалектические глубины математики столь занимали ум «заключенного каналоармейца» Алексея Лосева, что созерцание абстрактных эмпирей помогало не только забыть, но и победить жуть лагерного, слишком эмпирического бытия. Именно так: по свидетельству архивных данных, отчасти опубликованных в томе, не только общая концепция «Диалектических основ математики», но и отдельные главы этой книги были созданы автором в самых неподходящих для думанья условиях, в неволе. Через несколько лет после возвращения из сталинского лагеря Лосев стремительно закончил значительную часть своего труда по философии математики (как первый том из серии задуманных работ), и были даже какие-то надежды на его публикацию. Во всяком случае, в архиве сохранились свидетельства активного общения с С.А. Яновской, уже в те годы большого авторитета по «методологии» математики. Было написано даже обширное предисловие к готовой книге, которое составила В.М. Лосева, жена философа и сама математик. Ничего не вышло, опальный мыслитель оказался полностью лишен возможности печататься почти четверть века, вплоть до кончины Хозяина. А дальнейшая судьба рукописи книги сложилась так. Отложенная в «долгий ящик», она среди прочих бумаг Лосева дождалась своего часа до той августовской ночи 1941 года, когда фашистская авиабомба точно угодила в дом на Воздвиженке, где была квартира Лосевых (супруги случайно оказались в это время за городом). Гибель родных, гибель имущества и богатейшей библиотеки,

гибель архива. Жалкие останки уцелевшего многие годы потом оставались нетронутыми в далеких ящиках и закутках нового жилища Лосева, теперь уже на Арбате. Той бомбой, как десятилетием раньше – арестом, были перечеркнуты многие замыслы, начинания, темы... Только после кончины философа, когда Аза Алибековна приступила к последовательному разбору и изучению архива, пришла пора счастливых находок и обретений. Нашлась и машинопись «Диалектических основ математики», причем в весьма плачевном состоянии – с многочисленными нехватками и следами огня и воды, некоторые страницы буквально слились воедино под напором стихий. Хорошо помню, как горели ладони после длительной их разборки, то едкая известка, пропитавшая бумагу, вполне наглядно свидетельствовала о бомбежке более чем полувековой давности. Найденного хватило на целый том в серии издательства «Мысль»⁹. А через несколько лет, когда настала пора капитального ремонта дома на Арбате, счастливый случай подарил продолжение этой эпопеи. Когда поневоле пришлось перемещать все книги громадной библиотеки Лосева, на дне шкафа с латинскими изданиями (об этом рассказано в послесловии А.А. Тахо-Годи) сыскалась недостающая рукопись книги – толстая пачка разномастных листов бумаги, тщательно укутанная в газеты того самого августа 1941 года. Так в конце концов и появилось «Приложение» в восьмом томе. Вот и последняя из обещанных историй.

Да, рукописи, в который раз приходится убеждаться, не горят. И еще, когда держишь в руках большую книгу, что подобно собранию трудов древних досократиков составлена только из фрагментов или усечений когда-то полных текстов, когда представляешь, сколь важны и необходимы эти «малости» для нашей культуры, поневоле проникаешься пониманием, какой же это был тяжкий и одновременно счастливый жребий, выпавший на долю Лосева – быть с веком наравне.

Часть III

3.1. О смысле чисел

1. Тема на всю жизнь

Может показаться, что две книги А.Ф. Лосева, а именно «Диалектика числа у Плотина» (1928) и «Критика платонизма у Аристотеля» (1929), имеют весьма узкую направленность, так что среди их внимательных читателей окажутся разве только исследователи истории математики, причем по ее определенному разделу (такова тема – греческая «аритмология»), или специалисты по классической филологии (таков жанр, означенный на титульных листах книг – «перевод и комментарий»). Однако, на наш взгляд, круг благодарных читателей в итоге окажется существенно разнообразнее, если принять во внимание, что, во-первых, языком историка и переводчика здесь изъясняется выдающийся философ, что уже само по себе обещает широту подхода к затронутым проблемам, и, во-вторых, излагаемые здесь древние воззрения на число на самом деле несколько не устарели и составляют подлинную новость для современного сознания. Так хорошо забытое старое уже как новое открывается в масштабе широкого мировоззрения, а исследователь-архаист одновременно предстает искателем-новатором.

Но прежде чем приступить к рассмотрению лосевского толкования проблемы числа в античности по сравнению с современными математическими представлениями, сразу возьмем некий важный ориентир. Для этого мы вспомним известную рекомендацию из «Законов» Платона по поводу желательной численности граждан идеального города-государства: «Мы признаем наиболее удобным то число, которое обладает наибольшим количеством последовательных делителей <...>, число же *пять тысяч сорок* имеет целых пятьдесят девять делителей, последовательных же – от единицы до десяти. Это

очень удобно и на войне, и в мирное время для всякого рода сделок, союзов, налогов и распределений» (*Legg. V 738 ab*). Знаменитый математик XX века Герман Вейль, размышляя о «магии числа» в платоновских диалогах, следующим образом прокомментировал данное высказывание: «С точки зрения величины нет особой разницы, будет ли число жителей города 5040 или 5039; с точки зрения теории чисел между ними расстояние, как от земли до неба; например, число $5040 = 2^4 \times 3^2 \times 5 \times 7$ имеет много частей, тогда как 5039 – простое число. Если в идеальном платоновском городе ночью умрет один житель и число жителей уменьшится до 5039, то [надо полагать, наутро. – *В.Т.*] весь город сразу придет в упадок»¹. Даже если в последующем своем рассуждении Г. Вейль слишком резко провел границу между наукой и магией (для первой, по Вейлю, ценна только величина числа, для второй, т.е. магии в нумерологической ипостаси, имеют существенное значение смысловые отношения чисел), самое важное данным примером схвачено: современная точка зрения на число принципиально десемантизирована, античное же («магическое», как выражается Вейль) число всегда отмечено, индивидуально-значимо и даже в той или иной мере жизненно необходимо. И Лосев в книгах 1928–1929 гг. явно придерживается второй позиции, да еще и явственно оберегает ее до конца своих дней.

Рассматриваемые здесь «Диалектика числа у Плотина» и «Критика платонизма у Аристотеля» (далее будем сокращать для удобства – «Диалектика» и «Критика») объективно предстают перед нами в контексте других лосевских работ, на страницах которых тема числа не раз получала почетное место. Прежде всего – на фоне тех знаменитых восьми книг, что последовательно печатались с 1927 по 1930 год. Здесь вырисовывается целая философия математики, которая складывается из прихотливой мозаики многочисленных фрагментов (их суммарное изучение – задача особого исследования). Однако автора «восьмикнижия» никак нельзя заподозрить в каком-то сознательном импрессионизме. То было не эстетство, но вынужденная необходимость. Прежде всего Лосев очень спешил напечатать свои труды (жизнь доказала, сколь была оправдана эта спешка), потому и пользовался любой возможностью

наступать сразу на нескольких фронтах и, уплотняя текстовые пространства, насыщал их приложениями, развернутыми примечаниями, вставными темами и экскурсами. Этим объясняется, в частности, появление обширного отрывка из «Эннеад» Плотина при издании «Музыки как предмета логики», что предвосхищало последующий выход полного перевода и комментария трактата VI. 6 в «Диалектике», этим же объясняется существенное повторение положений дискуссии об «идеальных» и «математических» числах из «Критики» в более поздних (по выходным данным) «Очерках античного символизма и мифологии» (гл. IV) – пересекшиеся в части своих объемов тексты вышли в свет порознь, но писались практически одновременно. Можно привести и другие примеры. Отсюда – при неблагоприятных, повторим, и скорее даже эфемерных условиях публикации – понятны и отсылки на уже заготовленные рукописи, частые указания дальнейших тем и ходов мысли, к которым автор брал обязательства вернуться, «если дадут».

Теперь мы можем частично реконструировать целый перечень неизданных и (или) утраченных лосевских материалов относительно «чисел». Так, Лосев определенно как о реализованном пишет в «Критике» о своем «специальном исследовании понятия числа в античной философии» (32)² или предупреждает читателя, что в «Диалектике» он вовсе не касался «чисто математических теорий числа у Прокла», освещенных «в другом месте» (143). Важно подчеркнуть, что наряду с рассмотрением специфики античных воззрений на число (к перечисленным примерам добавим уже упомянутый в «Очерках...» труд, посвященный математике Спевсиппа и Ксенократа – до нас он не дошел) у Лосева было намечено широкомасштабное исследование философских оснований современных математических теорий, и прежде всего учения Георга Кантора о множествах. Об этом свидетельствуют отсылки «на будущее» в таких работах, как «Античный космос и современная наука», «Философия имени», «Музыка как предмет логики». О замыслах принципиально диалектической разработки стандартного анализа (дифференциального и интегрального исчислений), теории комплексного переменного и других дисциплин сообщает нам частично опубликованное теперь эпистолярное

наследие Лосева 30-х годов³, ждут своего часа отдельные философско-математические рукописи из его архива. Так что вопрос об этой стороне лосевского творчества еще обещает разрешиться новыми интересными сюжетами. Кроме того, судьба дала Лосеву возможность развернуть обстоятельное изучение античной философии на страницах многотомной «Истории античной эстетики», где много места оказалось уделено исследованию феномена «всегдашнего античного напора на число»⁴. Без учета этого труда сегодняшнее чтение двух рассматриваемых нами работ будет попросту малопродуктивно. Поэтому и наше дальнейшее изложение во многом опирается как на материалы раннего «восьмикнижия», так и на отдельные результаты «аритмологических» исследований из «Истории античной эстетики».

2. Платонизм в обороне и в наступлении

Эти две книги близки уже по формальным приметам. Их объединяет однотипность названий, строгая жанровая очерченность, заявленная одинаковыми подзаголовками, относительно малый в сравнении с другими составными частями «восьмикнижия» объем, а также близость времени публикации и, видимо, написания. Однако с еще большей очевидностью эти тексты сочетаются в пространстве смысла, где они, если допускать математизированную семантику уподобления, представляют две комплексно сопряженные точки. Как известно, в арифметике комплексных чисел сопряженными называются числа, точно совпадающие по действительным своим частям и различающиеся только противоположными знаками при мнимых частях, а потому они образуют пару, симметричную относительно действительной оси. Ниже мы попробуем сделать этот образ более содержательным и конкретным.

Два памятника античной мысли, привлечшие пристальное внимание Лосева, суть два относительно самостоятельных фрагмента из корпуса трудов Аристотеля и Платона. Соответственно, это так называемые побочные, тринадцатая (*M*) и четырнадцатая (*N*) книги «Метафизики», завершающие это

сочинение, и трактат «О числах», который после классификации, выполненной Порфирием, является шестым в шестой же, заключительной группе «Эннеад» («Девяток» – в каждой группе по девять трактатов). Числа, фигурирующие в данном описании, сами по себе интересны своим несовпадением и даже, с точки зрения пифагорейцев, существенной противоположностью. В самом деле, трактат VI. 6 выступает под знаком «совершенных» чисел 6 и 9, – тут вспомним красноречивое признание Порфирия: «...я разделил пятьдесят четыре книги Плотина на шесть эннеад, радуясь совершенству числа шесть и тем более девятки» (*Жизнь Плотина*. 24, 11–13). Напротив, 13 и 14, числа заключительной части «Метафизики» по всем канонам «несовершенны», а число 13 еще и, как хорошо известно, «несчастливо». Даже если такое числовое противостояние случайно, оно вполне соответствует очевидной противоположности Аристотелева и Платонова сочинений по содержанию: как отмечает Лосев, в «Метафизике» против «принципного функционирования чисел в вещах» нашлась развернутая критическая аргументация, имеющая «убийственный для пифагорейства и платонизма вид» («Критика», 86), в трактате же «О числах», наоборот, отстаивается «ипостасийность» числа и доказывается, что «с отнятием умного числа соответствующая умная вещь потеряла бы свое осмысление и вообще перестала бы существовать» («Диалектика», 79).

Аристотель почти издевается над пифагорейством, Плотин поет славу Числу⁵. Но так нередко бывает среди единомышленников. Две античные точки зрения на самом деле сопряжены в общих границах платонической традиции, их различие обусловлено только выделением различных сторон единого феномена «очисленности» бытия. Разница между ними – продолжаем эксплуатировать образные возможности отношений комплексно сопряженных величин – лежит только в области мнения-доксы, представлена только «мнимой» составляющей. В «Критике» предметно отстаивается мысль о том, что нападки Аристотеля на «идеальные» числа вовсе не означают, что сам критик не признавал существования идей (97–98), а «убийственные» аргументы против платонизма на деле оборачиваются лишь укреплением последнего, потому-то «пифагорец и

платоник так и скажут Аристотелю: да, правильно!» (86). В заключительном томе «Истории античной эстетики» Лосев вновь использует эту мысль и подчеркивает, что «общая система соотношения разных слоев бытия у Платона и Аристотеля одна и та же» и что только «постоянная дистинктивно-дескриптивная склонность Аристотеля» заставляет его предпочтительнее относиться «к частностям и ко всему единичному в сравнении с общими категориями и особенно с предельно-общими»⁶. Эта склонность «настолько была у Аристотеля сильна, что пифагорейские числовые конструкции он прямо высмеивал как нечто наивное и фантастическое», в чем был, как уже сказано, излишне категоричен, но и прогресс (с точки зрения платонизма) у Стагирита, как отмечает Лосев, «все-таки был, поскольку Аристотель умел мастерски характеризовать то, что он называл потенциальной природой числа и что мы теперь могли бы назвать осмысливающей и оформляющей природой числа. Аристотеля интересует порождающая роль чисел, которая у Платона, конечно, мыслится на втором плане в сравнении с вечной, предельно обобщенной и потому неподвижной природой чисел»⁷.

Если теперь судить о взглядах Плотина, то для него, читаем у Лосева, «всякое число есть прежде всего субстанция, или, как он говорит, ипостась, а не просто только одно наше субъективное представление»⁸, и потому в трактате «О числах» весь критический пафос направлен именно против неипостасийных теорий числа, «наивно-эмпирических» и «субъективно-психологических» (29–36). Это, конечно, антиаристотелианская позиция, но она такова только относительно способа видения мира, только в сфере гносеологии. Внимательное же изучение самого трактата VI. 6, да еще вместе с разъяснениями к нему в «Диалектике», ясно показывает, что в онтологии-то Плотин и Аристотель значительно ближе друг к другу, потому как «потенциально-порождающая» функция чисел, явление которой нужно ставить в заслугу Аристотелю, вполне воспроизводится или, вернее, наново открывается в философии числа у Плотина. Здесь будет как нельзя кстати сжатая характеристика Платиновых построений, которую можно найти все в том же томе «Истории античной эстетики». В трактате Плотина, отмечает Лосев, «ярко фиксируется и

кристаллическая отдельность числа, и его континуальная текучесть, и его сущностный (а не практически-вещественный) характер, и, наконец, его чисто смысловая и в то же время творческая эманация, общность которой иерархически располагается, начиная от сверхинтеллектуальной полноты, проходя через интеллектуально построенную систему и космически-душевную самодвижность и кончая растворением и дохождением до нуля в чисто материальной области»⁹. Потенциальное бытие числа-абстракции Аристотеля смыкается со структурным, вовне изливающимся (эманативным) бытием числа Плотина. Этому не нужно удивляться, если помнить, что неоплатонизм (а Плотин – его ярчайший представитель) есть синтез платонизма и аристотелизма.

Собственную «комплексную сопряженность» имеют и две фундаментальные античные идеи – главные темы двух рассматриваемых лосевских книг. Плотин и Аристотель, гениальные преемники Платона, творчеством своим явили уникальный, кажется, пример столь глубокого развертывания прямо противоположных сторон одного и того же учения. Для характеристики этой ситуации полезно обратиться к универсальной схеме, которую Лосев активно использует в «Критике», а именно: «Диалектика вся ведь стоит на одновременном принятии положений, что A есть A и A не есть A » (44). Так вот, по Аристотелю, крайнему «формалисту», выходит, что всякое A есть только A и любое $не-A$ всегда остается только самим собой (*tertium non datur!*), и принцип этот оставляет свой неизгладимый отпечаток даже на стилистике его трактатов – отсюда раздробленность философских текстов Стагирита, потому в них столь ощутима, как хорошо замечено, нехватка «союзов и предлогов»¹⁰ и неизбежна, в свою очередь констатирует Лосев, «злостная краткость» выражения. Крайний же «диалектик» Плотин скорее эксплуатирует вторую часть «формулы» диалектики и, наметив некое A , склонен тотчас обнаруживать его как $не-A$, потому и философские категории у него, по определению Лосева, «все время находятся в каком-то подвижном состоянии, <...> в состоянии какой-то взаимной диффузии»¹¹. Вот пределы, вот два полюса, между которыми бьется собственная мысль переводчика и комментатора древних текстов, и

в этом духовном пространстве ему самому принадлежит особое место: он воспроизводит «формулу» диалектики во всей ее полноте и тем защищает платонизм от экстремистских выпадов известных платоников. Дополнив по живому рубящие констатации одного из них (A есть A) необходимыми диалектическими моментами (ибо одновременно это же A есть $не-A$) в «Критике», укротив ускользающие категориальные взаимопереходы у другого (где непрестанно A есть тотчас же $не-A$) строгими отграничениями и оформлениями (когда не обойтись без фиксации A как только A) в «Диалектике», он создает как бы единый текст, которому вполне можно было бы присвоить условное название «Защита платонизма у Лосева». Можно даже выстроить своеобразное уравнение: «Критика платонизма у Аристотеля» + «Диалектика числа у Плотина» = «Защита платонизма у Лосева».

Здесь наконец появляется возможность во всеоружии вернуться к тем двум числовым системам, о различии которых мы заговорили вначале. Теперь уже нетрудно предположить, что речь пойдет о действительной их, систем этих, сопряженности. Основанием для такого предположения является почти прямое соответствие современной (позитивистской) концепции числа и теории абстракции из «Метафизики» Аристотеля, с одной стороны, и связь представлений о «магических» (по Вейлю) числах с пифагорейско-платоновской традицией, окончательно оформленной у неоплатоников и в первую очередь Плотинем, с другой. В самом деле, господствующая ныне числовая система – ее сфера применения простирается от примитивного загибания пальцев на руке до выполнения миллионов операций в секунду на электронных вычислительных машинах, – совершенно по-аристотелевски бескачественна, основана на «голом» арифметическом счете монотонно следующих друг за дружкой единиц и потому может быть названа (воспользуемся терминологией известных нам глав «Метафизики») системой «абсолютно счислимых чисел». Вторая числовая система, во всяком случае в явно артикулированной форме, имеет более специфическую и даже маргинальную область хождения. В научной области она входит в арсенал современных исследователей архаического мышления и

мифологических представлений древности, которым приходится изучать некие «числовые комплексы»¹², в ряду которых стоят «дружественные числа» пифагорейцев, «знаменитое число» 7, «несчастливое» 13, «число зверя» 666 и т.д., сюда же относится упомянутая «очисленность» идеального, по Платону, государства – 5040 и пр. Данный числовой ряд не содержит однородных «единиц», потому всякое его «число» качественно отличается от другого и ни с каким прочим «числом» не может быть «сложено», потому, согласно классификации той же «Метафизики», подобная система должна быть отнесена к «абсолютно несчислимым числам». Две системы, «научная» и «магическая», «современная» и «архаическая» максимально удалены по сферам применения и обычно не воспринимаются как нечто единое. Аристотель вполне бы мог заявить, что обнаружить подобное соединение так же невозможно, как, читаем в «Поэтике», увидеть «коня, вскинувшего сразу обе правые ноги» (1460 b 18). А вот платонизм вздымает вселенского коня, не убоясь противоречий. После защиты платонизма, блестяще осуществленной Лосевым, нет нужды излагать, каким образом совмещаются «чувственное бытие» и «математические предметы», как тесно сосуществуют «арифметические» и «идеальные» числа и почему при этом необходима диалектика, которая «обязана быть системой закономерной и необходимо выводимых антиномий... и синтетических сопряжений антиномических конструкций смысла»¹³.

3. Другая математика

«Жар холодных чисел» (А. Блок) всегда в той или иной мере ощущался представителями так называемой гуманитарной культуры, о чем свидетельствуют хотя бы бесчисленные литературо- и искусствоведческие исследования тайных и явных структурных предпочтений в тех или иных художественных произведениях. В современной же философии математики – как процесс уже в точных науках, встречный первому, – начинают вспоминать «число в платоновско-пифагорейском опыте» и осознавать необходимость сопротивления «отчуждению

числа от собственной сущности и извечной *содержательности*¹⁴. Это достаточно неожиданное обращение к неоплатонизму становится возможным благодаря наличной сохранности последнего в запасниках духовности, и потому-то неопенима выполненная Лосевым работа по возвращению античных учений о числе «впервые на память современности» («Диалектика», 10).

Какие же «числа» и какая «арифметика» возвращаются к нам? Для ответа на этот вопрос можно вспомнить, например, лосевское (в «Диалектике») резюме трактата Плотина «О числах», сжатое и отработанное в рамках вполне современной терминологии. Можно вместе с Лосевым обратиться и к такому весьма важному для пониманию античного учения о числах трактату, как «Теологумены арифметики» Ямвлиха (или автора его школы). Проходя вслед за автором «Теологумен» ряд от единицы до десятиерицы, Лосев максимально придерживается в своем комментарии языка, так сказать, оригинала и обнаруживает в данном трактате исконно античную линию диалектического конструирования мироздания – от хаоса к космосу. Единица, пишет он, «все свертывает в себе <...>, все стягивает в одну нераздельную точку», а двоица представляет уже «принцип развертывания..., вечного выхода из себя за свои пределы, вечного стремления и дерзания», но это еще не есть структура, но лишь «принцип внутреннего заполнения и внутреннего становления внутри любой... структуры». Далее, «если ни единица, ни двоица не говорили ни о какой форме, ни о какой структуре, то троица является символом именно этой первой структуры, где есть не только неделимость единицы и делимость двоицы, но и их оформление в цельную фигуру. А дальше – четверица есть то, что является носителем структуры, то есть телом, которое в пятиерице трактуется как живое тело, а в шестерице – как организм. Уже на стадии шестерицы мысль наталкивается на то, что обычно называется космосом, поскольку космос есть органически живое тело, душевно-телесная структура. <...> В седмиерице космос обогащается наличием в нем повсеместной и одинаково ритмической благоустроенности, которая на стадии восьмиерицы доходит до космического пангармонизма, а на стадии девятиерицы – до активно

устроимой сферичности космоса». Наконец, «после всех этих внутренних и внешних определений космоса ставится вопрос о том, что такое космос вообще. И как только мы сказали, что космос именно есть космос, это означало, что от космоса самого по себе мы перешли к идее космоса, то есть к его парадигме, в силу которой он и получил свое полное тождество заложенного внутри него первообраза и материальной телесности космоса»¹⁵.

Можно припомнить и другие образцы лосевского прочтения античных числовых комплексов. Такова, например, философская расшифровка числовых операций демиурга в космогонии «Тимея» (ее мы находим на страницах «Античного космоса и современной науки»). Лосев рассматривает здесь уже много более изощренную числовую конструкцию, по сравнению с равномерно нарастающим рядом «Теологумен», а именно два лямбдообразно расположенные (ветвящиеся) числовые ряда, исходящие из «единицы» и выражающие космос в виде вложенных друг в друга сфер. Во втором томе «Истории античной эстетики» много места отведено разгадкам тайн других «числовых фантазий» Платона, среди которых и уже несколько примелькавшееся здесь «урбанистическое» число 5040, и неожиданная 729-кратная «разница удовольствий» правителей, и так называемые «брачные» числа. Назовем для полноты картины также лосевский разбор иерархии «богов-чисел» у Прокла, начатый еще в «Диалектике» и завершенный в седьмом томе «Истории античной эстетики». В целом получается обширный и благодатный материал для позитивного рассмотрения античной философии числа в свете наших дней. Бинокулярное, стереоскопическое умо-зрение Лосева ярко проявляется на этих материалах, как проявляется оно во всем его творчестве, успешно показывающем, «способен ли занимающийся древней философией проникать во внутренние изгибы античной мысли и переводить их, вопреки всем трудностям языка и сложности логических конструкций мысли, на язык современного философского сознания» («Диалектика», 50).

Наша ближайшая задача состоит теперь в том, чтобы в суммарной (и почти тезисной) форме изложить некоторые результаты лосевского «перевода» этой античной «математики»,

не похожей на современную, существенно другой по отношению к ней и одновременно обнаруживающей (конечно, в зародыше, в потенции) много родного и общего. Сопоставлять с античным «числом» и с греческой «аритмологией» придется отнюдь не школьную таблицу умножения или вводные положения современной теории чисел, а сразу целые разделы так называемых точных наук конца XX века, целые направления развития современной мысли. Такова высокая плотность духовного заряда в той культурной сингулярности, в том «Большом Взрыве», каковым выступает античность в начальной точке пути нашей цивилизации.

Структурность античного числа. «Всегдашний античный напор на число» сводится прежде всего к особенности мироощущения античного грека, готового неустанно обнаруживать в наблюдаемом и мыслимом своем окружении отчетливейшие, оптически данные (вплоть до скульптурной выпуклости) структуры. Недаром Лосев пишет о неистребимой пифагорейско-платоновской традиции, даже о потребности всей античной философии «мыслить всю действительность исключительно только структурно», а потому и призывает возникающую здесь «арифметику» считать именно *структурологией* – в самом точном и современном смысле этого слова¹⁶. Присовокупим к сказанному недавние наблюдения в рамках «генетической эпистемологии» (психологическая школа Ж. Пиаже), согласно которым усвоение понятия числа возникает у детей сначала (в возрасте между 4 и 7 годами) в результате логических операций группировки и упорядочения объектов, т.е. через структурирование, а только потом (к 7–8 годам) проявляются навыки привычного счета посредством представления об « $n + 1$ ». Если могут быть интересны параллели, то параллель между детством человека и античностью, «детством человечества» в указанном контексте является самой поучительной.

Регулятивно-управляющая функция античного числа. Число пронизывает весь мир, как неживой, так и живой, включая человека и человеческое сообщество. Под фантастической подчас внешностью античной «математизации» бытия скрывается серьезная потребность точного охвата действительности во всех ее проявлениях, и не в последнюю очередь – с видом на

оптимизацию практической деятельности. Античное число «понимается как модель-регулятор всего бытия», заключает Лосев по поводу «числовой мистики» Платона и всерьез предлагает находить у античного мыслителя приемы и методы *кибернетики* или даже «считать Платона безусловно отцом или прародителем»¹⁷ этой науки. Остается разве что, к случаю, напомнить много говорящие названия революционных книг Норберта Винера – «Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине» и «Кибернетика и общество», – да еще подчеркнуть, что Винер и не скрывал, что свою «теорию управления и связи в машинах и живых организмах» он возводил к термину «кибернетика», каковым именно Платон называл искусство управлять кораблем.

Иерархично-порождающая функция античного числа. Греческая мысль не пассивна и созерцательна, но активна и объясняющая. Она не просто замечает структуры мира, но и видит их многоярусность, выводя ее, исходя из самых первых оснований – посредством диалектики одного и иного, предела и беспредельного, сущего и меона, целого и части. Число, как пишет современный знаток этого метода, «очерчивает определенные границы в первоедином, как бы набрасывая на его сплошную и неразличимую массу смысловую сетку и соотносящие координаты» («Диалектика», 65), число это строится не механическим наращиванием однородных единиц, но расчленением и саморазделением органического единства. Число, если оно составлено механической суммой, беспмятно и мертво, число органического единства хранит изначальную жизнь – это открытие античного гения в новых условиях и на ином понятийном языке воскресает в основе современного *системного подхода* (или системных исследований). Впрочем, если основной системный постулат ныне требует, чтобы целое было превыше своих частей, то любой древний грек точно знал и нечто еще, твердя поговорку: «Больше бывает, чем всё, половина» (*Гесиод. Труды и дни, ст. 40*).

Актуальная бесконечность античного числа. Можно сколько угодно увеличивать или уменьшать числа в их меонально-низшем определении, т.е. оперируя с количествами¹⁸. В замкнутости же и совершенстве смысловых структур все эти

числа, «если их брать самих по себе, не увеличиваемы и не уменьшаемы», ибо как, спрашивается в «Диалектике», на самом деле «можно увеличить или уменьшить тройку?» (86). Для всякого числа «быть ограниченным значит быть самой собой, не растекаться в чувственной беспредельности и быть беспредельно-сущим, бесконечно-мощным в проявлении себя как определенного смысла» (88) – так читаем мы там же вслед за Платином и Лосевым и должны теперь вспомнить об актуальных бесконечностях в *теории множеств*. Создатель ее Георг Кантор мечтал применить свои результаты о «точечных множествах» и «порядковых типах многократно упорядоченных множеств» для естественного описания структур как неживых, так и живых объектов и даже «для получения безупречного *объяснения природы*»¹⁹. Несомненно, ему прибавило бы мужества знакомство с философией Прокла, и в особенности с его представлениями о «мировых чинах» вездесущих «богов-чисел», охватывающих всё существующее (как же, «всё полно богов!») своими числовыми оформлениями – настоящими актуальными бесконечностями разнообразных типов (см.: «Диалектика», 127, 140–143).

Универсальность античного числа. Справедливость античной аксиомы «всё есть Число» усилиями Лосева доказывается самым наглядным и оригинальным образом: сначала на основании трактата VI. 6 строится формула числа – «единичность, данная как подвижный покой самотождественного различия» (сократим для дальнейшего – е п п с р), а затем посредством этой пятерки базовых категорий выводится невероятное количество производных конструкций «космологического» характера, причем каждая новая категория, «порожденная числом», по сути дела получена посредством применения специфических *операторов* над е п п с р. Для примера возьмем оператор «рассматриваемая(ое), как», который можно предварительно и приблизительно назвать оператором «интенсификации» и условно изобразить посредством замены соответствующей строчной буквы на прописную. Тогда начальная стадия конструирования «категориально-идеальной сущности» античного космоса описывается следующим образом: число как

потенция = е п п с р; число как эйдос = Е п п с р; множество = е П П с р; топос = е п п С Р²⁰. Расширив номенклатуру операторов, нетрудно изобразить все «категориальное конструирование» из лосевского «восьмикнижия» в сжатой форме, поразительно напоминающей построения *квантовой механики* (последняя широко применяет именно язык операторов и представляет свои объекты посредством суперпозиции квантовых состояний). Доставляет глубокое интеллектуальное наслаждение осознание того факта, что Лосев неустанно комбинировал свои «подвижные покои» и «самотождественные различия» как раз в те годы, когда происходило становление упомянутой науки XX века и создавался ее математический аппарат. Заметим еще, что широкое применение языка операторов для описания явлений уже не микро-, а макромира только недавно вошло, например, в статистическую физику (И. Пригожин).

Наконец, синтетически обнимает все перечисленные позиции *жизненно-эстетическая функция* античного числа. Число пронизывает Вселенную, творит ее Красоту и несет Благо. С числом и через число пролегает Дорога Домой, ибо число, по Плотину, «есть начало, *ближайшее* к первоединому», оно – «чуть-чуть не само Единое», а по Проклу, содержится даже «в недрах» его (см. «*Диалектика*», 75, 108, 116–117). И если современный ученый еще только взывает математики с человеческим лицом²¹ в согласии с общей тенденцией *гуманитаризации знаний*, на челе античной математики, выходит, с давних (еще языческих) пор отобразился лик Божий.

4. Возвращение наглядности

Итак, в античных взглядах на число, как это теперь явственно прочитывается во многом благодаря усилиям Лосева, содержатся предвосхищения многих значительных достижений или тенденций современной науки и, шире, культуры. Потенциальную мощь этого источника духовности понимали и понимают еще немногие, и среди них – Освальд Шпенглер, например. Недаром в главе-зачине его книги «Закат Европы», знаменательно названной «О смысле чисел», диагноз состоянию современной

европейской цивилизации ставится, исходя именно из самочувствия современной математики, из понимания мира чисел. И назван основной симптом болезни современности – «опьянение абстрактными формами» – с тем чтобы подчеркнуть отличие от здорового доверия зрению и осязанию у античных математиков, так не хватающего ныне.

Обращение к интуициям античности, в том числе к античной числовой интуиции, может оказаться если не спасательным, то по крайней мере обнадеживающим для современного жизнечувствия. Так после малополезных ухищрений с дорогими антибиотиками вдруг поможет, бывает, настойка из травы, произрастающей возле дома или в придорожной канаве. Для античной математики характерно как раз – наивное ли только? – свойство простоты и пластической наглядности. (Примером античной конкретности мы и закончим.) Предельно ясным воплощением этого свойства могут служить «числа» Еврита, о них упоминает Аристотель и напоминает Лосев в своей «Критике» (163). Сохранилось предание, что упомянутый пифагореец задавался вопросом, какое число исконно присуще какой вещи, и устанавливал «однозначное» соответствие (чем-то странно похоже на метод Кантора по установлению эквивалентности множеств) путем раскладывания камешков по контуру изображения интересующей его вещи, а камешки эти сосчитывались. Теплая оглаженная и нагретая солнцем Эллады материя на ладони Еврита – вот античная феноменология, феноменология «бесконечно более отчетливая» и менее грубая, чем абстракция Аристотеля, – мы снова обратились к тексту «Критики» (86). Конечно, у современной математики нельзя отнять все те достижения «чистой» мысли, что в обычном смысле не представимы наглядно, что созерцаемы только «умственными» очами. Но где-то в самых первородных основаниях ее гнездится, к счастью, неистребимая потребность положить свое творение на ладонь, и тогда... тогда даже сам Хаос может предстать в законченном и вполне обозримом виде, как это случилось, например, после недавней «визуализации» геометрии дробных (верх абстракции!) размерностей – геометрии так называемых фракталов, специально придуманных для характеристики изломанного, иррегулярного мира нестацио-

нарных явлений. Диковинным изображением фрактального объекта на экране дисплея современного компьютера возвращаются к нам камешки Еврита. Так сопрягаются новоевропейская отвлеченность и античная наглядность.

3.2. Кантор plus Лосев

(о неединственности натурального ряда чисел)

Известный факт, что число (в широком смысле) занимало фундаментальное место в мировоззрении А.Ф. Лосева, вполне объясняет тот стойкий интерес, с которым он относился к творчеству Георга Кантора, создателя математической теории множеств и реформатора оснований самой математики. Искреннее восхищение достижениями последнего мы можем найти в самых поздних высказываниях Лосева, в пору, когда сам он уже оставил активную деятельность на поприще методологии математики во исполнение долга перед историей античной философии, в пору, когда сама теория множеств предстает классически ясным антиком среди величайших достижений мысли. Поиному отмечены первые десятилетия нашего века, когда Лосев только еще подступал к диалектическому пониманию «очисленности» бытия, а русская культурная общественность начала осваивать новомодные идеи из области точных наук, и в первую очередь из теории относительности А. Эйнштейна и теории упомянутого немецкого математика¹. Революция 1917 года перечеркнула затем многие начинания, но она же прихотливым образом пощадила это интеллектуальное поветрие и даже особым образом совместила его с новой социальной базой. Наверное, потому среди первых (около 1921 года) литературных опытов Андрея Платонова мы находим «популярные» разъяснения о пролетарской сути движения со скоростью света и энергичное обещание скоро («в один из близких дней») поведать столь же актуальную оценку... да, именно учения Кантора². Несколько лет спустя и вдалеке от воронежского паровозного депо, а именно в Москве и усилиями 30-летнего Алексея Лосева

готовился коллективный сборник философских исследований «на темы математические, астрономические и механические». Здесь планировалась публикация, среди прочего, статьи Валериана Муравьева «об ипостасийном построении учения о множествах» и работы самого составителя о математических учениях Плотина и Ямвлиха³. Увы, «философский пароход» 1922 года уже отошел тогда от берегов России, затея «свободного от социологии» обсуждения проблем числа была обречена на провал, а потенциальных авторов сборника дожидалась «трудовая перековка» в сталинской лагерной кузнице. Сейчас остается лишь печалиться по этой невоплотившейся мечте соединения под одной обложкой теорий числа, отделенных временным зиянием в две, без малого, тысячи лет. Можно и порадоваться, что жизнь не всегда обделяла Лосева единомышленниками. К упомянутому В.Н. Муравьеву – ему грезилось торжество «всеобщей производительной математики», с каковым «законы множества станут, вообще, законами природы»⁴, – следует обязательно добавить имя П.А. Флоренского. Он также планировался участником в предприятии 1924 года. С канторовской теорией множеств, с ее судьбой на отечественной почве П.А. Флоренский связан уже тем, что ему принадлежало первое на русском языке изложение новых математических идей для широкой публики (имеется в виду статья «О символах бесконечности» в журнале «Новый путь» за 1904 год). И для него, как и для двух других интерпретаторов, был характерен высокий, если не пифагорейский, то уж точно – платонический градус интеллектуальной напряженности взгляда на теорию множеств.

Да, именно таким будет суммарный вывод, если его делать по совокупности многочисленных упоминаний Кантора и его научных результатов в работах «раннего» Лосева: в теории множеств приветствуется прочтение числа глазами Платона. Утверждение это верно уже по букве, ибо для своего учения о трансфинитах Кантор применял как синоним обозначение «теория идеальных чисел» и напрямую определял «множество» как «нечто, родственное платоновскому $\epsilon\acute{\iota}\delta\omicron\varsigma$ и $\acute{\iota}\delta\epsilon\acute{\alpha}$ ». Верно оно и по духу, коли математические достижения Кантора оказываются глубже его историко-философских сопоставлений. Так, совершенно ошибочно ставя на одну доску (по взглядам на

число) Платона и Аристотеля, сам он противопоставлял число, отнесенное, «согласно его истинному происхождению», к множеству как единосвязному целому, с числом как простым знаком «для единичных вещей, отсчитываемых при субъективном процессе счета»⁵, и в противопоставлении этом явно отвергал аристотелевскую теорию абстракции в пользу «ипостасийности» (по Платону) числа. Другой пример: не ведая о глубочайше проработанной символично-числовой диалектике у античных неоплатоников, Кантор своими набросками теории «порядковых типов», похоже, дал некий формальный аналог для мифологических иерархий («чинов») актуально бесконечных богов-чисел в смысле Прокла. Разумеется, такое (задним числом – поздним умом) сопряжение канторовского и платонического подходов к «аритмологии» мы теперь без особой опаски можем делать только после мощного посредничества Лосева.

Как нам представляется, платонизм теории множеств, вместе с необходимыми неоплатоническими модификациями, допустимо обрисовывать по следующим пересекающимся и зависимым направлениям: ипостасийный характер числа как универсальной характеристики упорядоченности произвольного множества; реальность актуальной (завершенной) бесконечности в противовес бесконечности потенциальной (незавершенной или, вернее, незавершаемой); иерархичность актуальных бесконечностей различных типов; диалектическое прочтение отношений «элемента» и «системы», «части» и «целого». Соответствующие темы так или иначе намечены или развиты в ряде лосевских работ 1920-х годов, особо же выделяются здесь «Античный космос и современная наука», «Музыка как предмет логики», «Философия имени». Есть также данные, что в архиве Лосева среди бумаг 1930–40-х годов прослеживается дальнейшая разработка тем «диалектики математики». Впредь до момента, когда подводная часть лосевского айсберга станет обозримой благодаря подвигам отечественного книгопечатания, было бы наивно претендовать на полную обрисовку (и уж тем более полное развертывание) намеченных здесь сюжетов. Поэтому мы остановимся далее на некоторой детализации только одной темы – темы актуально бесконечного.

Начать лучше с картинки. Вполне законченный и скорее отталкивающий – а потому и отправляющий к идеям Кантора – образ потенциальной бесконечности дан в 17-м эпизоде «Улисса» Д. Джойса, где читатель вместе с Леопольдом Блумом размышляет о «существовании числа, вычисленного с относительной степенью точности до такой величины и со столькими знаками <...> что, по получении результата, потребовалось бы 33 тома мелкой печати, по 1000 страниц в каждом, несметное множество дестей и стоп индийской бумаги, чтобы там поместилась вся эта сага цифр <...>, причем ядро туманности каждого знака в каждом ряду таит потенциальную возможность возведения в любую степень любой из его степеней, до наивысшего кинетического развития»⁶. Кантор выступил против этого, даже в карикатурном виде подавляюще-внушительного «наивысшего кинетического развития», по собственному признанию, почти вопреки своим убеждениям и вместе с тем сознательно порывая с господствующей догмой. Фактически в одиночку он не просто ввел «сверхконечное» в математику, но и свершил значительный поступок во имя исторической истины. Своим, если так можно выразиться, независимым экспериментом он подтвердил основательность старинного течения мысли – неоплатонической диалектики числа, для которой понятие актуальной бесконечности носило фундаментальный характер. Конечно же, мимо столь примечательной фигуры Лосев пройти не мог: «случай Кантора» буквально добавлял еще одну важную главу в «Античном космосе и современной науке».

Сделаем одно уточнение, которое позволит уяснить, в чем именно Лосев был солидарен с Кантором и в каком отношении продвинулся дальше⁷ него. Дело в том, что создатель теории множеств утверждал в науке только один сорт актуальной бесконечности, а именно «актуально бесконечное большое» – то, что следует за всеми сколь угодно большими конечными числами, то, что трансфинитно, сверхконечно при движении в сторону нарастания абсолютной величины числа. Мы же будем далее иметь в виду весь (условно-гипотетический) спектр актуально бесконечных, а именно «актуально бесконечное большое», «актуально бесконечное малое» и «актуально бесконечное

среднее» (если не допускать в последнем случае оксюморон «актуально бесконечное конечное»; впрочем, блоковский «жар холодных числ» – той же природы). Первому элементу из данного списка, как было сказано, Кантор отдал предпочтение⁸. Он же неоднократно высказывался и относительно «актуально бесконечного малого»⁹, поначалу осторожно, но всегда в отрицательном смысле. Причина этого неприятия носила, возможно, больше психологический характер: ум исследователя, целиком потрясенный на борьбу за отстаивание «своей» актуальной бесконечности, просто не умещал другую не менее увесистую ношу. Во всяком случае, известный канторов набросок¹⁰ доказательства несуществования «актуально бесконечного малого» строился именно на идее несовместимости в числовой области двух типов бесконечности. Многие «не поверили» Кантору, и одним из таковых оказался как раз Флоренский, толковавший на страницах своих «Мнимостей в геометрии» о физическом смысле «актуально бесконечно-малой» толщины обычной геометрической плоскости¹¹. В 1960–70-х годах математики, кажется, окончательно освоили эту окраину спектра актуальной бесконечности, создав так называемый нестандартный, или неархимедов анализ. В нем на основе признания «актуально-малого» возникла целая вселенная числовых объектов со своими бесконечно удаленными друг от друга «мирами» и «галактиками» (приведены термины, наполненные строгим математическим смыслом¹²). Кстати, глядя на эту новую «арифметическую вселенную», с невольным восхищением и по-новому обнаруживаешь те самые джойсовские «ядра туманности каждого знака». Напомним, что Леопольд Блум припоминал свои экскурсии в математику, озирая бездонное звездное небо. Сколь же прихотливо, надо признать, современная культура сплетена с «Улиссом»!

Переходим к «актуально бесконечному среднему». О нем молчат не только современная математика и философия математики, молчит не только Кантор, этот тип бесконечности не существует для позитивистской¹³ мысли в целом. Совсем не таково отношение к актуальной бесконечности в традиции Платона, Плотина и Прокла. И, надо добавить, Лосева. Мы избавлены здесь от необходимости цитировать античных авторов, ибо лосевская точка зрения, что называется, представительна.

А сводится она категорически к одному: актуально бесконечна любая (любая: «большая», «средняя», «малая») категория, с которой имеет дело человеческая мысль. Тогда излюбленные для Лосева примеры «на пальцах», в которых фигурируют самые обыкновенные числа натурального ряда и простейшие геометрические точки, отправляют нас как бы к эпицентру умопостигаемого бытия – и здесь смыкаются все масштабы. Всякая, читаем, «единица является не чем иным, как бесконечностью», и «всякая точка возможна только в том случае, когда она мыслится на общем и уже внеточечном фоне <...>, она немыслима вне бесконечности», и вообще, категоричен Лосев, само «мышление, устанавливающее хотя бы два каких-нибудь различных момента (а без процесса различения мышление вообще невозможно), осуществимо лишь как непрерывное пользование принципом бесконечности»¹⁴. Об актуальной бесконечности, данной «средствами *конечного, земного, чувственного, телесного*», Лосев размышлял в «Очерках античного символизма и мифологии», когда занимался поисками оснований античного миропонимания. Актуальная бесконечность диалектически необходима для любой категории, поначалу мыслимой без перехода в свое инобытие и обретающей с переходом упорядоченную (конечную) структуру – утверждал Лосев много лет спустя уже на страницах «Истории античной эстетики»¹⁵. Остается разве что добавить еще толику личных интонаций из автобиографических заметок, датированных 1981 годом: «Бесконечность и сейчас представляется мне какой-то золотистой далью, может быть, слегка зеленоватой и слегка звенящей»¹⁶, – и на этом придется с сожалением остановиться. Столь широкое и столь, одновременно, земное понимание актуальной бесконечности заметно проявилось в научном творчестве Лосева, сказавшись, например, на его исследованиях специфики мифологического мышления, напрямую войдя в дефиниции символа и определив особую тональность многих его языковедческих исследований. Сказалось такое понимание и на лосевском отношении к числовой проблематике. Некоторыми лосевскими формулировками мы теперь и воспользуемся, заговаривая о странной (пока) «неединственности» натурального ряда чисел.

Обратимся с этой целью к давней работе Лосева «Критика платонизма у Аристотеля», а через ее посредничество – к двум заключительным книгам «Метафизики». Здесь актуальная бесконечность рассматривается сквозь призму отношений идеального и чувственного, а классическая проблема «предела» и «беспредельного» специфицируется вопросом о соотношении «идеи» и «числа» или, точнее, о соотношении «идеальных» чисел и чисел «арифметических», о возможности либо невозможности их совместного полагания. Главный упрек Платоновой философии со стороны Аристотеля хорошо известен – это упрек в противоречии. Аристотель утверждает: «следует, по-видимому, считать невозможным, чтобы отдельно друг от друга существовали сущность и то, сущность чего она есть; как могут поэтому идеи, если они сущности вещей, существовать отдельно от них?» (*Met. 1079 b 35–1080 a 1*). Отвечая за Платона, Лосев находит данное противоречие, неразрешимое для формалистики Аристотеля, вполне диалектически снимаемым так, что «идеальное» число одновременно и присутствует в «арифметическом» числе, и существует вне его самостоятельно¹⁷. Как нам представляется, проводимое антиномико-синтетическое единение «числа» и «идеи числа» удобно описать с использованием особого признака, введенного еще Аристотелем. Признак этот – «счислимость» или «счетность», здесь это синонимы. У Лосева для него находится развернутое пояснение, важное и для наших целей: «Если мы попытаемся схватить самое общее отличие числа от идеи, то это будет та его особенность, что оно есть некая *счетность*, т.е. что *в нем есть некая последовательность ряда мысленных или иных полаганий*. Идея и есть идея; она – абсолютно единична, и в ней мы не мыслим обязательно перехода от предыдущего к последующему. Число же есть именно такая последовательность и такой переход». Говоря же об «идеальных» числах, замечает Лосев, «мы тут выставляем такие числа, в которые входит некое *идейное* содержание, т.е. некая уже несчислимость, неспособность к счету, *некая сплошная качественность, которая невыразима никакими количественными переходами и рядами*»¹⁸. С учетом этого разъяснения (оно вполне «тянет» на строгую дефиницию)

намеченную выше диалектическую конструкцию можно охарактеризовать так: всякое «арифметическое» (т.е. счислимое) число обязательно несчислимо, всякое «идеальное» (т.е. несчислимое) число обязательно счислимо. Подчеркнем, что речь идет о любом числе, т.е. прежде всего о числе обиходном, привычном, конечном.

В указанном смысле понимаемая «несчислимая счислимость» (или «счислимая несчислимость») – это и есть «актуально бесконечное среднее», представшее перед нами в своей числовой ипостаси. Натуральный ряд «несчислимых» чисел существенно отличается от привычного ряда с тем же названием, ибо каждый его элемент существенно индивидуален, т.е. относительно своих соседей по ряду он выделен не простым наращиванием нейтрального «количества», но отличен в аспекте «индивидуальной смысловой качественности»¹⁹. Ряд из индивидуально-осмысленных чисел, конечно, не чужд арифметике, ибо в нем определено сохраняется «счислимость», однако ряд этот, по меньшей мере, избыточен по отношению к стандартным процедурам счета, каковые изначально истребляют всякую индивидуальность (скажем, число 4 здесь, полученное при сложении четырех единиц, ничем не отличается от результата сакраментальной операции умножения «дважды два», как и от исхода деления числа 8 пополам). Вместе с тем модифицированный натуральный ряд заставляет вспомнить, что число не всегда представлялось безликой абстракцией, что числам (их внутренней, т.е. подлинной жизни) посвящались восторженные трактаты мистического, натурфилософского или просто даже художественного характера. Такой ряд чисел скорее соответствует так называемым «негомогенным» числовым комплексам архаических культур²⁰ и некоторым современным (архаизирующим) попыткам семантизации чисел в мифопоэтических построениях литературы и искусства.

Впрочем, кажущееся движение вспять на поверку может обернуться новым продвижением вперед. Прежде чем попытаться наметить и показать такую возможность на базе вводимого здесь представления о неединственности натурального ряда чисел, сделаем одно важное уточнение терминологического

характера. Интересующее нас греческое выражение – берем для образца строчку *Met. 1080 a 19*, где буквально значится «единица не сложима» (ἀσύμβλητος), – Лосев предпочел передать как «не счислима», тогда как в известном переводе А.В. Кубицкого здесь употреблен оборот «не сопоставима»²¹. Первый из указанных (первый и хронологически) перевод несомненно ближе к «букве» первоисточника и, что еще важнее, органичен в пределах «арифметических» глав «Метафизики». Однако, если извлекать «несчислимость» из античного трактата для употребления в более широком, уже неантичном контексте, то мы испытываем трудность, неизбежно наталкиваясь на термин «несчетность». Последний занимает практически ту же область языкового пространства в обыденном, массовом словоупотреблении, но по точному (примерно столетней традицией закрепленному в сфере теории множеств) смыслу характеризует специфическое свойство числовых объектов, относимых к области «актуально бесконечно большого». Намечающейся здесь вредной омонимии можно избежать на пути худшего, с позиции классической филологии, перевода А.В. Кубицкого («несопоставимость»), в котором сохраняется содержание, необходимое для обрисовки «идей», но уже ликвидированы приметы прямого счета. От себя мы только доведем недлинную цепочку переводческих толерантностей до термина «несводимость»²², тем самым приняв достаточно ясное уточнение, по которому индивидуально-семантизированные числа вполне можно «сопоставлять», но недопустимо «сводить» их друг к другу, дабы не посягать на вышеозначенную индивидуальность.

Нам осталось показать, что любое конечное число натурального ряда в принципе можно представить несводимым (имеющим индивидуальные приметы) и одновременно счислимым (получаемым в результате обычных операций арифметического характера). Иными словами, нужно показать возможность «надстройки» над обычным, т.е. в традиции уникальным натуральным рядом, еще одного ряда его своеобразных «копий», причем как только появляется второй «этаж», становится понятным механизм роста сколь угодно ввысь всего числового (миро)здания. Первый метод такого арифметико-

семантизирующего представления позволяет снабжать каждое число некой уникальной «биографией». Для этого подходит прием кодирования, в свое время (начиная с 1931 года) примененный Куртом Гёделем для формализации метаматематических (по Гильберту) высказываний. Вслед за Гёделем всякому числу, а также всякой операции с ним и всякому высказыванию о нем (и об операциях) можно приписывать определенный, однозначно фиксируемый по известным правилам²³ «номер», т.е. всякий раз получать некое новое число. В такой системе кодирования запечатлевается, тем самым, сама история вычислений и появляется возможность различения одних и тех же (в традиции) чисел, полученных разными путями. К примеру, имеют разные гёделевские номера выражения « $4 = 8 : 2$ » и « $4 = 3 + 1$ ». Число, снабженное такой «биографией», следует теперь рассматривать несводимым, но оно же остается счислимым, ибо к его гёделевскому номеру всегда можно применить обратные операции²⁴, удаляющие «биографию» числа, и восстановить число в первоначальном облике.

Другой метод представления числовой информации «по технике» намеренно выбран далеким от первого. Здесь заимствуется идея из оптики когерентных источников света (голографии), а именно особенность сохранения полного изображения на фактически любом – с известными ограничениями на размер – малом участке голограммы. Поскольку, далее, за любым из наперед заданных таковых участков можно закрепить некий числовой объект (техника оптоэлектроники это в принципе позволяет), то физические особенности полученного носителя числовых отношений дадут новую арифметику: как на содержании выделенного фрагмента отражается целостность голограммы, так на изображении числа скажется все околочисловое окружение. Если в первом, гёделевском, методе число получает, можно сказать, «личную биографию», то голографический метод, своеобразно реализуя принцип единства элементов и целого, снабжает каждое число «биографией рода» с некоторой, впрочем, «паспортной» индивидуализацией.

Конечно, предложенные примеры – не более чем предварительная иллюстрация, да еще, видимо, и выполненная раз-

мытой акварелью. Здесь дается даже не модель, здесь только намечена возможность моделирования свойств чисел в их забытом платоническом понимании – неуклюжего моделирования на базе известных вычислительных устройств, для которых естественно как раз счислимо аристотелевское число. Рассуждая от обратного, остается предположить, что гипотетическая вычислительная техника, построенная на арифметике «несводимых» чисел, должна стать органичной, в свою очередь, для задач, каковые неуклюже и приблизительно реализуются на нынешних ЭВМ. К ним рискуем отнести проблемы контекста и неявного знания, ассоциативного поиска и вообще, похоже, большинство сложных проблем из области так называемого искусственного интеллекта. Если и не санкцию на будущее деяние, то некоторое оправдание подобных надежд несет лосевская философия числа и лосевское оптимистическое утверждение: «Натуральный ряд чисел есть неопровержимое доказательство творческого характера мышления»²⁵.

3.3. Информация и чудо

Из всего объема большой и поучительной задачи, – сопоставить результаты «феноменолого-диалектической чистки понятий»¹, предпринятой А.Ф. Лосевым в первой трети XX века, с категориальным аппаратом современной науки, – мы прием здесь к рассмотрению только один частный вопрос о понятии информации или, точнее, о кажущемся отсутствии оно-го в диалектической системе категорий «раннего» Лосева. Сразу, правда, напрашивается поверхностное объяснение. Оно снимает вопрос, едва его коснувшись: в 1920-х годах термин «информация» еще слабо фиксировался на периферии узко-профессионального словоупотребления и вовсе не занимал места в списке основных научных категорий.

Однако столь простая и малообязывающая констатация слишком непродуктивна, особенно если принять во внимание следующие соображения. Действительно, если ныне статус

интересующего нас понятия столь высок, что оно не только входит в избранный круг общенаучных понятий, но и вообще знаменует собой рубеж смены целых цивилизаций от эпохи переработки энергии к эпохе переработки информации, то было бы странно не обнаружить его присутствие либо хотя бы даже соответствующий намек в достаточно масштабных философских системах, если они рождены, разумеется, недалеко от того порубежья. Далее, как раз диалектические конструкции в книгах Лосева 1920-х годов были призваны дать единую и логически полную дедукцию фундаментальных понятий или, выражаясь на авторский манер, обнажить «логические скрепы бытия». Потому современный исследователь оказывается перед дилеммой: или приходится заключать, что «расчленяющие глаза»² Лосева просто не заметили одной из важнейших «скреп» и тогда ценность его наблюдений заметно падает, причем падает едва ли не в целом, или же ничего не было упущено, понятию информации (пусть и без прямого его названия) было указано надлежащее место. В последнем случае в пользу предложенной системы «скреп» отыскивается тогда дополнительный аргумент, система выдерживает мощный критический залп. В настоящих заметках мы попытаемся показать, что трудами Лосева явственно реализована именно вторая возможность.

Заметим прежде всего, что свои логико-диалектические конструкции автор излагал на разный лад, с разной степенью детализации, и это дает в наше распоряжение следующие варианты материалов, позволяющих выделить понятие информации:

- а) вариант с акцентом на правилах порождения категорий посредством перебора логически допустимых сочетаний в кортеже некоторых базовых единиц; здесь сама неотвратимость порождения заставляет прямо-таки указать пальцем³ на непоименованную (например, словом «информация») комбинацию тех единиц, указать «пустое место», предназначенное для вполне определенного содержания;
- б) вариант с акцентом на правилах взаимоотношения между категориями в системе, где вполне оформлены все ее

составляющие, вплоть до их терминологического закрепления; здесь, ежели «всё занято» и явлено, для понятия информации нужно отыскивать системный двойник, скрытый под иным именем (или иными именами).

Рассмотрим оба варианта в порядке их упоминания.

Наиболее широкомасштабная и проработанная система категорий строится, на наш взгляд, в книгах 1927 года «Античный космос и современная наука», «Музыка как предмет логики» и «Диалектика художественной формы». К ним и приходится отсылать за необходимыми обоснованиями и разъяснениями, наша же задача – с помощью вполне тривиальных формализаций «застенографировать» основной ход лосевской мысли и ускоренно подойти к обозримой (сиречь структурированной) сводке категорий, этой мыслью схваченных. К «стенографии» и приступим. Диалектическое выведение категорий начинается с фиксации «одного» или Единого (сокращенно обозначим⁴ как Е), которое необходимо требует себе «иного», далее переходит, следовательно, во внутрикатегориальное становление и в диалектическом синтезе с «иным» обретает новую структуру, становясь единичностью (е) подвижного покоя (пп) самотождественного различия (ср). Все дальнейшие построения зиждятся на базе именно этой пентады (еппср), которую следует расценивать как необходимую основу любого объекта мысли. Первые спецификации возникают уже внутри пентады, когда выделяется какая-то часть ее и все остальные категории рассматриваются модифицированными в свете данной части (выделение передадим заменой строчной буквы на прописную: например, еППср). Все дальнейшие диалектические судьбы пентады прослеживаются на переходах в состояние уже внешнего по отношению к себе становления (каковое в «стенографии» передадим курсивом), затем – ставшего (передадим разрядкой) и выражения (можно воспользоваться жирным шрифтом). При этом на каждой последующей стадии специфически отображаются (воспроизводятся) все модификации пентады, полученные на предшествующих стадиях. В итоге после обследования упомянутых трудов Лосева мы получаем перечень категорий и соответствующих им диалектических

(в алгебраизированном⁵ виде) формул. Они сведены у нас в таблицу, расположенную в конце данной статьи. Для краткости сюда не включены категории в аспекте выражения – ими занимается, например, для пентадной модификации «множества» или еППср, значительная часть книги «Музыка как предмет логики». С их учетом пришлось бы нарастить таблицу по меньшей мере до 44 строк⁶. Отметим попутно, что в «Диалектике художественной формы» у Лосева намечалась еще важная задача логического обследования групп выразительных категорий живописи (на базе «топоса» или еппСР) и словесности (на базе «слова» или Еппср). Однако до нас не дошли авторские результаты в этих областях, так что желающие повторить интеллектуальный подвиг молодого Лосева, музыканта и философа, еще могут испробовать себя на поприще упомянутых искусств.

Но обратимся наконец к таблице. Как и ожидалось, в ней зияет пустотой одна-единственная строка. Посредством пентадного шифра-пароля здесь как бы брошен ключ в пространство категорий, но ни одно содержательное понятие на призыв, кажется, не отозвалось. Подходит ли на эту роль «информация»? Даже с учетом того, что к понятию информации в настоящее время скопилась длинная вереница определений, искать положительного ответа на поставленный вопрос долго не приходится. Именно, для наших нужд вполне пригодна одна из широко известных ныне концепций информации как «отраженного разнообразия»⁷.

Чтобы показать, что это так, начать можно хотя бы с «отраженного»: пустующая строка таблицы диалектических категорий расположена на уровне «ставшего», где исходная пентада предстает одновременно и преобразенной (переход с уровня на уровень подчеркивается у нас шрифтовыми средствами), и сохранившей главные черты прообраза (эта «генетика» пентад передается в единой номенклатуре элементарных единиц-категорий е, пп, ср). Иными словами, внетабличная семантика не противится внутренней логике таблицы, данная пентада действительно нечто «отражает». Что же касается «разнообразия», т.е. того, что именно отражается в информации,

то и здесь обнаруживается хорошее соответствие, на этот раз с самими элементарными категориями, образующими пентаду. У Лосева, правда, термин «разнообразие» не употребляется, но элементарные категории «единичности», «подвижного покоя» и «самотождественного различия» в книгах 1920-х годов явно несут идею различия и множественности (конечно, в паре с диалектическими антиподами – тождеством и единством). Поэтому если в лосевском духе давать дефиницию информации или, что то же, в словесной форме дать пентаду из 14-й строки нашей таблицы, то «ставшая единичность подвижного покоя самотождественного различия» будет соответствовать не только «отраженному разнообразию», но и «отраженному единству». Впрочем, здесь начинается полемика с современными, не вполне диалектическими и вполне односторонними подчас определениями, которая не входит в наши планы.

Интереснее добавить еще аргумент по избранной теме. В основе нижеследующей формализации сохраняются неформальные предпосылки, однако на них мы тоже не будем останавливаться, отсылая заинтересованного читателя к соответствующим анализам, к примеру, книги «Музыка как предмет логики». Можно переименовать или, точнее, заново обозначить первичные категории на новый (здесь – латинизированный) лад, а именно: примем $pp = t$ («время»), $cp = l$ («длина» или «пространство»), $e = m$ («масса»)⁸. Немедленно получаем, что лосевская пентада составляет явственную аналогию, если не сказать больше, с фундаментальной тройкой размерностей: как известно, физическое разнообразие понимается, отмеряется, расчленяется и т.д. в единицах массы, длины, времени.

Несколько иную логическую конструкцию, также пятичленную в основной своей части, мы находим в той части лосевской «Диалектики мифа», которая посвящена уяснению понятия чуда. Конструкция и здесь, разумеется, диалектическая – она специфицирует первичные отношения одного и иного или, продолжим перечень, общего и частного, отвлеченного и конкретного, идеального и реального. Для принципиального анализа, как неоднократно подчеркивал Лосев, не слишком существенны те или иные наименования членов этой глобальной

антитезы, но важно как можно более точно осмыслить сам факт ее наличия и вывести логические следствия из обязательной встречи двух различных планов (слоев) действительности. Так уже с первыми усилиями диалектической мысли рисуются очертания логики алогичного, т.е. логики чуда, если чудом, прежде всего, считать перерыв природного процесса, вмешательство сверхъестественного в естественное. Другими словами, понимать чудо в том первом приближении, как его давали и рационалисты (Гоббс в «Левиафане», Спиноза в «Богословско-политическом трактате») и теологи, будь то православный Феофан, епископ Кронштадтский (он цитируется в «Диалектике мифа») или католик Э. Леруа, чьи критерии чудесного позже зафиксировал известный словарь Лаланда⁹. Однако «формула чуда» у Лосева сложнее, она требует много больше простой бинарной оппозиции категорий как таковых. Автор «Диалектики мифа», беря самое обыденное («нечудесное»), всматривается в «реальный лик ставшей вещи» и даже в нем замечает «гораздо больше слоев, чем только два», при условии, конечно, если «рассматривать вещи не просто как сферу приложения отвлеченных категорий, но как ту или иную степень совпадения явлений с их целью»¹⁰. Точнее, диалектическое становление «одного» (идеи), полагающего «иное» (вещь), представимо, по Лосеву, в следующей последовательности и следующими пятью моментами: 1) то, что именно становится, т.е. отвлеченная идея вещи; 2) становящееся и, далее, ставшее, или реально-вещественный образ идеи в ставшей вещи; необходимо возникающее отсюда сравнение первого момента со вторым – та мыслительная операция, без которой, подчеркивал Лосев, «совершенно невозможно говорить о реальном становлении»¹¹, а результат ее применения, добавим от себя, удобно обозначить традиционным в точных науках знаком разницы или приращения Δ_0 (смысл индексации станет ясен ниже); 3) синтез первого и второго моментов, т.е. идея и ее становление вместе, идеальная выполненность отвлеченной идеи, подлинный первообраз, предел воплощения идеи (коли так, Δ_0 здесь равно нулю); 4) первый момент в свете третьего, отвлеченное выражение идеала; 5) второй момент в свете третьего, реально-вещественное

выражение идеала; отсюда необходимо является новое сравнение теперь уже модифицированных моментов, пятого и третьего, что дает новую разницу или приращение, а вернее, целую их серию $\Delta_1 \dots \Delta_4$; теперь остается привести итоговое определение – «когда *пятый* и *третий* моменты совпадают целиком, мы говорим: это – чудо»¹².

Вся изложенная конструкция не только фиксирует некие категории (некоторого вида пентаду), но и особым образом организует их по принципу соотнесения идеального задания и эмпирического протекания, цели и явления. В итоге выделяются два вида результатов соотнесения или, в пределе, отождествления элементов пентады – Δ_0 и $\Delta_1 \dots \Delta_4$. Об этих видах мы еще будем говорить, отыскивая в данных построениях следы и признаки понятия информации, пока же завершим конспективное изложение лосевской концепции чуда, ибо осталось непроясненным, почему результат сравнения реально-вещественного образа вещи с его парадигмой, идеальной выполненностью представлен столь сложно – целой серией разностей. Дело в том, что все эти «дельты» и индексы при них концентрируют главную содержательную установку Лосева: посредством логических операций раскрыть миф и его основу – чудо – как «нечто высшее и глубокое в иерархийном ряду бытия»¹³. На языке отношений цели и явления (идеи и вещи) эта иерархийность строится у Лосева по четырем восходящим уровням: сначала имеем собственно вещь (в сфере познания, логики), которая при максимальном воплощении своего задания становится организмом ($\Delta_1 = 0$); далее имеем вещь, наделенную самоощущением или интеллигенцией, т.е. личность (сфера воли, практики), которая в пределе достигает моральных норм или технического совершенства ($\Delta_2 = 0$); потом предстает личность в своем историческом бытии (сфера эстетического), личность как слово – «не только понятая, но и понявшая себя природа»¹⁴, что в пределе суть художественное произведение ($\Delta_0 = 0$); наконец, выступает личность во всей полноте рода (мифическая сфера), т.е. Родина¹⁵, при встрече с которой, при возвращении куда и творится *чудо* ($\Delta_4 = 0$).

Будучи ограничены в задачах изложения, мы вынуждены

здесь слишком бегло, на опасной грани допустимого излагать логически тончайшие и содержательно аргументированные построения «Диалектики мифа». Но, кажется, и этой скудости должно хватить, чтобы дать почувствовать всю изощренность лосевской дефиниции чуда. Поэтому не нужно особенно удивляться, что для такой сложной системы мысли, где большинство ключевых терминов, между прочим, после «феноменолого-диалектической чистки» лишены обиходной привычности, пока не находится чего-либо адекватного в современной науке. Тем интереснее даже, допустим, и не принципиальные, а только по большей части формальные сходства, дающие право говорить о наличии представлений об информации в изложенной «логике чуда». Рискнем указать пример такого сходства на базе так называемого «экстраполяционного подхода» к понятию информации. Последний, развивавшийся в работах автора этих строк на рубеже 1970–80-х годов¹⁶, предлагается здесь не более как свидетельство еще не изжитых потребностей критического анализа, казалось бы, интуитивно ясных и общезначимых сторон понятия информации. Кроме того, сопоставление «логики чуда» с «экстраполяционным подходом» доставляет возможность не только обеспечить «чистоту эксперимента» по установлению сходств (когда более поздний из объектов сравнения был обнародован, автору казавшегося новым «подхода» еще не были известны результаты из «Диалектики мифа» – книги по тем временам редчайшей), но и с понятной последовательностью перейти от сходств к различиям, что означает – вместо греха плохо прикрытой «автоцитации» вполне прогрессивно подставить под струи критического душа одну из современных точек зрения и тем совершить очистительный акт самокритики.

Сходства же, вкратце, таковы. Прежде всего, у Лосева важную роль выполняет операция соотнесения, сравнения «прообраза» и «образа» или, другими словами, того, что становится, и того, что стало. Эта операция вполне сходна с операцией получения разницы между «ожидаемым» и «действительным», являющейся ключевой в «экстраполяционном подходе». Отношение к разнице требует особого разговора, но именно из нее, из этой «дельты», информация и извлекается. Далее,

обратимся к двум видам результатов соотнесения идеального задания и реального воплощения, каковые мы выделили по ходу изложения «логики чуда» и для краткости обозначили Δ_0 и $\Delta_1 \dots \Delta_4$. Эту пару можно сблизить с парой «информация – эпистемация», введенной при «экстраполяционном подходе»: информация связана с разницей между «ожидаемым» и «действительным» в некотором конкретном случае, т.е. явлена фактически (в «формуле чуда» ей соответствует Δ_0), а эпистемация представляет собой предел всех таких разниц по всем «ожидаемым», т.е. явлена в принципе (предельный смысл имеет и серия $\Delta_1 \dots \Delta_4$, которую здесь для сопоставления нужно брать как единое целое, например, как «чудо» вне его логических дистинкций). В последнем сопоставлении уже хорошо видны не только черты сходств, но и различия – о них и вести теперь речь. Мы видим, например, что в области предельного, принципиального, если угодно, «прообразного» бытия Лосев чувствует себя куда более уверенно и свободно, чем того допускают все современные концепции информации: единственная из последних (оговоримся – известных нам) только отсылает к названной области и ограничивается далее нерасчленимым понятием эпистемации, тогда как в «формуле чуда» фиксируется весьма изоциренная и, как уже было сказано, иерархично проработанная структура мира перво- или прообразов. Если современная наука традиционно углубляется в многослойную структуру информационной каргины мира явлений, именно на этом пути выстраивая (с переменным и, кажется, чаще сомнительным успехом) дружественные связи абстрактного и конкретного, теории и практики – вспомним известное и труднопреодолимое разделение синтаксиса, семантики и прагматики, – то лосевская диалектика изначально сопрягает явление и сущность в чуде и уже к этой неантагонистической области относит все предметы и их разделения (в указанных у нас выше сферах познания, практики, эстетики и мифа). Для современных теорий информации конкретнее частное, чем общее, для Лосева общее изначально столь же конкретно, как и частное. Лосевская концепция информации (если можно так назвать отчасти обрисованную здесь систему)

онтологична, пока же господствует подход скорее всего гносеологический, и «экстраполяционная» его модификация, увы, и погоды не делает и не составляет особого исключения.

Формально задача нашего небольшого анализа выполнена, вывод получен: информационная проблематика, мы видим, вполне представлена в философской системе «раннего» Лосева. Конечно, у темы «информация и чудо» еще остается немало продолжений, даже если не выходить за границы окрестностей, так сказать, «вокруг Лосева». С почтением минувя вероисповедальные аспекты этой темы (впрочем, один увлекательный сюжет хотелось бы очертить: он таится в сопоставлении концепции чуда из «Диалектики мифа» с известными еще со времен Лютера попытками «демифологизации» в протестантстве), мы наметим только некоторые вопросы философского и культурологического характера. К примеру, намеченная у Лосева четырехуровневая структура целесообразности обещает новые возможности для развития, как многим кажется, исчерпавшей себя теории так называемой когерентной истины. Интересно также в рамках коммуникативной типологии культур на базе разделения «эстетики тождества» (с перевесом «ожидаемого») и «эстетики различия» (с перевесом «неожиданного») соотнести лосевское «чудо – всюду», с одной стороны, со средневековой главенствующей мыслью, согласно которой ученый должен избегать соблазна «истолковать свою работу не как охрану, а как разыскание неких сведений, которые до сих пор почему-либо еще не даны роду человеческому»¹⁷, и, с другой стороны, с научной парадигмой современности, отдающей предпочтение «новости», «приращению». Впечатляюще эффективная и, надо полагать, эффективная работа Лосева с небезопасным инструментом диалектики оказывается явно кстати при ныне хорошо ощущаемом кризисе структурализма. И когда мы читаем, как Умберто Эко определяет основную «онтологическую ошибку» поклонников сводимости всего и вся к схеме даже «не в том, чтобы всегда держать под рукой гипотезу тождества, стоящего на службе фронтального исследования различий», ошибка – «считать запас возможного нетождества исчерпанным»¹⁸, то о лосевских «подвижных покаях самождественного различия» приходится вспоминать почти

непроизвольно. Эти и подобные вопросы, будем надеяться, еще дождутся своих исследователей.

Всего не охватишь в короткой заметке. Но одному важному уточнению место здесь нужно найти обязательно – его мы добавим к тому, что говорилось у нас выше об онтологичности лосевской мысли. Дело в том, что мы по необходимости сделали некий методологический нажим, свершили своеобразное логико-понятийное ударение, что может, вопреки общему замыслу, даже затемнить понимание исследуемой системы, особенно в глазах определенной части читающих эти строки скептиков. Лосев не логицист и не метафизик натурфилософского толка, хотя он и научился многому у знаменитых логицистов и метафизиков. Не нужно видеть в его книгах, как справедливо говорилось некогда по поводу работ Гегеля и Шеллинга, какую-то «философскую вальпургиеву ночь», где «все силы земли и неба превращались в призраки понятий и кружились в диалектическом вихре, то созидаясь из первоначального тождества, то разрушаясь вновь и переходя друг в друга»¹⁹. К философии Лосева скорее подходит определение, данное им самим задолго до появления знаменитого «восьмикнижия» и как бы со стороны, а на самом деле изнутри определенной школы мироощущения. Это – «самостоятельная русская философия, поднявшаяся на высокую ступень апокалиптической напряженности»²⁰. Мысль онтологически напряженная, мысль натруженно напористая не замкнута здесь на саму себя, но обращена к миру – она обязана быть мощной под стать трудности избранного пути и она же в самом долгом своем странствии помнит о тихой пристани на родном берегу. Только после великой работы души и только философ высокого тона мог исполнить столь проникновенный гимн предмету своих «умствований», предмету, в котором «есть веяние вечного прошлого, поруганного и растленного и вот возникающего вновь чистым и светлым видением», в котором «выявляется эта исконная и первичная, светлая предназначенность личности, вспоминается утерянное блаженное состояние и тем преодолевается томительная пустота и пестрый шум и гам эмпирии», в котором «вечное и родное»²¹.

Диалектическая система категорий (первые начала)

№ пп	Условные обозначения	Основные категории	Наличие в тексте				Варианты названий кате- горий (с указа- нием номеров источников)
			1	2	3	4	
1	Е	Единое	*	*	*	*	принцип катего- риальности (4)
2	еппср	число, смысл	*	*	*	*	число как потенция (1)
3	Еппср	понятие, эйдос	*	*	*	*	эйдос в узком смысле (4)
4	еППср	множество	*	*	*	*	число матема- тическое (3), схема (4)
5	еппСР	фигура, топос	*	*	*	*	эйдетич. качество (1)
6	<i>еппср</i>	вечность	*				
7	<i>Еппср</i>	величина	*	*	*	*	эйдетич. вечность (1)
8	<i>еППср</i>	время	*	*	*	*	аритмол. вечность (1)
9	<i>еппСР</i>	простран- ство	*	*	*	*	тополог. вечность (1)
10	е п п с р	масса	*	*		*	вес (2)
11	Е п п с р	вещь	*	*		*	
12	е П П с р	количество	*	*	*	*	
13	е п п С Р	качество	*	*		*	
14	<i>е п п с р</i>						
15	<i>Е п п с р</i>	тело		*		*	
16	<i>е П П с р</i>	движение		*	*	*	
17	<i>е п п С Р</i>	место		*		*	

Система категорий у А.Ф. Лосева претерпевала некоторую эволюцию, что заметно по составу категорий (знак *) и их названиям в текстах разных лет, пронумерованных здесь следующим образом:

1. «Античный космос и современная наука», основная часть 1924 года,
2. Примечание 85 той же книги, относящееся к 1925–26 гг.,
3. «Музыка как предмет логики» (1924–25),
4. «Диалектика художественной формы» (1925–26).

3.4. Теория множеств как «научно-аналитический слой» имяславия

Памяти Е.И.

Любой *casus* культуры взывает к установлению своей *causa*. Вот и здесь спросим: почему сразу три мыслителя, успевшие оставить яркий след в отечественной культуре первой трети XX века, уделяли столь много интереса абстрактной теории множеств? Какие философские глубины открывались П.А. Флоренскому, В.Н. Муравьеву и А.Ф. Лосеву в построениях математика Георга Кантора, почти единоличного создателя этой теории? И случайно ли каждый из трех ценителей теории множеств предстает перед нами и в иной роли – как приверженец¹ имяславской мысли?

Для полноценного ответа на поставленные вопросы еще предстоит кропотливая работа уже хотя бы потому, что документы «московского» периода имяславия лишь теперь начинают возвращаться из небытия. Однако в предварительной форме можно сказать так: теория множеств рассматривалась как своеобразная теоретическая основа имяславия, как одна из точных наук, состоящая «на службе имяславия» (в речении, принадлежащем именно Лосеву, с очевидным вызовом напоминает средневековая максима «философия – служанка богословия»²). А предлагаемые ниже заметки имеют целью реконструкцию имяславского ответа в более развернутой форме. Поскольку стоящая перед нами задача носит сугубо «археологический» характер и не предполагает самостоятельных творческих привнесений (как и критики имяславия, в других условиях, видимо, необходимой), далее будем основывать и соответственно ограничивать наши реконструкции на том фрагменте имяславских построений, где тогдашние теоретико-множественные пристрастия оставили следы максимальной сохранности. Это – малый раздел тезисов небольшого доклада Лосева «Имяславие, изложенное в системе». Для удобства дальнейшего изложения приведем нужный текст оригинала; вот он – небольшой черепок от некогда целого сосуда:

«<...>

4. Феноменология.

а) Основные понятия учения о множествах на службе имяславия:

1. *Множество и сумма,*
2. *элемент и часть,*
3. *мощность,*
4. *тип,*
5. *алеф,*
6. *бесконечное множество,*
7. *актуальная бесконечность»³.*

Интерпретация перечисленных понятий теории множеств, по замыслу Лосева, и должна была войти в «научно-аналитический слой» имяславия. Итак, в нашем распоряжении есть известный «археологический» метод бережного отношения к любой дошедшей детали, есть некоторый (может быть, богатый) «культурный слой» для раскопок и доступны, наконец, драгоценные останки затейливой конструкции. С тем и приступим к делу: мы попытаемся отыскать имяславские интерпретации для каждого из понятий теории множеств, фигурирующих в лосевском перечне. Непосредственно от понятий нам и придется отталкиваться, потому в каждом случае понадобится небольшой экскурс в ту или иную область теории множеств. При этом нас будет интересовать, конечно, не формально-математическая сторона, но содержательные (в этих областях сконцентрированные) запасы математической мысли.

В канторовской теории содержится бесспорно первоосновное понятие, с которого мы обязаны начать. По-русски его принято – и не только теперь, но уже издавна – называть *множеством*, а у Кантора оно выражалось двумя равноправными терминами: *Menge* (основное словарное значение как раз «множество») и *Mannigfaltigkeit* («многообразие»). Сразу скажем, что и на русском и на немецком языках эти названия не вполне удачны. Все они или искажают, или не полностью передают содержание интересующего нас понятия, в чем нетрудно убедиться, воспользовавшись исходным определением

самого Кантора. Наиболее известная формулировка такова: «Под «множеством» (*Menge*) мы понимаем соединение в некое целое M определенных хорошо различимых предметов m нашего созерцания или нашего мышления (которые будут называться «элементами» множества M)»⁴. Как видим, говорить о *Menge* только как о «множестве» мало, ибо еще и прежде всего *Menge* является «единством», *Menge* в понимании Кантора – это «единство-множество». Не случайно именно на данную, отчетливо диалектическую приметку новомодной математической конструкции обратили свое внимание такие авторы глубоких философских интерпретаций теории множеств, как Флоренский и Лосев. Сейчас, правда, канторовскую теорию принято называть «наивной». Это вроде бы вполне справедливо после тех сложнейших изощрений и мучительных поисков, что выпали на послеканторовскую историю разработки оснований математики. Однако оставлять в оценке теории множеств лишь снисходительный оттенок было бы неверно, – гениальная интуиция и чистосердечная наивность на деле счастливо дополнили здесь друг друга.

Флоренскому выпало едва ли не с нуля излагать канторовские результаты для широкой отечественной публики, и ему обойти проблему содержательной стороны *Mengenlehre* было попросту невозможно. Во всяком случае, в статье 1904 года «О символах бесконечности» он предпочел называть *Menge* «группой», тем самым избегая, во-первых, филологически точного и одновременно философски ошибочного буквально-го перевода и рискуя навлечь на себя, во-вторых, справедливые упреки математиков, ибо термин «группа» был уже занят для обозначения известной конструкции из сопредельной области математики (теория групп в алгебре). Он предпочел использовать этот термин не в специально-математическом смысле, а скорее в обиходно-бытовом понимании, еще только оснастив его характерной теоретико-множественной синтетичностью. Так подчеркивалось то, о чем мы уже заговорили выше, вчитываясь в Канторово определение, – что не «множество» только и не «единство» только есть *Menge*, но – «группа», но «всякий результат синтеза некоторой множественности в единство актом духа»⁵.

Эта терминологическая по внешней форме, но глубинно-содержательная по сути работа была в дальнейшем продолжена, поскольку проблемой уточнения или даже спасения диалектического содержания теории множеств немало озаботился и Лосев. Именно в 20-х годах, в пору максимальной интенсивности своей имяславской деятельности он, насколько можно теперь судить, отдал много сил на создание стройной системы категорий, образованных на диалектических принципах. Свое место в этой системе, среди многих других, получила и категория «множество». Подчеркнем, что Лосев не стал особо «спорить о словах» и ставить под сомнение соответствие термина и самой идеи «множественности в единстве», этим термином – с подачи Кантора – обозначенной. Вместо этого была поставлена и разрешена куда более важная проблема: найти выразительные средства для отображения *принципиально сложной* и потому *антиномичной* природы множеств в максимально открытом виде, обрисовать именно это существо множеств в логически ясной структуре. Что получилось у Кантора? Он интуитивно верно оценил фундаментальную роль вводимого им в научный оборот понятия множества, но, не заметив изначальной его антиномики, принялся с большим успехом собирать обильные урожаи на еще не истощенных целинных землях. А когда пробил час теоретико-множественных «парадоксов» и под сомнением оказались все канторовские результаты, у создателя теории множеств не хватило запасов той же интуиции и он принялся «спасать» дело, постулируя существование такой «множественности», которую... просто «нельзя рассматривать как единство»⁶. Так, взашей изгоняя парадокс, он впустил противоречие. Что сделал Лосев? Он не постулировал понятие «множества» изначально заданным и далее уже не расчленимым, он выстроил, сконструировал его при совокупном рассмотрении более фундаментальных категорий (таких, к примеру, как «тождество», «различие», «движение», «покой», «единичность»). Изначальной же здесь была принята как раз антиномичность в структуре множества, а для выражения понадобился диалектический синтез фундаментальных категорий, – так появилась знаменитая «единичность подвижного покоя самотождественного различия» и дефиниция

множества как вполне определенного рода спецификации данной «единичности»⁷. Тем самым получило точную форму все то содержание понятия *Menge*, что открылось когда-то интуиции Кантора.

К сожалению, избранная тема диктует свои ограничения, потому лишь скороговоркой остается упомянуть, что в системе категорий Лосева наряду с *множеством* и на том же «пракатегориальном» языке получает специальное оформление также еще одна важная (а для имяславия и важнейшая) категория – *имя*⁸. Однако мы обследуем имяславские потенции не этой системы, безусловно заслуживающей отдельного и внимательного изучения, но теории множеств. И относительно нее пора фиксировать первый предварительный вывод: в теории множеств и прежде всего в ее основном понятии, понятии множества, имяславцы (имяславцы, понимавшие толк в теории множеств) вполне справедливо могли находить ценный *антиномико-диалектический* пласт, с опорой на который можно рассчитывать, читаем у Лосева, на «разумное выведение мистических антиномий и их систематическую локализацию в сфере разума»⁹.

Если диалектический характер теории множеств не был, как следует из вышесказанного, с полной методологической ясностью осознан ее создателем, то о другом не менее существенном свойстве так не скажешь. Это – *платонизм* теории множеств. Сам Кантор применял для характеристики своего «учения о трансфинитном» прехарактерное обозначение «теория идеальных чисел» и без обиняков указывал на «множество» как на «нечто, родственное платоновскому $\epsilon\acute{\iota}\delta\omicron\varsigma$ и $\acute{\iota}\delta\acute{\epsilon}\alpha$ »¹⁰. Говорить здесь о платонизме будет верно не только по букве, но и по духу, причем даже вопреки некоторым историко-философским сближениям собственно у Кантора. Так, ошибочно поставив на одну доску (по взглядам на природу числа) Платона и Аристотеля, сам он справедливо противопоставил число, отнесенное, «согласно его истинному происхождению», ко множеству как некоторой целости, с числом как условным знаком «для единичных вещей, отсчитываемых при субъективном процессе счета»¹¹. Конкретным философским результатом, то бишь точным осознанием данного противопоставления, Кантор

явно отвергал аристотелевскую теорию числовой абстракции в пользу «ипостасийного» понимания числа по Платону – Плотину. Итак, к антиномико-диалектическому характеру теории множеств следует, как не менее характерный, добавить платонизм, – добавить, чтобы с полной уверенностью (и к теме) воспроизвести следующую строчку имяславских тезисов: «Имяславие возможно лишь как строгий диалектический платонизм типа Плотина или Прокла»¹².

По Лосеву, далее, «теоретической опорой имяславия, в смысле обоснования логики имени, является также современная феноменология»¹³. Но существенные *феноменологические* черты присущи и теории множеств. Кстати, современный переводчик текстов Кантора на русский язык не увидел в определении *Menge* – оно приведено выше – как раз феноменологического оттенка канторовской дефиниции. В этом смысле безупречен перевод Флоренского, который мы также отчасти упоминали и теперь воспроизведем: «Под «группою» мы разумеем каждое объединение духом в целое *M* определенных, различных между собою объектов *m* нашего воззрения или нашего мышления (которые называются «элементы» *M*)»¹⁴. Это-то «имелось» феноменологии, это «объединение духом в целое» и интересно. Именно с великой мощью теоретико-множественного полагания мы сталкиваемся постоянно, пользуясь представлением о множествах. С особой яркостью и чистотой феноменологизм теории множеств проявляется на экстремальных, крайних случаях. Из классических (видимо, без особых философских амбиций, а скорее из дидактических потребностей сконструированных) примеров можно предложить к рассмотрению множество, состоящее из солнца, разума и апельсина (И.И. Жегалкин). Заметим, сколь далекие по природе элементы объединены в данное множество, и заодно подчеркнем разницу между понятиями *суммы* и *множества* (напомним, что эта пара фигурирует в имяславских тезисах Лосева как раз под разделом «феноменологии имяславия»). Суммирование предполагает однородность слагаемых и заданность результата лишь в потенции, лишь алгоритмически, тогда как в множество можно объединить произвольные объекты, причем оно дается финально, устанавливается актом онтоло-

гического полагания. Из других примеров достаточно экзотических теоретико-множественных полаганий укажем еще «множество всех множеств» (каковое сыграло известную драматическую роль в жизни и творчестве Кантора) и, по почти очевидной ассоциации, «то, более чего нельзя ничего помыслить» (конструкция Ансельма Кентерберийского, знаменитого логициста-теолога XI века)¹⁵.

Довольно пристально всмотревшись – воображаемым взглядом с позиций имяславия, – в основное понятие теории множеств, перейдем теперь к другим понятиям из лосевского перечня. Немалый интерес, прежде всего, составляют эксплицированные канторовской теорией представления об *элементе* и *части*, точнее, представления об отношениях элемента и множества, а также части и целого.

Начнем с отношений *элемент – множество*, хотя и о паре *часть – целое* забыть, пусть даже временно, не придется. На то есть причины, коренящиеся в истории (уже не отменимой) теории множеств. Как уже было сказано, в исходном понимании множества по Кантору заложена некая антиномическая слитость; однако на практике эта слитость была подорвана. Именно, понятие множества стало употребляться в *собирательном* смысле (как «единство»), когда речь заходила о части и целом или подмножестве и множестве, оно же стало употребляться в *разделительном* смысле (как собственно «множество»), когда речь заходила об элементах множества, точнее, о вопросе принадлежности их к множеству¹⁶. В этом разрыве есть вина либо, на чей-то вкус, заслуга самого Кантора, любившего, с одной стороны, подчеркивать «организованность» объектов своей теории, т.е. подчиненность элементов интегральному целому, но, с другой стороны, требовавшего от всякого элемента множества, чтобы тот был «хорошо определен» или «хорошо различим». Можно сказать и о недостаточной готовности математиков, с Кантора же и начиная, к тяготам нелегкого (но и необходимого, во всяком случае в теории множеств) обращения с антиномиями... Но здесь пришлось бы уходить далеко в глубины (дебри) оснований математики, чего нельзя делать теперь еще и без учета громадной критической работы, проделанной в свое время Лосевым¹⁷. Поэтому нам остается просто констатировать, что в

теории множеств существует два конкурирующих полюса, к которым тяготеют те или иные конструкты теории, – полюс «первичности элемента» и полюс «первичности целого». Существует один из таких конструктов, который как бы застыл посередине между названными полюсами и своим существованием наглядно демонстрирует теоретико-множественную специфику. Это – одноэлементное множество, т.е. такое множество $M = \{m\}$, которое состоит точно из одного элемента m и рассматривается как сущность, неравная этому элементу, иными словами, здесь ложно утверждение $\{m\} = m$. Так встретились две различные реальности, реальность элемента и реальность множества, причем их принципиальная разница нисколько не утрачивается от того, что элемент и одноэлементное множество часто могут носить одно и то же наименование. Как видим, в теории множеств (и это она – наивная?!) заложены возможности для тончайших различений, казалось бы, чрезвычайно близких объектов, но на самом деле объектов разной «породы». Здесь невольно напрашиваются параллели к имяславской формуле, утверждающей нечто важное об одном уникальном «одноэлементном множестве»: «Имя Божие есть Бог, но Сам Бог не есть Имя Божие».

И укажем еще одну параллель, ненадолго покинув область «наивной» теории множеств. К этому подталкивает присутствие связки «есть» в только что приведенной формуле. Данная связка занимает ключевое место в интересной логической системе польского математика Станислава Лесьневского, – она нередко упоминается (но что хорошо известна, не скажешь) под названием *мереологии*. В рамках мереологии связка «есть» фактически заменяет понятие принадлежности элемента множеству, а сами множества понимаются не в разделительном, а в собирательном смысле. Кроме того, тут вводится жесткое ограничение на содержание утверждений со связкой (она употребляется только для непустых единичных имен объектов) и при этом условии специально рассматриваются отношения целого и части. В итоге же мереология, по мнению ряда исследователей, выступает не как улучшенный вариант теории множеств, но как ее мощный конкурент¹⁸. Судя по всему, эта до сих пор мало изученная и чрезвычайно утонченная математическая

теория представляет большую перспективу для новых философских прочтений, причем не в последнюю очередь – прочтений феноменологических и в особенности прочтений с точки зрения имяславия. Но поскольку московские имяславцы 20-х годов не были знакомы с изысканиями Лесьневского, мы можем коснуться этой темы разве что в порядке резервирования на будущее.

Впрочем, при упоминании мереологии вновь фигурировали отношения *части* и *целого*; к более подробному рассмотрению этих отношений и пришла пора перейти. Сразу отметим, что и в этом пункте нас ожидает вполне нетривиальный результат. Если, как выяснилось, к отношениям элемента и множества теория Кантора дает весьма тонкий аппарат для (выразимся кратко) «различений близкого», то в теоретико-множественных отношениях целого и части выявляется не менее интересная возможность «сближений далекого». При этом и в первом, и во втором случае обыденная интуиция если и не во все пасует, то оказывается по меньшей мере малополезной. Действительно, если говорить о части и целом, то привычки обычной языковой практики готовы засвидетельствовать здесь только одно: часть есть ущерб целого и, лишь разрастаясь до крайних размеров (т.е. переставая быть именно собой, частью), она становится тождественной целому, совпадает с ним. Заслуга Кантора состояла в строгом доказательстве возможности совсем иного отношения части и целого, справедливого для особого класса множеств. Именно для *бесконечных множеств* всегда (подчеркнем – всегда) справедливо то, что для конечной области возможно лишь в вырожденном случае, – эквивалентность бесконечного множества (целого) своему бесконечному подмножеству (части). Если воспользоваться известным крылатым выражением, то фундаментальная особенность области бесконечного можно выразить так: «лев» здесь не только «узнается по когтям», но «когтями» же и полностью представлен. Процедура установления эквивалентности множеств, которую нашел Кантор, оказалась настолько простой и убедительной (это, напомним, попарное сочетание элементов сравниваемых множеств и демонстрация того, что ни в одном множестве не остается непарных элементов), что

она фактически стала конструктивным методом распознавания бесконечных множеств. Для выяснения того, каким является данное множество, конечным или бесконечным, необходимо и достаточно проверить отношение его как целого к собственной части: неэквивалентность целого и части сигнализирует о конечности, эквивалентность – о бесконечности множеств.

Все эти специфические и, может быть, скучные «технические» подробности приходится излагать только ради возможности прийти к вопросу, для нашей темы важнейшему, к вопросу о *соприкосновении* бесконечности и Бесконечности. Имяславцы давали на него собственный ответ, а в арсенал своих аргументов они вполне могли бы включить следующее высказывание Кантора: «Как ни ограничена в действительности человеческая природа, к ней все-таки прилипло очень *многое* от бесконечного, и я думаю даже, что если бы она не была сама во многих отношениях бесконечной, то нельзя было бы объяснить твердой убежденности и уверенности в бытии абсолютного»¹⁹. Отнесение «человеческой природы» в область бесконечного вместе с прямым доказательством своего рода «соразмерности» – в этой области – объемлемого (а если это человек?) и объемлющего (а если это Бог?) дает право решать вопрос о «соприкосновении» в каком-то смысле положительно. Но тут же встает иная проблема. Как ни называть отношение, в строгом ли смысле эквивалентностью множества и подмножества²⁰, в нестрогом ли смысле «соразмерностью» или «соприкосновением» (а то и вовсе сказать – «прилипло»), сомнение возникает одно и то же: если это отношение предполагается между тварью (пусть – бесконечностью) и Творцом (пусть – Бесконечностью), то построения теории множеств, выходят, смыкаются с *пантеизмом*. В трудах самого Кантора засвидетельствовано, что упреки в пантеизме он действительно получал²¹, а в свою очередь Флоренский прямо так и объяснял «десятилетнее» (возможен, отметим, и другой подсчет) молчание математика, первоначально таившего свое новое понимание бесконечности, – он действительно обдумывал и проверял, «нет ли в его идеях ошибок и неувязок, не ведет ли его учение к пантеизму»²². Поэтому не нужно удивляться, когда где-нибудь в сугубо математическом тексте создателя теории

множеств вдруг встретится явно не математическое, явно с «онтологическим привкусом» утверждение о том, что всякое множество обладает «большей реальностью», чем подмножество. Да, он постоянно помнил о грозной опасности.

Однако Кантор долго отмалчивался недаром, ибо его теория явилась перед ученым сообществом во всеоружии новых и, главное, фундаментальных понятий, на которых строится не какое-то фрагментарное, пусть и блестящее умозаключение, но вполне законченное здание цельного мировоззрения. Вместе со счастливо найденной общей идеей множества (уже ее запасов хватает, чтобы на протяжении почти века определять то, что называется теоретико-множественным стилем мышления) громадную роль несущих конструкций играют канторовские понятия мощности и порядкового типа множеств, а также понятие актуальной бесконечности. Мы будем говорить о них по необходимости кратко.

Представления о *мощности* (или кардинальном числе, кардинале) и *типе* (порядковом типе, или ординальном числе, ординале) произвольного множества появились у Кантора на пути дальнейшего совершенствования аппарата сравнения множеств и установления их эквивалентности. В области конечно-го такое сравнение легко делается посредством оценки *количества* элементов множеств (больше то множество, у которого большее количество элементов), но «когда мы поднимаемся в область бесконечного», говорил Кантор, понятие количества «как бы раскалывается» надвое – на понятие мощности и порядкового типа²³. Разница между ними лежит в степени отвлечения от характера элементов множества. Точнее, если в общем случае не принимается во внимание качественное наполнение множеств, природа их элементов, но важен приданный множествам порядок, то множества будут сравниваться по порядковому типу; если же отвлечение произведено и от порядка элементов (и тем самым уже не оставляется ни малейших следов качественности), то множества будут сравниваться по мощности. Два множества считаются *эквивалентными*, если они имеют *одинаковую мощность*, т.е. между их элементами устанавливается взаимно-однозначное соответствие без соблюдения порядка сравниваемых элементов. Так, эквивалентны множество

цветов радуги и множество музыкальных тонов или – пример из списка первых математических подвигов Кантора – эквивалентны множеству натурального ряда чисел и множество положительных рациональных чисел. Два множества считаются *подобными*, если они имеют *одинаковый порядковый тип*, т.е. при установлении однозначного соответствия множеств сохранен также порядок расположения их элементов. Так, подобны множество всех точек живописной картины и множество всех точек ее копии²⁴.

Как уже было сказано, кардиналы и ординалы в конечной области совпадают, поглощенные единым понятием количества, они присутствуют здесь как бы в потенции, в полную силу разворачиваясь лишь в области бесконечного. Они, выходит, перенесены из бесконечных сфер в область конечного для достижения идейной однородности, для демонстрации слитости общего устройства мира чисел. Кантор сделал еще один чрезвычайно важный перенос, теперь уже распространяя навыки работы с конечными множествами на поприще бесконечного. Он постулировал *принципы порождения* чисел, одинаково справедливые и в конечном и в бесконечном: с одной стороны, к уже образованному числу всегда можно добавить очередную единицу и, следовательно, можно продолжить ряд чисел по возрастанию; с другой стороны, всякому такому ряду можно выставить некий предел в виде такого числа, которое определяется как первое большее всех чисел данного ряда²⁵. Со вторым принципом порождения тесно связано еще одно фундаментальное понятие из лосевского перечня – *актуальная бесконечность*. До Кантора большинство математиков и философов признавало только *потенциальную бесконечность*, т.е. такую (строго говоря, единственную) бесконечность, которую нельзя «пощупать», нельзя охарактеризовать никаким определенным образом, например, числом. Единственное, что описывает «клик» такой бесконечности, так это ее безликая переменчивость, вечная устремленность куда-то. Потому в потенциальной бесконечности различимо разве что направление перемен, – как определил Кантор, либо *рост* «сверх всяких конечных границ», либо *убывание* «ниже всякой конечной границы

малости»²⁶. С принятием же идеи актуально бесконечного (и привлечением вышеизложенного аппарата сравнения множеств) перед создателем теории множеств открылось нечто головокружительное: существует не одна-единственная бесконечность, да и то какая-то сомнительная, но целая иерархия бесконечностей различных классов²⁷, причем эта иерархия поддается достаточно строгому описанию. Открылась необъятная область, вместе с тем охваченная ясной структурой, буквально разверзлась область *трансфинитного* (мощности и типы порядков Кантор называл трансфинитными, т.е. сверхконечными числами), которая лежит «как бы на середине между абсолютно полнотою и конечным» (констатация Флоренского) и «заполняет обширную область возможного в познании Бога» (вторит ему Кантор)²⁸. Вспоминая известный афоризм Паскаля о человеке («среднее между всем и ничем») и комментируя канторовские результаты, Флоренский формулирует эту «срединность» еще и так: «Если мы ничто перед Абсолютным, то все же мы – нравственно однородны с Ним, мы можем постигать Его <...>; мы носим в себе трансфинитное, сверх-конечное, мы – космос – не являемся чем-то конечным, прямо противоположным Божеству, мы – трансфинитны»²⁹.

Действительно, в содержании теории множеств (бесконечных множеств) можно указать важнейшие параллели научного опыта, здесь – опыта математического, и опыта религиозного. Только что было сказано о «нравственной однородности». Путь, по которому пошел Кантор вглубь (вдаль, ввысь) мира множеств и мира бесконечности, предстает действительно однородным и цельным. Для убедительности изложения этой характерной особенности Канторова пути мы можем взять на вооружение оценку, которой Кантор же расправлялся с нелюбезной ему идеей потенциально бесконечного: последнее, судил он, «имеет лишь отраженную реальность, всегда указывая на а<актуально> б<есконечное>, благодаря которому оно лишь только и возможно». Да, к любому конечному числу всегда можно добавить очередную единицу, и эта нескончаемая череда указывает на целостный свой итог и возможна лишь как подступ к целому – актуальной бесконечности. Да, точно

так же доступно увеличению актуально бесконечное, точно так же и трансфинитная череда указывает на новую целостную реальность в очередном ярусе иерархии бесконечностей. Да, нескончаемая последовательность все нарастающих и нарастающих актуальных бесконечностей указывает на новую целостность, *Transfinitum* отражает свет высшей реальности, *Absolutum'a*³⁰. Итак, *устремленность* и *трезвление* в мире нравственной жизни, *нарастание* величин и их *ограничение сверху* в мире абстрактных чисел – вот та параллель, что волновала ищущие умы от Кантора и Серапиона Машкина³¹ до московских имяславцев. Ссылкой на характерные признания одного из последних мы и закончим эту часть наших заметок. В частности, в своих рассуждениях о природе личности и ее пределах (относятся к 1920-м, т.е. имяславским годам) В.Н. Муравьев дважды прибегал к «математическому сравнению» – сначала, когда он говорил о свойстве «расширения самоуглубляющейся личности» и ассоциировал его со способностью «математического ряда бесконечно умножаться и расширяться», и потом, когда подчеркивал, что «здесь мы имеем только половину задачи». Именно, писал Муравьев, в полном подобии с тем, как в деяниях математика «для операций над числами и для самого их существования требуется, чтобы действующий закон индукции постоянно ограничивался тем, что Кантор назвал действием второго закона порождения чисел [о нем у нас уже шла речь – *В.Т.*], а именно способности нашей ограничивать каждое число, постигать его... как некую целостную сущность», так и «бесконечное плавание в глубинах личности мира должно... приводить к вычерчиванию в ней определенных индивидуальных областей-берегов, иерархия которых и составит содержание вечных форм или проявлений мира»³².

Небезынтересна для нашей темы еще и такая широкомасштабная подробность. Канторово описание форм «единств-множеств», можно сказать, поневоле обескураживает представляемым запасом номенклатуры бесконечностей. В самом деле, при современном состоянии развития точных наук мы не можем продвинуться по цепочке бесконечностей дальше двух-трех (буквально) звеньев, быстро исчерпывая содержатель-

ность соответствующих примеров. Так, за областью конечных чисел следует *первая* бесконечность («первый числовой класс», по Кантору), соответствующая всей совокупности натурального ряда чисел, и мощность этой бесконечности суть первая трансфинитная мощность. Далее следует *вторая* бесконечность («второй числовой класс»), соответствующая множеству действительных чисел, и мощность этой бесконечности составляет вторую трансфинитную мощность. И это всё или почти всё. Кантор еще предположил, что максимально вообразимая «сплошность», т.е. континуум, также имеет вторую трансфинитную мощность, однако не смог доказать этого, и «континуум-гипотеза» до сих пор будоражит умы самых отчаянных романтиков от математики. Можно и дальше двигаться по лестнице бесконечностей, теория множеств это позволяет, однако у последующих трансфинитов уже нет «земных» интерпретаций³³. А к воистину раблезианскому пиршеству форм бесконечностей нетрудно подать еще и такое блюдо (сей факт строго доказан самим Кантором) – в каждом числовом классе данной мощности можно построить сколь угодно много бесконечных множеств с различными порядками³⁴, т.е. на иерархию бесконечностей по кардиналам прихотливо накладывается еще одна иерархия, на этот раз по ординалам... Как тут не вспомнить образ непостижимой бездны, «заключенной» и «запечатанной» единым таинственным словом (имяславцы любили цитировать молитву Манассии³⁵). Да, создатель теории множеств воистину окликал эту бездну.

Упоминание о трансфинитных мощностях подводит нас к последнему, еще не затронутому у нас понятию из имяславского списка Лосева. Строго говоря, *алеф* – это не самостоятельное понятие, а условное обозначение, название, специфическое имя для мощности бесконечного множества или, как выражался Флоренский, это «символ бесконечности». А говорить о данном имени мощности (напомним, что мощность – это число) нужно хотя бы затем, чтобы в который раз отдать дань философской чуткости самого именовавшего. В данном условном обозначении есть безусловная ценность. Наделяя именем первой буквы древнего алфавита минимальную «единицу» из «натурального

ряда бесконечностей», автор имени (разумеется, это Кантор³⁶) не столько напоминал современникам забытую традицию буквенной передачи цифр, сколько предоставлял хороший образ для выражения глубинной связи *числа* и *слова* (или имени). В этом соединительном «и» обозначился мощный смысловой пласт, который заслуживает специального и неспешного исследования, причем не обязательно проводимого с позиций имяславия. Здесь же приходится касаться лишь ближайших слоев пласта, а именно затронуть вопрос о скрытой (глубинной) семантике *терминов* теории множеств. Вот «алеф» – о нем и о хранимой им идее встречи и взаимопрорастания уже сказано. Вот «мощность» – слово, которое Кантор нашел не сразу, поначалу предпочитая сравнивать множества по «высоте»³⁷, что тоже, кстати сказать, прелюбопытно. Недаром ему так нравилось указывать термину «мощность» латинские синонимы *plenitudo* («полнота», «обилие») и *potestas* («сила», «мощь», «ценность», «действительность», «возможность» и, наконец, «смысл»)³⁸. Да, энергию и здоровье источает такое слово. Наконец, вот «актуальная бесконечность» и знаменательная часть данного составного термина, ушедшая в прилагательное. Заметим, что латинские переводы слов «акт» и «актуальный» передают греческие прообразы – «энергия» и «энергийный». Нетрудно видеть, что в глубинную семантику теоретико-множественной терминологии волею судеб и благодаря духовной силе интуиции Кантора легли воистину первоосновные, жизненно важные (в особенности – с позиций имяславски настроенных философов) идеи. Можно, конечно, соглашаться с лосевским мнением о том, что в теории множеств прежде всего выразилась *статически-идеальная* реальность (недаром мы говорили выше о формах и структуре бесконечностей, т.е. о их «неподвижном» бытии, вполне в духе представления «идеи» у Платона). Таков уж, видно, общий удел математики и реально работающих математиков³⁹. Однако в силу особого предмета теории множеств (бесконечность) в понятиях ее не могла не отразиться и *подвижно-антиномическая*, т.с. *энергийная* реальность. В действительности «наивная» теория множеств выказывает необычайную глубину, в ней запечатлена весть о Вышнем.

3.5. Метаматематика А.Ф. Лосева

Из Хаоса родимого
Гляди – Звезда, Звезда!..
Из Нет непримиримого –
Слепительное Да!..

Вяч. Иванов. Огненосцы

Эпиграф, как известно, должен вводить и резюмировать, увлекать и останавливать, указывать начало и предвосхищать конец повествования. Он – как замкнутая кривая, где нет первых частей и нет последних, он, вернее, подобен такой окружности с неуклонно сжимающимся радиусом, в которой хоро-вод друг в друга переходящих точек стремится сойтись в центр, в средоточие единого вихря. Это четверостишие поэтического сборника *Cor ardens* поможет (должно помочь) нам сегодня, когда из глухих глубин небытия вдруг является новый, неизвестный пласт творчества выдающегося мыслителя, и сам момент важного обретения нашей культуры получает символическую окраску подобающей, соразмерной яркости. Четверостишие, будем надеяться, поможет вычленить и нечто главное в этом творчестве, мощном и длительном, разностороннем и, вместе, необычайно цельном, в творчестве еще и воистину светоносном. Свет упомянут не случайно, не «для образности»: всякая мыслительная конструкция, всякое уموпостроение и умонастроение у Лосева пронизаны универсальной интуицией, а именно интуицией «слепительного Да», – в мире нет ничего кроме света, а тьма и любые прочие, по излюбленному авторскому выражению, «степени затемнения» призваны только оттенять, окаймлять, обрамлять четкие контуры и видимые точки, являя неразрывное единение темного фона и светлого лика. И разум призван равноправно сопрячь Тьму и Свет, Хаос и Логос, должен обнаружить их хаокосмическую Гармонию, – это фундаментальное положение лосевского творчества счастливо выражают стихотворные строки Вячеслава Иванова.

Далее нам остается последовать законам писательства и, среди прочего, по возможности полно развернуть на большем текстовом пространстве богатые потенции эпиграфа.

1. Недостающее звено

Все философско-математические и логические исследования, представленные в томе «Хаос и структура» (М., «Мысль», 1997) – а это незавершенный большой трактат «Диалектические основы математики», небольшой фрагмент «Математика и диалектика» и две законченные работы «О методе бесконечно-малых в логике» и «Некоторые элементарные размышления к вопросу о логических основах исчисления бесконечно-малых», – были созданы в 1930–40-х годах, и ни одно из них не знало печатного станка при жизни автора. Так что перед нами действительно предстает некое недостающее звено творчества Лосева. Попробуем прежде всего разобраться, чем же была вызвана эта своеобразная вспышка логико-математической активности философа, вспышка, зримые свидетельства о которой дошли до нас только сейчас.

Конечно, тут немаловажную роль сыграли известные внешние обстоятельства жизни Лосева, арест в 1930 году и последующая сталинская «перековка». Лагерный опыт явственно учил, что дальнейшая разработка идей, выдвинутых в знаменитом «восьмикнижии» 20-х годов, была бы попросту самоубийственна, поскольку она по необходимости требовала острых обобщений социологического, культурологического и богословского характера. Нужно было искать новые темы и целые области приложения творческих сил. Этот поиск, похоже, начался еще в тюрьме, где Лосев «прошел подробный курс дифференциального и интегрального исчисления, под хорошим руководством»¹, а уже в Свирьлаге писалась (вернее, сочинялась и удерживалась в уме) книга по диалектике аналитических функций. В архиве Лосева, надо отметить, хранится небольшая пачка разрозненных листков, относящихся к лагерной поре его жизни. Лихорадочные, сделанные в очевидно не подходящих не только для творчества, но и просто для элементарного письма условиях, эти наброски проливают свет на раннюю историю создания тех же «Диалектических основ математики» и верно свидетельствуют как о научном, так и о гражданском подвиге их автора.

Впрочем, в биографии Лосева был короткий период, когда

внешние условия начинали складываться, казалось, вполне благоприятно для некоторых его творческих планов. Таковым было время недолгой работы на философском факультете Московского университета в начале 40-х годов, когда там создавалась кафедра логики. В архиве Лосева сохранился машинописный «План научно-исследовательской работы философского факультета МГУ на 1943 г.», где по разделу «Логика» даже планировалось издание работы Лосева объемом в три печатных листа. Довольно обширная статья под названием «Логическая теория числа» действительно была написана (насколько можно теперь заключить, она представляла собой переработанные начальные главы «Диалектических основ математики»), однако ни в 1943 году, ни потом при жизни автора так и не публиковалась².

Та же участь ожидала и все остальные сочинения, рожденные по ходу логико-философского «штурма»; его протяженность во времени вышла краткой, он сошел на нет после изгнания Лосева из университета в 1944 году в результате доноса и обвинения в «идеализме». Так пришлось оставить темы «математические» и в дальнейшем сосредоточиться – уже более удачливо – на «истории античной эстетики». Надежды на относительную нейтральность логико-математических тем оказались иллюзорными, и обо всем размахе лосевских замыслов и результатов в этой области может судить лишь современный читатель. В который раз подтвердилась печальная истина, со знанием дела констатированная П.А. Флоренским, о неизбежности отставания по фазе по меньшей мере на полвека между взлетом одинокого творчества и признанием заслуг творца медленно созревающим обществом.

Кроме обстоятельств внешнего порядка сознательные логико-математические «экскурсы» диктовались и внутренней потребностью творческого бытия философа. Скажем так: работа, проделанная им на отрезке жизни вплоть до фатальной «Диалектики мифа», позволяла не только с уверенностью указывать на «трех китов», несущих, по Лосеву, весь груз миропонимания, – Имя, Миф, Число, – но и точно определяла программу научных исследований. Именно вслед за (или, вернее, вместе с) «философией имени» и «абсолютной мифологией» должна была

строиться и «философия числа». Но в строительстве этом существенно, подчеркнем, различался род действий, о чем надобно судить с должной бережностью и пониманием.

Очевидное тяготение Лосева к систематическому методу диалектики с опорой на упомянутую выше триаду позволяет твердо соотнести его с давней и необычайно стойкой традицией. Первые звенья в этой цепи преемств составляют Платон и Аристотель, далее следуют неоплатоники во главе с Плотиним и Проклом, затем – Николай Кузанский, потом – немецкие идеалисты в лице Шеллинга и Гегеля. Наконец, новое и последнее звено было ковано на кузне отечественной мысли... Конечно, диалектическим методом блестяще владели многие из лосевских учителей и современников, вспомнить хотя бы Вл. Соловьева, Флоренского, Франка, Карсавина, Ильина, Муравьева. Пожалуй, лосевский вклад и на этом фоне выделяется своим идейным монизмом, непоколебимой последовательностью в приложениях, возведенным в принцип универсализмом. Но не только. Здесь еще явлен как раз итог, фактически произнесено последнее слово. По констатации В.М. Лосевой, написавшей интереснейшее предисловие к «Диалектическим основам математики», в «случае Лосева» мы имеем дело с одним из «завершительных, резюмирующих умов», каковые «всегда появлялись в конце великих эпох для того, чтобы привести в систему вековую работу мысли и создать инвентарь умирающей культуры, чтобы передать его новой культуре, только еще строящейся» (6–7)³.

Теперь нужно уточнить характер означенного образа платоновской цепи, вернее сказать, цепи платоновско-лосевской, если брать ее крайние звенья. Когда в 20-х годах систематизирующая мысль Лосева касалась проблем идеологических, социальных и религиозных, платонизм неизбежно получал (когда – скрытое, когда – открытое) православное переосмысление и критику. «Последний русский диалектик» не порывал с двухтысячелетней традицией, но указывал ее недостатки и даже опасности (для непосредственного непонимания) вроде, скажем, безличного онтологизма или пантеизма. Потому в сферах Имени и Мифа идейный вклад упомянутой цепи нуждался в принципиальных поправках, оговорках и дополнениях.

Когда же в 30–40-х годах Лосев сосредоточился на философских вопросах математики и логики, полагаясь, как мы уже предположили, на относительную нейтральность этой области, прежняя неоплатоническая техника мысли уже не требовала качественных изменений. В сфере Числа великая цепь укреплялась не столько наращиванием, сколько отделкой в некоторых старых звеньях. По приложению старинного и даже древнего метода, в свете незыблемых «принципов» недостающие обобщения получали именно «факты» той обширной области точных наук, что традиционно считалась самой структурированной и вообще развитой областью знания Нового времени.

Тени великих предшественников здесь и там встают со страниц логико-математических исследований Лосева. Ажурная архитектоника «Логической теории числа», безусловно (согласимся с В.М. Лосевой) «одного из шедевров в философской литературе, занимавшейся числом» (12), она соразмерна, сомасштабна, соприродна триадическим построениям «учения о бытии» из «Науки логики» Гегеля. Когда в «Диалектических основах математики» обнаруживаются веские суждения о «множестве всех чисел» и за таковым закрепляется термин «тотальность», в родственном ряду мы тут же находим «единство множества», *Totalität* Шеллинга. И в той же книге прослеживая логическую «дедукцию геометрических фигур», нужно обязательно вспомнить более ранние построения «Античного космоса и современной науки», которые выводят нас прямо к Проклу с его комментариями «Элементов» Евклида. Чтение философского эссе «О форме бесконечности» (523–533) почти невольно заставляет вспомнить трактат «Об ученом неведении» Николая из Кузы – столь, можно сказать, равномощны эти два текста. Во всяком случае, там, где затрагиваются одни и те же темы, разительно совпадают и результаты. Даже тогда, когда в своем диалектическом освещении нескончаемой математической «эмпирии» Лосев обращается к проблемам, еще не ведомым его предшественникам (несчетность в теории множеств, типы логик и геометрий, теория вероятностей и т.д.), ему, кажется, доставляет сил спокойная уверенность, что античные неоплатоники и немецкие диалектики – доведись им творить сегодня – воспарили бы в тех же

логических «эмпириях», где в реально-историческом одиночестве пребывал он, их российский *vis-à-vis*.

2. «В траншеях ленинской диалектики»

Приступая теперь к более подробной характеристике лосевской «философии числа», мы воспользуемся излюбленным приемом ее автора, методом «меонального отграничения»: чтобы подвести к какому-нибудь «это», нужно всесторонне рассмотреть «то, что не есть это». Приверженность подобной интеллектуальной технике (напомним, что ее применял Сократ и особенно привечали неоплатоники) лишней раз показывает и доказывает действительную цельность творчества Лосева, который предстает диалектиком и по содержанию полученных результатов, и по стилистике способа добывания таковых.

Итак, каким же было «Нет непримиримое» в ту именно пору, когда творилось «слепительное Да» этого (воспользуемся одной из самохарактеристик) «маленького философа в [конечно, большом. – В.Т.] Советском Союзе»? Для тогдашней ситуации характерен заголовок небольшой заметки из газеты «Вечерняя Москва» за 10 апреля 1929 года: «В траншеях ленинской диалектики»⁴. В статье торжественно извещалось о наступившей решающей схватке (как раз шла 2-я конференция марксистских научно-исследовательских учреждений) между отечественными «механистами» и «диалектиками». Здесь нас не занимают подробности этой мало научной и не без зловещих оттенков дискуссии, приведшей в конце концов к прямым репрессиям многих ее участников, как «победителей», так и «побежденных». Важнее отметить специфически «фронтовую» риторику тех лет, а также тот факт, что как раз от данного репортажа с места «боевых действий» следует начинать отсчет⁵ всей череды многочисленных выступлений в тогдашней печати, где так или иначе ругательно поминался «идеалист и мистик Лосев». После заметки «Вечерней Москвы», впервые изложившей доклад А.М. Деборина (с него 8 апреля 1929 года начиналась упомянутая всесоюзная конференция), появился короткий комментарий в «Правде» за 11 апреля.

Чуть позже уже сам доклад под названием «Современные проблемы философии марксизма» был опубликован в полном объеме сначала «Вестником Коммунистической Академии», затем тремя отдельными изданиями в 1929 и 1930 годах, уже вместе со стенограммами прений по докладу.

Но обратимся к заметке в «Вечерней Москве». Ее автор рисует картину «ожесточенных боев на философском фронте», в ходе которых «воинственные материалисты-диалектики» вынуждены не только наносить «сокрушительные удары противникам на «внутреннем фронте», извращающим основы материалистической диалектики», но они также успешно «сражаются с исконным внешним врагом – идеализмом». Оказывается, «значительные кадры идеалистов, не сложив оружия, окопались в ряде наших учреждений (например, в ГАХНе) и производят вылазки в качестве «вольных стрелков». Тов. Деборин подробно характеризует суть «средневековщины» одного из таких «стрелков» – Лосева, стоящего на позиции «диалектического»... идеализма». Действительно, целые страницы вступительной части программного доклада А.М. Деборина отданы разбору учения этого «реставратора» диалектики (цитируются книги Лосева «Античный космос и современная наука» и «Философия имени», вышедшие в 1927 году), который – неслыханно! – «предпочитает «чистую диалектику» Плотина и Прокла материалистической диалектике Маркса, Энгельса и Ленина». Конечно же, заключает докладчик, эта «лосевская идеология отражает настроения самых реакционных элементов нашей страны» и с тем убеждает своих коллег, что «борьба с идеализмом и мистицизмом является нашей первой обязанностью»⁶.

Как видим, размежевание обозначалось явственно и недвусмысленно. «Новая русская философская система», свидетельствующая своим появлением, «что и внутри России жив дух истинного философского творчества, пафос чистой мысли, направленной на абсолютное» (воспроизводим констатацию С.Л. Франка⁷, который в эмигрантском далеке совсем иначе откликнулся на те же две книги Лосева, что год спустя «прочел» А.М. Деборин), понадобилась советским философам скорее для сведения счетов «со своими». В этом отношении

весьма показательны материалы дискуссии по дебординскому докладу, где торжествующие «диалектики» бросают упрек сконфуженным «механистам», поскольку последние не проявили должной партийной бдительности и не объявили бой «идеализму шпетов и лосевых», в то время как «диалектики» уже начали окопную войну на «внешнем» фронте... Заметим, что первые выпады против Лосева исходили именно из лагеря, где еще были способны (хотя бы втайне) оценить реальное значение «чистой диалектики». Сохранились свидетельства, что Лосев строил планы объяснения с Дебориным, желая установить с ним взаимопонимание на почве научной (неидеологизированной) мысли. Показательны в этой связи некоторые сочувственные отклики западной, прежде всего эмигрантской прессы, на итоги философской батрахомиомахии в Советском Союзе, когда отмечалось, что «дебординцы ценили специфичность философии», «в их работах воскресали основные философские категории» (*П. Востоков*), обнаруживались «тенденции к идеализму» и чуть ли не намечалось «обособление философии от политики» (*Н. Бердяев*)⁸.

Итак, даже в относительно либеральные времена конца 20-х годов, когда «никакого классового содержания» еще можно было не находить «ни в Пифагоровой теореме, ни в правиле Ампера, ни в законах Менделя» и тем самым еще сопротивляться «солнечной истине марксизма»⁹, уже тогда лосевская философская система вообще и его «философия числа» в частности были обречены на отторжение. Что ж тогда говорить об интеллектуальной атмосфере 30-х годов, когда философское освещение проблем математики «обогащалось» борьбой с «егоровщиной» и «лузинщиной» (заметим, что Д.Ф. Егоров и Н.Н. Лузин входили в круг близких друзей Лосева) и когда, по определению современных исследователей, «пышным цветом расцветает славословие вождю» и побеждают «сдерживаемые до того начетничество, догматизм, конъюнктурщина, раболепие, беспринципность, аморальность, доносы друг на друга»¹⁰. И какие же труды, спросим мы, полагал издавать Лосев именно в эти годы? В его «Диалектических основах математики» нет не только какого-то хотя бы слабого намека на идейное сближение, к примеру, с энгельсовой «Диалектикой природы»,

тут нет даже формальных и чисто ритуальных отсылок к трудам классиков марксизма-ленинизма. А каким образом он цитировал таковых, если дело к тому все-таки шло, как в работе, скажем, «О методе бесконечно-малых в логике»? Все «нужные» и злободневные цитаты компоновались в локальные области вступительной части (удобно проверить лояльность автора, не утруждая себя чтением содержательной части текста) или в специальный отдельный параграф, где механически складываются высказывания имярек без всяких оценочных суждений и опять-таки без реальной увязки с собственными построениями. Вообще исследователям «катакомбной» составляющей отечественной философской мысли пример творчества Лосева дает много важнее материала, скажем, о той замечательной иронии, с которой он явочным порядком превращал некие идеологемы из разряда основополагающих в маргинальные, как, впрочем, и обратно, – вспомним страстное анафематствование врагам имяславия, укрытое в недрах обширных примечаний книги «Античный космос и современная наука».

Лосев, конечно же, желал видеть свои работы опубликованными, потому должен был так или иначе кодифицировать их на языке, что господствовал в обществе. Однако «перевод» принципиально не искажал сообщаемого. Вот только один пример из истории создания «Диалектических основ математики». В архиве философа сохранился небольшой машинописный текст с перечнем поправок по данной книге, которые рассматривались в ответ на критические замечания С.А. Яновской и относились, можно предположить, к середине 30-х годов. Автором предусматривались некоторые коррективы «в целях большей ясности» и вносились «чисто математические изменения» (в изложениях аксиомы Паша, проблем упорядочения множеств, гильбертовского формализма и др.), а также изменения «ради избежания политических кривотолков» и «в целях подчеркивания философского объективизма» книги (анализ дошедших до нас материалов показывает, что правка была минимальной и носила сугубо косметический характер). В заключение же перечня фиксировалось незыблемое и для нас, теперешних читателей, поучительное: «Оставлены без изменения все места, где идет чисто логический анализ. И вообще защищается логика как

чистая наука». Обнаружился в архиве и образчик неизбежной реакции на подобную установку – в виде отзыва на «Диалектические основы математики» за подписью П. Жаровой. Тогдашний критик почему-то «отказывается видеть какой-нибудь вразумительный смысл» в высказываниях философа, но зато уверенно замечает, что «автор исходит из идеалистических, можно смело сказать, религиозно-мистических установок, проповедуя которые поднимается подчас на ступень подлинного поэтического пафоса». Достаточная временная дистанция и, главное, возможность напрямую познакомиться с учением Лосева дает нам все возможности убедиться, насколько его критики были пристрастны и сколь точно сама эта критика характеризовала обстоятельства момента высказывания.

3. У последних «как» и «почему»

Пожалуй, о самой глухой «тьме меона» сказано достаточно. Заметнее содержательным обещает быть рассмотрение более дружественного Лосеву окружения. Будем иметь в виду деятельность тех интеллектуалов, которые группировались тогда вокруг уже немногочисленных (легальных и не-) очагов свободной мысли, и в частности вокруг того, что называют Московской математической школой и московского же, но уже нелегального, кружка имяславцев. Однако такое рассмотрение приходится предварять одной важной оговоркой: данный период отечественной истории еще недостаточно изучен. К примеру, лишь совсем недавно были предприняты первые попытки описания реальной духовной атмосферы в упомянутой математической школе¹¹, весьма, казалось бы, известной школе. Самое интимное и самое важное получало тогда только устную форму, в публикации или в переписку попадали лишь отдаленные намеки и недомолвки, а доверенные бумаге мысли, даже не самые радикальные, вполне могли удостоиться «депонирования» в хранилищах Лубянки¹². Потому многие предлагаемые ниже сближения и сопоставления носят преимущественно реконструктивный, гипотетический характер – нужно это учесть.

Прежде всего, взаимно обогащающимися перед нами предстают творческие и личные отношения Лосева с математиками Д.Ф. Егоровым и Н.Н. Лузиным. От первого Лосев получал бесценные уроки строгого и сжатого изложения математического материала, от второго – особый интерес к теории меры и проблематике измеримости, а от обоих вместе – важные интуиции теории множеств и функционального анализа. Признанные лидеры Московской математической школы своим творчеством блестяще являли тот самый союз, о коем столько хлопотал и Лосев, – «тот союз философии и математики, который так част в интуитивных глубинах у настоящих философов и математиков и который так редок у тех, кому суждено повторять и распространять философские и математические идеи, но не создавать их впервые», читаем мы в «Диалектических основах математики» (426).

Здесь представляется уместным сказать несколько подробнее о некоторых особенностях духовного пути Н.Н. Лузина. Известно, что еще молодым человеком он пережил мировоззренческий кризис, связанный с необходимостью выбора специальности в науке и, главное, с ранним прикосновением к острейшим проблемам оснований математики (теоретико-множественные парадоксы, проблема континуума). Он отшатнулся от разверзшейся бездны, и даже многолетняя дружба с П.А. Флоренским не принесла облегчения. В своем отчаянном письме к нему Н.Н. Лузин писал, отрекаясь от прежних надежд: «Вы ищете бестрепетного сердца непреложной Истины, оснований всему <...>, а я... я не жду последних «как» и «почему», и, боясь бесконечного, я сторонюсь его, я не верю в него»¹³. Он обманывал себя утешением, что сделался «специалистом» и «стал просто математиком» (констатация из той же переписки с П.А. Флоренским), отчего профессия его, конечно же, только выиграла: многие результаты Лузина вошли в классику мировой математики. Однако те самые «как» и «почему» вновь встали перед ним, «философом от математики» (лузинское самоопределение), когда он близко познакомился с Лосевым – «математиком от философии» (как определили бы мы). Сама жизнь подтолкнула их навстречу друг другу и как бы дополнила их автономные существа до некоего целого,

пусть и на короткое время и для разрешения, может быть, одного-единственного вопроса, но зато какого – о природе бесконечного. О чем они спорили вечерами в квартирах на Арбате у Лузина или на Воздвиженке у Лосева? Для Лузина воистину личной и воистину уязвляющей представляла «область загадок континуума», разрешить которые он хотел, положив все силы на «уничтожение идеи актуальной бесконечности». И – полный крах вместо ожидаемого триумфа¹⁴. Для Лосева идея актуальной бесконечности не только изначально близка: «бесконечность в любых ее смыслах, и в научно-математическом, и в философском смысле, была для меня подлинной реальностью, включая сюда и многие мои бытовые переживания»¹⁵. Она еще подлежала философскому обоснованию, которое, надо признать, автору «Диалектических основ математики» вполне удалось. Потому и понятно, что лосевские рассуждения о подлинно диалектическом, иерархийном устройстве мира бесконечностей или о структуре континуума (да, сама «бесструктурность», сама «неразличимость» и «сплошность» имеют, по Лосеву, свой особый и узнаваемый лик!) выражены в столь торжественной тональности. Так разыгрывается драма идей в ее кульминационных точках.

Далее, неизбежно приходится говорить об идейном сходстве и преемстве, если в кругу современников Лосева выделять фигуру уже упоминавшегося П.А. Флоренского. Известно, например, сколь высоко Лосев ставил книгу «Мнимости в геометрии» (1922) и неизменное стремление ее автора к принципиальному единению философии и математики. Безусловно близкими для Лосева предстают пифагорейско-платоновские по своим основаниям взгляды Флоренского на число (в начале 20-х годов они получили обобщение в работе «Число как форма»), а также трактовка им канторовской теории множеств (особенно показательна ранняя – 1904 года – статья «О символах бесконечности»). Сближают мыслителей и многие более общие установки: предпочтение диалектики иным философским системам (откуда, к примеру, бодрое и даже деловое восприятие логических антиномий), лишенное формальности отношение к познавательным категориям («конкретная метафизика» одного, «абсолютная мифология» другого), понимание не только мировоззренческих, но и мироустроительных

функций символизма (оба – активные разработчики имяславской доктрины), готовность рассматривать любые факты и явления в единстве структурно-смысловых (Логос) и выравнивающе-десемантизирующих (Хаос) процессов. Да, их одинаково волновали именно последние «как» и «почему», мысленный взор каждого устремлялся в одну и ту же феноменологическую даль, вперялся в одну и ту же глубинную точку. А различие – как же без него, – внешнее различие скорее всего пролегало на сугубо стилистическом уровне. Потому-то Флоренскому, засвидетельствовано, грезились зримые «корни вещей», каковые он «решительно отличал от бесструктурной мажущейся черной массы»¹⁶, потому-то Лосев прозревал «логические скрепы бытия» там, где большинству рисовалось «безумное марево» и «сплошной туман неизвестно чего»¹⁷. Поневоле играли свою определяющую роль очевидные несовпадения на уровне психологических особенностей этих личностей. Один, как истинный естествоиспытатель-коллекционер, больше любил разнообразие и неповторимость представших пред ним «реальных абстракций», потому в письмах из Соловков, припоминая важнейшее из содеянного, Флоренский особо выделял исследования «индивидуальности чисел», свое «изучение кривых *in concreto*» и прилагал к письмам скрупулезно и любовно выполненные рисунки водорослей¹⁸ – живых в такой же мере, как математические объекты, и, подобно последним, столь же изоциренно-структурных. Оттого другой, прирожденный классификатор и любитель категорий, вдохновенно строил свои «таблицы» подобно Линнею или Менделееву, потому в заметках из ГУЛАГа (конечно, в лагерной изоляции, вдали от нивелирующего влияния библиотек может явственнее проступить глас личностной, нутряной сути) Лосев набрасывал схемы именно систем и типологий, первым делом – числовых.

Нельзя не вспомнить здесь и о фигуре В.Н. Муравьева. Он оставил яркий след в публицистике начала века, примыкая к группе авторов «Вех» и участвуя в другом знаменитом сборнике – «Из глубины», успел издать замечательную философскую работу «Овладение временем как основная задача организации труда» (1924). Однако значительная часть его творчества, остающаяся донныне не опубликованной, явственно свидетельствует: одновременно с Лосевым и рядом с ним трудился

мыслитель, интересы которого особенно тяготели к философским основаниям математики. Имя и число, ипостасийный характер учения Георга Кантора, последовательное развертывание числового принципа в диалектическом синтезе единственности – вот только некоторые из тем, затронутых Муравьевым вместе (повторим – одновременно и рядом) с Лосевым. Что же касается нюансов и различий в подходах к этим и подобным темам «философии числа», то их, конечно, надлежит детально обсуждать лишь после должной публикации работ Муравьева¹⁹. Поэтому мы укажем разве лишь на одну примечательную переключку. Она связана с главой «О форме бесконечности» из «Диалектических основ математики». Стилистика главы определенно тяготеет к самодостаточной округлости эссе, здесь очевидна заостренность провозглашаемых императивов (совершенно неожиданная среди подчеркнуто нейтрального содержания окружающих глав) и явственен публицистический напор. Иными словами, данный текст носит «вставной» характер и невольно заставляет вспомнить о знаменитых «взрывчатых гнездах» (удачное определение С.С. Хоружего) в повествовательной структуре «Диалектики мифа». Откуда же пришло это «взрывчатое» рассуждение? «Мы изменим природу и космос» (533) – менее всего нужно читать эту декларацию как марксистский лозунг о переделывании действительности, но прежде всего нужно услышать в ней голоса с имяславских собраний 20-х годов. Нужно прислушаться к свидетельству одного из участников таковых, который утверждал о нераздельности субъекта и объекта, мысли и действия, а потому и «основной задачей имяславия» ставил «создание гармонической системы органов осуществления имен человеческих и объединение их в Имени Божьем», который взывал: «Имя славию, чтобы сохранить то, чего оно достигло, должно стать Имя действием»²⁰.

4. Аксиоматика и метаматематика

Остается рассмотреть логико-математические работы Лосева, взяв их как целое и как некую, скажем, световую точку на оттеняющем ее фоне мировых исследований в области оснований математики. Такое рассмотрение правомерно по меньшей

мере по двум причинам. Во-первых, к началу 40-х годов, когда лосевская «философия числа» приняла известную нам форму, многое существенное в данной области уже произошло и о многом главном сам Лосев имел вполне ясное представление (иными словами, точку на фоне помещать допустимо). Уже не только был исчерпан арсенал наивно-эмпирических определений понятия числа (от Евклида до Локка), была не только создана канторовская теория множеств и достаточно выявлены ее парадоксы, но и выдвинуты едва ли не все идеи для их преодоления²¹. Почти завершился длинный и трудный путь от *Principia mathematica* А. Уайтхеда и Б. Рассела (1913) к «Основаниям математики» Д. Гильберта и П. Бернайса (1939), уже начиналась (в том же 1939 году) многолетняя многотомная сага Никола Бурбаки, и уже был получен основной результат К. Гёделя (1931), указующий подобным титаническим усилиям неожиданно убедительный предел²². Во-вторых, эта проделанная целой армией мыслителей работа лишней раз убеждала самого Лосева в том, что подлинно философское осмысление математического материала еще слишком далеко от завершения и что «философию числа» можно и должно строить – ему, здесь и теперь (а нам, следовательно, точку и фон необходимо различать).

Различать так различать. Прежде всего, лосевское понимание природы математических объектов максимально чуждо (еще не вполне изжитому тогда в науке) психологическому подходу, выводящему представление о числе непосредственно из некоторого комплекса переживаний субъекта. Автором «Диалектических основ математики» отрицалась и куда более известная, а для отечественной философской общественности советского периода даже едва ли не единственная, доктрина о научных, в том числе математических понятиях как результате абстракции, отвлечения от материальной действительности. При весьма почтенном возрасте – уже после Аристотеля «математические предметы» надо было рассматривать, «полагая что-то обособленно от привходящих свойств» (*Met.* 1078 a 15), – и при наличии непрестанно возобновляемой череды апологетов (здесь видное место занимала как раз С.А. Яновская, один из главных идейных оппонентов Лосева), надо подчеркнуть,

метод абстракции всегда страдал принципиально важным дефектом: сама установка на абстрагирование имплицитно содержит знание именно того понятия, которое надлежит определить. Это есть, как известно, логический круг. Отметим к случаю, что прямую борьбу с аристотелевским пониманием числа как абстракции Лосев проводил в работах «Диалектика числа у Плотина» (1928) и «Критика платонизма у Аристотеля» (1929)²³. В этих специальных античных экскурсах он приглашал современного читателя вернуться к старинному спору между Платоном и Аристотелем о природе числа, чтобы заново рассмотреть аргументы сторон и осознанно реабилитировать платонизм в математике.

Не столь однозначно отрицательным было отношение Лосева к логицизму. С одной стороны, ему безусловно импонировали начинания некоторых выдающихся ученых, приступивших на рубеже XIX и XX веков к строительству оснований математики на аксиоматических принципах. Действительно, подобно тому как приверженцы методов Пеано и Гильберта получали многочисленные математические истины из немногих базовых утверждений-аксиом, так и Лосев последовательно (от немногих содержательных посылок ко многим формальным и неформальным следствиям) выводил и отдельные математические понятия, и развернутые теоремы, и целые типологии математического знания. Громадное древо математики произрастает из малого зерна, с нею по мере роста разворачиваются и ее аксиомы. Тут действительно уместны высказывания подобного «ботанического» окраса, ибо сама аксиоматика, по Лосеву, «основана на последовательном созревании категорий» (404). Однако, с другой стороны, для него были неприемлемы многие изначальные, родовые особенности гильбертовской школы. Это и демонстративный формализм, т.е. сосредоточение на проблемах непротиворечивости вывода при игнорировании содержательных интерпретаций (для философа, многому научившегося у В.С. Соловьева, подобная позиция попросту безжизненна), это и установка на строго обозримые «финитные» методы рассуждений (потому формалистам предписывалось навсегда «изгнать» важнейшую идею актуальной бесконечности), это, наконец, рискованная самозамк-

нутость гильбертовской теории доказательств. Последняя особенность требует отдельного комментария.

Гильбертовская программа спасения классической математики от парадоксов, по определению С. Клини (1967), состоит в следующем: математика «должна быть сформулирована в виде формальной аксиоматической теории, после чего следует доказать ее непротиворечивость, т.е. установить, что в этой формальной аксиоматической теории нельзя доказать противоречие»; сами доказательства при этом становятся «предметом специальной математической дисциплины, названной Д. Гильбертом *метаматематикой*, или *теорией доказательств*»²⁴. Данная программа полагалась к реализации для арифметики, функционального анализа и, в перспективе, геометрии. Уже над отдельными фрагментами математики старательно возводились ажурные конструкции гильбертовой метаматематики (это оказалось изнурительно трудным занятием), когда подоспели знаменитые теоремы Гёделя. Здесь выяснилось, во-первых, что во всякой математической теории можно сформулировать вполне осмысленное (правильное), но недоказуемое и, вместе, непроверяемое утверждение, т.е. внутри всякой такой теории, содержательно достаточно богатой, гарантировано присутствие сомнительной ее составляющей. Потому доказательство «изнутри» невозможно. Выяснилось, во-вторых, что непротиворечивость данной формальной теории доказывается только в рамках иной, более развернутой формальной теории, та в свою очередь нуждается в новом расширении, и т.д. Потому доказательство непротиворечивости «извне» всегда незавершимо. Таким образом, было строго доказано наличие принципиальных ограничений на строгость доказательств в математике. Это фактически указывало на необходимость выхода за пределы метаматематики (по Гильберту) в объемлющие ее области, причем по двум путям: либо пытаться преодолеть барьер, поставленный результатами Гёделя, за счет отказа от прежнего экстремизма и создания новых формальных методов и повторного (через них) обращения к проблеме существования математических объектов, либо развивать более содержательную «метаматематику», действительно конструируя такие объекты из некоторых первооснов и уже не прибегая к математическим формализмам. Первым путем и по

сей день следуют многие специалисты по основаниям математики²⁵, по второму пути пошел Лосев и больше, кажется, никто.

Тут у нас настает момент уточнения терминологии. В самом деле, насколько правильно будет связывать «метаматематику» впрямую с именем Лосева? Ведь мы знаем, что сам автор называл свое учение либо, вполне определенно, «диалектическими основами математики» (как в названии основной своей книги по философским вопросам математики), либо, вполне общо, «философией числа» (этим обозначением мы и сами уже пользовались в предыдущем изложении). Кроме того, термин еще и «занят» под название сугубо математической дисциплины, введенной, как сказано, Давидом Гильбертом. И все-таки смысловой пласт этого термина «метаматематика» слишком богат и ценен, чтобы отказываться от него, доверяясь лишь формальным доводам.

Заметим прежде всего, что построения Лосева нигде не расходятся с математическими данными. Автор даже с некоторой (методологически оправданной) назойливостью и монотонностью вновь и вновь показывает, где и как его содержательная аксиоматика, его «основоположения числа» естественно перерастают в аксиомы и теоремы самой математики. Можно сказать, философская метаматематика Лосева прodelывает свой отрезок пути и заканчивается там, где начинает собственно математика, – в изощрениях профессионалов-нефилософов. Логически Лосев оказался раньше, впереди, прежде специалистов по математике и ее основаниям. Исторически имелась уже математика со всеми ее достижениями, принципиальными кризисами, необозримостью тем и предметов, когда явились на свет (точнее, от света, «в стол» московского одиночки) построения новой метаматематики. Эта ситуация определенно повторяет одну весьма давнюю историю – вспомним происхождение явно родственного «метаматематике» термина. Последний возник случайно, когда Андроник Родосский (I в. до Р.Х.), заново упорядочивая и переписывая труды Аристотеля, вслед за группой сочинений «о природе» (*ta phisika*) поместил другую группу под условным названием «то, что после физики» (*ta meta ta phisika*). С тех пор наука, «исследующая первые начала и причины» (*Met. 982 b 10*) и самим Аристотелем величаемая «первой

философией», стала «метафизикой». То, что в материальном мире занимало локус «после», в мире идей оказалось «до».

Впрочем, это только аналогия, пусть и полезная. О самом прямом вхождении лосевской «философии числа» (как метаматематики) в традицию «наук о первоначалах», как и о справедливости притязаний на многообещающую семантику греческой приставки «мета», легче судить, если привлечь к нашему терминологическому рассмотрению книгу С.Л. Франка «Предмет знания» (1915). Автор книги ставит перед собой задачу построения единой «теории знания и бытия», предпочитает называть ее «не онтологией, а старым и вполне подходящим аристотелевским термином «*первой философии*», себя относит опять-таки «к старой, но еще не устаревшей секте *платоников*» и особо выделяет в последней фигуры Плотина и Николая Кузанского²⁶. Не правда ли, тут узнаются и предпочтения Лосева? Но еще больше согласий и переключек обнаруживается в главе «Время и число» книги Франка. В основу построений здесь кладется «всеединство» («единство целого», «единство единства и множественности»), которое и рассматривается как тот «подлинный источник, из которого может быть выведено понятие числа», одно из основных понятий «первой философии». Это всеединство – источник единственный, ибо только на этом пути не возникает логический круг, ибо только отправляясь от всеединства, замечает Франк, «мы действительно не предполагаем математических понятий единого и многого, а восходим к тому, в чем, как таковом, этих моментов еще нет и из чего они должны возникнуть»²⁷. Далее следовало непосредственное «выведение числа из всеединства». Именно этой части «Предмета знания» Лосев посвятил специальный комментарий в книге «Музыка как предмет логики» (1927), где он строил концепцию числа с опорой на пример трактата Плотина (Эннеады VI.6 «О числах») и обнаруживал согласованность конструкций – своей, Франка и Плотина. Это и неудивительно: «одни и те же предпосылки приводят при правильном методе и к тождественным результатам»²⁸.

Лосевская метаматематика, в основе которой лежат глубокие неоплатонические интуиции, получала, таким образом, мощную поддержку и примером непосредственного предшественника. Но этого мало. В своем построении и анализе «числовых структур

бытия» Лосев сумел избежать одного существенного перекоса «первой философии» по Франку, на который в свое время было указано некоторыми наиболее проницательными критиками. Так, в рецензии на книгу «Предмет знания» Н.А. Бердяев отмечал неоправданный «монизм» теории Франка, подчеркивал упрощенность решения проблемы «изменения, творческого движения, возникновения нового, небывалого», напоминал о неустранимом присутствии во всеединстве не только «света» как творящего начала, но и «тьмы», «темных волн безосновной основы бытия», и в итоге определял: «Знание потому имеет творческую природу, что оно должно одолевать этот вечный напор тьмы, пронизывать его светом, оформлять его изначальный хаос»²⁹. Для Лосева было уже естественно относиться к извечной «меональной тьме» не только с пониманием, но и чрезвычайно конструктивно: «из этого становящегося мрака как из некоей глины будем созидать те или иные смысловые фигурности» (501), – возглашает он фундаментальный принцип строительства математических объектов и повсеместно проводит его в практике своей метаматематики. Применительно совсем к другой области знания, еще в «Диалектике художественной формы», лет за десять до «Диалектических основ математики», легко отыскиваются те же мотивы и установки. К примеру (тоже почти инструкция по применению): «В сфере смысла, где слиты в единое и сплошное тождество категория и ее внутреннее инобытие, вполне позволительно выделять поочередно то самую категорию, подчиня ей ее инобытие, то ее инобытие, подчиня ей его категорию» (здесь речь шла о классификации искусств по «категориальному» и «меональному» принципам). Или там же прочтем и учтем лосевскую похвалу Шопенгауэру за то, что «он больше всех других почувствовал как раз алогическую основу мира в отличие от всякой оформленности»³⁰.

5. Диалектика как точная наука

Мы рассмотрели и дальше, и ближнее окружение лосевской «философии числа», то окружение, в драматическом притяжении-отталкивании с которым она и оформилась. По ходу рассмотрения уже были, конечно, получены некоторые

содержательные характеристики самого ядра, центра всех соотношений. Теперь пришла пора сосредоточить наше внимание специально на этом центре, в его смысловой точке.

Только сделаем одно предваряющее замечание. Приходится констатировать, что Лосеву не удалось реализовать в полном объеме свой замысел строго диалектического обоснования математики. Причинами тому следует указать как обстоятельства общего плана (вряд ли подобное грандиозное предприятие по силам одному человеку, даже при самых благоприятных внешних условиях), так и частные биографические особенности печального свойства, о которых уже говорилось выше. Добавим еще одно: значительная часть довоенных рукописей периода максимальной активности автора на философско-математическом поприще погибла летом 1941 года в результате прямого попадания фашистской авиабомбы в дом на Воздвиженке, где была квартира Лосева. Чего-то не успел сделать или не дали, толкая под руку, что-то было уничтожено, готовое. Потому теперь приходится заниматься реконструкцией общей панорамы математических знаний, как она представлялась автору «Диалектических основ математики» (особо ценны для нашей задачи параграфы 9, 34, 80 книги), а также отыскивать следы прежних замыслов в более позднем творчестве философа. По ходу этих операций будут видны и общие контуры всей конструкции, и зияющие места утраченных ее деталей.

Математика как феномен культуры. Проведя начальное тематическое разделение (33) по сферам:

- а) философии чистой математики,
- б) философии математического естествознания,
- с) культурно-социальной истории числа,

Лосев сосредоточил свой анализ на первой сфере, вынужденно «оставляя пока в стороне естествознание, психологию, социологию, теорию самой диалектики числа и историю» (35). Характерно это «пока». Нам не известны лосевские работы, специально посвященные «временно покинутым» темам, однако интерес к социально-культурным типологиям вообще, к «физиогномике» математических воззрений в частности мож-

но проследить в его творчестве на протяжении всей жизни. В тех же «Диалектических основах математики» нетрудно обнаружить примеры напряженного внимания автора к социально-исторической обусловленности тех или иных математических построений. На них особо обращает внимание читателей первый и самый чуткий рецензент книги – В.М. Лосева (14). Или взять один из таких «бродячих» сюжетов в творчестве Лосева, как логику исчисления бесконечно малых. В роли своеобразного пробного камня она многократно привлекалась философом то для характеристики мировоззренческого стиля Возрождения (с его богоборческим лозунгом *quo non ascendam*) и вообще пресловутого «прогрессизма» новоевропейской культуры, то для анализа телесных интуиций античности, то для понимания ранней истории представлений о дискретности, пределе и континууме. В своем неизменно типологическом отношении к различным проявлениям духа, к различным культурам Лосев предстает несомненным продолжателем усилий О. Шпенглера, для которого «то, что выражается в мире чисел», всегда «есть стиль души», души выражающейся³¹. Метаматематика обязана быть еще и морфологией культуры.

Философия чистой математики. Область собственно математики, с точки зрения философа, разделяется также на три сферы (40):

- а) общая теория (логика) числа, исследующая перво-принципы числа, число как таковое, сущность числа,
- б) философия математических дисциплин, специальная теория числа, теория числа в частности, числа как явления,
- с) философия теории вероятностей и математической статистики, исследующая число в казусах, в жизни, в действительности.

Дошедшая до нас часть «Диалектических основ математики» вполне представляет всю общую теорию числа (§10–78) и дает переход к специальным вопросам (§81 и далее). Отдельного исследования «числа в жизни», т.е. специального рассмотрения теоретико-вероятностной проблематики автор

не оставил, однако о многом мы имеем возможность судить: в «Диалектических основах математики» каждый шаг лосевской аксиоматики получал завершение и разъяснение именно на материале данного слоя математической реальности.

Специальная теория числа. Здесь также проводится классическое триадное разделение (429–435):

- а) науки о бытии или сущности числа, об интенсивном числе (арифметика, алгебра, анализ),
- б) науки об инобытии или явлении числа, об экстенсивном числе (геометрия),
- в) теория множеств как наука о синтезе арифметической и геометрической ипостасей числа, об эйдетическом числе.

Второй и третий разделы, строго говоря, нужно отнести к утратам. Исчез, например, целый том по геометрии, о котором Лосев несколько раз упоминает (227, 302) и куда отсылает за подробностями. Однако примем в расчет, что логико-диалектической проработкой геометрических идей автор занимался уже на страницах книги «Античный космос и современная наука». С тем же упреждением осваивалась и теоретико-множественная проблематика, если иметь в виду раннюю «Музыку как предмет логики». Словом, уже дошедшего – много. Даже одно только напоминание о глубинном единстве наглядно-геометрических и счетно-арифметических подходов, убедительно демонстрируемое лосевской метаматематикой, будет весьма кстати сегодня, когда философы и математики все еще бьются над во многом уже решенными, оказывается, вопросами. Для примера укажем тему оппозиции «арифметического» (*Rechnen*) и «геометрического» (*Zeichnen*), о которой всерьез заговорил за рубежом Д. Фанг, а у нас – К.И. Вальков³². Пора на самом деле «обратиться к беспристрастному и ко всему одинаково равнодушному суду диалектики» (389), а не замирать, по Фангу, в безмолвном ужасе перед сфинксом «единой и неделимой и, в конечном итоге, непостижимой тотальности» математики или же вместо одной крайности – излишней «арифметизации» впадать в другую – в крайность «геометризма»³³.

Бытие числа (интенсивное число). Науки о бытии или сущности числа можно представить, согласно Лосеву, в виде диалектической триады (442):

- а) арифметика и алгебра как учения о неизменной сущности числа, о постоянных величинах и их функциях,
- б) дифференциальное, интегральное и вариационное исчисления как учения об инобытийной изменчивости числа, о переменных величинах и их функциях в скалярной форме,
- с) векторное и тензорное исчисления как учения о действительности числа, о числе синтетическом, ориентированном, направленном.

Здесь второй и третий разделы, если опираться только на «Диалектические основы математики», также следует считать утраченными. Однако достаточно определенный анализ, касающийся диалектической сущности, например, дифференциала и интеграла также отыскивается в книге «Музыка как предмет логики». Утрату содержательной части второго раздела отчасти восполняет сохранившаяся работа Лосева «Некоторые элементарные размышления о логических основах исчисления бесконечно-малых».

Арифметика и алгебра. Внутри первой сферы интенсивного числа Лосев выделяет очередную триадическую структуру (430, 446):

- а) арифметика как учение о непосредственной сущности числа в ее бытии, о числе в себе,
- б) алгебра как учение о непосредственной сущности числа в ее инобытии, о числе функционально выраженном,
- с) алгебраический анализ (теории форм, инвариантов и др.) как учение о непосредственной сущности числа в ее становлении.

Как следует из публикуемого «Содержания» первой книги «Диалектических основ математики» (23), степень детализации построений лосевской метаматематики была столь велика, что к темам алгебры переход планировался лишь в самом

конце обширного тома. Все дальнейшее кануло в Лету. Да и от собственно арифметической части книги сохранилось далеко не все. Так что, предприняв еще одно посещение мира числовых триад, нам остается назвать и последние структуры, и последние утраты.

Арифметика. Внутри арифметики, согласно общей диалектической схеме Лосева, следует различать (446–448):

- а) натуральный ряд как бытие сущности числа, как акт ее полагания,
- б) типы чисел (отрицательные, рациональные, мнимые и др.) как инобытие чисел натурального ряда,
- с) действия с числами как становление сущности числа, типы числовых комплексов в разнообразных направлениях и комбинациях счета.

Сохранившийся текст «Диалектических основ математики» обрывается на материалах заключительной части второго из названных разделов. Впрочем, в предыдущем изложении у автора заключено достаточно общих указаний и конкретных примеров, по которым вполне уверенно достраиваются логико-диалектические аналоги для арифметических операций.

На полученную последовательность – анфиладную последовательность одна в другую врастающих триад – еще нужно наложить объединяющий все шаги и этапы процесс, чтобы картина получилась полной: ведь вся математика, показывает и доказывает Лосев, есть не что иное, как развитое и детализированное понятие числа. Число как первая категория, первая «осмысленная, оформленная положенность, категориально оформленная положенность» (105), как «слепительное», напомним, «Да» составляет саму основу математических объектов. Всё есть число. Остается только оговорить: ту перво-категорию, тот «акт полагания подвижного покоя самотождественного различия», что пронизывает, по Лосеву, любые закоулки математики, необязательно называть именно «числом». Действительно, в угоду пуританской строгости можно окрестить названную фундаментальную логико-диалектическую конструкцию каким-либо специальным образом, к примеру

назвать ее по случаю и в честь Лосева «L-выражением» (впрочем, «выражение» – это еще слишком лосевский термин) или «L-кортежем»³⁴. Далее придется поступить так, как уже приходилось действовать в области математической логики, т.е. в области формальной, нелосевской метаматематики, причем именно в 30-х годах. А именно, там вместо интуитивно ясного, но строго не определенного понятия «вычислимой функции» принялись тщательно изучать свойства так называемых «общерекурсивных функций», определяемых уже алгоритмически точно. Следующим шагом было показано, что у вновь введенного формализма достаточно изобразительной мощи, чтобы заместить собой несколько расплывчатое понятие «вычислимости». Наконец, между классами содержательных и формальных функций была провозглашена эквивалентность (в форме «тезиса Черча»), – именно провозглашена, а не доказана, поскольку последнее невозможно ввиду принципиальной несводимости, принципиально различной природы сравниваемого. Желающим увековечить свое имя в новом «тезисе» можно предложить аналогичную проверку для числа и L-кортежа. Впрочем, изучая «Диалектические основы математики», нетрудно убедиться, что Лосев сам положил много усилий для демонстрации справедливости подобного «тезиса» и повсеместно обнаруживал, как математический материал «с огромной точностью воспроизводит» логико-диалектические прообразы (294).

Оценивая теперь лосевский проект метаматематики и оценивая предложенный философом неблизкий путь от максимально общих принципов «философии числа» до мельчайших фактов самой частной (и самой первой) из математических наук, арифметики, мы можем наконец судить и о замысле – он масштабен, и о степени его воплощения – при многих потерях и необходимых оговорках, всё самое трудное свершено, всё самое главное было сформулировано и предано бумаге. Обозревая труды, в невольном одиночестве исполненные Лосевым, можно с оптимизмом предположить, что «задача философского обоснования математики» если и не разрешена единолично им, то вполне может быть разрешима коллективными усилиями на путях, проложенных лосевской метаматематикой. А саму

диалектику как основное орудие этой метаматематики уже теперь «можно считать... настолько зрелой и конкретизированной дисциплиной, что она вполне может (и даже обязана) войти» – и, как мы теперь знаем, успешно-таки вошла – «в детали числовых конструкций, не ограничиваясь общими рассуждениями только о самом понятии числа» (424).

6. Вместо заключения

Итак, определенный период творческой биографии Лосева, пройденный, по его собственной квалификации, под знаком ярко выраженного «отвлеченно-диалектического эроса», вполне закономерно завершился систематическими логико-математическими исследованиями. Как бы ни относиться к некоторым лосевским сочинениям, «гипертрофированным в смысле логики и диалектики» (*В.М. Лосева*), к этому всеохватному «унифицированному строительству из диалектических блоков» (*С.С. Хоружий*), ясно и достоверно следующее: мощный творческий эрос позволил Лосеву занять достойное место в ряду немногих подлинных мыслителей, для которых постижение интегрального целого, обретение Логоса в Хаосе было превыше всего. До Лосева в этот ряд входили и входят преимущественно естествоиспытатели – отечественные создатели систем, прежде всего Д.И. Менделеев, Е.С. Федоров, В.И. Вернадский, Н.И. Вавилов, А.А. Любищев, среди современных исследователей – Г.М. Идлис, Ю.А. Урманцев, Ю.И. Кулаков. Последний из названных, вспоминая предысторию созданной им теории физических структур, высоко оценивал совет своего учителя И.Е. Тамма, выдающегося физика-теоретика: в поисках «единого универсального языка» природы нужно вооружаться примером «прежде всего русских философов», которые «о многом догадывались, хотя не могли сформулировать свою идею всеединства» достаточно строго³⁵. Пример Лосева показывает, что русская философия оказалась способна не только «о многом догадываться», но и «многое сформулировать».

3.6. Введение в периодическую систему начал

Творческое наследие А.Ф. Лосева обширно и многопланово. К нему обращаются философы и лингвисты, культурологи и теологи, математики и филологи, музыковеды и логики, и всякому уготована встреча с высокими образцами мысли и неожиданными находками. Сей список специальностей заведомо открыт, да и наша публикация, что скрывать, предполагает необходимость включения в него и исследователей в области, так скажем, информационных процессов и систем.

Нельзя не заметить, однако, что обращение к научным результатам Лосева пока еще сопряжено с немалыми трудностями, особенно если иметь в виду книги «раннего» Лосева, изданные в 1927–1930 годах, – они-то как раз и насыщены идеями внушительного калибра. Причин тому много, в том числе внешних и даже чисто количественных.

Сначала книги были труднодоступны, все они выходили малыми тиражами в частных издательствах, а одна из них, «Диалектика мифа» вообще была конфискована сразу после выхода в свет. Теперь же они внезапно обрушились на современного читателя громадным пластом и потому должно, видимо, пройти немало времени, прежде чем появятся оценки, по масштабу соразмерные оцениваемому. Достаточно сказать, что в собрании сочинений Лосева, вышедшем в издательстве «Мысль» (восьмой том собрания вышел недавно, в мае 1999 г.), упомянутые книги автора вместе с сопутствующими архивными публикациями занимают более 225 условных печатных листов текста. Тоже скорее внешний, но и существенный отпечаток уже на стиль и степень «прозрачности» лосевских построений наложили также известные исторические обстоятельства: в эпоху «великого перелома» вообще не мог иметь голоса, был незаконен платонизм, да еще и православно понятый (как раз таково, напомним, самоопределение авторской позиции). Поэтому отдельные места книг Лосева и даже целые книги – особенно это касается «Философии имени» и «Диалектики художественной формы», – подчеркнуто «засушены», содержат недоговоренности, а то и вовсе подчас эзотеричны.

Однако куда более принципиальные трудности прочтения

Лосева порождены причинами внутренними, фундаментально-содержательными. Дело в том, что Лосев и сам использовал в своих исследованиях и через то предложил современному мыслящему сообществу слишком непривычную, хотя и не слишком новую систему научных категорий. Чтобы адекватно воспринимать автора знаменитого «восьмикнижия», нужно прежде отказаться от многих стандартных (т.е. давно уже принимаемых и понимаемых безусловно, некритично, беспамятно) понятий, таких, к примеру, как «время», «вещь», «число», «имя», «миф» и др., а взамен брать их заново переопределенными в авторской аранжировке, в авторской системе. Система эта, повторимся, не является абсолютно новой, она имеет традицию в истории мысли, и сам Лосев прямо указывал свою зависимость, скажем, от античных неоплатоников или Николая Кузанского. Однако она слишком отличается от классической категориальной системы – той как раз, что господствует поныне.

И еще одну особенность или трудность приходится взять в расчет. Определена она биографическими обстоятельствами. Процесс создания и совершенствования лосевской философской системы был насильственно прерван в самый разгар работы, после перерыва же «отвлеченно-диалектический эрос» автора во многом угас, он сам о том признавался¹ к середине 1930-х гг. и потому напрямую не возвращался к прерванному. Не дали (всем интересующимся подробностями жизни и творчества мыслителя настоятельно рекомендуем книгу «Лосев»², построенную на архивных данных и ценных личных наблюдениях вдовы философа Азы Алибековны Тахо-Годи). Потому-то теперь, при изучении данной системы приходится подчас прибегать к реконструкции, а также к некоторого рода переоформлению и резюмированию ее, поскольку мысль самого автора не во всем успела отлиться в законченную, отшлифованную форму. При других, более благоприятных условиях эту задачу *с успехом выполнил бы*, конечно, сам Алексей Федорович – великий мастер формулировок того или иного учения буквально в одной фразе и большой любитель исчерпывающе перебирать состояния различных «мыслительных конструкторов». Ниже предлагается попытка такого специального, по возможности сжатого изложения системы категорий «раннего» Лосева.

При этом сравнительно-историческая и текстологическая работа сводится у нас к минимуму, а основное внимание уделено логической стороне дела. Объем материала столь велик, что и тут приходится ограничивать задачу: мы будем именно и только *излагать* лосевскую систему, причем в пределах *достаточно хорошо развитой* ее части (осталось еще немало мыслимых ходов по ее обобщению и развитию), тогда как для проверки методологической прочности системы и вообще *за обоснованиями* следует обращаться, уже без посредников, непосредственно к трудам Лосева. Наконец, даже при названных упрощениях следует заранее предупредить читателя, что ему подчас придется надолго задерживаться там, где задумываться ныне еще (или, напротив, уже) не принято. Такова особенность изучаемой системы. Ее оригинальность проистекает из самых оснований мысли, оттуда, где воистину *шевелится хаос* и, следовательно, угнездились *новое*.

Различные аспекты творчества выдающегося отечественного философа явились главными темами, которые автор этих строк обсуждал при последних встречах с Юлием Анатольевичем Шрейдером (1927–1998), происходивших весной 1998 года. Тогда же был получен настоящий дружеский совет, ставший, увы, завещанием, – попытаться резюмировать лосевскую систему. Хочется поблагодарить судьбу за щедрый дар многолетнего творческого общения с Ю.А. Шрейдером и посвятить данные заметки светлой памяти собеседника.

1. Краткая характеристика «восьмикнижия»

Хронологически, по мере печатания, книги Лосева расположились следующим образом: «Античный космос и современная наука» (1927), «Философия имени» (1927), «Музыка как предмет логики» (1927), «Диалектика художественной формы» (1927), «Диалектика числа у Плотина» (1928), «Критика платонизма у Аристотеля» (1929), «Очерки античного символизма и мифологии» (1930), «Диалектика мифа» (1930). Все восемь книг естественно рассматривать как единый комплекс, только под диктатом издательских ограничений и по

капризам житейских обстоятельств разьединенный на условно самостоятельные единицы. В кругу исследователей творчества Лосева давно сложилась и укрепилась традиция упоминать их под общим названием «восьмикнижие». В традиции этой явно материализовалась объективная интуиция единства и цельности комплекса упоминаемых книг, рожденная после вживания в соответствующие тексты. Возможные же аллюзии культурологического или даже конфессионального типа (некоторые скептики, к примеру, находят нужным говорить о «новейшем писании») предстают уже делом вполне вкусовым и индивидуальным.

В первых четырех работах «восьмикнижия», носящих преимущественно логико-теоретический характер, мы находим основное изложение системы категорий по Лосеву. Книги объединены установкой на универсальный диалектический метод в приложениях к различным предметным областям, так что мы теперь, преследуя цель сжатой характеристики этих книг, вполне можем присвоить им следующие *условные* наименования подчеркнуто однотипного вида:

«Диалектика мира» (развернутая формулировка системы и ее приложение к общей картине бытия в «Античном космосе»);

«Диалектика имени» (краткое общее изложение и детализация системы на завершающих ее ступенях; заметим, что «Философию имени», которая здесь имеется в виду, первоначально именно так и предполагал назвать сам автор);

«Диалектика музыки» (изложение системы со специальным анализом категории «становления» и приложениями к толкованию феноменов музыкального бытия – такова «Музыка как предмет логики»);

«Диалектика выражения» (или – «художественной формы», как названо в оригинале; здесь также обнаруживается краткое изложение системы и ее приложение к вопросам типологии искусств).

В двух последующих работах, опубликованных в 1928–1929 годах и по форме представляющих собой перевод и комментарий античных первоисточников (двух книг из «Метафизики»

Аристотеля и одного трактата из «Эннеад» Плотина), детально анализируется античная полемика вокруг базовых категорий системы – «идеи» и «эйдоса». Поскольку при этом особенно пристально рассмотрена проблема «чисел», то мы, согласно нашим обозначениям, две названные книги вполне можем объединить под условным названием «Диалектика числа».

Наконец, в двух заключительных книгах 1930 года, наряду с развитием логических построений, наблюдается значительное усиление внимания автора к социально-историческим моментам обследуемых культур, античной и, по контрасту, современной. На базе преимущественно античных данных прослеживается история осмысления категории «символа» (тем самым «Очерки» в плане логического содержания можно переименовать в «Диалектику символа») и уяснена логика пути античности к осмыслению «мифа». Наконец, подробный разбор примеров из новоевропейской и современной Лосеву – периода 1920-х годов – российской жизни наряду со специальным теоретическим анализом категории «мифа» в отграничении ее от смежных и логически предшествующих категорий составляют содержание «Диалектики мифа». В случае последней книги прием условного переименования нам и не пригодился.

Формально не входят в данную серию «Диалектик», но реально примыкают к ней и существенно ее дополняют несколько фрагментов и больших архивных работ 1920–1940-х годов («Вещь и имя», «Самое само», «Диалектические основы математики» и др.), которые увидели свет уже после кончины автора. Мы будем привлекать их по мере изучения системы категорий Лосева, в том числе для характеристики намечавшихся путей ее совершенствования и развития.

2. Структура базовой тетрактиды

Всякий объект мысли, всякое *вообще мыслимое* следует рассматривать диалектически. По Лосеву, универсальная последовательность такого рассмотрения содержит четыре основных этапа и в целом образует фундаментальную «четверку», или *тетрактиду*:

- а) первое начало, *Одно*, или сверх-сущее, перво-единое, нечто В-себе, «ни на что более неделимая индивидуальность и сплошность», которая «выше границ, выше очертания, выше смысла, выше знания, выше бытия» и потому суть «потенция всех вещей и категорий» (11)³;
- б) второе начало, *Одно сущее* (или просто *Сущее*, или же *Многое*), нечто Для-себя; когда Одно полагает себя и, следовательно, «отличается от иного, очерчивается в своей границе, осмысливается, оформляется», оно «стало чем-то определенным и, значит, бытием», это – уже «та единичность, которая дана как раздельная множественность» (11);
- в) третье начало, *Становление*, нечто В-себе-и-для-себя, синтез двух предыдущих начал как «чистой бытийственности» и «принципа множественной бытийственности»; если «второе начало есть абсолютная координированная раздельность», т.е. этап логического расчленения, то третье начало «есть сплошность и непрерывность становления в сфере этой раздельности», т.е. этап уже алогического расчленения (12);
- г) четвертое начало, *Ставшее*, или *Факт*, нечто Для-себя-и-для-иного, результат неизбежного оформления Становления; поскольку «всякое диалектическое определение совершается через противопоставление иному и последующий синтез с ним», здесь таким противопоставлением завершена вся последовательность: как иное, принимая на себя Одно, становится Многим и как иное, принимая на себя, далее, Многое, превращается в Становление, так в очередной раз иное, принимая на себя Становление, «необходимейшим образом» есть Ставшее, «то, что именно становится» (13).

Структура тетрактиды изложена здесь близко к тексту вступительной части «Диалектики художественной формы», и на этом изложении мы остановили свой выбор только ради краткости. В других частях «восьмикнижия» тетрактида и ее составляющие трактуются много подробнее, с напряженным вниманием к малейшим нюансам на каждом шаге мысли и

обширными экскурсами к первоисточникам данного построения – а это, прежде всего, диалог Платона «Парменид» вместе с комментариями к нему у неоплатоников. Подчеркнем, что многие годы спустя Лосев, признанный знаток античной культуры вообще и платонизма в частности, по-прежнему тратил чрезвычайно много усилий на дальнейшее изучение и ясную, максимально приближенную к современному сознанию интерпретацию «Парменида» (см., например, работу автора⁴ в известном отечественном издании трудов Платона), снова и снова возвращался он и к обширным неоплатоническим комментариям о «гипотезах» диалога, особенно в одном из заключительных томов «Истории античной эстетики»⁵. Все это свидетельствует о том, что в принципиальной важности тетрактиды и в неоспоримости логики ее построения Лосев не сомневался всю свою долгую жизнь.

Есть у философа еще одно, весьма простое и чрезвычайно насыщенное наглядными элементами изложение диалектики *Одного* и *иного*. Поскольку его можно обнаружить с различными вариациями и степенями детализации почти в каждой работе Лосева 1920–30-х годов, мы здесь ограничимся даже не сводкой, но всего лишь отсылающим к нему жестом, не рискуя своим пересказом смазать и опошлить художественно изоциренную и даже живую картину, явственно развернутую и расцвеченную пред умственными очами философа. А философ был убежден, что «всякая диалектика, скрыто или явно, живет интуициями света, фиксирует ярко очерченные границы, и если нет различия между светлой точкой и окружающей тьмой или известной степенью затемнения, то... и нет никаких идей, уже не говоря о разумном их сопряжении»⁶. Потому-то развертывание тетрактиды для него было в строгом смысле «равносильно или появлению первой черной точки в том абсолютном свете, в котором до сих пор не было ровно никакого различия, или появлению первой светлой точки в той абсолютной тьме, в которой тоже не было до сих пор никакого просвета»⁷.

Сюжет рисования на фоне *небытия* некой *бытийной точки* (или, как вариант, *окружности*), которая, «как искра от ветра и от горячего материала, тут же начинает расти и распространяться, поглощать этот горячий материал небытия, который

сам стремится к огню и свету»⁸, лосевский сюжет этот напрашивается для сравнения с одной логической схемой, не только давно вошедшей в генеральный список оснащения современной науки, но и помещаемой в основания *здорового смысла* вообще⁹. Это – известная *диаграмма Венна* (в истории логики ей предшествуют т.н. *круги Эйлера*), которая с равным успехом описывает как соотношения утверждений в древней аристотелевской силлогистике, так и выражает содержание вполне еще свежей алгебры множеств. Построить диаграмму просто: на листе бумаги посредством, к примеру, карандаша рисуется окружность с тем намерением, чтобы все то, что попало внутрь ее, объявить *множеством А*, а все оставшееся пространство листа, лежащее за очерком ее границы, посчитать отрицанием указанного множества, т.е. *множеством не-А*. Оба множества даны здесь раз и навсегда, даны рядом и вместе с тем порознь, они, как выразился бы Лосев, *оцепенело и одиноко торчат* посреди безжизненной пустыни. Тетрактида же, скажем мы теперь, призвана сохранить каждое движение метафизического карандаша, начиная от зависания над нетронутой белизной бумаги, от первого прикосновения к ней грифельного острия и первой, тем самым, встречи *А* и *не-А*, и так вплоть до последнего мгновения, когда долгий путь по линии замкнется и явит окончательную фигуру. Тетрактида помнит все этапы, отображает *жизнь* указанных множеств в их взаимном общении и обогащении.

Для Лосева логикой *здорового смысла* как раз и является диалектика, которую, с задором писал автор, «можно начать с чего угодно, например с моих очков»¹⁰. Он всегда требовал, чтобы «всякая сложность и тонкость» диалектических построений «имела прямую и очевидную связь с обывательскими и повседневными наблюдениями», чтобы выведение любой категории следовало «прозаическим чувственным установкам»¹¹. Отсюда происходят те постоянные бытовые иллюстрации, то знаменитое *приземление*, без которых не обходится, пожалуй, ни одна работа Лосева, как «раннего», периода первого «восьмикнижия», так и «позднего» – периода создания «Истории античной эстетики». Отсюда столь символичное касание собственных очков в зачине большого трактата. Отсюда

же приглашение к читателю, дабы поразмыслить о свойствах *актуальной бесконечности*, – одна из любимейших тем Лосева, – поразмыслить посредством наблюдения простых стоптанных галош, и пусть на них обязательно будет тиснуто клише «Красного треугольника»! Непосредственным рассмотрением чего-то тривиального заслуживается возможность с полным правом делать нетривиальные выводы: «в живых вещах *бесконечное и конечное неразличимо*»¹². Лосев – реалист.

3. Структура базовой пентады

Рассмотрим тетрактиду подробнее. Пока в ней выявлена только общая четырехчленность да еще известно, что первое начало тетрактиды, Одно, *в принципе* не подлежит расчленению и потому не имеет внутренней структуры. Одно – это логос и потенция всех структур, всех различий, всех смыслов. Не случайно поэтому первое начало получало у Лосева также название *Единое*, как у античных неоплатоников, или же *Самое само* (оригинальный термин, введенный Лосевым в одноименной работе второй половины 1930-х годов и восходящий, конечно, к Платону). Последнее название представляет собой философскую экспликацию вполне обыденных словоформ с весьма экспрессивной окраской – «самый-самый», «самое то» или «самое что ни есть».

Первой действительной структурой, описывающей *смысл* в тетрактиде, является структура второго начала, Сущего. Память о пра-соприкосновении Одного и иного сохраняется здесь в изображении на языке новых фундаментальных категорий, составляющих базовую *пентаду*. Как и прежде, изложим это построение по краткому конспекту «Диалектики художественной формы» (15–17), который содержательно следует, в свою очередь, за соответствующей частью все того же «Парменида».

Собственно *фиксация* Одного или переход от Одного к Многому невозможны без различения, следовательно, второе начало должно содержать категорию *различия*. Но Многое не есть просто разное, это Многое как таковое несет на себе

смысловую энергию целого, а целое должно пребывать в своих частях. Следовательно, части Многого должны не только различаться друг от друга, но и быть тождественны. Необходима также категория *тождества*. Обе категории при этом фиксируются абсолютно равноправно, вне всякого подчинения (нет никакого следования «одна за другой») в единой совокупности *самотождественного различия*.

Но различать и отождествлять можно лишь то, что положено как покоящееся – так постулируется категория *покоя*, – с возможностью перехода от одного покойного состояния к другому покойному состоянию, чтобы засвидетельствовать их различие, тождество и самотождественное различие. Следовательно, необходима категория категориального же *движения*. Как и в случае первой пары фундаментальных категорий, новая пара диалектических антагонистов образует единый *подвижной покой*. Замечание из области чувства языка: Лосев предпочитает говорить «подвижной», а не «подвижный», что является, конечно, проявлением индивидуальной стилистики; таково же и предпочтение перед конструкцией «покойное движение», которая содержательно эквивалентна «подвижному покою». Любопытно отметить, что новаторское лосевское словообразование имеет удивительно точный аналог в знаменитой «Туманности Андромеды» Ивана Ефремова, где можно прочесть, как Веда Конг (героиня романа) «думала о подвижном покое природы»¹³. Слепая случайность, разумеется, не исключена, однако интереснее обнаруживать в совпадении красивую параллель или даже преемственность. Особенно если помнить, что для И.А. Ефремова интерес к диалектическим конструкциям был настолько высок и естественен, что он включал их во многие детали описаний цивилизации далекого будущего.

Наконец, совокупное обстояние и акта мысленного полагания, потребовавшего подвижного покоя, и связанных с ним категорий различия и тождества (самотождественного различия) дает *самое оформление* Сущего, требует категории *единичности*. Эта пятая категория как бы обнимает и скрепляет воедино остальные четыре категории, с чем и образуется пентада – *единичность подвижного покоя самотождественного различия*.

Пентада как «целая система диалектических антиномий, раскрывающих всю сущность отношения, царящего между целым, единичным, многим и частью» (18), получает у Лосева название *смысл*, или *число как потенция*, или *число* в широком смысле слова, или *эйдос* в широком смысле слова. В этой терминологической связке вполне запечатлены, конечно, следы пристального интереса автора к пифагорейской и платонической традициям античности. Отдана также и немалая дань современной автору феноменологии (Гуссерль), впрочем, обретшей при лосевском соучастии существенную динамическую составляющую (170–174).

В пределах второго начала пентада получает ряд спецификаций (то же самое сказать – второе начало *заполняется* спецификациями пентады) в зависимости от того, на какой из элементов пентады ставится «логическое ударение». Тем самым любая часть пентады может рассматриваться в окружении, «в свете» всех прочих ее частей, и мы, таким образом, получаем (19), что единичность подвижного покоя самотождественного различия (сокращенное обозначение – еппср), рассмотренная специально с точки зрения

- а) самотождественного различия, – это *топос*, или *фигура* (еппср),
- б) подвижного покоя – это *схема*, или *множество* в смысле Кантора, или *число* в узком смысле слова (еППср),
- в) единичности – это *эйдос* в узком смысле слова (Еппср).

Для ясности повторим в развернутой форме, к примеру, последнюю формулу: эйдос есть *единичность подвижного покоя самотождественного различия, рассмотренная с точки зрения единичности*. Короче: Еппср. В нашей «стенографии» применение операции «логического ударения» мы изображаем переходом от строчных букв к прописным.

Прежде чем заняться описанием *периодической системы начал* по Лосеву – у нас для этого теперь накоплено достаточно материала, – сделаем одну оговорку относительно места в этой системе *первичной категории* числа или эйдоса в широком смысле слова (еппср). Дело в том, что Лосев испытывал

явственные колебания, то оставляя ее в пределах второго начала, то рассматривая как «среднее» между первым и вторым началами (169)¹⁴, то перемещая даже в первое начало, где она потому, собственно, еще «не есть категория»¹⁵. Не вдаваясь в подробное рассмотрение этих вариаций и заметив только, что эволюция лосевской категориальной системы в некотором роде ускоренно воспроизводила эволюцию ряда неоплатонических систем (подобным образом онтогенез повторяет этапы филогенеза высших живых организмов), мы будем, скорее для конкретности, придерживаться в дальнейшем первого из названных вариантов.

4. Периодическая система начал

Система начал представляет собой последовательное развертывание Одного (первого начала) в сферах второго и последующих начал по принципу «парадегмы» или, как позднее переводил этот платонический термин Лосев, по принципу «порождающей модели»¹⁶. Всякая категория последующего начала воспроизводит на своем «материале» (кавычки – потому как речь идет еще о *дофизическом* субстрате) категорию предыдущего начала, так что та является для нее такой «моделью», и каждая категория любого начала выступает как «воплощенность, положенность, отраженность» (все это синонимы¹⁷) общей «порождающей модели», Одного. А поскольку категории второго начала обрели еще спецификацию посредством пентады, последующие начала, третье и четвертое, также получают еще и пентадную обработку. Условимся насчет дальнейших обозначений: если пентаду в сфере Сущего мы изобразили посредством стандартного шрифта (eppcp), то в сфере Становления для тех же целей введем курсив (*eppcp*), а в сфере Ставшего – разрядку (e p c p). Теперь диалектическую систему категорий или *периодическую систему начал* по Лосеву можно представить, с учетом введенных нами обозначений, следующим образом (Таблица 1).

Таблица 1

№	Пентадные коды	Категории	Начала
1	Е	–	Единое, Одно
2	енпер	смысл, число как потенция	Сущес, Одно сущес
3	Енпер	эйдос, понятие	
4	еПпер	число, множество	
5	енпСР	топос, фигура	
6	енпср	вечность	Становление
7	Енпср	величина, эйдетическая вечность	
8	еПпср	время, аритмологическая вечность	
9	енпСР	пространство, топологическая вечность	
10	е п п с р	масса, тяжесть, вес	Ставшее, Факт
11	Е п п с р	вещь, субстанция	
12	еПпср	количество	
13	е п п С Р	качество	
14	е п п с р	[информация]	
15	Е п п с р	тело	
16	е П П с р	движение	
17	е п п С Р	место	

Для иллюстрации принципа построения системы приведем составляющие, нужные для «прочтения» одной строки четвертого начала. К примеру, движение (коротко: *е П П с р*) есть, по Лосеву, «такая инаковость времени, где последнее выступает в качестве гипостазированного факта», а время (*еППср*) есть «единичность подвижного покоя самотождественного различия, данная как подвижной покой в рассмотрении его с точки зрения его алогического становления», или, что то же, время – «алогическое становление числа»¹⁸. Осталось напомнить, что число в краткой форме обозначения есть (*еППср*).

Общий состав категорий и некоторые их названия претерпевали у Лосева изменения, которые, что интересно, обнаруживаются не только при переходе от одного текста «восьмикнижия» к другому, но и наличествуют даже в пределах одно-

го текста. Скажем, в основной части книги «Античный космос и современная наука» категории «величины», «времени» и «пространства» содержательно описаны так, что их следовало бы поместить на позиции 15–17 нашей таблицы, а их места в позициях 7–9 оказались «заняты» весьма неопределенными или, вернее будет сказать, непривычными по названию категориями (модусами) «вечности»¹⁹; в примечании же за номером 85 указанной книги упомянутые три категории перемещены, так сказать, на свое место²⁰. Похоже, автор вполне сознательно фиксировал подобного рода поиски, что, во-первых, могло соответствовать самоощущению первопроходца, ведущего необходимые записи в «судовом журнале», и, во-вторых, отображало и более глубокую установку, которая только со временем, кажется, стала полностью ясна и самому систематизатору. В подлинно диалектической системе *всякая категория* своеобразно несет на себе след (свет) *всех других категорий*, потому любое их разъяснение, разделение по строчкам каких-либо таблиц *всегда* относительно. Об этом свойстве мы еще будем говорить ниже, характеризуя последующие модификации лосевской системы. Определенного рода идеал для нее Лосев формулировал спустя полвека в «Истории античной эстетики», сжато характеризуя *понятийно-диффузный стиль* философии Плотина: «эти четко продуманные у Плотина категории неизменно находятся в состоянии становления и, даже больше того, в состоянии какой-то взаимной диффузии, когда одна категория заходит в область другой и одна понятийная характеристика задевает, а иной раз и перекрывает понятийную характеристику совсем другого раздела теоретической мысли»²¹. Похожие формулировки Лосев давал и относительно методов Прокла²². Именно у великих неоплатоников он обнаруживал тот идеал логики, которая мыслится максимально приближенной в своих принципах к самой жизни, вечно текущей и всякому расчленению вечно сопротивляющейся.

Система Лосева в своем категорийно-логическом каркасе и строилась как обобщение и развитие построений Платона и его последователей, в особенности Плотина и Прокла. Постоянно сочетая при этом усилия философа и классического филолога, Лосев поры «восьмикнижия» решал две труднейших

задачи: из громадного корпуса античных текстов (о трудности чтения многих из них Лосев помнит постоянно, то и дело приговаривая что-нибудь вроде «этот абракадабранный трактат») он извлекал четкие контуры системы вместе с рядом элементов, ее составляющих, и восполнял полученную картину до целого в отсутствующих деталях. Невольно вспоминается, что аналогичное свершал Д.И. Менделеев, создатель периодической системы химических элементов. Перед ним также простиралась хаотическая громада эмпирического материала (там и сям культивированная трудами предшественников), ее-то он и привел в порядок, вместе с тем, как мы знаем, заполняя в полученной «таблице» временно пустующие «клетки» гипотетическими элементами типа «экабора» (аналога известного химического элемента бора). Лосев, правда, нигде не упоминает великого химика-систематизатора, но дело его знает хорошо и не раз, сопоставляя полученную категориальную систему с результатами неоплатоников, вводит свои «экаэлементы» и с эпическим спокойствием, к примеру, отмечает: «дедукцировано ради заполнения свободного места» или «такой определенной дедукции, проведенной со всей терминологической определенностью, я не нашел в платонизме»²³.

Впрочем, одна «клетка» в лосевской тетрактиде осталась незаполненной. В номенклатуре Таблицы 1 это строка 14-я, которой уже нами²⁴ придано содержание *информации*. В первой трети XX века данная необходимейшая категория еще была размещена на периферии языкового сознания и со стороны фундаментальной науки до поры не почиталась значительной, потому Лосев и обошелся здесь фигурой умолчания. Конечно, чтобы узнать привычную теперь категорию в *становлении единичности подвижного покоя самотождественного различия, данном как факт или ставшей единичности подвижного покоя самотождественного различия, рассмотренной в ее алогическом становлении* (на разные лады читаем наш пентадный код строки 14), чтобы соотнести эти формулы с такими известными для информационных работников смысловыми координатами, как *мера неопределенности* или *отраженное разнообразие*, нужна непростая аналитическая работа, а потом уже и привычка. И то и другое потребно, заметим, и в отношении всех прочих категорий периодической системы начал по Лосеву.

Поучительно сопоставление данной системы с известной «системой» категорий Аристотеля. Казалось бы, можно говорить о существенном их пересечении. Если брать перечень «основных родов бытия» из трактата «Категории» Аристотеля и сравнивать с номенклатурой категорий Таблицы 1, то можно обнаружить совпадения по четырем позициям («количество», «качество», «место», «время») или даже по шести (если «сущность» у Аристотеля приравнять в целом ко второму началу у Лосева, к Сущности, а «положение» у Аристотеля – к «пространству»). Добавляя категорию «движения» из «Метафизики» – ее нет в «Категориях», – число совпадений можно довести до семи. Но этих *простых* совпадений или, вернее, терминологических сходств еще маловато, существенные отличия много весомее. Во-первых, Аристотель рассматривает еще четыре категории, которые не отыскиваются на строках Таблицы 1 – это «отношение», «обладание», «действие» и «претерпевание». О первой категории данного небольшого списка иногда судили и неоплатоники, например Плотин, но она у них формулируется «настолько широко» и настолько «покрывает все, кроме сущности», что «ею можно пренебречь»²⁵, – и Лосев так и поступил. Что же касается трех остальных, то нетрудно заметить, что лосевская система не нуждается в фиксации подобных категорий отчетливо *динамического* характера, так как они «ушли» на строительство отношений и связей между *началами* тетрактиды. Во-вторых, нужно подчеркнуть называемое многими исследователями *полное отсутствие дедуктивности*²⁶, существенную разнородность и «голую» эмпиричность набора категорий у Аристотеля (потому и нужно говорить именно о наборе и ставить кавычки у слова *система*). В этом аристотелевская «система» бесспорно проигрывает системе Лосева и реабилитируемых Лосевым неоплатоников, где *все категории выведены и взаимосвязаны*. О данном обстоятельстве стоило говорить со специальным нажимом хотя бы потому, что современная наука в своем отношении к категориям, как базовым философским категориям и общенаучным понятиям, все еще упорно следует по стопам Стагирита. Априорно разъединив основные «начала» ради так называемой точности, наука после длительных поисков и под давлением фактов вынуждена то и дело ликвидировать разрывы и мучительно соединять, скажем,

«материю» и «сознание», «пространство» и «время» или «время» с «информацией». Над монтажом последней из указанных пар в свое время потрудились и автор этих строк²⁷, так что увесистую долю наличного здесь сарказма он отводит и на себя.

Периодическая система начал Лосева сходна с гегелевской системой категорий, что естественно для учений, имеющих диалектическую родовую основу. Заметные, хотя и не принципиальные отличия явственно фиксируются, правда, на этапах дальнейшего расширения лосевской системы (о них речь ниже), но кое-что нужно указать и для уровня тетрактиды. Прежде всего, важной особенностью является сквозная пентадная обработка, которой подвергнуты у Лосева все (кроме первого) начала. Это своеобразная смысловая сетка, уготованная для детальной фиксации многообразного содержания, «в более крупную клетку» уже очерченного в чередовании начал. Ряд моментов расхождений с Гегелем указал и сам Лосев, особенно много места этому уделив в «Диалектике художественной формы», в обширных примечаниях книги. Он, в частности, значительно подробнее, чем Гегель, развил учение о числе, и придавал принципиальное значение переходу от стандарта гегелевской триады к четвертому началу (имеется специальный разбор²⁸ отличий четвертого начала от «наличного бытия» у Гегеля). «Тетрактидность», заявлял Лосев, только и спасает диалектику «от субъективного и бесплотного идеализма» и позволяет ей захватывать «как раз всю стихию живого движения фактов» (163). Конечно, в четвертом начале обнаруживается тоже еще не слишком много чаемой «плоти». Это было вполне ясно самому Лосеву, потому число новых начал, все дальше удаленных от Одного, верховного и неисповедимого, в его системе последовательно росло.

5. Расширения системы (о размерности)

Действительно, и тетрактида (базовое объединение начал) и пентада (базовое объединение категорий внутри начал), кратко описанные выше, получали в работах Лосева существенные расширения. Начнем с таковых в области пентады.

Диалектические пары *подвижного покоя* и *самотождественного различия* в интересах более субличного, как любил выражаться Лосев, анализа могут рассматриваться под более прицельным «логическим ударением», так что удастся выделять *покой* на фоне *движения* (или наоборот) или *различие* на фоне *тождества* и обратно. Потому наряду с категорией *множества* (в пентадном коде – еППср) можно различать еще категорию *смыслового движения* (кратко: еПпср) во втором начале²⁹ и, соответственно, уточненную категорию *движения*, вернее, *вещного движения* (кратко: *е П п с р*) в четвертом начале³⁰. Дальнейшего рассмотрения для комбинации (еПпср), а также аналогичных разделений в сфере *топоса* (еппср и еппсР) автор не делает, ограничившись, видимо, ясным указанием на возможность значительного расширения числа «состояний» пентады. Тем самым во втором начале вместо четырех категорий (еппср, Еппср, еППср, еппсР) можно рассматривать целых восемь (добавить: еПпср, еПпср, еппср, еппсР), а всего их по всей тетрактиде будет не шестнадцать – напомним, что Одно не является категорией и в подсчет не входит, – а уже *тридцать две*. Пожалуй, столько первичных (фундаментальных) категорий современная наука еще и не наработала.

Изобразительные свойства лосевской пентады вызывают, как представляется, к отнюдь не поверхностным аналогиям с некоторыми новыми и весьма изысканными достижениями из круга так называемых точных наук (для Лосева, надобно кстати подчеркнуть, философия в лице диалектики – наука точная). Такова, например, идея *скрытых размерностей*, с недавних пор освоенная в фундаментальной физике и давно заложенная, как оказывается, в лоне диалектических построений. Рассматривая, скажем, представление эйдоса (Еппср), мы обнаруживаем выделенную размерность (Е) и четыре (при ином способе подсчета – две) не выделенных, компактифицированных, скрытых размерности, которые, однако, в принципе не устранимы полностью из единого описания эйдоса. Так что идея использования некоего фиксированного набора базовых «единиц», которые всегда латентно присутствуют и лишь частично проявляются в описании данного состояния (например, данного фундаментального взаимодействия), кажется, является

действительно перспективной для создания физиками тех или иных объединений в теории. Перспективной – уже потому, что полагаемое свойство физической картины мира *моделирует* здесь одну из особенностей универсальной базовой пентады (специально соотношению мира сущностей и мира явлений на языке «парадегматики» Лосев посвятил большую часть книги «Античный космос и современная наука»).

Обнаруживается близость и с фракталами, закрепившими в науке понятие *дробной размерности*. В самом деле, уже общий взгляд на вид Таблицы 1 сообщает эту аналогию, ибо здесь всякая категория («в малом») в своем измененном масштабе воспроизводит структуру первичной категории («в большом», здесь – *числа как потенции*). Но именно такое же соотношение части и целого характерно для фрактальных объектов. Да и сама размерность пентады имеет если и не дробную, то уж точно *переменную*, плавающую величину: пентада составлена из пяти категорий, которые могут или все выступать в самостоятельном виде, давая поочередно *пять* категориальных координат (е-п-п-с-р), или частично объединяться по *трем* координатам (е-пп-ср), или, наконец, сливаться в *одну*, когда никакая из составляющих уже ничем не выделена (еппср). Отметим в связи с вышесказанным, по неизбежности бегло упоминая, недавно впервые опубликованную работу Лосева «Диалектические основы математики» (1930-е годы), в которой и проблема размерности как частность и общая структура «математического предмета» как целое трактуются «через самопротивоположение первоначальных элементов и их самоотождествление, путем перехода от простейшего к сложнейшему»³¹.

Рассмотрение пентады в «трехкоординатном» виде доставляет еще одну аналогию, на этот раз с *фундаментальной тройкой размерностей* физических величин – M (масса), L (длина), T (время), если поставить в соответствие лосевской *единичности* размерность M , *подвижному покою* – размерность T , а *самотождественному различию* – размерность L . Правомочности такого соответствия служат почти очевидные содержательные установки, введенные в пентаду на уровне определения. Как любая физическая величина может быть представлена

посредством указанной тройки размерностей, так и любая категория у Лосева – посредством данной «массо-времени-пространственно-подобной», скажем так, тройки.

Перечисленные, а также и другие возможные здесь аналогии (мы не касались, к примеру, близости языка пентад к языку *операторов*, о чем в постановочном плане можно прочесть в нашей работе «О смысле чисел»³²) по условиям времени еще не могли быть очевидны или даже просто доступны Лосеву. Теперь же, конечно, аналогии можно оспаривать или, наоборот, последовательно переводить на уровень более строгого знания и тогда говорить, к примеру, о предвосхищении и предвидении. Но уже и само их наличие важно, оно свидетельствует как раз о глубине и универсальности принципов, положенных в основу лосевских построений, – таких, что величину их интеллектуального потенциала позволяют по достоинству оценить только существенное хронологическое отстояние и достаточный запас коллективно наработанных в последнее время новых идей.

Перейдем к изложению лосевского расширения для тетрактиды, точнее, *за пределами* ее области. В самом деле, утверждает Лосев, «вся полнота бытия заключена уже в тетрактиде», завершенной на уровне четвертого начала, Ставшего³³. Однако к ней следует отнести «как к чему-то законченному и целому» только тогда, когда она *воплощена* или *выражена* в инобытийной сфере (21), когда тетрактида «дает себе *имя*»³⁴. Так появляется новое начало, *пятое* по счету – *Имя* или *Выражение*.

Мы не будем сколько-нибудь подробно разбирать принципиальные отличия, которые Лосев находит между пятым и первыми четырьмя началами и тем самым рассматривает «отношение имени к сущности»³⁵. Важно только подчеркнуть, что с вводом пятого начала в диалектической судьбе Одного достигается явственный рубеж: здесь тетрактида *не переходит* в иное, но только *отличается* от него, и такое «отличие от иного, сбывающееся вне перехода в иное, есть именование»³⁶. За весьма сухими определениями, нельзя не сказать, укрывается целый мир творческих исканий и даже больших духовных упований, с которыми Лосев строил в те годы свою *философию имени*. Но поскольку мы рассматриваем только чисто *логические*

аспекты лосевской системы, нам вновь остается лишь упомянуть основные работы автора, где диалектика уже явственно выходит на *вопросы жизни* в понимании истинно христианского мыслителя. Это – фрагменты из «Дополнения к «Диалектике мифа»»³⁷ и тезисы докладов на философских дискуссиях вокруг идей *имяславия*, впервые собранные в сборнике «Имя» и с уточнениями опубликованные в книге «Личность и Абсолют»³⁸.

В сфере пятого начала снова обнаруживаются те же категориальные различия, что производились в тетрактиде и, как всегда, основу детальных спецификаций составляет структура пентады. Потому всю сферу Выражения можно разделить на области, которые по уже известному нам «модельному» принципу организованы как *инобытийные воплощения* первичных категорий второго начала, а именно:

- а) область *семантики* или *семиотики и информатики* с категориями выражения смысла (напомним: еппср),
- б) область *логики* или, шире, *словесная* область с категориями выражения *понятия* или *эйдоса* (Еппср),
- в) *музыкальная* область с категориями выражения *числа* (еППср),
- г) *живописная* область с категориями выражения *пространства* (еппср).

Название для первой из указанных областей дано нами (см. сказанное выше в связи с категорией *информации*), вся остальная типология принадлежит Лосеву и рассмотрена им в «Диалектике художественной формы» (117–121). Там же указаны спецификации области выражения с учетом категориального подразделения в третьем и четвертом началах тетрактиды, на которых мы здесь останавливаться не будем. Приведем только в Таблице 2 оценку числа категорий в сфере Выражения при четырех и восьми (см. оговоренное выше) «состояниях» базовой пентады и для трех способов выражения, а именно, *полной выразительности*, когда выраженными являются все члены пентады, и для двух разновидностей *частичной выразительности*, когда в сфере Выражения пребывает

лишь одна из пяти частей пентады или любые их комбинации (здесь мы, кстати, обнаруживаем новый тип «логического удара»). Оценки для двух разновидностей частичного выражения (причем для первой разновидности принималось четыре «состояния» пентады, для второй – восемь) отображены цифрами в скобках.

Таблица 2

Количество категорий	Категориальные области
16	первичные категории (Бытия, Становления, Ставшего)
4–8 (28–248)	категории выражения смысла (e n n c p)
4–8 (28–248)	категории выражения понятия (E n n c p)
4–8 (28–248)	категории выражения числа (e П П c p)
4–8 (28–248)	категории выражения топоса (e n n C P)
16–32 (112–992)	категории выражения смысла (итога)

Всего получается (берем максимальные оценки) от 112 до 992 выразительных категорий, чего с лихвой, как нетрудно предположить, должно хватить на все потребности разнообразных «искусств выражения», мыслимых по сей день. Для примера назовем пентадные коды категорий *выражения смысла* (здесь и далее переход в сферу Выражения будем передавать в нашей «стенографии» шрифтом с подчеркиванием), сначала в минимальной оценке : это будут eппср, eптср, e п п с р, e п п с р. Для случая максимальных оценок к перечисленным надо добавить все частичные комбинации либо типа eппср, eптср, e п п с р (почленное выделение), либо типа eппср, eптср и т.д. (выделение в групповых комбинациях). Нетрудно видеть, что вместо каждого из четырех выражений минимального набора мы получаем по 7 или 31 комбинации выражений (случай полной невыраженности, естественно, не входит в наш подсчет). К сожалению, Лосев не занимался содержательным анализом затронутой в примере части сферы Выражения, так что специалистам в области информационной проблематики предоставляется возможность самостоятельно отыскать соответствия между известными им специальными понятиями и хотя бы

28-ю позициями (пентадными кодами) лосевской системы. Пусть вдохновляющим образцом при таком рассмотрении семиотики и информатики как *предмета диалектической логики* послужит работа Лосева с характерным названием «Музыка как предмет логики». Автор, имея в юности музыкальное образование и будучи профессором Московской консерватории к моменту публикации книги, сумел достаточно подробно описать функционирование музыкальных категорий на языке «единичности подвижного покоя самотождественного различия», точнее, по разделу *выражения числа*. Впрочем, им были указаны «логические дублеты» лишь для 26 музыкальных категорий (лишь – ибо всего, как только что выяснилось, таких «дублетов» *может быть* на две сотни больше), система каковых кратко описывается у нас ниже. Лосев, вероятно, не задавался задачей исчерпывающего рассмотрения всех развернувшихся перед ним воистину грандиозных перспектив; пионеры, как известно, щедро оставляют новооткрытые земли для трудов их прилежных последователей.

Кроме Выражения в ряде работ Лосева появляется также *Интеллигенция* как очередное, *шестое* по счету, *начало*. Это сфера сознания, «соотнесенности смысла с самим собой», сфера, где специфическая «самоотнесенность, самосозерцательность, адекватная самоданность» тетрактиды приводит к тому главному результату, что *смысл – мыслится* (22). Данная сфера не получила у автора «восьмикнижия» развернутой разработки, намечен только эскиз ее структуры (22–33)³⁹, откуда, следуя проводимой здесь схематике, можно извлечь лишь первое приближение к описанию шестого начала, а именно:

- а) интеллигентная модификация первого начала как *экстаз*, «экстаз самозабвения все вобравшего в себя смысла»;
- б) та же модификация второго начала как *познание*, «адекватная и неподвижная данность координированной раздельности самой себе»;
- в) та же модификация третьего начала как *стремление* или *воля*, «алогическое становление этой самоданности»;
- г) та же модификация четвертого начала как *живое тело*

познания и стремления, как *система органов* этих влечений,

- д) та же интеллигентная модификация пятого начала как *чувство*, синтез познания и стремления, смысловое ставшее.

Только в этой сфере, по Лосеву, впервые обретается возможность диалектически соединить два «разума», как известно, разъединенных у Канта – «теоретический» и «практический» (28). Именно в сфере Интеллигенции становится ясно, что традиционно мыслимые раздельными *дух* и *тело* на деле представляют монолит и *единственно* возможное целое. Лосев прямо так и заявлял однажды, на декларацию имея полное право после многолетних трудов ее обоснования: «Это диалектическое саморазвитие единого живого телесного духа и есть последняя, известная мне реальность»⁴⁰.

В заключение приведем оценку количества категорий, включая интеллигентные категории (Таблица 3), на тех же условиях, что указаны при подсчетах для предыдущей Таблицы.

Таблица 3

Количество категорий	Категориальные области
16	первичные категории
16–992	категории Выражения
32–31 744	категории Интеллигенции
64–32 752	всего категорий

Для сравнения полученной оценки (по максимуму) сверимся с количеством слов, зафиксированном в известном «Словаре русского языка» С.И. Ожегова⁴¹ – их около 57000. Как видим, в лосевской периодической системе начал допускается *категорий* более половины от этого числа. Задаваясь вопросом, сколько в упомянутом «Словаре» насчитывается *существительных* (автору этих строк такое число, к сожалению, неизвестно), т.е. форм языка, являющихся хотя бы *потенциально* понятиями или категориями (интересно также уточнить наш вопрос, если иметь в виду гегелевское разделение *сущностей* на «общие»,

«индивидуальные» и «особенные»), мы могли бы сравнить результаты теоретической «оценки сверху» с объемом фактического словарного запаса. Заметим, что только при наличии четкой логики, которая показывает принципы построения *системы категорий* или *начал*, впервые и появляется возможность ставить вопросы, подобные заданному. Лосевская система позволяет, кажется, впервые же сформулировать вопрос *о границах «информационной вселенной»*, т.е. о количестве и качестве наиболее общих понятий (категорий), которые *в принципе* доступны и *когда-либо* понадобятся человеческой мысли.

6. Примеры выразительных категорий

В заключение рассмотрим примеры разработки категорий в сфере Выражения, которые отыскиваются у Лосева. Наиболее детальная система выразительных категорий, как уже упоминалось, содержится в книге «Музыка как предмет логики». Пользуясь введенными выше обозначениями, представим данную систему в виде Таблицы 4. Эта новая таблица является непосредственным развитием Таблицы 1 по разряду *числа*, поэтому здесь продолжена нумерация строк, начатая в таблице-предшественнице.

Таблица 4

№	Пентадные коды	Категории	Области внутри начала
18	$\underline{c} \Pi \Pi c r$	метрико-ритмический акцент	выражения числа
19	$c \Pi \Pi c r$	ритм	
20	$c \Pi \Pi \underline{c} r$	симметрия, метр	
21	$\underline{c} \Pi \Pi c r$	ритмическая фигура	
22	$\underline{c} \Pi \Pi c r$	симметрическая фигура	
23	$c \Pi \Pi c r$	такт	
24	$\underline{c} \Pi \Pi c r$	аккорд	
25	$\underline{c} \Pi \Pi c r$	чистый тон*	
26	$e \Pi \Pi c r$	мелодия*	
27	$c \Pi \Pi c r$	гармония*	
28	$e \Pi \Pi c r$	мелодическая фигура*	
29	$\underline{e} \Pi \Pi c r$	гармоническая фигура*	

Таблица 4 (продолжение)

№	Пентадные коды	Категории	Области внутри начала
30	<i>e llll c p</i>	определенный тон	
31	<i>e ll ll c p</i>	тональность (гамма)	выражения времени
32	<i>e ll ll c p</i>	высота	
33	<i>e ll ll c p</i>	—	
34	<i>e ll ll c p</i>	—	
35	<i>e ll ll c p</i>	—	
36	<i>e ll ll c p</i>	темп	
37	<i>e ll ll c p</i>	вещная определенность тона	выражения количества
38	<i>e ll ll c p</i>	каденция	
39	<i>e ll ll c p</i>	светлота	
40	<i>e ll ll c p</i>	—	
41	<i>e ll ll c p</i>	—	
42	<i>e ll ll c p</i>	—	
43	<i>e ll ll c p</i>	тембр	
44	<i>e ll ll c p</i>	динамический акцент	выражения движения
45	<i>e ll ll c p</i>	длительность, реальное движение звука	
46	<i>e ll ll c p</i>	цветность (окраска) звука	
47	<i>e ll ll c p</i>	—	
48	<i>e ll ll c p</i>	—	
49	<i>e ll ll c p</i>	—	
50	<i>e ll ll c p</i>	—	выражения числа как потенции
—	<i>e ll ll c p</i>	вес звука	
—	<i>e ll ll c p</i>	объемность звука	
—	<i>e ll ll c p</i>	плотность звука	

Как всегда, дадим для иллюстрации цитату из книги Лосева, чтобы продемонстрировать соотношение нашего стенографического пентадного кода и его развернутой формулировки. Определение *цветности звука*, к примеру: искомое суть «выражение самотождественного различия алогически становящегося числа, поскольку оно отражено на его чистой вечности»⁴².

Полученная довольно сложная и несколько неровно заполненная таблица сообщает много сведений. Прежде всего, в структуре таблицы отобразились те общие содержательные

установки, которые Лосев фиксирует относительно «музыкального предмета»: *музыка*, если изъясняться в кратчайшей форме, есть *жизнь числа*, которое диалектически *переходит во время* и фактически воплощается в *музыкальном движении*⁴³. Такая непрерывная трансформация «музыкального предмета» действительно сложна, изобразить ее действительно непросто, о чем свидетельствуют, должны мы заметить далее, ряд специфических мест таблицы (язык не поворачивается сказать – огрехов). Во-первых, 10 строк нашей таблицы остались не заполнены, для соответствующих пентадных кодов у Лосева не отыскалось содержательных интерпретаций. Во-вторых, 5 категорий в группе *выражения числа* (отмечены звездочками) содержат один новый момент, с которым нам ранее еще не приходилось сталкиваться: здесь Лосев применил особое, *внутричисловое становление* и тем самым еще более размыл и без того весьма зыбкие границы между выражением числа и выражением времени. Учет еще и такого варианта выразительности – его можно резервировать на будущее, а здесь зафиксировать как еще один, уже третий тип «логического ударения» – значительно расширяет общую оценку размеров сферы Выражения (это важно и для подсчетов границ «информационной вселенной»). В-третьих, при рассмотрении массивности звука (в модификациях его *веса, объемности и плотности*) Лосев посчитал нужным перейти от рассмотрения выражений числа как *такового* (еППср) к выражениям числа как *потенции* (еппср). Затрудняясь объяснить этот ход, мы просто фиксируем его здесь, а в Таблице 4 «для порядка» убрана соответствующая нумерация.

Другой пример обследования сферы Выражения, уже не столь обширный, можно почерпнуть из книги «Античный космос и современная наука». Здесь намечен ряд категорий, получающихся при выражении *пространства* (еппср), в частности даны категориально-выразительные дефиниции *точки, линии, угла, кривой и окружности*⁴⁴. Более подробно и со многими важными разъяснениями эта же пространственная часть сферы Выражения обследована в работе «Диалектические основы математики»⁴⁵.

7. Заключение

Проделанная нами работа, которую нужно рассматривать не более чем как *введение* в периодическую систему начал по Лосеву, не затронула многого. Скажем, нужно иметь в виду принципиальную важность для мыслителя проблемы *символа* и *мифа* (понимаемых, разумеется, по-лосевски, т.е. данных в строгом категориальном наполнении), потому в ряде работ «восьмикнижия» тетрактида и производные от нее получали еще особую *символическую* и, для «старших» начал, *мифологическую* модуляцию. Очень интересна в логическом отношении – хотя и не только в логическом – *трехмерная* (или *абсолютная*) диалектика, которую Лосев развивал в одном фрагменте, вероятно, относящемся к работе «Дополнение к “Диалектике мифа”». Весьма неожиданную и многообещающую (в плане возможного системостроительства) «саморефлексию» тетрактиды на пентаду Лосев наметил в довольно поздней работе «Логическая теория числа»⁴⁶ и др. Эти темы, несомненно, заслуживают отдельного и заинтересованного рассмотрения.

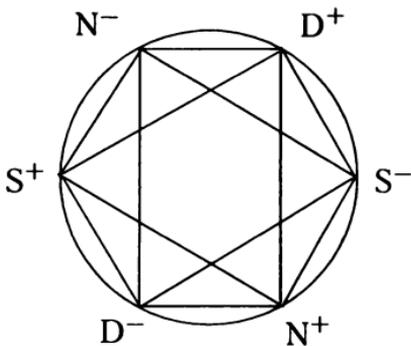
Однако уже и предложенных материалов, как представляется, вполне достаточно для непредубежденного читателя, чтобы он обнаружил в трудах Лосева немало важных и волнующих *проблем*, а также, быть может, и долгожданные *ответы* на некоторые из тех вопросов, которые жизнь уже поставила, никого не спросив.

3.7. Гипотеза о типах бесконечности

Прежде чем говорить о возможных типах бесконечности, уточним, какая вообще точка зрения на бесконечность и ее место в мире нами используется и отчасти будет развиваться в дальнейшем. Этот важный вопрос – точное указание исходной позиции исследователя – в свое время немало занимал как Г. Кантора, создателя математического учения о бесконечности, так и П.А. Флоренского, автора едва ли не первого в России изложения канторовской теории множеств. Ниже мы

воспользуемся некоторыми материалами одной из давних работ последнего.

С бесконечностью, как вслед за Кантором утверждал Флоренский, всюду имея в виду именно *актуальную* бесконечность, «мы сталкиваемся или, по крайней мере, можем надеяться на столкновение в трех различных областях»: это *Absolutum* «в высшем совершенстве, во вполне независимом, вне-мировом бытии», *in Deo*; это *Transfinitum* в природе, «в зависимом мире, в твари», *in concreto*; это, наконец, *символы бесконечности* «в духе», *in abstracto*, поскольку дух «имеет возможность познавать *Transfinitum* в природе и, до известной степени, *Absolutum* в Боге»¹. В области *Transfinitum*'а эти символы выступают под названием «трансфинитных чисел» или «трансфинитных (порядковых) типов» и составляют предмет теории множеств. В каждой из трех указанных областей актуальная бесконечность может либо приниматься, либо отвергаться исследователем. Отсюда возникают различные комбинации утверждений и отрицаний. Общее распределение всех мыслимых систем в их отношении к бесконечности Флоренский изображал² с помощью окружности с вписанным в нее



правильным шестиугольником, на вершинах которого схематически отображены утверждения (знак $+$) и отрицания (знак $-$) факта бесконечности в каждом из трех отношений – *in Deo* (у Флоренского обозначено буквой *D* от слова *Deus*), *in abstracto* (обозначено буквой *S* от слова *Spiritus*) и, наконец, *in concreto* (обозначено буквой *N* от слова

Natura). Каждая из вершин соединена со всеми другими вершинами прямыми линиями, и полученные таким образом разнообразные треугольники схематически представляют все возможности из набора систем воззрений на бесконечность (сам набор в целом символизирован окружностью). Конечно, сразу следует изъять из рассмотрения те комбинации, в которых утверждения совмещаются с отрицаниями при одном и

том же отношении к бесконечности. В условном изображении это означает, что диаметрально противоположные вершины не могут здесь соединяться прямыми.

На построенной таким образом диаграмме Флоренского позиция самого Кантора, его «безусловно утвердительная точка зрения, признающая существование всех трех видов актуально-бесконечного»³, получает изображение посредством треугольника $D^+ S^+ N^+$. Впрочем, хорошо известно, что почти все свои усилия он отдал развитию знаний в области S^+ , обращаясь к заповедной области D^+ никак не для прямого исследования, но только для получения общефилософских и богословских аргументов в пользу своих математических новшеств. Весьма кратковременными были его посещения области N^+ . Во всяком случае, нам известна только одна публикация, в которой с целью «безупречного объяснения природы» Кантор выдвигал предположение о непосредственных связях между выведенным в его теории формальным (в частности пятичленным) разложением точечных множеств и принципиальным различием «телесных» и «эфирных» атомов⁴.

Диаграмма Флоренского предоставляет много места для плюрализма и разнообразия. Так, крайняя позиция теолога, тщательно изгоняющего даже малейшую тень пантеизма из своих построений, ближе всего к комбинации $D^+ S^- N^-$, а взгляды натурфилософа Спинозианского толка могут быть представлены в комбинации $D^- S^- N^+$. Треугольник вида $D^- S^+ N^-$ призван описывать мироощущение специалиста по основаниям математики, который привычно оперирует в своих построениях с какими угодно индексами при «алефах» (невольно вспоминается «семнадцатый алеф» из любимой шутки «лузитанцев») и не испытывает ни малейшей потребности знать, поминается ли бесконечность за пределами многотомного «Справочника по математической логике». Впрочем, эту же «тройку» можно привлечь, чтобы наглядно представить то состояние дискомфорта современного физика-теоретика, который вынужден работать с континуальными интегралами Фейнмана или вычитать «вакуумные средние», но мечтает о теории вида S^- , или (в полной форме) $D^- S^- N^-$, каковая сможет-таки обходиться без услуг бесконечностей в описании

физического мира. Дальнейшие подробности, как и содержательный анализ прочих, не затронутых у нас схем треугольника – а общее число соответствующих комбинаций равно восьми, – мы оставим заинтересованным историкам науки.

Теперь можно точнее определить занимаемую нами позицию в отношении бесконечности. Именно, мы априорно придерживаемся полной, по Кантору, схемы $D^+ S^+ N^+$, но в рамках данной работы будем заняты вопросом о типах бесконечности в аспекте S^+ , преимущественно в логическом плане, причем с намеренным уклонением от непосредственного использования языка математики, однако с опорой в иллюстрациях на ее материалы. Вместо суждений о природе и Боге (в аспекте N^+ и D^+) здесь твердо полагаются, но далеко не всегда непосредственно указываются некоторые вполне напрашивающиеся аналогии и ассоциации – они-то прежде всего и санкционируются связями по сторонам принятого к использованию символа треугольника. Прямые же суждения о бесконечности в области теологии и естествознания мы также оставляем соответствующим специалистам.

Еще одно замечание нужно зафиксировать, касаясь систематизма вообще и, в частности, комбинаторной систематики. Комбинаторика – не просто логическая игра и не дань научному педантизму. Вернее, таковой она может показаться или даже действительно стать, когда перед исследователем уже обозримо простерся полный универсум возможностей и нужно только, что называется, «задним числом» суметь без пропусков рассмотреть и проанализировать те или иные сочетания. Тогда на помощь приходит великое многообразие технических средств от простейших по идеологии и устройству, подобно диаграмме Флоренского и прочим того же уровня «логическим таблицам», до сложнейших вроде методов «морфологического ящика» и приемов моделирования на современных компьютерах. Но совсем иная ситуация возникает там, где такой универсум возможностей еще нужно вообразить и затем построить, когда исходно дана едва ли не одна «единственно верная» точка зрения, так что и комбинировать и координировать ее попросту не с чем. В данном случае уже одно лишь памятование о разнообразии является важнейшим методологическим оружием, а попытка

очертить универсум определенного вида и дать опять-таки обозримое и удобное его описание становится задачей творческой. Это, конечно, требует существенных усилий, но в то же время и обещает существенно новые результаты. Такого рода комбинаторика и систематика (относительно представлений о бесконечности) как раз составляют, на наш взгляд, одну из насущных проблем современной мысли.

В основу предлагаемой типологии положена идея *множества*, восходящая к Кантору, но уточненная и расширенная усилиями ряда его критиков. Очевидна связь между самой этой идеей и тем обстоятельством, что для автора теории множеств существование актуальной бесконечности не вызывало сомнений. В самом деле, если *всякую* совокупность элементов можно рассмотреть как целое, т.е. как множество, то и *бесконечная* совокупность, являясь множеством, предстает цельным, актуально данным объединением. Однако Кантор не всегда, видимо, отчетливо представлял, что множество – это объект прежде всего антиномичный и потому к нему естественно было бы подступаться, находясь лишь на позициях диалектики. Потому-то он так удивился, а следом и так отчаялся, когда в теории множеств обнаружилось «неразрешимые» парадоксы.

У Кантора было много противников и оппонентов, доставалось ему с разных сторон, но мы особенно выделим ту группу мыслителей, что сосредоточились преимущественно в России. Основной их упрек состоял как раз в недопонимании Кантором диалектики множеств, в односторонности его подхода. Перекос, который укоренился уже в базовом термине канторовской теории, можно исправить, утверждалось представителями этой критической традиции, если вместо недialeктичного *множества как многого* научиться представлять комплекс *единое-многое* (П.А. Флоренский) или *единство единства и множественности* (С.Л. Франк), или сказать то же в более развернутой форме – *единичность подвижного покоя самотождественного различия* (дефиниция А.Ф. Лосева в 20-е годы) или *единораздельную цельность* (его же дефиниция начиная с 60-х годов). Сравнительно недавно было выдвинуто также следующее обобщение, формально – во всяком случае, на уровне отсылок к предшественникам – не связанное с указанной традицией, но

объективно к ней примыкающее: теория множеств, как утверждается, рассматривает *многое, мыслимое как целое*, тогда как современный системный подход склонен обнаруживать *целое, мыслимое как многое* (Ю.А. Шрейдер)⁵. Правда, мы здесь не будем придерживаться подобного противопоставления множеств и систем, поскольку оно представляется нам достаточно искусственным. Но, с другой стороны, как раз последние формулировки доставляют весьма наглядный пример и образец удобного языка, заново (на новом материале) переоткрытого современным исследователем спустя примерно полвека после того, как тот же А.Ф. Лосев без усталости жонглировал своими «подвижными покаями» и «самотождественными различиями», занимаясь диалектическим переосмыслением идеи множества. Выразительные возможности этого языка – для большей определенности назовем его языком бинарных форм, и название станет ясно из дальнейшего, – мы и попробуем по-своему использовать для сжатого описания диалектики множеств (начиная, следуя традиции, с аспектов *многое как целое* и *целое как многое*) с тем, чтобы одновременно и без особого промедления получить типологию бесконечности. На этом пути уже сама наша тема властно потребует также рассмотреть аспекты *малое как целое* и, конечно, *целое как малое*.

Перечислим сначала подходы к бесконечности (целому) как многому, т.е. рассмотрим их на базе бинарной формы *целое многое* (для краткости и без ущерба для смысла уберем «как» в наших формах), а именно:

- а) *целое многое* – бесконечность, в которой представлена только сторона неограниченного роста, умножения, увеличения, известная в истории мысли под названием *потенциальной бесконечности*; подчеркнем (для примера и потому только в этом эпизоде повествования) момент технического порядка в разъяснение принятой здесь и далее системы нотации – говоря о данном типе бесконечности, мы делаем упор («логическое ударение», по выражению Лосева) на втором члене нашей бинарной формы;
- б) *целое многое* – бесконечность, при всей ее неограниченности в смысле (а) рассмотренная именно как нечто

цельное, как определено данное, т.е. *актуальная бесконечность*; заметим, что в принятых у нас обозначениях наглядно зафиксировано известное наблюдение К. Гутберлета о тесной связи потенциальной и актуальной бесконечности⁶ – здесь два вида бесконечности предстают как разные аспекты одного и того же объекта;

- с) попеременная комбинация представлений о бесконечности в понимании (а) и понимании (b) – именно этим приемом воспользовался Кантор в своем учении о бесконечной (точнее, потенциально бесконечной) иерархии актуальных бесконечностей \aleph_i ; из нашей системы обозначений данная комбинация «выпадает», поскольку она не является логически последовательной (Лосев сказал бы, наверное, что она не имеет диалектически законченного вида), ибо ниоткуда не следует, например, что вся иерархия бесконечностей не может быть актуальна, завершена, финальна;
- d) *целое многое* – тип бесконечности при диалектическом объединении понимания (а) и понимания (b), когда в отличие от предыдущего случая (с), иерархия актуальных бесконечностей здесь замыкается (ограничивается сверху) *абсолютом* Ω ; к утверждению такой возможности в пору кризиса теории множеств пришел и Кантор, явно через силу и с пересмотром своих прежних убеждений – но вполне в духе диалектической антиномики, – заговоривший в переписке с Дедекиндом о т.н. неконсистентных системах, т.е. множествах, не являющихся единствами⁷.

Рассмотрение аспекта *многое* логически исчерпано. Однако бесконечность встречается, как известно, не только на пути количественного роста и увеличения, но и в противоположном направлении. Следовательно, для нас настал черед нового аспекта: перечислим теперь подходы к бесконечности (целому) как *малому*, т.е. рассмотрим их на базе бинарной формы *малое целое*. При этом необходимо продолжить сквозное перечисление возможных типов бесконечности, начатое выше под рубрикой *многое*. И еще сразу же оговорим, что в используемой далее

бинарной форме мы сознательно поменяли порядок образующих ее членов, что совершенно безразлично для ближайших типологий, но понадобится нам в дальнейшем. Итак, *малое целое* в развертывании по типам бесконечности представимо, на наш взгляд, следующим образом:

- e) *малое целое* – бесконечность, в которой представлена только сторона неограниченного умаления, сокращения, уменьшения и которая известна в истории мысли под названием *нуля как предела*; после О. Коши в виде *бесконечно-малого* данный тип бесконечности вошел в основания (стандартного) математического анализа;
- f) *малое целое* – такое бесконечно-малое, т.е. такая бесконечность, которая при всем своем неограниченном уменьшении предстает именно как нечто фиксированное, как определено данное, т.е. *актуальное бесконечно-малое*; данный тип бесконечности составляет основу с недавних пор (работы А. Робинсона в 60-х гг. XX века) развитого нестандартного или неархимедова анализа;
- g) комбинация представлений о бесконечно-малом в понимании (e) и понимании (f) – бесконечная, точнее, потенциально бесконечная иерархия актуально бесконечно-малых; введена здесь по аналогии с типом бесконечности (c) и, насколько нам известно, в математике специально не рассматривалась;
- h) *малое целое* – построенное по аналогии с типом (d) представление бесконечности при диалектическом объединении понимания (e) и понимания (f), когда всякие бесконечно-малые не только образуют иерархию, но и замыкаются (ограничиваются снизу) величиной 0_i – *нулем данного i -ого числового класса*⁸; завершенные иерархии актуально бесконечно-малых, кажется, также еще не явились предметом специальных исследований.

Отметим, бросая общий взгляд на полученный перечень, следующие важные обстоятельства. Прежде всего, нетрудно обнаружить, что кратко рассмотренные у нас точки зрения на бесконечность отнюдь не равноправны между собой. Так, из

восьми возможных подходов шесть носят явно промежуточный, подготовительный характер, выступая в качестве того или иного этапа на пути к зрелому – во всяком случае, логически более зрелому – представлению о бесконечности. Интегральными же и итоговыми (каждая в «своей» области) являются представления вида (d) и (h). С другой стороны, приходится констатировать, что к настоящему времени получили развитие далеко не все точки зрения, причем менее разработанными, в частности, в математике оказываются как раз синтетические, итоговые подходы, особенно и прежде всего в позициях (h) и в значительной мере (d). Далее. Если не выходить, напомним нашу исходную посылку, за пределы сферы S^+ , а в последней ограничиваться лишь описательной стороной дела и не претендовать на развернутые формальные построения, наша классификация в некоторой мере по-новому проясняет и детализирует представления о бесконечности. Вместе с тем в данном пункте она выступает – это важно зафиксировать специально – в тесном союзе с подходом, который уже достаточно давно был развит в «Диалектических основах математики» Лосева. Конструкция бесконечного как диалектического синтеза *целого* и *дробного*, данная на страницах этой книги⁹, в наших терминах, можно сказать, лишь несколько уточняется по двум направлениям – *дробного как малого* (присутствует в бинарной форме *малое целое*), если специально выделять аспект убывающей величины дробимой части, и *дробного как многого* (в бинарной форме *целое многое*), если специально выделять аспект возрастающего количества дробимых частей.

Еще раз обратившись к нашему перечню, мы можем выделить *три типа* бесконечности как таковой, т.е. бесконечности *актуальной*, и этим типам присвоить наименования определенно унифицирующего характера, прибегнув еще к услугам некоторого рода оксюморона, ибо для характеристик необычного мира бесконечности будет применена соотносительная терминология, почерпнутая из мира *конечных* величин и потому в определенной мере привычная для обыденного сознания. Итак, предлагается различать следующие типы бесконечности:

- Ω – абсолют, или актуально бесконечное большое;
 \aleph_i – иерархия алефов, или актуально бесконечных средних;
 0_i – иерархия нулей, или актуально бесконечных малых.

Актуально бесконечное большое предстает здесь единственным, актуально бесконечных средних и малых – бесконечно много, в соответствии с результатами теории трансфинитных чисел (в рамках теории множеств) и нестандартного анализа, соответственно. Попробуем, однако, задаться вопросом, возможна ли теория, в которой иерархии средних и малых актуальных бесконечностей (вместе или порознь) являются ограниченными, т.е. индекс i принимает конечное значение¹⁰. В этом смысле интересной видится гипотетическая возможность, когда вместо *убывающего* ряда $0_i = \aleph_{i-1}$ (как обобщения известного соотношения $0 = \infty^{-1}$) может строиться возрастающий ряд $0_i = \aleph_i \times \Omega^{-1}$ такой, что некоторый 0_i становится *достаточно большим*. Пока такой теории нет, а потому встреча в одном уравнении всех трех типов актуальной бесконечности носит еще, может быть, сугубо символический характер. Да и сами элементы уравнения (за исключением разве что \aleph_i – относительно алефов Кантором построена достаточно убедительная теория¹¹) вернее было бы считать только *символами бесконечности*, в духе ранней терминологии Кантора и работ Флоренско-го. Конечно, за всяким символом обязательно стоит та или иная реальность, уже проявленная либо покамест сокрытая.

Однако наша типология бесконечностей, выраженная на языке бинарных форм, еще не завершена. В ее рамках естественно возникает описание еще одного типа бесконечности, который также приходится признать синтетическим и еще, выражаясь языком Николая Кузанского, обнаруживать за ним зримое *coincidentia oppositorum*. А именно, представляется возможным объединение интегральных типов *малое целое* (h) и *целое многое* (d) в единой триадной композиции – *малое целое многое* или, с переводом составляющей *целое* в разряд подразумеваемых, в единой бинарной форме *малое многое* (i). С формальной точки зрения наша сокращенная запись для *трех* типов (они перечислены выше) и *двух* «состояний» бесконечности (в аспекте *малое* и *многое*) определенно находит

себе аналоги в математической области. Например, вспоминаются особенности техники записи скалярного произведения состояний квантовых объектов с помощью «скобок Дирака». Но много интереснее обнаружить, далее, что и математике и даже обыденному сознанию давно известен сам объект, описанный у нас в качестве типа (i). Это – конечное число. Как синтез двух целостностей, а именно синтез *мало́го цело́го* и *цело́го мно́гого* всякое конечное число A выступает уже в т.н. неопределенном уравнении $A = 0 \times \infty$. Это уравнение известно даже школьникам, не говоря уже о студентах (но все ли учителя и профессора понимают его смысл?). Можно указать и содержательно развитое философское учение о синтезе нуля и бесконечности в конечном числе, представленное, как нетрудно догадаться, теми же «Диалектическими основами математики»¹². В логическом отношении нуль и бесконечное предшествуют конечному, конечное предстает как развернутый нуль или свернутое бесконечное. Потому в построении типологии на языке бинарных форм мы и имели право продолжить нумерацию возможных подходов к бесконечности до пункта (i), и здесь осталось только придать полученному типу соответствующее наименование – *актуально бесконечное конечное*. Это будет завершающий наш перечень *четвертый* тип бесконечности, бесконечность в несобственном смысле слова, т.е. конечное как отрицание (принято говорить – диалектическое снятие) бесконечности, конечное как модификация бесконечности¹³.

В заключение осталось отметить следующее. Конечно же, полученная типология непривычна, она носит во многом гипотетический характер и потому может показаться излишней либо избыточной. Но прислушаемся здесь к мнению Гёте и вслед за ним не будем «жаловаться на изобилие теорий и гипотез; напротив, чем больше их создается, тем лучше», ибо гипотезы – это «ступени, на которых надо давать публике лишь самый короткий отдых, чтобы вести ее затем все выше и дальше», это как раз те «удобные образы, облегчающие представление целого»¹⁴. Выше, дальше и к целому дерзает обратиться и намеченная гипотеза о типах бесконечности.

3.8. Загадочный набросок (еще к теме «имяславие и теория множеств»)

Однажды при разборе документов из необработанной части архива А.Ф. Лосева нам попался небольшой листок пожелтевшей бумаги (формата страницы школьной тетради) с сильно потрепанными краями и оторванным нижним уголком, отнявшим часть текста. Листок с двух сторон был плотно исписан фиолетовыми чернилами. У текста явно отсутствовало начало, поскольку он открывался тезисом-подпунктом 2 пункта 5. В характерной для автора манере письма строки занимали половину ширины страницы, так что площадь ее заполнялась в два столбика. Почерк выглядел достаточно разборчивым и устойчивым, что сообщало – перед нами рукопись 20-х годов (т.е. периода еще до ареста и пребывания в концлагере, где Лосев существенно подорвал зрение). Тут было довольно много неких «пунктов» в тезисной форме, снабженных обычной для Лосева весьма изощренной буквенно-цифровой нотацией. Итак, тезисы, но чего именно?

Даже при первом знакомстве с их содержанием можно было без труда определить, что перед нами оказался набросок плана работы на тему, которую можно условно (и в то же время с достаточно удовлетворительной точностью) сформулировать с помощью строчки одного из имяславских докладов Лосева: *математическое учение о множествах на службе имяславия*¹. Это полагалось в давних замыслах философа – построить или по меньшей мере проиллюстрировать определенную часть православной догматики с помощью точных методов и уже в рамках данной воистину трудной задачи развить, в частности, основные положения имяславского учения на базе математических конструкций теории множеств. «Будучи приложенным к имяславию, – обещал Лосев в одной из своих заметок около 1919 года, – все это даст ясный образ логической структуры имени в его бесконечном и конечном функционировании»². А вот что писалось спустя примерно десять лет в «Диалектике мифа», когда имелось в виду базовое для теории множеств понятие актуальной бесконечности: «Эта бесконечность есть

нечто осмысленное и оформленное, – в этом смысле конечное. Она имеет свою точно сформулированную структуру; и существует целая наука о типах и порядках бесконечности. Эта теория *трансфинитных чисел* должна быть обязательно привлечена для целей абсолютной мифологии»³. Как свидетельствовали тезисы новонайденного наброска, Лосев всерьез работал над реализацией подобных намерений, и происходило это, вероятно, как раз где-то в период между отметками-границами двух приведенных высказываний. Возможно, датировку наброска следует переместить ближе к более поздней границе, поскольку написан он в *новой орфографии*.

Однако одна особенность плана-наброска сразу вызвала большое недоумение. Дело в том, что возле каждого из своих тезисов Лосев проставил номера параграфов какой-то неизвестной работы, в которых, надо полагать, эти тезисы каким-то образом подтверждались либо раскрывались. Номера параграфов были трехзначными, самый большой номер – 412, и в отдельных случаях приведено довольно много, более десятка, отсылок. Вроде бы выходило, что где-то и когда-то имелось (а то и до сих пор имеется) некое исследование, причем весьма обширное, в котором сугубо специальная тема связей имяславия и теории множеств была столь подробно, оказывается, раскрыта. И где же оно находится, будь то книга или, скажем осторожнее, рукопись?

Итак, вот вопрос: кто мог создать эту X-книгу, совместив достаточные знания математики, с одной стороны, и глубоко понимая проблемы и нужды имяславия, с другой стороны, кто бы смог? Может быть, П.А. Флоренский? Но его архив, как известно, сохранился в состоянии, близком к идеальному, и там ничего подобного вроде бы нет. Еще над темами философского переосмысления теории множеств в свое время немало размышлял В.Н. Муравьев, участник московского кружка имяславцев. Тогда, получается – он? Однако анализ материалов из его архива (это обширный фонд, хранящийся в Рукописном отделе РГБ) ничего обнадеживающего не дал и здесь. Да и не входило, надо сказать, в обыкновение Муравьева сочинять тексты с подробной рубрикацией и отточенной систематикой – откуда взяться у него тексту в полтысячи параграфов? Получается,

все указывало на самого Лосева, чьи творческие интересы и особенности авторской манеры вполне удовлетворяли, так сказать, всем возникшим тут условиям. Но где же теперь эта работа, пусть и лосевская? Допустимо предположить, к примеру, что автор написал ее, но потом разъединил на составные части и попытался использовать для разных нужд уже по отдельности (у Лосева такое часто бывало – и не от хорошей жизни), а в данной заметке оставил схему связей, призванную описать некогда единый текст. Все равно главный вопрос оставался открытым и мы, увы, прошли по банальному кругу – неизвестная книга так и осталась X-книгой. Ясно же, что без хотя бы минимального раскрытия содержания многочисленных параграфов, на которые содержатся отсылки в тезисах лосевского наброска, едва ли не главное из всего увлекательного замысла 20-х годов продолжает оставаться недоступным.

Так этот загадочный лосевский набросок и пролежал без движения несколько лет (если не считать того, что Аза Алибековна отдала его для перепечатки, что и было сделано на всякий случай, т.е. впрок). Пролежал, оставаясь немым упреком, если не прямо занозой в памяти – до тех пор, пока однажды *сам собой* не пришел ответ: пресловутая X-книга не только достаточно хорошо известна и написана она в начале XX века известным русским математиком, но на нее есть и самое прямое (хотя и малое, потому не бросившееся в глаза и даже толком не прочтенное) указание в лосевских тезисах. А сам набросок, конечно, следует теперь обязательно опубликовать, с определенной долей уверенности сопроводив его введением в достаточно сложный (и казавшийся недоступным) логико-математический контекст. Что мы и проделаем теперь, в своем месте расшифровав, о какой X-книге идет речь.

Лосевские тезисы мы воспроизведем в несколько приемов, ничего не пропуская. Будем совершать остановки для комментариев с целью хотя бы приблизительно восстановить движение авторской мысли. Текст наброска будем отмечать курсивом, давая в угловых скобках свои конъектуры или раскрывая сокращения. Итак, читаем:

«<...> 2) *отсюда:*
сложение,

*вычитание,
умножение,
деление,
возведение в степень,
извлечение корня.*

Все это основывается на понятиях 1) «больше» и «меньше» и на понятии 2) числа (на этот раз пока только эйдетического)».

Прервемся, чтобы прежде всего описать пометки, которыми автор снабдил приведенную часть своих тезисов. Возле перечня арифметических операций мы видим карандашный рисунок, призванный, по-видимому, выражать их системное единство, – это овал, вертикальными линиями поделенный на равные части, и от каждой такой части в сторону перечня операций ведут волнистые соединительные линии. Рядом со строкой с упоминанием понятий «больше» и «меньше» написано: *понятие части и целого*; ниже рядом с упоминанием понятия «числа» добавлено: *(Франк) = неподвижный образ смысловой энергии*. Последняя ремарка, по всей видимости, призвана отсылать к известной работе С.Л. Франка «Предмет знания» (1915), на которую Лосев в свое время обращал внимание читателей, когда в книге «Музыка как предмет логики» подчеркивал существенное родство концепции числа у Франка и своих логико-математических построений.

Продолжим чтение лосевских тезисов.

«6. Теоремы относит<ельно> конечн<ых> множеств.

Предварит<ельные> определения части и целого.

А. 1. Общее опред<еление> части. §15–17.

Прав<ильная> и неправ <ильная части>. Жег. 18–21.

Сумма. 22–25.

Произв<едение>. 29.

В. Эквив<алентность> и мощность.

*Мн<ожество> не экв<ивалентно> мн<ожеству> частей
(59–60).*

-----».

После пункта 6 в рукописи следует строка, целиком

зачеркнутая автором: 7. *Бесконечные* *ми* *ожества*. Два ряда пунктиров-прочерков, которыми Лосев завершил данную часть текста, недвусмысленно свидетельствуют о том, что дальнейшее изложение представлялась ему очевидным, и он спешил приступить к более интересной части тезисов в их, так сказать, высших разделах. Соответственно этому разрыву в плане повествования, заметим, изменится и нумерация параграфов, к которым отсылает автор, – учение о частях множеств доведено до §60, первый же из тезисов непосредственно об именах, последующий ниже, уже будет указывать на §273. Прежде чем перейти, однако, к этим тезисам об именах, стоит ненадолго остановить взгляд на пройденной части нашего пути.

Как представляется, после знакомства с «Диалектическими основами математики» нет особых оснований сетовать, что до нас не дошла предыдущая часть наброска (первые, будем считать, пять пунктов тезисов). В упомянутой книге Лосев детально осветил и общую логику числа, и диалектику части и целого, и дал логико-диалектическую дедукцию основных арифметических операций. Даже классификация чисел, включающая упомянутое «эйдетическое» число (оно соотносится как раз с теорией множеств), в данной книге подробно проводится⁴.

С этой положительной констатацией мы и приступим теперь к наиболее интересной для нас части текста, которая следует сразу после обозначения перерыва в изложении. Нумерация тезисов начата у автора заново.

«1. Имя [первозд<анной> сущности] не зависит от того, как оно обстоит в меоне. §273; 292. 302. 307. 311. 318. 322. 329. 330. 338. 342. 343.

2. Имя инобытия 1) несет всю энергию сущности, но не организована целиком как эта последняя. §281.

<3. Имя инобытия ничего не прибавляет к сущности и не убавляет <...> 304. 305. 310. 327.

4. В первозд<анной> сущности имена м.б. неравны. 296.

5. Организация конечного в бесконечном. 296.

6. Всё во всем всегда сходно. 299. 300.

7. Имя первозданное может затемняться до бесконечности. 301.

8. В первоим<ени> – только смысл без меона. 303.

9. Имя может затемниться до полного перехода в конечное. 308.

10. Определение перевозд<анной> или возрожд<енной> сущности W. 324.

11. Всем моментам в перевозд<анной> или возрожд<енной> сущности свойственна одна и та же энергия. 326 (ср. № 4).

12. Имя (беск<онечное>) всегда имеет большее себя. 328.

13. Имя Б<ожие> больше всякой беск<онечности> и не есть эта беск<онечность>. 330. 338. 340.

14. Имя (беск<онечное>) как чистый смысл не имеет предьд<ущих> чисел.

15. Имя есть тип меньших его. 348. 356.

16. Имя – предел для меньших. 349; 346. 350. 351. 357. 383. Гл. XI. 406. 409. 412.

17. Все – имя отрезка из Имени. 401. 402. 405.

18. Нуль не имеет зн<ачени>е трансф<инита>. 403. 404.

19. Теория точечных множеств.

20. Теория функций».

Текст некоторых тезисов нам приходится отчасти реконструировать из-за наличия дефектов в рукописи, так как начальные слова тезиса 3 оказались на оборванном уголке, а заключительная часть тезиса 14 – на сильно обтрепанном нижнем срезе страницы. Каждый из двадцати тезисов (за исключением двух последних, в дальнейшем, надо сказать, не используемых) автор снабдил ссылкой на номера параграфов согласно той самой X-книги. В двух случаях, а именно для тезисов 1 и 16 (или 15 и 16 вместе) автор привел эти номера не сразу после тезиса в той же колонке, как в прочих случаях, а относительно большим массивом, ушедшим в соседнюю колонку. Эти массивы номеров мы воспроизводим, отделив их в перечне точкой с запятой.

Сразу вслед за колонкой тезисов (текст в наброске, напомним, построен с одной стороны страницы двумя колонками, а с другой – на части страницы даже в три колонки) и посредине полустроки Лосев далее написал: *I – Первоимя*. Тем самым он, скорее всего, намеревался без промедления приступить к

характеристике данного типа имени, но тут же решил, что пора перечислить и все прочие типы, что и проделал, повторив «Первоимья» уже в общем перечне:

«I. Первоимья.

II. Первозд<анное> имя.

III. Инобыт<ийное> имя.

IV. Возрожд<енное> имя».

Приведенная типология, нельзя не отметить, является большой новостью. Ничего близкого, во всяком случае в полном терминологическом развороте, в других известных нам работах Лосева нет. Удастся отыскать только одно место, где встречаются термины «первоимья» и «первозданное имя» (причем не только вне какой-либо типологии, но и – случай для автора, кажется, исключительный – без должного определения, без всякого разъяснения содержания), это их «проходное» упоминание в 10-м параграфе «Философии имени»⁵. Если же взять для сравнения достаточно обширный отрывок, условно называемый «Миф – развернутое магическое имя»⁶, в котором типы имен рассматриваются достаточно обстоятельно, то мы можем зафиксировать весьма сложное соотношение его содержания с приведенным четырехчленным перечнем. Прежде всего, в отрывке «Миф – развернутое магическое имя» так же, как и в наброске, проводится *диалектика сущности* и в результате выделяются *четыре* фундаментальных момента:

I. Собственно «сущностный» момент («абсолютно-апофатическая стихия»).

II. «Внутритроичный» момент (или «Триипостасность»).

III. «Софийный» момент (как «факт» или «плоть» для «Триипостасности»).

IV. «Ономатический» момент (или собственно «Имя» как «образ» или «выражение» для «Триипостасности»)⁷.

Нетрудно увидеть структурный параллелизм данного и приведенного выше перечней, как бросается в глаза и главное их отличие – в интересующем нас «имяславско-математическом» наброске «ономатический» момент распространен на все уровни описания сущности (тут, если воспользоваться

лосевским же словообразованием, реализованы «разные степени именитства»), тогда как «Имя сущности» во фрагменте «Миф – развернутое магическое имя» располагается на одном-единственном, завершающем ярусе описания. Впрочем, в данном фрагменте также явственно развернута и идея *иерархичности* именования, точнее, различаются модификации всех перечисленных моментов в «умных энергиях» Имени. Каждой из этих модификаций⁸ мы рискнем сопоставить имена из новой (для нас) лосевской типологии:

- a) *«умно-сущностная энергия», или «энергия апофатического истока сущности» (Имя как «мистическая церковь») // Первоимя;*
- b) *«умно-триадическая энергия» (Имя как «миф») // Перводанное имя;*
- c) *«умно-софийная энергия» (Имя как «магия») // Инобытийное имя,*
- d) *«умно-выразительная энергия», или «энергичность самой энергии» (Имя имени, Имя как «эвхология») // Возрожденное имя.*

Условность нашего сопоставления состоит в том, что четыре типа Имени во фрагменте «Миф – развернутое магическое имя» *расположены* в сфере четвертого, т.е. «ономатического» момента и лишь *развернуты в направлении* (Лосев так и выражается⁹) к сферам трех других моментов сущности, тогда как имена в «имяславско-математическом» наброске распределены, как мы уже подчеркивали, по всем четырем ярусам иерархии. Правда, свойства этих имен весьма меняются с переходом от одного яруса к другому, что и обнаруживается, если снова обратиться к тексту наброска. Первым здесь характеризуется «Первоимя»:

«I.

- a) *чистый смысл. 8.*
 - b) *Всё = ничто и отдельному a, b, c.*
 - c) *Оно больше всякой бесконечности>. 13. 338. 339. 342. 343.*
 - d) *Нет нуля. 18.*
- не имеет посл<еднего> числа. 322. 329».*

Как видим, для характеристики I-ой сферы имен Лосев использовал свои же тезисы (их номера в нашей передаче выделены полужирным шрифтом), кое-где расширив их новыми отсылками к X-книге. Далее в тезисной форме приведено сопоставление «Первоимени» с другими именами:

«I – (II – IV).

a. I не зависит от меона, не приб<авляется> и не убавл<ается>. 1. 3.

b. I – предел и образец для всего меонального. 15–16. 349–357.

c. Всё – только отрезки из Него. 17».

Отметим, что в данном месте номера параграфов X-книги вписаны карандашом, тогда как весь предыдущий текст был выполнен чернилами. Карандашные пометки встретятся нам и далее. Похоже, они свидетельствуют о том, что автор возвращался к тезисам, пополняя и развивая их.

Ниже у Лосева следуют характеристики прочих имен, причем они даются в сопоставлении, с одной стороны, имени III-ей сферы («Инобытийное имя»), и объединенных в пару имен II-ой и IV-ой сфер («Первозданное имя» и «Возрожденное имя»). При этом сферы имен описаны сначала в своих различающихся частях, а затем даны общие для них свойства. Вот характеристика «Инобытийного имени»:

« III.

a. Смесь света и тьмы. Неэкв<ивалентные> части. 5.

b. В каждом пункте – всё, хотя и не так, как там. 2.

c. Всё со всем сходно. 6.

d. Имя всегда имеет большее себя. 12. 412.

e. Не имеет предьд<ущих>. 14.

f. Беск<онечное> + кон<ечное> = беск<онечное>. 292».

Здесь цифра 412 вписана карандашом. Рядом, в своеобразном синхронном развороте с тезисами о свойствах III-ей сферы расположены, как уже было сказано, тезисы для II-ой и IV-ой сфер имен, так что в данном месте (с учетом предыдущего текста) образовался текст в три столбца. Третий столбец тезисов оказался столь тесно прижат к обрезу страницы, что

часть отдельных слов пропала (они, видимо, перешли на соседнюю страницу, до нас не дошедшую), мы их тоже вынуждены реконструировать. Итак – сферы «Первозданного имени» и «Возрожденного имени» описываются (совокупно) следующим образом:

« II. (IV)

- a. Пребывание в меоне, но собр<ан>ность. 10.
- b. Все свойства I, кроме сущно<сти>. <...>.
- c. Имена в не<м> (или в ни<х>) м.б. неравны. 4. 5.
- d. Может расплыться до беск<онечности>. 7. 9.
- e. Имя всегда <есть> или <имеет> большее себя. 12.
- f. Нет нуля. 18».

Оба столбца тезисного описания свойств имен (в каждом столбце оказалось занумеровано одинаковое число пунктов – от a до f) далее подытоживаются общей строкой, написанной карандашом: *Общий Denkgesetz: теорема Zermelo*. Ниже, судя по всему, этот общий «закон мысли», основанный на теореме Цермело¹⁰, разворачивается еще в двух тезисах, одинаково справедливых для II, III и IV сфер имени:

«g. В нем всегда есть прав<ильная> часть = беск<онечности> (залог того, что все отдельное в нем сохранит свою бесконечность). 302.

Разные типы бесконечного. 307.

h. Всё = число II типа??

w – наим<еньшее> число <...>. 330.

i. Сам тип выше <беско>нечности. 406».

Последний тезис (i) написан карандашом, его мы тоже частично реконструируем, так как на него пришелся оторванный уголок страницы. Им же и заканчивается весь дошедший до нас текст. Однако наше описание лосевской рукописи на этом не может остановиться. Дело в том, что автор использовал свои тезисы (точнее, первые 18 из них) еще для какой-то не вполне ясной типологии, и следы этих размышлений сохранились в рукописи. Именно, в начале каждого из тезисов составлены довольно прихотливо организованные номера рубрик (и это кроме исходной сквозной нумерации), по которым

тезисы перетасовывались совсем в иной последовательности и объединялись во вполне определенные группы. Следуя этой рубрикации, мы еще раз перепишем здесь лосевские тезисы, при этом для «разгрузки» текста более не будем повторять цифровые материалы, воспроизведенные у нас раньше, а также опустим угловые скобки, сигнализирувавшие о реконструкциях.

« I а. В первоимени – только смысл без меона.

I б. Всем моментам в первозданной или возрожденной сущности свойственна одна и та же энергия.

I с. Имя Божие больше всякой бесконечности и не есть эта бесконечность.

II а1. В первозданной сущности имена м.б. неравны.

II а2. Имя может затемняться до полного перехода в конечное.

II а3. Имя первозданное может затемняться до бесконечности.

II б1. Имя [первозданной сущности] не зависит от того, как оно обстоит в меоне.

II б2. Имя инобытия ничего не прибавляет к сущности и не убавляет.

III а. Ноль не имеет значение трансфинита.

III а1. Имя (бесконечное) как чистый смысл не имеет предыдущих чисел.

III а2. Имя (бесконечное) всегда имеет большее себя.

III а3. Определение первозданной или возрожденной сущности.

III б1. Имя инобытия несет всю энергию сущности, но не организовано целиком как эта последняя.

III б2. Организация конечного в бесконечном.

III б3. Всё со всем всегда сходно.

IV а1. Имя есть тип меньших его.

IV а2. Имя – предел для меньших.

V. Всё – имя отрезка из Имени».

Попробуем представить себе, по каким именно принципам лосевские тезисы объединены в пять групп. В первую группу, очевидно, сведены характеристики имени (первой) сущности, т.е. Первоимени, которое есть также *Имя Божие*.

Здесь подчеркнуто, что все прочие сущности и соответствующие им имена порождены общей для всех энергией (или светом) Первосущности, невозмутимо пребывающей свыше всякой бесконечности. Тезисы второй группы сообщают об *иной бытийных судьбах* имен, «затемненных» в меоне до бесконечного или даже конечного состояния, но ничего не меняющих в исходной Первосущности. Тезисы третьей группы передают, как вся *система* таких имен строится с помощью отношений равенства (неравенства) и сходства, тезисы четвертой группы добавляют свидетельство об *иерархическом* характере этой системы. Наконец, пятая группа обобщает все ранее сказанное в некоторого рода конструктивный, можно даже сказать, алгоритмический по форме тезис – как именно *получается всё*.

Кажется, теперь можно посчитать, что непосредственное изложение лосевского наброска завершено. Но остается нерешенным прежний вопрос – на какие все-таки материалы отсылают указанные автором параграфы из этой самой X-книги? Ответ, однако, достаточно прост, и на него наводит пометка в самом начале лосевских заметок – сокращение *Жег.* на одной из строк тезисов. А именно, Лосев расставил отсылки, призванные поддержать содержательную мощь *имяславских* тезисов с помощью формальной системы утверждений из сугубо *математического* трактата «Трансфинитные числа», принадлежащего профессору Московского университета И.И. Жегалкину (1869–1947). Никакого отношения к имяславью, насколько нам известно, уважаемый математик не имел, да и книга его вышла в свет в 1908 году, за несколько лет до начала «Афонского дела». А вот исходное предположение о существовании некоей X-книги, одновременно трактующей и о теории множеств, и об имяславии, оказалось неверным – соответствующие связи налаживал именно и только лежащий перед нами лосевский набросок. Лосев всего лишь умело использовал первое в России систематическое и детально развернутое (в книге 440 параграфов) изложение теории множеств. Экземпляр книги И.И. Жегалкина «Трансфинитные числа» представлен в домашней библиотеке Лосева, именно с ним мы работали при подготовке настоящей заметки. Отметим одно немаловажное для нас обстоятельство: с учетом внешнего

вида названного экземпляра – многие листы книги сильно помяты и когда-то были залиты водой – можно с большой долей уверенности утверждать, что экземпляр этот пережил бомбежку 1941 года и, следовательно, скорее всего он-то как раз и использовался Лосевым при составлении рассматриваемых имяславских тезисов.

Конечно, нам интересно вооружиться всеми (желательно) отсылками к книге И.И. Жегалкина, чтобы несколько дальше продвинуться в понимании затронутой темы. Но просто переписать соответствующие выдержки не представляется здесь возможным – их слишком много. Поэтому мы ограничимся лишь избранными примерами и еще теми цитатами, без которых некоторые места лосевского наброска все еще оставались бы не вполне ясными.

Для начала познакомимся с образцами достаточно очевидных соответствий, которые Лосев выстраивал между каждым содержательным философским тезисом и формулировками математической теории. Возьмем 6-ой тезис: *Всё со всем всегда сходно*. На языке теории множеств (читаем параграфы 299 и 300 из «Трансфинитных чисел» – к ним отсылает, напомним, авторская пометка рядом с тезисами) эта же мысль выражается в виде двух теорем: «Из двух множеств P и Q одно всегда эквивалентно части другого»; «Если два множества P и Q не эквивалентны между собой, то одно из них эквивалентно правильной части другого»¹¹. Даже если не уточнять, как в теории множеств определяется эквивалентность множеств и что такое правильная часть произвольного множества, содержание этих теорем не требует особых разъяснений, как очевидна и прямая перекличка с 6-м тезисом. В случае многих других тезисов такие переклички также вполне прозрачны, хотя они подчас требуют уже более серьезного овладения аппаратом теории множеств. Для примера рассмотрим 3-й тезис: *Имя инобытия ничего не прибавляет к сущности и не убавляет*. Этому тезису Лосев поставил в соответствие следующие утверждения из книги Жегалкина: «Если от бесконечного множества S отнять какую угодно конечную часть S' , то мощность множества не изменится» (§ 304); «Если от бесконечного множества S , несчетной мощности, отнять часть S' конечной или счетной

мощности, то мощность остатка равна мощности множества» (§305); «Если к бесконечному множеству S прибавить конечное или счетное множество, то мощность множества не изменится» (§306)¹². В других теоремах, которые мы здесь не воспроизводим, утверждается также, что и операции сложения и умножения не выводят результат за пределы данного типа бесконечности¹³.

С помощью книги «Трансфинитные числа» мы теперь можем вполне точно уяснить, что Лосев имел в виду в своем тезисе 10, упоминая об «определении первожданной или возрожденной сущности». Обозначение через W , введенное здесь Лосевым, повторяет обозначение у Жегалкина для вполне упорядоченных множеств I и II классов, т.е. для всех конечных и счетных множеств¹⁴. Еще одно обозначение, использованное автором в описании свойств «Первожданного имени» (пункт h) – наименьшее число w . В соответствующем месте из книги Жегалкина, все так же пользуясь лосевской отсылкой к ней, читаем: « w наименьшее из чисел II класса»¹⁵, т.е. наименьшее из всех трансфинитных порядковых чисел (оно выполняет среди них роль нуля), большее любого конечного числа, принадлежащего к числам I класса.

Теперь рассмотрим примеры соответствия имяславских тезисов и теоретико-множественных данных, как они виделись Лосеву, для случаев принципиально важных, можно сказать даже, узловых во всем учении. К таковым, прежде всего, относится тезис 13-й: *Имя Божие больше всякой бесконечности и не есть эта бесконечность*. У Лосева для иллюстрации данного утверждения указаны отсылки к только что приведенному у нас определению наименьшего числа II числового класса (§330), которое больше *любого* конечного числа, а также к определению наименьшего числа из следующего «яруса» бесконечностей (§338) – числа W , которое в свою очередь «больше всех чисел II класса и не есть число II класса»¹⁶. Вслед за трансфинитными числами II класса следует класс III-й, мощность которого превышает мощности предыдущих классов (§340), и т.д. и т.д. Таким образом, за любым произвольно взятым классом бесконечности (классом трансфинитных чисел) теория множеств всегда находит новый класс, и этот процесс

движения по иерархии бесконечностей сам оказывается бесконечным.

Однако теория множеств, указав и описав таковой безостановочный процесс, берется рассматривать и *множество всех чисел* (тому отведена целая глава XII в книге Жегалкина). Это объединенное множество, вернее сказать, сверхмножество, большее любой бесконечности, Лосев и усматривал как аналогию для Имени Божия. Во всяком случае, именно на основополагающие пункты указанной главы он ссылался, когда формулировал другой важный имяславский тезис, а именно заключительный тезис 17-й: *Всё – имя отрезка из Имени*. Конкретнее, к данному утверждению Лосев подходил через серию определений из § 401 и § 402 – всякое «число есть тип вполне упорядоченного множества», далее, «каждое число есть тип множества всех чисел, меньших его», далее, – с введением символа W для обозначения множества *всех* чисел, – «всякое число есть тип отрезка, определяемого им на множестве W »¹⁷. Кроме того, Лосев ссылался еще на соседний § 405, в котором приведены два варианта описания множества всех чисел – как W и как множества этих же чисел, но без нуля – W' ; эти два множества подобны, выполняют совершенно одинаковую роль в области трансфинитов, однако по-разному позволяют отображать (в отрезках на себе) область конечных чисел. Сейчас нам трудно судить, не имея дополнительных указаний, какие конкретно выводы из этого достаточно частного математического обстоятельства мог делать Лосев для понимания, так скажем, отношений мира дольнего и мира горнего. Но и без того приведенного материала вполне достаточно, чтобы убедиться, сколь высоким находил Лосев параллелизм (от сознательного перевода некоторых специфических терминов из одной сферы в другую до обнаружения глубоких и далеко идущих связей) между содержательными имяславскими тезисами и формальными теоретико-множественными аксиомами и теоремами. Именно такой главный вывод сообщает нам этот некогда загадочный набросок, сохранившийся в архиве мыслителя.

Часть IV

А.Ф. Лосев

О форме бесконечности¹

1 Бытие в целом есть или ничто, или нечто. Если оно ничто, то не существует самого понятия бытия, и оно есть только собрание бессмысленных звуков, и ни о чем нельзя сказать, что оно существует. Если же бытие есть нечто, то ему принадлежит какая-нибудь существенная для него качественность, оно есть какая-то единичность и в этом смысле – неделимость. Абсолютная неделимость есть точка. Следовательно, бытие в целом есть некая *точка*. Бытие в целом есть или ничто, или точка, точка как точка и точка в своем развитии, развертывании и движении, строящем новые и новые фигуры бытия. Бытие – одно. Это одно содержится в каждой его точке, и, следовательно, бытие есть *целость*. Бытие как точка содержит эту точку в каждом своем моменте, и все эти точки слиты в одну точку. Бытие как точка есть одновременно и одна-единственная точка, и бесконечное количество точек, отдельных одна от другой и слитых одна с другою – одновременно. Точка, находящаяся сразу везде, есть одна и единственная точка.

2. Линия, являющаяся окружностью круга, сильно изогнута, если радиус круга невелик. Если радиус делается больше, то окружность круга получает меньшую кривизну и выпрямляется. Если радиус бесконечно велик, то окружность круга делается прямой линией. Прямая есть круг с бесконечно большим радиусом. Или иначе: прямая и замкнутая кривая в бесконечности есть одно и то же; прямая, продолженная в бесконечность, искривляется в замкнутую кривую и возвращается в исходную точку.

3. Если взять треугольник и его вершину отдалять от основания, то угол при вершине делается все меньше и меньше². Если вершина будет удалена в бесконечность, то угол при

вершине обратится в линию. Итак, в бесконечности угол и прямая есть одно и то же. Другими словами, прямая, продолженная в бесконечность, имеет бесконечное количество направлений.

4. Шар, имеющий бесконечно большой радиус, очевидно, имеет нулевую кривизну своей периферии, т.е. шар с бесконечно большим радиусом не отличается ничем от обыкновенной прямой линии. Другими словами, прямая линия, продолженная в бесконечность, есть также и шаровое тело, шар.

5. Шар есть или ничто, или нечто. Если шар есть нечто, то он есть нечто в каждой своей точке, ибо в противном случае он распался бы на некоторые или на бесчисленное количество разных тел. Если шар есть шар в каждой своей точке, то в смысле шаровости ни одна его точка ничем не отличается от другой. Следовательно, шар в смысле своей шаровости, т.е. шар, взятый как шар, как таковой, как шар в своей сущности, есть не более как точка. Шар, взятый также и с бесконечно большим радиусом, есть тоже только точка.

6. Итак, *в бесконечности точка, линия, угол, круг и шар есть одно и то же.*

7. Что значит двигаться *по* бесконечности или в бесконечности?

- a) Двигаться по бесконечности от точки A до точки B – значит проходить по прямой AB .
- b) Двигаться по бесконечности от A к B – это значит описать замкнутую кривую через точки B и A и вернуться в ту же исходную точку A .
- c) Двигаться по бесконечности от A к B – значит сразу же по выходе из точки A пуститься одновременно по разным направлениям, причем эти направления даны решительно во все стороны и, кроме того, этих направлений бесконечное количество. Двигаться по бесконечности *вперед* от A к B – это значит одновременно и двигаться *назад*, и двигаться *вправо*, и двигаться *влево*, причем между этими четырьмя основными направлениями – бесконечное количество промежуточных направлений. И потому

двигаться по бесконечности от A к B – это значит сразу двигаться решительно во всех возможных направлениях, и притом одновременно.

- d) Так как в бесконечности прямая и кривая есть одно и то же, то двигаться в бесконечности – значит одновременно двигаться не только во всех возможных направлениях, но и по прямым и кривым, одинаково удаляясь от A к B и возвращаясь от B к A .
- e) Поскольку всякое удаление от A к B есть одновременно приближение от B к A , постольку тело,двигающееся от A к B , не удаляется от A к B и не приближается от B к A , т.е. оно находится в покое. Двигаться по бесконечности от точки A к точке B – значит пребывать в покое в точке A .
- f) Точка есть шар, и шар есть точка. Но двигаться в пределах точки – это значит быть на одном и том же месте, т.е. покоиться, так как точка не имеет измерений. Следовательно, двигаться по бесконечности в шаре (а вместе с тем и по любой линии, прямой или кривой, и в любом направлении) – значит пребывать неподвижным, быть в абсолютном покое.
- g) Если тело движется с бесконечной скоростью, оно сразу находится во всех точках бесконечности, т.е. сразу охватывает все места бесконечности, всю бесконечность как таковую. Но бесконечность есть бесконечность потому, что она охватывает все, и кроме нее ничего не существует. Но если нет ничего кроме бесконечности (ибо в ней *уже* все), то нельзя выйти за пределы бесконечности. Поэтому двигаться по бесконечности с бесконечной скоростью – значит охватывать всю бесконечность и никуда не двигаться за ее пределы. Но это значит покоиться. Итак, тело,двигающееся с бесконечной скоростью, пребывает в абсолютном покое и в полной неподвижности.

8. Точка, линия, окружность и шар есть в бесконечности одно и то же. Если точка и линия есть одно и то же, то двигаться по окружности – значит быть в неподвижности, или, что то же, быть сразу во всех точках окружности. Но радиус есть прямая,

а прямая есть точка. Следовательно, и двигаться по радиусу, от центра к периферии, – значит, во-первых, двигаться по некоей новой окружности, которая, как всегда, есть только точка, а во-вторых, это значит быть в неподвижности, или, что то же, быть сразу во всех точках радиуса. Отсюда следует, что центр бесконечного шара находится сразу и одновременно и в любой точке его любого радиуса, и в любой точке его периферии. В бесконечности центр и любая точка как внутреннего, так и периферического значения есть одно и то же, а граница и конец бесконечности находится в любой ее точке.

9. Реальный материальный мир есть реализация и материализация бесконечности, или реальная и материальная бесконечность. Материя есть материал, из которого состоит реальный мир, и – инобытие, в котором осуществляется бесконечность. Поскольку же здесь совершается переход в инобытие, постольку возможна та или иная *форма* осуществления бесконечности, то или иное ее *напряжение*, та или иная ее *степень*, в то время как сама по себе она есть предельное понятие. Реальный материальный мир есть приближенная величина, стремящаяся к бесконечности как к пределу и могущая приближаться к нему с какой угодно точностью.

10. Существует разная степень бесконечности и, следовательно, разная скорость движения, разная степень взаимопроникновения и вездеприсутствия, разная степень совпадения всех геометрических фигур в одной неделимой бесконечности.

- а) Мир, данный как бесконечность,двигающаяся с бесконечной скоростью, очевидно, не занимает пространства, так как все элементы такого мира находятся один в другом, а пространство есть то, что, наоборот, разделяет один элемент от другого. Но поскольку такой мир все-таки есть нечто, то его структура нематериальна и есть *мнимая* величина. Назвать такой мир миром не вполне целесообразно. Это нечто над-мирное.
- б) Мир, данный как бесконечность с той или другой скоростью движения, уже приобретает ту или иную пространственную объемность. Это прежде всего *нулевая* объемность, т.е. совокупность тел или состояние тела, когда

объем его равен нулю. Это есть *свет*. Свет есть тело с объемом в нуль, и нулевая объемность существенна для *пространственной границы мира*. Мир в пространственном смысле кончается там, где объем составляющих его тел равен нулю.

с) Дальнейшее сокращение движения должно привести к расширению объема и уменьшению массы. Чем тело движется медленнее, тем объем его больше, а масса меньше. Сюда относятся все реально³ видимые нами тела, имеющие ту или иную скорость движения и ту или иную массу. Логически и физически они суть та или иная степень уплотнения и разрежения света. Доказано, что природа света и природа т.н. материи одна и та же, поскольку в основе «материи» заложена электрическая заряженность, отличная от света только формой и количественной стороной движения.

d) Наконец, тело, скорость которого есть нуль, а объем бесконечно велик, есть пространство, та степень разрежения света, когда он превращается в тьму, и та степень его уплотнения⁴, когда каждый момент бытия является абсолютно внеположным в отношении всякого иного момента. Пространство есть, таким образом, материя, данная в абсолютном распылении и взаиморазорванности, подобно тому как в теплоте и электричестве дана та или иная степень собранности и взаимопроникновения расторгнутых элементов бытия, создающая реальные вещи, а свет есть та степень этой собранности, когда она уже граничит с фиксированием ее смысловой структуры, т.е. когда делается видимой. Чистое пространство и вещи, в нем находящиеся, *осязаются*, свет *видится*, а дальнейшие модификации света в сторону большей скорости *мыслятся*.

11.

а) Материальный мир в целом есть нечто. Стало быть, он отличается от всего иного, т.е. того, что не есть он. Но отличаться от чего-нибудь материально – значит иметь материальную границу. Потому материальный мир, если он есть, имеет материальную границу.

- b) Граница есть только тогда граница, когда при выходе за⁵ нее прекращается то, что было внутри нее. Другими словами, если существует граница мира, то это возможно только тогда, когда невозможно материально выйти за его пределы. Следовательно, граница материального мира, если она реально есть, должна своей собственной структурой обеспечить невозможность вещей за ее пределы.
- с) Обеспечить невозможность материальных вещей за пределы материального мира возможно только тогда, когда вещь, стремящаяся выйти за пределы мира, силою самой границы и пространства, к ней прилегающего, изгибает путь своего движения и начинает двигаться по периферии. Следовательно, по крайней мере у границы мира пространство должно быть так искривлено, чтобы силою самого пространства тела или превращались в нулевую объемность, т.е. в световые тела, и двигались по периферии мира, не выходя за его пределы, или начинали двигаться в каком-нибудь ином, например в обратном, направлении.
- d) Итак, 1) мир пространственно ограничен, 2) на границе мира объем всякого тела равен нулю, а его скорость и природа равны скорости и природе света, 3) у границы мира пространство имеет кривизну, обуславливающую такую деформацию телу, чтобы оно или получило нулевой объем, или стало двигаться в пределах мира, соответствующим образом искрививши путь своего движения.

12. Пространство и материя не есть раз навсегда данная неподвижная субстанция, но – только форма осуществления вещей, и природа пространства и материи зависит только от природы самой вещи. Однако вещи имеют разное значение и разное⁶ смысловое строение; следовательно, и пространство, материя, где существует данная вещь, также имеет разное значение и разное смысловое строение. Пространство, взятое само по себе, сжимаемо и расширяемо, разрежаемо и уплотняемо наподобие газообразного вещества; и нет никакой принципиальной разницы между пространством и материей. Одно есть степень уплотнения или разрежения другого.

13. Вещи, взятые по своему чистому смысловому содержанию, не находятся ни во времени, ни в пространстве; и к ним неприменимы пространственно-временные свойства, так же как они бессмысленны в отношении таблицы умножения. Но реальный мир состоит из вещей пространственных и временных; здесь вещи погружены в поток становления. Потому *движутся*, собственно говоря, *не вещи*, но *их инобытийная среда*, в которую они погружены и которая является нам как пространственно-временное становление и трактуется нами как «материя».

14. Если сосредоточиться на вещах как таковых, т.е. на их смысле, – становление их исчезает. Но если сосредоточиться на их инобытийной среде, то, взявши один из ее моментов, легко проследить, как он изменяется при переходе от одной смысловой области в другую. Если представить себе, как некая жидкость, или газ, или электрический ток проходит через какую-нибудь среду с разнообразной степенью плотности и принимает разный вид, форму, плотность и напряжение в связи с особенностями и местными отличиями этих разнообразно уплотненных и различно функционирующих областей, то реально изменения будут здесь происходить не с самими этими областями, но именно с тем, что через них проходит, причем качество и направление происходящих тут изменений будут зависеть всецело от природы проходимых областей данной среды. Точно так же и пространство меняется в своей внутренней структуре в зависимости от временных судеб вещи, осуществленной тут пространственно.

15. В любой точке бесконечности совпадают периферия и центр, и любая точка бесконечности движется сразу во всех направлениях с бесконечной скоростью, т.е. покоится. Эта предельная картина структуры бесконечности может с любой точностью и приближением осуществиться в любой точке материального мира. В любой точке материального мира центр может совпасть с периферией, и в любой точке может наступить абсолютное противостояние одного элемента другому. Судьба вещи в пространственном и материальном плане, таким образом, зависит всецело от внутреннего смысла вещи; и любая вещь, осуществляясь во временном становлении, может

превратиться и в безмерное, неограниченное пространство, расплыться в нем, и в относительно устойчивую, осязаемую объемность, и в световое, безобъемное тело и, наконец, стать мнимой величиной, причем все это возможно в любой точке пространственного мира.

16. Вопрос о границе и форме мира не есть абсолютная и навсегда данная установка. Каждая область и каждый участок мира имеет свою собственную границу и свою собственную форму. В точке *A* материального мира этот мир дан, например, как бесконечное, неограниченное пространство, о границах которого бессмысленно и спрашивать. В точке *B* материального мира этот мир дан, например, как шарообразное тело с теми или иными формами кривизны внутришарового пространства. В точке *C* этот мир может иметь форму конуса или цилиндра, а в точке *D* этот мир может совсем не иметь никакой формы и никакого объема. Переход от точки *A* к точкам *B*, *C*, *D* и т.д. возможен, таким образом, только как *внутренняя деформация вещи*, т.е. в последнем счете как *результат изменения ее внутреннего смысла*, а самое наличие этих точек *A*, *B*, *C*, *D* и т.д. есть результат смыслового становления мира, взятого как целое.

17. Перейти от точки *A* к точкам *B*, *C*, *D* и т.д. можно только во времени. Следовательно, природа вещи и ее внутренняя и внешняя структура есть функция ее изменения во времени, в частности функция движения. Время же вещи в свою очередь есть функция смысла вещи. Для бабочки, живущей один день, этот один день есть вся возможная для нее вечность. Для других существ будет и другая вечность. Время так же сжимаемо и расширяемо, как и пространство. Пространство и время объединяются в движении. Поэтому судьба, форма, граница и структура вещи зависят от ее движения, т.е. от ее абсолютного положения в мире как абсолютном целом. Нет безразличных мест в пространстве, но вещь везде разная – в зависимости от характера места, или, что то же, пространственное место находится во всецелой зависимости от заполняющей его вещи.

18. Пространство, место, время, движение, форма, структура и путь движения вещи есть осуществление ее смысла, равно как и о месте в целом можно высказывать все эти категории –

в зависимости только от смысловой судьбы мира в целом. Поэтому пространство и время со всеми их бесконечно разнообразными качествами есть результат внутреннего содержания самих вещей. Вещь, утерявшая свой актуальный смысл и затемнившая свою идею, имеет свое вещественное тело столь же пассивным, раздробленным и темным. Распадение и внутренняя вражда элементов бытия, пребывающих только во внешней механической связанности, вызывает к бытию мертвое и механическое тело бесформенного и темного космоса. Преодоление внутренней вражды различных элементов бытия должно вызывать и органическую связанность тела, живой его организм, почему уже в растительном и животном организмах дана уже совсем иная организация материи и пространства, чем в неживой природе. Дальнейшая судьба мира, а стало быть, его форма, граница, тип и скорость движений, будет зависеть всецело от внутренних судеб и смыслового содержания высших представителей самособранного бытия.

19. В настоящее время на очереди не натуралистическое, но социологическое мировоззрение. Представление об основах мира как о материальной, механической вселенной, как о внутренне мертвом, хотя и внешне движущемся механизме, есть идея, созданная не античностью, душа которой – пантеизм, и не Средними веками, утверждавшими в основе мира божество как абсолютную жизнь и любовь⁷, но исключительно Новым временем. Это всецело создание капиталистической Европы, обездушившей мир и природу, чтобы перенести всю жизнь, всю глубину и ценность бытия на отдельного субъекта и тем его возвеличить. Сущность новоевропейской философии заключается в разрыве субъекта от объективного бытия, в переносе всех ценностей объективных глубин на субъекта и в обретении этой могучей, гордой, но одинокой личности, мечущейся по темным и необозримым пространствам опустошенного мира и стремящейся вдаль, вечно вперед, к туманной неизвестности, ибо только так и мог утвердить себя субъект, потерявший опору в твердом объекте и превративший все устойчивое в сплошное становление и искание. Параллельно этому наука в новой европейской культуре – и большею частью и вся философия – постулируют бесконечную, необъятную, оформленную только

внешнемеханически вселенную в основе всех вещей, и в том числе всей истории и всего человечества. Это всецело классовая буржуазная астрономия и космология⁸, подлинное и оригинальное создание новоевропейского капиталистического духа.

20. Современная мысль уже пережила кризис этого миро-созерцания, которое нужно назвать натуралистическим. Она бременеет новым, *социологическим* мировоззрением, по которому не история совершается в природе, но природа – в истории, и не природа раньше и принципиальнее истории, но история есть подлинное и изначальное бытие, а природа есть только момент в истории. Если марксизм критикует всякие натуралистические объяснения и требует объяснения социологического, то или это проводить всерьез и принципиально – тогда не социальные явления надо объяснять природными, а наоборот, природу и мир объяснить как результат социальной жизни людей, или же, как это делает большинство, на глубине души все-таки верить в то, что внешнематериальный мир есть абсолютная субстанция, не зависящая ни от какого человечества, и что этого человечества когда-то совсем не существовало и, возможно, когда-нибудь оно прекратит свое существование (например, в результате какой-нибудь космической катастрофы), и тогда марксизм падает как последовательная и оригинальная система социологической мысли. Но если человек – первее мира, и социология – первичнее астрономии, и если в основе природы лежит какая-то история, и основа мироздания социальна, а не просто внешне и мертво физична, то тогда историзм и социологизм есть действительно универсальные методы.

21. Этот метод не может быть только методом мысли. Если подлинно мир и космос социальны, то мир, космос есть результат социальной жизни мира в целом. А так как социальная жизнь есть прежде всего человеческая жизнь, то состояние мира и природы есть результат самодеятельности человеческой жизни. Марксизм хочет не только изучать и понимать жизнь и природу, но и *переделывать* ее, а пролетариат прямо заявляет, что он «*новый мир построит*». В таком случае марксизм должен признать, что материальный мир, его форма, граница, характер и направление всех совершающихся в нем движений

есть результат определенного внутреннего состояния социального человека и что этот социальный человек, т.е. человечество в целом, рано или поздно внутренними усилиями⁹ своей смысловой судьбы переделает мир так, как ему захочется. Преодолевать пространство, когда само пространство мыслится в виде неподвижной¹⁰ и абсолютной субстанции, и рационализировать процессы во времени, когда все слепо верят в бесилие человека перед протеканием самого времени и когда никто не умеет сжать или расширить время, вернуть прошлое и ускорить наступление будущего – все это задачи, может быть, велики относительно, как результат процесса неустанно работающей¹¹ мысли, но они жалки в сравнении с самим принципом пространства и времени и есть не преодоление пространства и времени, но буржуазное раболепство перед ними и смиренное послушание перед их дикой, ничем не оправданной насильственно-механической властью. Мы изменим природу и космос так, как нам будет нужно, а не будем пугаться в них, как ребенок в своей детской. Природа изменится сама и космос получит новую форму своей границы, примет новый лик, в то самое мгновение как только мы сами всерьез переменимся и человечество станет иным.

Комментарий

В составе дошедшей до нас части «Диалектических основ математики» А.Ф. Лосева (середина 1930-х гг.) явственно выделяется – и содержательно и по внешним признакам – фрагмент под названием «О форме бесконечности». Текст носит «вставной» характер: его на первый взгляд необязательность для исследования по философским вопросам математики подчеркивается самим автором, его автономность на фоне соседних глав книги очевидна, а буквально напирательная с этих страниц мыслительная мощь вкупе с безоглядной публицистичностью невольно напоминают читателю о том периоде жизни Лосева, который завершился арестом 1930 года и Беломорканалом.

Так пишутся важные итоги, философские «суммы». На момент, когда писался текст, к биографии философа уже были прикосновенны основные смысловые узлы, связующие все пункты этого маленького трактата о бесконечности в прочнейшую, логически безукоризненную последовательность. Так, учение о тоносе (разной степени напряженности)

бытия, или дедукция границы мира вместе с «парадоксальным» приравнением движения с бесконечной скоростью к абсолютному покою, или взаимосвязь пространства и времени со смыслом вещи, или неисчерпаемость точки – всё это составляло темы книги «Античный космос и современная наука» (1927). Так, формула, согласно которой «не история совершается в природе, но природа – в истории», уже фиксировалась как одно из ключевых положений «Диалектики мифа» (1930). И наиболее заметные имена, что оживали там, не ушли и здесь: Платон, Плотин, Прокл, Николай Кузанский.

Последнее имя, во многом итожащее дело этой великой когорты, нужно выделить особо. Всё начало лосевского текста (вплоть до вывода: «в бесконечности точка, линия, угол, круг и шар есть одно и то же») фактически является сжатым изложением глав I.13 – I.17 трактата Кузанца *De docta ignorantia*. Там же в главах I.21 и II.11 отыскивается тезис о совпадении мира с любой его точкой, т.е. о повсюдности бесконечного и бесконечности «малой» точки. Да и на заключительные аккорды лосевской симфонии мысли («человек – первое мира и социология – первичнее астрономии») приходится определенное соответствие с трактатом об «ученом неведении» – в той его части, где «человеческая природа» и само человечество возводятся «в высшую степень» (III.3). Мир един и оформлен без упущений и ущерба, мир любой своей малостью воспроизводит бесконечность, мир – вариация бесконечности, та или иная модификация мирового света, пронизывающего всё от осязаемых вещей до мыслимых понятий... и очередная формула Лосева вызывает к соответствующей умолченной цитате из Кузанца: *universum maximum contractum tantum est similitudo absoluti* (II.4) – «вселенная – максимум, но только конкретно определившийся, – есть подобие абсолюта» (воспользуемся переводом В.В. Библихина). Но теперь уже имяславское прошлое, точнее, непоколебимое православное существо убеждений автора трактата «О форме бесконечности» повелевает вспомнить и это: *nomen Dei sit Deus* (I.24).

Констатируя тесную переплетенность мысли двух людей, разделенных полутысячелетием истории, посчитаем всё самое нужное, пожалуй, упомянутым.

Итак, здесь дан определенный взгляд на мир и четко выражен тип, класс, уровень отношения к нему. Фактически Лосев, прибегая к языку родственных (конгениальных) себе мыслителей, доводит до читателя собственное *credo*. Формализованная и суховатая, подчеркнута математизированная внешняя оболочка изложения – заметим, тоже однородная основному структурно-математическому методу философствования Николая Кузанского – вполне все-таки уместна для страниц «Диалектических основ математики». Опять же, и для «слабой философской индивидуальности, затерявшейся в необъятном море коммунизма, но мыслящей самостоятельно» (авторское самоопределение 1934 года), подходяще выразиться о жизненно важном именно так, эзотерично и одновременно

с непреклонной уверенностью. Но в текст «О форме бесконечности» встроены также ключи, и ключом этим открывается дверь к подлинным контекстам, для которых мал и чужд марксистский лозунг о переделывании действительности. Тут исповедуют деятельность во имя высших (уж точно – внеклассовых) ценностей, где всякое наималейшее слово суть слово не только в мире или о мире, но и слово мира, а потому оно всегда есть вселенское дело и действие. «Мы изменим природу и космос» – более чем серьезный имяславский лозунг возглашает о главном после того, как человек ощутит и оценит свою бесконечность в бесконечном мире: «Природа изменится сама и космос получит новую форму своей границы, примет новый лик, в то самое мгновение как только мы сами всерьез переменимся и человечество станет иным». Эта перемена, эта *μετάνοια* ведёт путем раскаяния и очищения к Истоку всех и всяческих форм.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ ¹

(переписка А.Ф. Лосева и А.А. Мейера)

I. [Письмо А.Ф. Лосева А.А. Мейеру]*

Москва 17 янв<аря> 1935 г.

Дорогой и незабвенный Александр Александрович!

Посылаю Вам, – конечно, к полной Вашей неожиданности, – три тома Эстетики Гегеля по-немецки. Вы сами знаете, что это я делаю вовсе не для Гегеля и меньше всего для эстетики. Но это оказалось наиболее подходящим для посылки Вам из всего моего разбитого аппарата. А послать что-нибудь почему-то вдруг захотелось. Почему именно, – и сам не знаю. Да, собственно говоря, и неважно, почему.

Занимают меня разные мысли, которыми так всегда хочется поделиться с Вами. И мысли-то не новые, в особенности для Вас не новые. А вот тоже «почему-то» пишу Вам о них, и – опять неизвестно, почему.

После целой жизни философствования – опять задаю себе вопрос: да что же такое философия-то? – как еще тогда тринадцатилетним гимназистом. Раньше она мне представлялась

* Письма публикуются по оригиналам с сохранением орфографии и пунктуации.

действительно прекрасной и мудрой Уранией, один добрый взгляд которой делал счастливым на долгое время и заставлял забывать все нищенство и убожество человека. Что же мне теперь сказать? Не превратилась ли эта молодая, стройная, сильная духом и телом, прекрасная дева мудрости в нервную истерическую даму, в ту идиотку и сумасбродку, с которой, по совести говоря, и дела-то никакого иметь невозможно? Что-то эдакое злое, мелко-раздражительное, капризное, несговорчивое...

Ну, что это? Наука? Искусство? Сама жизнь? И спрашивать-то нелепо. Какая же это, прости Господи, наука?! Ведь это же издевательство, сплошное измыывание над наукой. В философии никогда никого ничему не научишь. Всякий идиот имеет тут свои суждения; и нет никакого авторитета или хотя бы полиции, чтобы заставить людей мыслить правильно. Вернее, тут слишком много разных авторитетов и полицейских приставов; и все это кругом лает, воеет, тьякает, грозит, кусается, – того и смотри, за ногу тьяпнет. Какая же это наука? Для науки – слишком художественно (вернее, расхлябанно), для искусства – слишком научно (вернее, просто скучно). Для теории – слишком жизненно, для жизни – слишком головная штука. И т.д. и т.д. Ни в какой ящик, ни в какую категорию ее Вы не засунете; и она всегда назойливо вылезает за всякие приличные рамки, требуя отдать ей все и сама не давая ровно ничего, – точь-точь как духовно-растрепанная и физически изношенная идиотка и дама-истеричка.

Я уже не молод, но не могу надивиться на то, как никого ничему нельзя научить. Не могу надивиться на то, как все перевирается, искажается, передергивается, как все выдумывается, присочиняется, необдуманно высказывается, голословно утверждается, клеветается. Гераклит наврал на Пифагора, Ксенофонт искажил Сократа, Аристотель оклеветал Платона, Плутарх унизил Эпикура, Кант ничего не понял в Платоне, Фихте считал себя кантианцем, Шеллинг рассорился с Фихте из-за «Я», Гегель проклинал Шеллинга, Шопенгауэр считал мелкими жуликами и Фихте и Шеллинга и Гегеля. Я понимал бы, если бы это было кухонной ссорой двух идиотов, у которых нет никаких иных занятий. Но если Аристотель ничего не понял в Платоне, а Гегель в Шеллинге, то это уже – проблема,

а вернее не проблема, а просто тот же дамский идиотизм, с которым не хочется и дело-то иметь.

Попробуйте высказать философскую мысль десяти человекам: десять человек – скажите «Слава Богу!», если они поймут ее только десятью способами. И если эти десять человек передадут ее каждый еще десяти человекам, то считайте себя счастливым, если образуется всего только сто разных мнений о Вашей философии. Правда, бывают друзья, ученики, которые понимают Вас с полуслова, но – разве же об этом стоит говорить перед лицом (вернее, перед безличием) несветимой бездны всеобщего идиотизма и непонимания? Если Платона, Плотина и Шеллинга всегда «понимали» именно так, то как же могут понимать нас с Вами? Не думаю я, чтобы тут помогла и физическая власть. Марксисты, напр., действуют не только словом, но и наганом: однако они тоже все перессорились философски. Философию никогда нельзя было создать ни разумным убеждением, ни поркой. Попробуйте выпороть истеричку: она бросится Вам с пятого этажа, но философом не станет. Ведь такая, казалось бы, простейшая мысль, что целое не делится на части, а попробуйте-ка ее высказать как последовательную истину, попробуйте принудить признать ее: Вам будет грозить голод, холод, всякое гонение, тюрьма и даже смерть! Спрашивается: если философию нельзя создать ни разумным убеждением, ни кнутом, то чем еще прикажете ее создавать? Красивыми словами, блеском и глубиной своих чувств, поэтическими приемами? Однако, мало того, что это была бы уже совсем не философия, это большею частью просто невозможно. Вы сами хорошо знаете, как редко это возможно.

И ничем, ничем не угодишь этой капризной даме! Какой-нибудь ничтожнейший математик, вовсе даже не придумавший какой-нибудь новой теоремы (если он придумал хоть одну новую теорему, то он уже пропечатан во всех учебниках мира), а всего только изложивший чужие идеи толково и с незначительным изменением, он тебе и ученый, он тебе и профессор, он тебе и шишка в обществе. А вспомните хотя бы свою собственную философскую работу: иной раз Вы прорабатывали и создавали сами нечто равное целым отделам из какого-нибудь Фихте; и все это – просто никому не было нужно, все

это грызли у Вас крысы, а если доходило до печати, то лежало там под спудом, как еще и поныне лежит Платон, лежит Прокл и еще тысячи мелких и крупных философов. *Никому это не нужно*, – вот и все! Кого-то выносит наверх, кто-то делается популярным, но, во-первых, делается это совершенно помимо воли и сознания самих философов, неизвестно по каким причинам; во-вторых, популярными и «понятными» бывают иной раз несколькими поколениям совершеннейшие пошляки и пустомели (вроде какого-нибудь Н. Михайловского в 70–80 гг.); в-третьих, даже и эта популярность бывает всегда настолько эфемерна, что можно только пожалеть философию за такую «силу» и «значение».

А главное, это – удручающее, повальное убеждение всех и каждого, что он имеет право философствовать, что для философии не надо ничему учиться, что при любой духовной и умственной сиволапости можно высказывать свои мнения и критиковать величайших философов. Тут уже тебе не истерическая дама досаждала. Не лучше ли тут употребить другой образ? Не *проститутка* ли наша с Вами философия, дорогой Александр Александрович, и не публичный ли дом – то, что скромно называется историей философии? Не было такого мнения, которое бы не было высказано. Любое мнение можно высказывать, любую глупость, тупость, слабоумие можно высказывать, и – ничего! Еще найдутся хвалители и последователи, найдутся штыки для их защиты, найдутся типографии для их публикации.

Имеет или нет человек философскую школу ума, это узнается сразу, с первых же фраз, со взгляда на его лицо, как с первых же слов различается украинская речь от великорусской или кухарка от барыни. Правда, математик тоже с первых же фраз узнаёт, учился ли этой науке его собеседник или нет: тут достаточно двух-трех вопросов. Но какая разница между философом и математиком! В математике Вы поставили единицу невежде, и – крышка! – пожалуйста поучитесь. А в философии... И говорить нечего, – все ясно!

Конечно, Вы не будете мне доказывать односторонность и абстрактность математики, что и без того мне хорошо известно, да и не в математике тут дело. Но вот я прожил 41 год и

думаю: философия, это – проституция. Если хочешь быть нахалом, невежей, хамом и в то же время иметь глубокомысленный и ученый вид, вали в философию! Нетрудно ведь даже невеже подметить господствующую моду и начать «философствовать» в ее духе, и – все обеспечено, внимание, понимание и даже гешефт. Но попробуйте подметить какую-нибудь моду в физике (напр., расщепление атома) или в астрономии (принцип относительности) или в химии (учение о коллоидах) и попробуйте без многолетней теоретической учебы что-нибудь здесь членораздельное высказать, – Вас и на порог не пустят в научном учреждении.

Дешево продается философия любому покупателю! Любой мерзавец и обскурант может делить это доступное ложе. Бездарный Спенсер владел умами несколько десятилетий; и все это считалось философией, даже научной философией, венцом и куполом мировой философии! Нет ни одной дурацкой идеи, которая бы не могла быть подхваченной людьми, которую бы не повторяли в качестве истины и которую бы не предпочли философскому гению. Вы скажете, что это и неважно, если в философии хромает ее научная сторона, если философия не научна; она-де есть внутренняя жизнь человека. Извиняюсь! Это требует разъяснения.

Если философия не есть наука, ее утверждения не могут претендовать на принудительность и общеобязательность. Значит, внутренняя жизнь человека в данном случае будет происходить вне всякой общей принудительности. Хорошо. Допустим, что все это очень нормально. Допустим, что скрипач не имеет скрипки, которая бы покоряла всех, а вместо этого имеет внутреннюю скрипичную жизнь, которой сам и утешается. Допустим, что вполне нормально то положение, когда инженер лишен возможности что-нибудь строить и, вместо этого, теоретически и внутренне утешается тем, как хорошо он мог бы строить. Но если даже все это нормально, то в отношении философии это, по меньшей мере, неясно. Что такое эта «внутренняя жизнь» философа? Если это есть жизнь перед лицом Божиим, то я не знаю, чем она отличается от религии. Если это есть жизнь ради общественных или вообще человеческих благ, это будет мораль, политика. Словом, философия

всегда окажется тем или иным видом практической жизни, которая всегда существовала и без всякой философии, и философия здесь часто только мешала. Если же философия не есть ни общеобязательная наука, ни личная внутренняя жизнь, а есть, как говорят, мудрость, то мудры ведь бывают и поэты, и музыканты, и представители религии, и даже просто люди как таковые. При чем тут философия? Если же она к чисто жизненной мудрости прибавляет какое-то знание, четкое и логическое, то я уже сказал, что ценность этого знания – ничтожная. Значит, мудрость – не от философии, но от жизни, наука – не от философии, но от рассудка, внутренняя жизнь – не от философии, но от религии. Спрашивается: что же от философии-то?

Затем: удручает и то, что всё, решительно всё давным-давно сказано. Что бы я сам ни придумывал, что бы я ни читал из современной философии, – я всегда нахожу для этого аналогии в истории философии, а часто даже не аналогии, но буквально воспроизведение. *Нет возможности сказать в философии что-нибудь новое.* Есть у философов с десяток идей: они и жуют их вот уже несколько тысячелетий. Вся история философии заключается в том, что эти идеи то забываются, то вспоминаются, то высказываются косноязычно, то более членораздельно. Можно было бы, конечно, этот десяток идей считать за общее достояние философии, но это – подлог. Никто в чистом виде их не признает, и никому они не нужны. Это – результат моего личного наблюдения, в котором я тоже никого убедить не могу. И ясно, что я так и умру, но никому этого знания не передам.

Вопрос, который я ставлю в этом письме, был бы очень прост, если бы он шел от позитивиста или материалиста старого типа. Тогда ведь, – помните? – бахвалились тем, что-де философии никакой нет, а есть только выдумки и фантазии; и притом бахвалился обычно тот, кто был совершенно неповинен ни в какой философии. Мой вопрос звучит иначе. Я люблю философию и ухлопал на нее всю жизнь. Я знаю, что существует истина и есть разум истины. Философия для меня – и наука, и мудрость, и внутренняя жизнь. И я не злорадствую по поводу анархизма, злобствующего в философии, но скорблю о нем и страдаю о загубленной истине. И при всем том – не могу иначе сказать, как подтвердить вышесказанное: эта идиотка

взяла у меня все силы, но дала то небольшое, что я мог бы и без нее иметь, но, пожалуй, в гораздо больших размерах. Она требует от меня того, чего и сама не знает. То давай ей науку. Дашь науку, она кричит и корчится в нервном припадке: не науку, не науку, мудрость давай, – наука – пошлость, мудрость! мудрость! Начинаешь читать мудрых и им подражать, эта истеричка с кровавыми глазами и сжатыми кулаками пищит и вопит: ах, да не мудрость, не мудрость, общественное приложение, людям пользу от своей философии давай, – не отшельничество, борьба, борьба, общественно-политическая борьба! В конце концов, я теперь и не знаю: что с меня, собственно говоря, требуется и что я за несчастный Чеховский Епиходов, на которого валится двадцать два философских несчастья?

Невозможно сказать, что если философии нет, то она и не должна быть. Я думаю, и Вы не посмеете сказать, что ее *не должно* быть. Она *должна* быть. Но как, как она должна быть? Как вылечить эту философскую истерию и как вернуть это «погибшее, но милое созданье» к «честной трудовой жизни» (простите за пошлость!), – жду ответа.

А.Л.

II. [Письмо А.А. Мейера А.Ф. Лосеву]

Март 1935 г.²

Мне не удалось отдать философии всю жизнь, как сделали Вы, – потому что в лености все житие мое иждих, отдавая его то «общественности», то всякого рода «личным делам», то безответственному философствованию (больше устному, чем письменному). Однако и я давно уже заметил непотребство этой женщины и ее «ни то ни сё», на которое Вы указываете. Я даже позволял себе более резкие о ней суждения, чем сделанные Вами. Я знаю, что Вы-то её все же любите. Я же, по-видимому, и не любил её (потому что иначе не изменял бы ей со всякими другими еще более несчастными созданиями).

Но тогда, когда я убедился в её дурном поведении, я задумался о том, чем была она в своем младенчестве. Первородному греху причастны, конечно, и младенцы. Но тот наш образ,

который дан нам как наше истинное лицо и который искажается грехом, просвечивает сквозь порчу сильнее, ярче в младенчестве, – и вероятно поэтому нам рекомендовано было «быть, как дети». Грехами жизни мы, взрослые, закрепляем (делаем «заскорузлой») нарастающую кору порчи. [При малом развитии мало бывает «развито», и зло, хотя и не «развитое» оно бывает достаточно ярко.] Вспомнив все это, я стал приглядываться к лицу философии в младенчестве, надеясь увидеть ее истинный лик.

Не кажется ли Вам, что младенчество философии, какую мы её знаем, – не в Греции, как оно не в Индии и не в Китае – а у нас в Европе: в Ирландии, во Франции?.. Ведь та женщина, которая носила это имя в Греции, была совсем другая, и она уже давно умерла, и она была мало похожа на ту, которую мы с Вами теперь готовы так поносить. Хуже или лучше, но во всяком случае просто другая, и не кто иной, как Вы, это доказал со всей убедительностью. Наша философия приняла только имя античное, – на самом же деле она есть явление, которого античность совсем не знала. Там существовала законная и благородная, благородная дочь мифа, живого, ничем не скованного и не обузданного. Наша же несчастная – не непосредственное порождение нашего религиозного сознания. От кого она родилась, – кто её знает?! Училась она, конечно, у своей древней тезки, но породы она иной.

Но от кого бы она ни родилась, она была в младенчестве своем отдана на служение при храме. И это сразу поставило её на много ступеней выше её учительницы. На столько выше, на сколько сам храм наш выше храмов древности.

Переводили часто: «служанка» теологии. Прислужница при храме – это не совсем то, что означает на нашем языке «служанка». Обижаются за неё наши умники, не понимающие, что девушки, отданные на служение при храме, – какого бы незнатного рода они ни были, становились существами больше чем «благородными», играли почетную роль. Та, никому не служившая, сама была барыней. Для нашей же девы совсем не лестно было бы стать такой барыней, матроной или Пенелопой. Она тоньше, умнее, благороднее и выше (по причастности своей иному, нездешнему), хотя и наивнее и менее искусна.

Скажете: это модный Карсавинский лозунг – «*ancilla theologiae*» – но что ж поделаешь, если в этой моде – правда?!

Когда я вздумал ближе взглянуть в лицо философии, какой она была еще прислужницей при храме, только начинающей этот священный путь, я увидел прекрасные черты, вполне примирившие меня с несчастной. Как обидно, что эта удивительная девочка не устояла в своей тонкой и умной чистоте! Правда, она была по природе, видимо, несколько строптивой, и это её очень украшало. Она была призвана, так думается мне, к большой, верной и притом вполне сознательной свободе.

Что же случилось с нею, что сделало её такой несчастной? Мне кажется, что дело очень просто: ушла из храма, сбежала, пошла скитаться и блуждать, захотела стать такой матроной, как её древняя сестра, но не смогла уже стать ею, потому что *места* в нашей жизни для такой матроны *не нашлось*, да и натура была не та, да и музыка храма бесследно не пропала; вот и стала «ходить по рукам», как грубо могли бы сказать злые языки, – а мне хочется сказать: вот и стала искать, кого бы полюбить. Расцветала временами, показывала свои возможности, свою силу и красоту, но никому уже не служила и в пустоту направлялись весь ее блеск, все её сияние, все её песни. И сама оттого опускалась, вяла, пустела, позволяла себе говорить таким жаргоном, какой готовы были одобрять и когенианцы и все виндельбанды. И не больше ли всего вреда принесла ей эта озорная подмена её живого языка – неприличным жаргоном?

Простите, что я впал в такой «образный» тон, мне совсем не свойственный! Так как-то случилось при чтении Вашего письма! Дело в том, что оно вызвало во мне слишком сложные и двоящиеся мысли и чувства и выразить их членораздельно и «точно», как любите Вы, я не в силах в письме. Я откликаюсь Вашим мыслям как будто бы вполне, – и потом вдруг ловлю себя на том, что вот Вы-то, конечно, при всем видении потребности этой дамы, всё же остаётесь с нею, потому что знаете многое, многое не подпадающее Вашему отрицательному суду. А я готов совсем, до конца, без оглядки выбросить всё это, не пожалев даже Лейбница, Канта, Шеллинга, не остановившись даже пред Фихте и Гегелем. И не боюсь даже, что Вы заподозрите храбрость невежества, легкую расправу человека, не

обремененного знаниями, с тем, всего чего он не подозревает. В оправдание своё скажу, что вес, большой вес этих великанов я подозреваю. Я готов выбросить всё это без оглядки лишь после того, как «использую» их до конца, – но всё же выбросить, потому что они – не путь, не истина и не жизнь. Это с одной стороны. А с другой: ведь может оказаться, что Вы будете вправе упрекнуть меня в путанице, неясности, неразберихе, потому что для меня наша дама всё же не кто иной, как та, некогда несшая священные обязанности (а вот тут-то я и не знаю, солидарны ли мы с Вами в оценке нашей философии в её младенчестве), а теперь изменившая им женщина, которая была такой прекрасной девочкой, – та же, не другая. И не могу я бросить в неё камнем, и не могу забыть её, не могу хоть издали, насколько позволят даль и мои силы, не следить за ней. А потому я подхожу к ней все ещё и с желанием – с желанием видеть её понявшей свою... ошибку ли, не знаю, – понявшей свой путь, свой опыт и снова решающей свободно и горячо служить...

Словом: да, Вы правы. Но я не пессимист, – и не могу не ответить Вам: а всё же это она, та самая, и может быть она в старости своей (*хотя бы*) станет мудрой женщиной. Ведь может это быть?! Если «врата» всё же «не одолеют», то ведь мудрая старлица такая может еще понадобиться. И это будет она же.

III. [Письмо А.Ф. Лосева А.А. Мейеру]

Ваш ответ, признаюсь, не очень меня удовлетворил. Вы напоминаете мне о том, что непотребная женщина была когда-то невинным ребенком, и что хотя она и пала, она в глубине всё же остаётся самой собой. Но мне это почти ни о чем не говорит. Ведь в том-то и заключается мой вопрос: как же это невинный ребенок стал проституткой?

Но сейчас я хочу поставить вопрос иначе. Вам хорошо известно, что философия никогда не стояла на месте. Даже и в то далекое время, когда она была невинной, невозможно указать ни одного момента, который оставался бы неподвижным. Если Вы имеете в виду Средние века, то там был, в сущности, такой же невообразимый хаос мнений, что и теперь. Если даже

отбросить огромные области арабской и еврейской философии с их тысячелетней историей, если отбросить Византию, которая кишмя кишела целое тысячелетие, и оставить один Рим, то и тут Августин – весьма заметный уклонист, Эригена – прямо еретик, которого даже анафематствовали (правда, в пустой след), платоники XIII в. – аввероисты. Еле-еле наладилась ортодоксия к XIII в., но тут же пришлось возиться с Экгартом и целым сонмом новоявленных мистиков, а в Экгарте – уже рождение протестантизма. Спрашивается: где же тут она, эта самая невинная девочка, прислужница храма? Боюсь, что придется ограничиться первоначальной христианской общиной, т.е. отсутствием философии вообще; и хотя разногласий в этой общине было достаточно, но, по крайней мере, кажется, не было философских разногласий.

Другими словами, возникает сомнение, не была ли философия распутной с самого начала? Ведь есть же 10-летние беспризорники, которые живут половыми извращениями, впрыскивают морфий и нюхают кокаин, которые грабят, поджигают, убивают и пр. Не была ли философия всегда таким распутством человека, которое достойно только кнута и тюрьмы или, в крайнем случае, психиатрической клиники?

Что нам с Вами не хочется отвечать на этот вопрос положительно, это ясно. Вопрос этот скверный, корявый, кляузный. Хочется вовсе никак не отвечать на него. Так сбрасываешь с себя лягушку, которая прыгает на тебя, когда лежишь около реки; и так отмахиваешь назойливую муху, которой нечем в комнате полакомиться, кроме твоей лысины.

Но я хочу сейчас поставить новый вопрос, который если не более скверный и корявый, то зато более страшный. Современная философия распутна. Философия XIX в. распутна. Возрождение распутно. Средневековые распутно. А что если всё это мировое распутство, всё это вселенское непотребство и есть *истина*? Что – если всякий момент философии, даже самый развратный, самый ничтожный имеет право на существование? Что – если мы вместо того, чтобы искать в истории несуществующие идеалы философии, прямо возьмем да и объявим, что вся история философии со всем своим непотребством, это-то и есть самое настоящее, оно же и действительное, оно

же и необходимое, оно же единственная реальность философии, оно же и единственный её идеал?

Должен Вам сказать, что и на этот вопрос – просто не хочется отвечать. Ага! – скажете Вы, – испугался? Ничего не испугался, а просто не хочу отвечать. Да даже не «не хочу», а как-то не хочется, само не хочется. Но на случай, если когда-нибудь захочется отвечать на него, я теперь и прошу у Вас совета.

Ну, посмотрите Вы на жизнь. Собаки лают, кошки мяукают и визжат, воробьи чирикают, комары пищат, лягушки квакают. Каждой твари Бог свой голос дал. Ну, если шакал воеет, то чем же это хуже рыканья льва? Если птенцы пипикают, то чем это хуже кудахтанья курицы? И вот философы, которых я изучаю в истории, лают, визжат, пищат, воют, чирикают, рыкают, кудахтают... Есть, конечно, и свои соловьи, есть и свои лягушки; есть шакалы, есть и комарики. Ну, и что же? Ну, и Бог с ними, казалось бы.

Я уже сказал Вам, что не собираюсь сейчас отвечать Вам на этот вопрос ни положительно, ни отрицательно. Но что надо соблюсти и от чего надо воздержаться, если мы с Вами вдруг вздумаем ответить на него положительно? Тут возникает ряд новых вопросов, и вот их-то я Вам и ставлю сейчас реально.

Прежде всего, если признать, что все типы философии равноценны, то отсюда многие сделают вывод, что, собственно говоря, никакой философии и не существует. Если один и тот же счетовод дает разные результаты на одном и том же материале, это значит, что он просто не умеет считать, что он попросту не счетовод. Можем ли мы с Вами так рассуждать? Нет, философия есть, философия должна быть. Тогда я Вас спрашиваю: если все решительно типы философии равноценны, одинаково законны и все имеют право на существование, то как при этом сохранить философию вообще, что такое тогда философия вообще?

Далее. Если в философии всё позволено, то можно ли предоставить каждому философствовать как ему вздумается? Это два разных вопроса, – вопрос о том, что всякая философия законна, и вопрос о том, что всякий может философствовать, как его левой ноге захочется. Так вот: пожалуй, мы с Вами не сразу согласимся на то, чтобы каждый получил право молотить любую

чепуху. Но тогда, значит, не всё позволено? Итак: можно ли построить такую философию, чтобы она и признавала все типы философии как законные и в то же время не освобождала всех и каждого от всех решительно философских обязанностей?

Третье: что делать *нам*? Всё позволено, всё законно, на всё мы имеем право, всё нам доступно. Мы можем визжать, как побитые собаки, и выть, как голодные волки. Мы можем пороть бюхнеровскую чушь, вещать мифами Шеллинга и сверкать гегелевским балетом категорий. Мы можем смириться и подставить глотку под нож, а спину под кулаки (ножей и кулаков всегда и везде можно найти в любом количестве). Мы можем нашу философию сделать и не столь смиренной, мы можем её вооружить бомбами и танками. Спрашивается: противоречит ли та или иная активность философа этому всеобщему безразличию всех философских систем? Или безразлично-то оно, безразлично, а я всё-таки могу свою линию гнуть, и никто мне в этом не смеет препятствовать. Тогда – какова же *наша* линия?

Далее, можно рассуждать так, что равноправие систем не помешало данному человеку построить свою собственную философию и не освободило его от строгих обязанностей в области мысли, не сделало его анархистом и релятивистом, но оно освободило его от ответственности³ за его философию. Пусть, напр., мы признали, что Кант имел полное право на существование, а уже о том, что он считал себя связанным великими обязательствами мыслителя, в этом сомневаться не приходится. Ну, а вдруг есть какая-нибудь истина, против которой Кант погрешил? Пусть он заблуждается честно. Но объективно, допустим, он погрешил. Тогда я Вас спрошу: что же, *отвечает* он за свой грех или нет? Если истина есть, а философские системы с точки зрения истины совершенно различны и вовсе не имеют одинакового права на существование, тогда ясно, что в случае несоответствия объективной истине Кант ответственен. Но мы допустили, что независимо от истинности все философские системы равноправны. Тогда – вопрос: ответственен ли Кант или нет?

И, наконец, последний мой вопрос. Если все философские системы и идеи одинаково законны, значит ли это, что они все одинаково истинны? Если всякое философствование одинаково

с другим, то можно ли их обсуждать с точки зрения какой-либо истины? Или я поставлю этот вопрос иначе: если все философские типы законны, то совместимо ли это с признанием одной истины, стоящей поверх всех этих типов, или, отрицая превосходство одной философии над другой в смысле истины, мы тем самым отрицаем и существование всякой истины вообще?

Из моих настойчивых вопросов Вы, пожалуй, сделаете вывод, что я и по-настоящему не прочь признать все философские системы равноправными. Что ж! Я действительно не прочь, при условии, если Вы благополучно ответите мне на все поставленные выше вопросы. Если философия не исчезнет, если, не исчезнувши, она не станет релятивизмом и анархизмом, если от этого философского равноправия не пострадает абсолютная истина, то на этих условиях я действительно готов признать в истории философии всех шакалов и гадов, всех червяков и гусениц, всех кротов и лягушек. Но могут ли быть соблюдены все эти условия или нет, вот вопрос, с которым я к Вам обращаюсь. И ещё одно добавление. Признать все философские типы как равноправные без впадения в релятивизм можно было бы путем панлогизма и путем пантеизма. По существу, впрочем, это есть один и тот же путь – абсолютизация исторического. Можно было бы обожествить историческое так, как пантеисты обожествляли мир. Тогда – всё, что ни в истории, всё законно, всё позволено, всё равноправно. Всё действительное, дескать, разумно, и всё разумное, мол, действительно, но этого тоже мне не хочется... Можно ли утверждать равноправие и одинаковую законность всех философских построений без впадения в исторический пантеизм или нельзя, – отвечайте!

IV. [Письмо А.А. Мейера А.Ф. Лосеву]

Теперь я понимаю, почему мой ответ на вопрос, поставленный тогда, не мог быть удовлетворительным. До некоторой степени речь шла о разных вещах. Я услышал там скорее свои мысли, чем мысли автора. Я охотно солидаризировался с ним в его осуждении блужданий философской мысли, не заметив, что порочность её усматривалась им не в том, в чем усматривал её я.

Мне указано теперь на «невообразимый хаос мысли», который и в Ср. Века был не меньше нынешнего. По-видимому в этот хаос и рассматривается, как свидетельство всегдашнего распутства философии. Для меня же *crimen* её был не в хаосе мнений, не в нетвердости, отличающей её действительно и от твердой науки, знающей чего она хочет, и от твёрдой догмы, опирающейся на Слово не от мира сего, – а в том, что все эти многие мнения сами-то с течением времени становились всё более и более беспутными, безлюбными, беспредметными, автоэротическими, собою самими питающимися. Качества же эти говорят о том, что мысль философская перестала служить Славе Того, Кому слава подобает, и естественно поэтому начала услужать и науке, и государству, и обывателю, и честолюбцам всякого рода, и нации, и партиям, и морали, и пользе, и кому угодно. Так не было, согласитесь, в Ср. Века, потому что ни арабская, ни еврейская, ни августиновская философии не «услужали» в такой мере, как это делалось в Новые века. В Византии одно время, пожалуй, действительно «кишмя кишело» и во дворцах и на рынках (говорят), но это было всё же куда безобиднее. И дело не в том, что не всегда эти различные мнения одинаково охотно несли свои лепты в храм. Это, конечно, имело место и в Ср. Века. Но верховной директивой мысли, вершинным выразителем таившейся в хаосе тенденции был всё же осознанный отклик шедшему из храма призыву. На вопрос – «не была ли философия распутна с самого начала», – я с полной решимостью готов ответить: нет. И «беспризорницей» она не была.

Да не покажется, что я так легко прохожу мимо «хаоса» самого по себе, ища истины в пресловутом столкновении мнений или находя «долю правды» во всех учениях и т.д. или усматривая в хаосе систему. Я вовсе не согласен думать, что «может быть вселенское непотребство и есть истина, что всякий момент философии, даже самый развратный, имеет право на существование» (на существование, пожалуй, но не больше), что «вся история философии – это и есть самое настоящее» и т.д. Не думаю так, потому что люблю одно и ненавижу другое, и всяких проходимцев в философии приветствовать так, как приветствую призванных, не буду. И в философии вовсе не «все позволено», во всяком случае «не всё возвышает». На вопрос же о том, можно

ли, не впадая в пантеизм, признать все философские течения равно законными с точки зрения истории философии, – я отвечаю также: нет, нельзя.

Впрочем, я не прочь здесь и попротиворечить себе и согласиться на «всё позволено». Не прочь также повторить и такие слова: «пусть лают и пищат и воют». И от последнего ответа на вопрос, скрытый в этих словах, я пожалуй тоже предпочту пока воздержаться. Но дело не в этом. Дело в том, что я принимаю хаос Ср. Веков не из тех соображений, что «каждой твари Бог свой голос дал».

Я просто отношу значительную долю хаоса Ср. Веков на ошибку. Не хаос был в душе еще невинной девочки, а просто неведение и слабость, сознание которых, кстати сказать, помогало ей с благородным смирением проявлять себя – как знающую и предчувствующую верный путь. Совсем иное дело – хаос в душе знающей свою силу и «себе цену» новой философии. Он имел здесь гораздо более опасный смысл.

Вообще же для меня дело не в хаосе и не в нетвердости. Пусть бы металась во все стороны наша дама: это было бы лишь сниженной, искажённой её свободой. Но что категорически хотелось бы ей воспретить – это продажу себя всякому, продажу, ведущую к опустошению её души. Иной раз только думается: а действительно ли она ответственная за то, что эти всякие всю несомую ими околесину именуют её именем? Поди-ка, не позволь этой публике «использовать» то, что ей пришло в голову использовать! И разве не «использовывается» в таком же духе и наука и многое другое? И науке не более легко сопротивляться, чем философии!

Что касается хаоса мнений, то ведь хаос есть всё же, кроме того, и одна из форм «множественности». А эту последнюю, конечно, приходится расценивать иначе. Хаоса, конечно, не нужно, ибо хаос – уже порча. Но множественность могла бы быть и не хаосом. Пусть будет мне позволено здесь вспомнить один не новый, конечно, тезис. Философия есть работа нашего сознания, занимающая место между мифом (а следовательно, и догмой), с одной стороны, и наукой – с другой. Она должна сохранять в своем общем облике, в целом, метафорическую (в буквальном, а не литературоведческом смысле) природу

мифа, неустойчивость, подвижность, живой трепет бесконечно-конечных идей и образов, – но она сохраняет их, сближаясь с «научнообразными» построениями, иной раз не умея сочетать мифософичность свою с праведной мифофобией науки. Может быть, *поэтому* ей вовсе не следует существовать, – это уже новый вопрос; а может быть, у неё своя миссия (отнюдь, отнюдь не синтеза, не последнего слова) – служебная, вспомогательная, – *ancillae*. Но если ей нужно быть, то нужно быть не такой, как наука, и не такой, как миф. Но и миф и наука должны жить в её душе. Опасная судьба! Опасность разрыва, надрыва, двух стульев, истерии, метанья, бестолочи и даже душевного опустошения стоят перед ней всегда. Обойти их очень трудно. Трудно, – но если должна быть философия – она должна их преодолевать – худо или хорошо; иной раз она это делала – «ничего себе», иной раз – «никуда не годится». Но этот тезис так, между прочим; не хочу на нем останавливаться, ничего в нём нового и интересного нет, а для меня он только немножко в ином свете рисует хаотичность. Но – не важно это. Важно то, что хаоса действительно не нужно, хотя и не в хаосе самом по себе для меня вся беда.

Пусть меняет философия таких любовников, как Лейбниц и Спиноза, Кант и Фихте и даже Шопенгауэр и Бергсон и Ницше и Шпенглер. Печально, но это ещё поправимо. Но действительно ли это она – та самая дама – истерически воеет и пищит в объятиях «использующих» её в своих видах дельцов всякого рода. Впрочем – и Кант и Гегель и Ницше и Шпенглер – тоже грех. Потому что и это – уход из храма. А в этом – настаиваю на своём – вся причина.

Но вот мне поставлен новый вопрос: а где же причина этой причины? «Как же этот невинный ребенок стал проституткой?» Даже некоторую ироническую усмешку слышу в этом вопросе. Да, как это случилось?

Ну, что же – если именно в этом и заключался с самого начала «вопрос», – должен сознаться, что ответа на него не имею. Как это так случилось, что эта девица не просто заметалась, а так легко пошла по рукам, так безлюбовно и бесславно стала услужать совсем неинтересным кавалерам? Как случилось, что уже стоя на пороге храма, она ушла из него? Может быть,

храм был не совсем тот, в каком ей надлежало быть? Может быть храм, в котором ей надлежало быть, не принял почему-то её? Или может быть насильники какие-нибудь увели её отсюда? Или пошла она просто за всеми, когда все стали отсюда уходить? Боюсь, что и храм был немножко не тот, и насильники сыграли здесь свою роль, и общий «поток жизни» оказался довольно сильным насильником. Ведь перековке в этом духе подверглась не одна только философия. Вот поставлена была в пример наука, которая знает чего хочет и тверда, как камень, и хаоса в ней нет. Да, хаоса нет. Ну, а насчёт продажности и «использования», не знаю, не перещеголяла ли она философию! Не «всякий» её берёт, как берут философию, грызть труднее, не по зубам бывает. Но служит она иной раз таким господам, что стоит всякого хаоса! А искусство, а экономика – и всё прочее?! Всё это по-другому? Да, конечно, по-другому.

Остается ещё один вопрос: как же быть? «В общем и целом» – не знаю. И очень хотелось бы вместе, низко опустив, вероятно, голову, думать и думать об этом – ибо думанье наше удел и наше оружие. Знаю только твёрдо: слава философии в служении Славе, и нет для неё иного спасения, как возвращение туда, откуда она ушла.

V. [Письмо А.Ф. Лосева А.А. Мейеру]

Глубокоуважаемый, дорогой и незабвенный Александр Александрович!

Ваша неожиданная болезнь прервала нашу с Вами работу по греческой философии и не даёт возможности даже встречаться. Но во всём мире нет таких обстоятельств, нет таких сил и таких расстояний, которые бы могли прервать наше общение, и его я чувствую каждый раз, как только вспоминаю о Вас. Поэтому – пусть хотя бы письменно – мы побеседуем с Вами; и я решаюсь беспокоить Вас своим письмом, несмотря на Вашу болезнь.

За всю жизнь не было у меня такого глубокого, такого простого и светлого друга в философских исканиях, как Вы. Каждая беседа с Вами пробуждала в душе что-то глубокое, чистое,

неизмеримое; и я всегда ждал Вас, всегда ждал и – скучал, если Вы долго не появлялись. Вы знали красоту чистой мысли и заражали меня свободой, благородной свободой и широтой Вашего ума. Сколько счастливых часов провели мы с Вами вместе в атмосфере большой, высокой философии, и как сладко было общение душ, узнавших одна другую среди злобного хаоса жизни! И сейчас, вспоминая Вас, начинаю возвышаться душою, начинаю чувствовать, как близка и доступна истина, как я живу плохо и низко и как мало сделано за всю прожитую жизнь.

Жизнь наша устроилась так, что я остался в столице, среди книг, сытым человеком, а Вы принуждены были скитаться по глухой провинции, не иметь, где преклонить голову, не иметь любимых книг и отказывать себе в самом необходимом. И среди всей этой людской злобы, среди звериной обстановки Вашей жизни Вы сохраняли светлый и легкий, непредубеждённый ум, даже утешали меня, и около Вас становилось всегда светло и мудро. Могу ли забыть эти чудные встречи с Вами, это таинство общения душ, в котором Вы были так талантливы, так богаты?

Стыдно, совестно вспоминать, что я так мало старался облегчить Вашу скитальческую жизнь и был так невнимателен к Вашим нуждам. Простите, Вашей благородной и широкой душой простите меня, который сам так много получал от Вас. Но даже и чувствуя свою вину перед Вами, знаю, что мы никогда не расстанемся с Вами, что мы ни на минуту не прекращаем общаться, несмотря на дальность расстояния. На даче, где Вы нас посещали в прошлом году, каждый угол, каждое место связано с Вами. И память о прошлом лете вызывает во мне что-то величавое, что-то даже торжественное. Да, именно торжество какое-то, торжество духа, какое-то тайное ликование, какая-то молитва поднимается со дна души, когда вспоминаются минуты, проведенные с Вами, Ваша скитальческая подвижническая жизнь, Ваша награда, которую Вы заслужили перед Богом. Завидна Ваша жизнь, Ваша участь, такая трудная и тяжкая. Её Бог дает только избранным, только тем, кого особенно любит. При мысли о Вас отпадают мелкие заботы дня, становится неважной обыденная суета, которой отдаешь

столько времени, хочется быть мудрым, глубоким, хочется всё понимать, всему простить и у всех просить прощения.

Вы умели так убедительно говорить о жертве, о человеческой жизни и о всём мире как о жертве. Вам были известны вселенские «зовы» и «отклики». Вы знаете тайну Слова и слов, которой пренебрег, по Вашему незабываемому изображению, Фауст. Вы поняли глубину «видимого мира», написавши об этой «видимости мира» поразивший меня трактат⁴. И вот эта жертва, эти зовы и отклики, эта тайна имён и эта явленность всего тайного нашим телесным очам, эта подлинная видимость тайны – вот, дорогой Александр Александрович, Ваше учение и вот чего невозможно забыть, если оставаться вообще в памяти.

После Вашего выздоровления первым делом будет у нас фиксация всего того, что мы с Вами вместе передумали и почувствовали, ибо если бы мир узнал о том, что знаем мы с Вами, то этот мир изменился бы физически.

Выздоровливайте, выздоравливайте скорее. Скоро мы встретимся и будем жить вместе, и уже никакие силы не разъединят нас, не омрачат нашей вечной дружбы и любви. И жизнь наша будет светлой и мудрой, и мы изучим наконец нашего Прокла, до которого сейчас мы никак с Вами не доберемся.

Простите, простите, дорогой и незабвенный Александр Александрович! Не забудьте меня в Ваших молитвах. Вы так много и безвинно страдали, что Бог не может не услышать Ваших молитв. И я верую, что один Ваш вздох обо мне перед Богом снимет с меня тысячу грехов, совершаемых каждый час, каждую минуту. Молюсь и я о Вас своими слабыми молитвами, и общение наше в молитве останется на всю вечность. – Выздоровливайте и приезжайте скорее и привозите перевод всего Прокла⁵.

А.

1935, 1939

Комментарий

Творческое общение Александра Александровича Мейера (1875–1939) и Алексея Федоровича Лосева продолжалось недолго. Их пути пересеклись, казалось бы, случайно, да еще и при весьма драматических обстоятельствах. Такое уж было время – тридцатые годы. Однако

вряд ли они ничего не знали друг о друге до встречи. За одним, старшим, устойчиво сохранялась изустная молва как об одном из самых активных и ярких участников собраний петербургского Религиозно-философского общества, а потом Вольфины. Отдав дань общественно-политическим баталиям начала века и некоторое время изредка публикуясь в периодической печати, в последующем он предпочел излагать свои мысли в окружении дружеского симпозиона, нежели распылять их типографским способом. Другой, почти на двадцать лет моложе своего друга, успел вдохнуть живительный кислород атмосферы того же философского общества (но только в Москве) еще будучи студентом, в основном молча и жадно внимая речам старших современников. А славу его составили восемь книг глубокого и оригинального содержания, которые последовательно и пусть и малыми тиражами частных издательств, но без особой оглядки на возможные последствия выпускались автором в свет с 1927 по 1930 год, спустя несколько лет после того, как известный «философский пароход» отвез за пределы Страны Советов большинство из говоривших и печатавших на религиозно-философские темы. Немногие уцелевшие оказались посреди философской пустыни, над которой то и дело проносились ветры дискуссий с разными названиями (вспомним хотя бы «механистов» и «диалектиков»), но с безжизненным всякий раз содержанием,жигающим и безуханным. Потому и Мейеру и Лосеву оставалось укрыться вместе с немногочисленными единомышленниками в полулегальных кружках, где еще сохранялись и развивались традиции свободной мысли. Оттуда, из кружков, их и «брали», попутно – за государственный счет – обеспечивая необходимый перевод с языка непонятных интеллектуальных «программ» на понятный язык «контрреволюционных заговоров». Так в декабре 1928 года в Ленинграде вместе с Мейером были арестованы члены домашнего кружка «Воскресение», и давняя (с 1923 года) традиция кружковцев собираться по выходным дням была расценена следователями ОГПУ как замаскированное намерение «воскресить прежний режим». Так в апреле 1930 года были прерваны встречи московских «имяславцев» и деятельность Лосева в их числе. Отметим, что этот «имяславский» кружок был основан в конце 1922 года, т.е. практически одновременно с «Воскресением», одновременно и независимо. Разумеется, дискуссии о почитании Имени Божия и судьбах православия были «прочитаны» на Лубянке как неоспоримые свидетельства деятельности «Центра всесоюзной контрреволюционной монархической организации».

Их переместили во встречных потоках и пульсациях по трубам ГУЛАГа (воспользуемся известным и страшным по натуральности образом А.И. Солженицына) в одну общую точку – это была станция Медвежья Гора, что на Мурманской железной дороге, тогдашний центр Белбалтлага и, одновременно, столица строительства Беломорканала. Первый из них, Мейер, оказался здесь в начале 1932 года, после того как уже

отбыл год «срока» (10 лет лагерей) на Соловках, далее этапировался в Ленинград для следствия по т.н. академическому делу, откуда и попал на Медвежью Гору. Несколько позже, летом 1932 года, сюда доставили и Лосева. Для него предыдущим местом лагерного пребывания с начальным «сроком» тоже в 10 лет был поселок Важины, который согласно географии от ОГПУ помещался на территории Свирьлага, соседнего с Белбалтлагом. В пределах той же Медвежьей Горы волею судеб оказались и верные спутницы философов – описания их «путешествия» по Архипелагу ГУЛАГ составили бы отдельную историю – Ксения Анатольевна Пондеева (1887–1949) и Валентина Михайловна Соколова-Лосева (1898–1954). Так и повстречались. Общение их по объективным причинам не могло быть тесным и постоянным, хотя порядки царили еще, так сказать, либеральные и «техническим работникам», каковыми были все четверо, иногда давались кое-какие послабления вроде возможности проживания на частных квартирах. Не было это лагерное общение и долгим, поскольку примерно через год Лосевы покинули «Медвежку», получив не только досрочное освобождение, но и снятие судимости. Тут помогло специальное Постановление ВЦИК о полной амнистии пятистам ударникам строительства в связи с успешной сдачей Канала в эксплуатацию. Куда меньше повезло Мейеру и его спутнице, им досрочно (по т.н. зачетам) удалось освободиться только в начале 1935 года, но далее пришлось, теперь в качестве вольнонаемных, продолжать ту же, что и на Севере, гидротехническую работу на строительстве канала Москва – Волга. Сначала они трудились в Дмитрове, потом (в 1937 году) переехали в Калязин, откуда уже представилась возможность ездить в Москву и там, конечно, бывать у Лосевых. Все эти печальные биографические подробности мы вынуждены здесь приводить, поскольку без их учета не могут быть в должной мере оценены и поняты ни содержание, ни внешние особенности публикуемой переписки Лосева и Мейера.

О внешних особенностях и стоит прежде всего говорить, переходя к самим письмам. Переписка была начата по инициативе Лосева с того, видимо, момента, когда в Москву дошли вести о скором отъезде оставшихся на Медвежьей Горе. Характерная особенность писем – отсутствие полного имени адресата и разве что скупой инициал в одну-две буквы вместо подписи автора, а то и вообще можно видеть лишь «деловую» часть посланий без всяких обращений и подписей. Это скорее всего свидетельствует о нестандартном способе передачи посланий помимо почты с ее обязательной для лагерных условий цензурой. Впрочем, охоту доверять почте отбили не только у тех, кто уже получил лагерный опыт. Примером из той же поры можно взять «эпистолярный роман» А.А. Ухтомского и В.А. Платоновой (концлагерь, к счастью, их миновал), и прочесть в письме от 2 сентября 1934 года, какие же наставления ученый с мировым именем дает своей многолетней корреспондентке: «...по почте переписываться, хотя бы и незначущими записками, нельзя», необходимо «пользоваться

только оказиями», и вообще следует быть «сугубо бдительным, чтобы не разыгрывать пьес по тем нотам, которые тебе подставляются сторонними наблюдателями» (см.: *Кузьмичев И.* «День ожидаемого огня...» Вехи духовной биографии А.А. Ухтомского в его переписке с В.А. Платоновой // *Ухтомский А.* Заслуженный собеседник. Рыбинск, 1997. С.530). Ну а если доводилось-таки в чужую пьесу попадать? Тогда непременно стодится уже сугубо эмпирическое обобщение на ту же тему «жизнь есть театр», которым не грех поделиться с товарищами по несчастью. Читаем: «Алексей Федорович кланяется и просит передать Вам его теперешнее политическое правило, заимствованное им у Гамлета: «Не позволяй клоунам болтать больше того, что написано в пьесе»» (из письма В.М. Лосевой к К.А. Половцевой от 20 января 1935 года).

Но вернемся к переписке двух философов. Обмен посланиями не был продолжительным, поскольку Мейер вскоре оказался в Дмитрове (сиречь вольнонаемным в Дмитлаге), где он снова окунулся, по определению одного знающего человека, в состоянии «какого-то тяжелого духовного обморока» и «задерганности напряженной технической работой», разумеется, при «полном отрыве от своего дела и невозможности ни сосредоточиться, ни подумать, ни почитать» (из того же письма Лосевой к Половцевой). И только в дальнейшем, как было упомянуто, после переезда Мейера в Калязин философы могли иногда общаться уже непосредственно, без писем, посредников и возможных соглядатаев. К сожалению, мешало не только расстояние. Само время крайне скупо было отпущено им для диалога: весной 1939 года Мейер тяжело заболел и вскоре, в ночь с 18 на 19 июля того же года, скончался.

Из сказанного должно быть ясно, что несколько чудом сохранившихся писем являют собой лишь слабый и даже, повторим, случайный материальный след, которого и вовсе могла не оставить (по суровому обыкновению эпохи) большая дружба двух гонимых философов, дружба, рожденная в лагере. О том, что она не только согревала родственные души, но и обещала значительные философские результаты, свидетельствует письмо Лосева (пятое в публикации), направленное Мейеру во время его болезни и содержащее, между прочим, точную и сжатую характеристику основных философских идей «позднего» Мейера. Письмо нельзя читать без волнения, столько отчаяния перед лицом надвигающейся невосполнимой потери, столько признательности и подлинной нежности к недавнему собеседнику и совопроснику несет это послание. И еще необычайно интригующе звучит лосевская фраза, направленная и в ободрение другу, и как приглашение к усиленным размышлениям для современного историка отечественной мысли: «После Вашего выздоровления первым делом будет у нас фиксация всего того, что мы с Вами вместе передумали и перечувствовали, ибо если бы мир узнал о том, что знаем мы с Вами, то этот мир изменился бы физически». К сожалению, пока нет достоверных данных, по которым пристало бы с уверенностью

судить о том действенном или, сказать осторожнее, действенным представлявшимся философском учении, которое «вместе передумали и почувствовали» эти два мыслителя. Можно только строить предположения, опираясь на известные к настоящему моменту публикации их трудов (мы здесь этого делать не будем), а заодно и удивляясь, насколько все-таки не случайна оказалась их встреча уже не в физическом пространстве и на дорогах земных блужданий, но в пространстве духа и на путях поиска вечных истин. В самом деле, творчество Мейера и творчество Лосева долгое время развивались независимо друг от друга. Однако много общих ключевых проблем миропонимания они рассмотрели по сути сходным образом, хотя и в стилистически разной манере. Среди главных же (и в главном – на уровне ключевых категорий) совпадений следует, наверное, назвать отчетливое понимание и у того и у другого принципиальной жизнеустроительной роли Слова, Имени, Мифа. В целом же искания обоих, как представляется, вполне очерчены рамками религиозно-философской системы православного энергетизма, призванной с должной мерой катафатического дерзания (но и с апофатикой, и со страхом Божиим) судить о полноте отношений личности и Абсолюта.

Короткая переписка Мейера и Лосева безусловно ценна сама по себе, настолько силен в ней исповедальный дух, столь прямые вопросы ставятся здесь о предмете, задачах и целях философии. Но ее также интересно осмыслить в сопоставлении с другой перепиской, уже давно известной читателю – той, что увидела свет в 1921 году и принадлежит В.И. Иванову и М.О. Гершензону. Конечно, знаменитая «Переписка из двух углов» существенно больше по объему, посвящена она не философии, но – шире – культуре вообще, в ней заметнее крен в сторону выпяченной образности, тогда как, сравним, Лосев намеренно приземляет свою аргументацию, да и Мейер спешит извиниться за малейший намек на «красивости». У Иванова и Гершензона явственно подчеркнута и даже культивируется разница позиций «совопросников», более поздние – называем условно так – «Вопросы философии» построены скорее на согласии. Однако некоторые сходства бросаются в глаза и буквально вызывают хотя бы к простой фиксации. Прежде всего, обнаруживаются совпадения в общих оценках, характерно резких. В унисон Лосеву, говорившему о наличном состоянии философии, и Гершензон говорит о культуре с отчаянной решимостью и едва ли не теми же словами: тяготит нажитая загроможденность духа (письмо IV «Переписки»), в крови нашей разгуливает древний яд (письмо VI), мы – сыны блудной матери (письмо VIII). Ключевую роль получает тема Фауста, неизбежная, когда заходит речь о действенности разума и ее соблазнах. Тема безусловно возникла в беседах недавних «каналоармейцев» (как жутко и убедительно переплетены для них последнее «всечеловеческое» деяние героя Гёте и собственный невольный – и невольничий – опыт!), неизбежно звучит она и в «Переписке из двух углов», сначала в устах Иванова (письмо VII),

потом в напоминании Гершензона о реалиях сего дня, когда вновь «рвется на свободу... личная правда труда и обладания» (письмо VIII). Участникам переписки, теперь уже можно сказать всем четверым, изначально ясна и причина утраты оптимизма в оценке культуры вообще и философии в частности. Как констатировал Иванов, система даров нынче обратилась в систему принуждений, метафизика ушла в наукообразие «из ло-на целостного духовного знания, ...из отчего дома первоначальной религии» (письмо III), – об этом же как о самом важном судил и Мейер.

Совпадают не только констатации, но и формулировки для должно-го: да, слава философии состоит в служении Славе – соглашаются с Мейером и Иванов, для которого культура представляется «лестницей Эроса и иерархией благоговений» на пути ввысь (письмо III), и Гершензон, добавляющий еще, проводя вертикальную линию личности на равнине знаний, «чтобы человек знал во всяком своем проявлении, как Мария, заодно и свое дитя, и Бога» (письмо VIII). Весь вопрос только в том, что для тех, кому суждены удел и оружие – думанье (Мейерово определение), для тех, кто искренне хочет «восславить Бога в разуме, в живом уме», с неизбежностью встает проблема различения истин и Истины (ее напоминает Лосев в четвертом письме) и задача непротиворечивого сочетания двух жизненных планов, дольного и горнего. Эта проблема убедительно сформулирована Гершензоном в заключении «Переписки», в словах о «дневном» бодрствовании ученого сообщества и «ночной» потребности обратиться на просторы лесов и полей (письмо XII). Как тут не вспомнить знаменитый хайдеггеров *Holzwege*, но тогда уж и лосевское, из «Диалектики мифа» дошедшее до нас признание: «А я люблю небушко, голубое-голубое, синее-синее, глубокое-глубокое, родное-родное, ибо и сама мудрость, София, Премудрость Божия, голубая-голубая, глубокая-глубокая, родная-родная»...

Так, выходя на всеобщее пространство философских вопрошаний, жизненно важных и требующих непрерывного обновления, переписка Мейера и Лосева занимает свое достойное место в череде современных духовных исканий.

А.Ф. Лосев О МИРОВОЗЗРЕНИИ¹

Вы спрашиваете меня, что такое есть мировоззрение и как можно было бы его построить. Я готов ответить на ваш вопрос, но только с одним условием. Если вы хотите разговаривать со мною, я прошу вас отказаться от всех предрассудков, которые возникают у людей даже помимо их воли, и прошу

вас оставаться только на почве здравого смысла. Возможно, вы и сами не понимаете, какой огромной властью над умами пользуется обывательщина и просторечное, совершенно некритическое использование слов и понятий. Или мы с вами будем оставаться на почве здравого смысла, какие бы неожиданные выводы отсюда ни возникали, или нам с вами не о чем говорить.

Так как термин «мировоззрение» состоит из двух слов, «мир» и «воззрение», если нам начать со слова «мир», то вот вам первый предрассудок, который очень часто встречается и у людей ученых, и у неученых. Обычно говорится: мы не знаем, что такое мир, объясните нам. Я категорически утверждаю, что люди только прикидываются, будто они не знают, что такое мир. Если я вас спрошу, можно ли Солнце считать миром, то вы, конечно, тут же скажете: ну, какой же это мир, ведь это только часть мира. Хорошо. А Луна? Является ли она миром или не является? Конечно, скажете вы, и Луна тоже еще не есть весь мир, а только часть мира. А Земля? А Марс и Юпитер? А вся солнечная система? А любое созвездие? На все эти вопросы вы будете решительным образом отвечать, что ни то, ни другое, ни какая бы то ни было вещь вообще ни в коем случае не есть мир, а везде мы тут имеем дело только с частями мира. И почему же вы так говорите? А потому, что вы хорошо понимаете слово «мир». Иначе вы не отвечали бы так решительно ни о Солнце, ни о Луне; и сам этот вопрос, который я вам задаю, считали бы бессмысленным.

Правда, это знание о мире, которое вы здесь проявляете, еще весьма туманное и неопределенное. Оно, конечно, требует научной разработки; и разработка эта, конечно, дело нелегкое. И добиться тут точной формулы, само собой разумеется, весьма трудно. Но вопрос, который я задавал о частях мира, вовсе не предполагал, что вы сразу же и без всякого обдумывания вскроете логическое понимание мира. Я вовсе не этого от вас требовал, а утверждал только, что мир для вас является хотя и туманной, но все же непосредственно ощущаемой областью. И если вы с этим согласитесь, тогда давайте попробуем рассуждать о мире и более аналитически.

Прежде всего, мне кажется, вы должны согласиться с тем,

что мир есть вся действительность в целом, в ее прошедшем, в ее настоящем и в ее будущем. Уж в этом вы во всяком случае не можете сомневаться. Но я вас спрошу вот о чем. Есть ли мир нечто, или он – ничто? Если мир – ничто, то, очевидно, нам с вами и разговаривать не о чем. Мир, несомненно, есть нечто. А именно, он есть мир, а не что другое. Отрицать это Вы уже во всяком случае не сможете. А если мир есть нечто, то это значит, что он есть и нечто одно, нечто целое. Частей мира бесконечное количество, но мир – один, и вся бесконечность его частей есть нечто одно, а именно – сам мир, и ничто другое. Но как же это возможно? Это возможно только потому, что мир есть *целое*, целостность. Сколько бы разнообразных частей мы ни находили в этом целом, оно остается самой собой, и в этом смысле совершенно неделимо.

Я живу в доме. Но есть ли дом только окно или несколько окон? Ничего подобного. Дом состоит не только из окон, но еще из комнат, еще из дверей, еще из стен, еще из крыши. Так где же, в самом деле, дом как целое? Да, несомненно, он есть целое, которое не только состоит из разнокачественных деталей. Да невозможно сказать даже и того, что дом состоит из строительных материалов, из материи. Он также есть еще и та идея, которую имели в виду строители дома, и которая осмысляет и оформляет все, входящее в дом, все его части. Но сказать, что дом есть идея дома – тоже бессмысленно. Дом охраняет меня от мороза и жары. Идея дома, взятая сама по себе, есть только план или проект, задуманный строителем, и такая идея еще не существует материально, она еще не есть самый факт дома, еще не его материальное осуществление и строительство дома. И такая идея дома еще не охраняет меня от жары и мороза. До стен дома и до всех его частей я могу дотронуться, могу их понюхать, но до идеи дома я не могу дотронуться рукой и не могу ее понюхать, и не могу ощутить ее вкус.

Да и вообще все на свете состоит из материи и формы, то есть, из каких-нибудь материалов и их оформления, их осмысления. Но когда я надел кепку, я надел не материю кепки и не идею кепки, но саму кепку. И когда я сел в машину, я сел не в материю машины и не в идею машины, но в саму машину.

Итак, если вы хотите оставаться на почве здравого смысла,

вы должны сказать, что, хотя мир и является в виде своих бесконечных частей, тем не менее, он есть нечто целое, он есть нечто одно; и это целое не есть только сумма его частей. Оно является совершенно новым качеством по сравнению с ними. А иначе получится так, что если стул деревянный и стол тоже деревянный и каждый из этих предметов не есть своя специфическая неделимость частей, то мне будет все равно, садиться ли на стул или садиться на стол. Поэтому ни дерево, из которого состоят части стула и стола, не есть сами эти предметы, ни их смысловое назначение тоже не есть дерево, поскольку они могут быть сделаны и не только из дерева, но, например, из металла. Следовательно, и мир, взятый в целом, тоже есть неделимая цельность, из каких бы частей он ни возникал фактически.

Теперь остается один шаг, чтобы понятие мира получило для нас не только непосредственно воспринимаемую, но и логическую значимость. Дело в том, что хотя целое невозможно без его частей, а части невозможны без целого, все-таки логическая функция целого и частей совершенно разная для целого и для его частей.

Целое невозможно без его частей, но оно может содержать эти части в себе только потенциально и отнюдь не в виде фактического и материального существования. В таком потенциальном виде части целого существуют, например, в инженерно-техническом проекте дома, предположенного для постройки. В то же самое время фактические и материальные части целого именно фактически не могут существовать без своего целого. Вернее же сказать, они вполне могут существовать без своего целого, но тогда каждая такая часть уже не будет частью целого, а будет иметь вполне самостоятельное существование, и целое рассыплется на множество таких частей, которые не будут иметь к нему никакого отношения, и целое вообще перестанет в них существовать. Таким образом, целое может оставаться на стадии только потенциального существования частей; и если они возникнут, то оно станет для них и *созидательным*, и *осмысляющим* началом. В то же самое время части целого, взятые фактически и самостоятельно, не создают и не осмысляют целого, а только отображают его. И поэтому необходимость совместного существования целого и его

частей рисует нам целое как созидательно-осмысляющую силу. А части целого эта необходимость рисует как фактически-воспроизводящую силу. Целое творит части; а части не творят целого, но только его воспроизводят и воплощают. Если бы части творили целое, то целое раздроблялось бы на все эти самостоятельно существующие части, то есть, перестало бы существовать как целое. Следовательно, части только потому и могут существовать, что они воспроизводят целое. А иначе части вообще не будут частями никакого целого.

Но тут важен еще один момент. Если части существуют только благодаря тому, что они воспроизводят целое, а целое воплощается в отдельных своих частях, то это значит, что каждая часть целого утверждает себя не только благодаря своему воспроизведению целого, но она утверждает себя, следовательно, также и благодаря воспроизведению других частей. Части целого не только находятся в своем целом, но и находятся одна в другой. Правда, мир есть не просто целое, но и вечно изменчивое целое, вечно становящееся целое. Однако если есть становление, то это возможно только потому, что есть и то, что именно становится. Точно так же, если имеется становление, то имеется и направление этого становления, имеется его цель. Но ведь в мире нет ничего, кроме мира. Значит, мир есть и то, что становится, то есть, причина становления; но он же есть и та цель, для которой происходит его становление. Но становление есть сплошной переход одного в другое, то есть борьба одного с другим. Тем не менее, эта борьба происходит внутри самого же мира, и мир ею управляет. Борьба противоположностей только потому и возможна, что существует сам мир, который выше этой борьбы и который уже не есть борьба, а только тот мир, о котором мы говорим в смысле *мирного состояния*. Мир-вселенная в основе своей есть мир в смысле мирного состояния. Для нас тут нет даже двух терминов, поскольку и мир-вселенную и мир в смысле мирного состояния мы обозначаем одним и тем же словом «мир». Поэтому, если в мире существует борьба, то это только в силу того, что мир-вселенная в тех случаях, когда он рассматривается в процессе его становления и потому является борьбой, сам по себе, то есть, в своей основе выше этой борьбы, есть

единство противоположностей, то есть, является миром в смысле мирного существования. Мир-борьба только потому и возможен, что в основе своей мир либо вовсе не есть борьба, либо есть такая борьба, которая преследует цели всеобщего мирного состояния. Это прямой и простейший вывод из того, что мир есть целое. Если борьбу рассматривать как стремление к уничтожению, это не есть борьба, а есть только смерть для всякого становления и развития. И только если борьба противоположностей имеет своей целью мирное существование, только тогда она является здоровым соревнованием, ведущим к утверждению всеобщего умиротворения.

Но и этого мало. Если действительно мир есть целое, то разъединять его созидательно-осмысляющие и фактически-воспроизводящие функции вполне можно и нужно теоретически, но фактически это невозможно. Солнце – не мир, но оно воспроизводит целый мир и отражает его на себе. Поэтому правильнее будет сказать, что Солнце, Луна и все вещи мира являются *символом* мира в целом. Они, как части мира, вне мировой целостности; но поскольку они воспроизводят мир в целом, они реальны в качестве материальных символов мирового целого, в качестве того или иного его воплощения.

Само собой разумеется, что Солнце и Луна, будучи только частями мировой целостности, проявляют свое могущество и силу тоже в частном порядке, то есть отчасти, то есть в той или иной степени. Ведь мир не есть просто неподвижное целое. Он еще и вечно меняется, вечно движется или, говоря вообще, вечно становится. И, конечно, тем самым мир есть не только абсолютная цельность, но и разная степень этой цельности, разная степень его самоутверждения, разная степень его могущества и силы, разная степень его созидательной функции и тем самым разная степень его самостоятельности. Кроме действительности ничего не существует, так как она уже есть все. Но если нет ничего, кроме действительности, то и нет ничего такого, что этой действительностью двигало бы. Следовательно, если действительность движется, то это значит, что она сама есть и движущее и движимое. Мир стремится и движется. Но он стремится утвердить себя же самого. Он сам ставит для себя цели и сам же их достигает. А цель мира есть сам же он.

Ведь если мир есть движение и становление, то каково же направление этого движения и становления? Это направление действительности есть она же сама; и поэтому все составляющие ее части движутся одновременно и от себя и к себе. Действительность вечно трудится над своим собственным осуществлением.

Однако и это удивительное зрелище – всякая вещь, входящая в мир, как бы она ни была мала и ничтожна, – тоже всегда и неуклонно стремится к самоутверждению. И это почему? А это потому, что всякая, самая мелкая и ничтожная вещь есть часть мира, а мир есть вечное самоутверждение. Значит, и всякая мелкая и ничтожная вещь тоже неуклонно стремится к самоутверждению. Обычно говорится, что человек вечно борется за свое существование. Это правильно. Но возьмите самый обыкновенный камень, неодушевленный, неорганический, неживой камень, и попробуйте его расколоть. Иной раз это удастся легко и сразу. А иной раз, чтобы расколоть камень, надо употребить какое-нибудь тяжелое и острое орудие, например, молоток, топор, тяжелый и острый лом. И почему? А потому, что даже и камень тоже борется за свое существование, камню тоже не хочется распадаться, камень тоже несет на себе сверхкаменную силу. Но предположим, что вы раздробили камень на части. Тогда и каждая отдельная часть тоже будет бороться за свое существование, тоже будет громко кричать о себе. И даже если вы раздробили камень на мельчайшие части, даже если вы превратили его в бесформенную массу, – в песок, то и этот песок все равно будет кричать о себе, что он именно каменный песок, а не вода и не воздух. И почему? А потому. Я вам повторяю еще раз, что каждый камень и каждая песчинка есть часть мира, есть символ мира, несет на себе пусть маленькую, но все-таки вполне определенную степень мирового самоутверждения и мирового могущества.

При всем том, даже и камень несет на себе не только свое самоутверждение. Он ведь необходим также и для всего окружающего. Если окружающая среда его создала, это значит, что он служит также и ее целям, не говоря уже о том, что и человек тоже может употреблять этот камень для своих, уже чисто человеческих целей. То, что камень утверждает сам себя, это

значит, что он нужен также и для чего-нибудь другого. Это значит, что он утверждает это другое, раз это другое, то есть окружающая его среда, не могла без него обойтись.

Я употребил слово «символ». Позвольте немного на этом остановиться. Если вы хотите оставаться в пределах обывательщины, то под символом вы должны понимать просто какой-нибудь знак, часто даже просто какую-нибудь выдумку или просто фантастику. Когда поссорились два человека и перестали обмениваться рукопожатием при встрече, то бывает так, что где-нибудь на виду, в обществе, в собрании они не хотят этого показать и на виду у всех обмениваются рукопожатием. В таких случаях часто говорят, что рукопожатие этих двух человек имело только символическое значение. При таком понимании символа он не только является обыкновенным знаком, но даже указывает на то, что противоположно его непосредственному содержанию. Но вот Пушкин пишет: «Румяной зарею покрылся восток...». И Лермонтов наблюдал свой ландыш «румяным вечером иль в утра час златой». Здесь поэты тоже не хотят сказать, что восток или вечер купили в магазине известное косметическое средство и потом перед зеркалом румянили себе свои щеки. И Лермонтов вовсе не хочет сказать, что час восхождения зари есть то же самое золото, которое употребляется для колец или для монет. И тем не менее, символ уже и здесь не является просто тем пустым знаком, о котором мы сейчас сказали в отношении символического рукопожатия, хотя, впрочем, и в случае рукопожатия в положительном или отрицательном смысле все равно нельзя говорить о полной незначимости символа. Что же касается поэтов, то употребляемая ими символическая образность получает уже весьма высокое и содержательное смысловое наполнение. Символы употребляются у них ради целей изобразительности своих выражений, ради их углубленной картинности или хотя бы для многозначительной иллюстрации. Тут обычно говорится о «переносном» значении символа, и символ в таком случае называют метафорой.

Но я хочу сказать вам о другом. И чисто условная значимость, и чисто метафорическая значимость вовсе еще не есть вся символика. Возьмите, например, такой символ, как государ-

ственное или национальное знамя. Возьмите такой символ, как серп и молот. Что же, по-вашему, здесь тоже только одна условность, только одно украшение, только одна пассивная иллюстрация или только одна поэтическая метафора? Нет, товарищи, это и не условность, и не украшение, и не поэтическая метафора. Это – такой символ, который движет миллионами людей. Ради него люди идут на самый крайний подвиг и на войне отдают за него свою жизнь. Я думаю, что уже простой здравый смысл, – а я здесь только и уповаю на ваш здравый смысл, – должен заставить вас с неопровержимой силой признать существование таких символов жизни, которые не только отражают или изображают жизнь, но активно ею управляют, с непобедимым могуществом направляют ее к той или иной цели и необоримо, неуклонно ее переделывают.

Когда я говорю, что Солнце есть символ всего мира, я выражаю здесь четыре идеи. Во-первых, Солнце есть самая настоящая реально существующая и вполне материальная вещь, сомневаться в существовании которой могут только душевнобольные. Во-вторых, я хочу сказать, что весь мир тоже есть вещь, вполне реальная и материальная; и отвергать существование такого мира могут, к сожалению, не только душевнобольные, но и вполне здоровые философы, не признающие ничего, кроме человеческого субъекта и сводящие всякое знание только на субъективно-психические процессы. Такие люди только прикидываются, что они будто бы не знают о существовании мира. На самом же деле, когда они его отрицают, то во всяком случае знают предмет своего отрицания. Если я не знаю, что такое данный предмет, то я не могу его и отрицать; и отрицание в случае отсутствия отрицаемого предмета сводится к тому, что остается неизвестным предмет отрицания, то есть само отрицание оказывается беспредметным. В-третьих, существует не только Солнце и не только мир, но и определенная, объективная же связь между ними. А именно, Солнце есть определенное воплощение мира. И, в-четвертых, если это воплощение понимать реально, а не метафорически, не поэтически, не условно и предположительно, то это будет значить, что и Солнцу принадлежит присущее всему миру самоутверждение, но только, конечно, в известной степени, и присущее всему

миру могущество, хотя опять-таки в соответствующем ограничении, и постоянное стремление проявить свое существование вовне, постоянно действовать, стремиться, создавать и преобразовывать. Взять хотя бы область человеческой жизни, немислимой без постоянного воздействия солнечного тепла. Таким образом, солнечный символизм в указанном смысле слова есть необходимейшее требование самого обыкновенного здравого смысла.

Теперь я перейду к той части мира, которая зовется человечеством.

Человек и человечество есть тоже часть, то есть символ мира, а мир есть всемогущее утверждение. Поэтому и человечество тоже несет на себе ту или иную степень и в данном случае огромную мировую силу и мировое самоутверждение. Ведь если действительность есть все существующее, то значит, кроме действительности нет ничего другого. И если действительность движется, то двигать ею может только она же сама, так как ничего другого, кроме нее, вообще не существует. Но если действительность движется сама собой, то и ее части, поскольку они ее воплощают, тоже движутся сами собой или, по крайней мере, стремятся двигать себя самих или, во всяком случае, сопротивляются всему тому, что может их разрушить. Этот активно-творческий и материально-созидательный символизм вы должны признать решительно для всего существующего. Вы можете говорить только о разной степени этого символического самоутверждения. Но отрицать его вы ни в коем случае не можете, не имеете права, если вы хотите стоять на почве здравого смысла. Отрицать этот активно-самополагающий символизм действительности – это значит отрицать саму действительность. Тут – неопровержимая логика: действительность есть нечто одно; действительность есть нечто целое; действительность самое себя утверждает, а следовательно, и все моменты действительности тоже утверждают самих себя, то есть, обязательно стремятся воплотить в себе это мировое всемогущество, пусть в разной степени.

Но отсюда сам собой вытекает вывод и о практической стороне мировоззрения.

Я вам скажу просто. Вообще нет никакой практической

стороны мировоззрения, поскольку само мировоззрение уже есть практическая теория. Ведь мы же с вами сейчас условились, что мир есть не что иное, как всеобщее самоутверждение. Что это – теория или практика? Признаться, я и сам не знаю, где тут теория и где тут практика. И когда мы говорим, что человеку свойственна борьба за существование, то я не знаю, где тут теория и где тут практика. Тут важно совсем другое.

В этом учении о человеческом самоутверждении часто сбивает с толку слишком отвлеченный характер обычных рассуждений о борьбе. Что такое борьба? Ведь если отбросить общие фразы и всякую обывательскую узость, то борьба окажется для нас прежде всего трудом, или работой. Как же это можно бороться за существование так, чтобы не трудиться и не работать? Но тогда это значит, что уже самое элементарное представление, самое примитивное и начальное учение о мире есть не что иное, как теория труда. Кто имеет правильное мировоззрение, тот обязательно трудится и в этом смысле переделывает действительность. А кто не трудится, тот просто не имеет никакого мировоззрения или имеет его в таком превратном виде, который не соответствует простейшим объективным основаниям, если оставаться только на почве здравого смысла и отбросить все предрассудки, которые навязывают нам обывательщина или лженаучная литература.

Вывод один. Всякое правильное мировоззрение есть не что иное, как учение о труде. А всякий осмысленный труд предполагает, что трудящийся уже имеет правильное мировоззрение.

А сейчас я хочу обратить ваше внимание еще на такую сторону нашего предмета, которая, пожалуй, даже важнее других. Именно, я считаю, что труд есть источник радости и, если говорить по существу дела, только труд и может сделать меня веселым. И почему? Вовсе не из-за той ближайшей пользы, которую имеет в виду трудящийся. Конечно, хороший монтер испытывает радость, если он исправил пришедшие в негодность электрические приборы в квартире. И, конечно, хороший водопроводчик испытывает удовлетворение, если до него вода в данной квартире не шла, а он исправил водопроводное сооружение, и вода в квартире вновь пошла нормально. Это правильно. Но мы с вами находимся сейчас на такой стадии

культуры, когда мелкая утилитарность уже давно перестала нас удовлетворять.

Мы с вами в этом отношении должны быть философами, а не обывателями, которые гоняются за повседневной пользой. Но уже самая элементарная философия гласит, что мир есть бесконечность и что каждый из нас есть часть этой бесконечности, то есть так или иначе несет на себе ее печать. Правда, бесконечность нельзя охватить, но зато к бесконечности можно вечно стремиться, и она вечно зовет нас в бесконечную даль. Всеобщее человеческое благоденствие и свободное самочувствие всех людей и во всех отношениях – это для нас пока еще бесконечно далекое будущее. Тем не менее каждый человек если не является, то должен являться частью именно этой общечеловеческой свободы, ее, пусть небольшим, моментом, маленьким, но обязательным шагом в ее направлении. Поэтому слесарь, если он исправил пришедший в негодность аппарат, уже работает на пользу будущего общечеловеческого благоденствия. И, значит, всеобщечеловеческое благоденствие оказывается для нас не только отдаленным будущим, но и активно переживаемым настоящим.

Вот почему меня охватывает радость, если я сделал хотя бы какой-нибудь пустяк в пользу своего соседа. И вот почему я весел, если хорошо замостил площадку, замостить которую мне было приказано. Кто имеет правильное мировоззрение, тот имеет постоянный источник для своей радости, и тот не просто всегда трудолюбив, но еще и всегда весел.

Скажу больше того. Если я хочу иметь мировоззрение, то ведь мир – это бесконечность; и я, будучи частью мира, тоже несу на себе печать бесконечности. Но если конечная вещь, поскольку она часть мироздания, отражает на себе бесконечность, такая вещь, согласитесь сами, есть некоторого рода чудо. Не говорите мне, что чудес не бывает. По-моему, если что и существует реально, то это только чудо, потому что все на свете наступает неизбежно, внезапно, непонятно, неизвестно почему и неотвратимо. Два солдата стояли на фронте рядом один с другим. Около них разорвалась бомба. И оказалось, что один убит, а у другого – ни одной царапины. Вы скажете, что это только для нас кажется чудом, на самом же деле, все совершается вполне

естественно и по точнейшим законам природы. И вот это вы сказали очень хорошо, так как я тоже думаю, что всякое чудо всегда есть результат вполне естественного развития окружающей действительности. Наша, да и всякая другая действительность только и состоит из чудес. И мало того. Когда в последней войне наступала танковая дивизия, то возникал такой гром и такой огонь, в сравнении с которым обычная гроза в самой обычной атмосфере может расцениваться только как детская забава. Современная техника делает человека сильнее, чем были олимпийские боги, создававшие грозу в атмосфере. И если Посейдон проходил все Эгейское море от Малой Азии до Балканского полуострова четырьмя шагами, то такого рода миф для наших теперешних скоростей является только сказкой, которую мы слышали в детстве, но которая сейчас ничтожна при теперешних скоростях, когда вокруг всей Земли можно обернуться за какой-нибудь час. Древняя мифология мало удовлетворяет меня не потому, что она слишком фантастична, но потому, что она слишком мало фантастична. И если человек прошел путь от одноклеточного существа до своего теперешнего состояния, то почему невозможно думать, что он пройдет еще и дальше такое же расстояние, начиная со своей теперешней формы? И такой человек несомненно будет сильнее всякого олимпийского бога, хотя его развитие будет так же естественно, как было и до сих пор, начиная с амебы.

Но почему я сейчас заговорил о чуде? Я заговорил сейчас об этом для того, чтобы указать на фантастичность и чудесность всего, что совершается вокруг нас и чтобы доказать великую радость, которая доставляется нам трудом в условиях нашей собственной бесконечной сущности, которая есть не что иное, как отражение самой обыкновенной и самой естественной действительности. Если сама действительность есть сплошное чудо, то и я, как ее частный момент, тоже есть чудо, тоже ухожу в бесконечную даль, почему я и переживаю свой труд как радость, и почему я, когда тружусь, весел и счастлив. Для меня отвратительнее всего те люди, которые настолько все знают, что уже ничему не удивляются и для которых труд не радостен и не весел, но только элементарно полезен для достижения ближайших обывательских надобностей. Для таких

людей, конечно, нет чуда, но зато и нет радости, зовущей трудящегося в бесконечные дали всечеловеческого благоденствия. Кто не имеет радости от своего труда, зовущей в бесконечные дали всечеловеческого благоденствия, тот плохо трудится и тот не имеет не только правильного мировоззрения, но и вообще не имеет никакого мировоззрения. Подобная радость, конечно, есть нечто величественное и торжественное. Но тут не нужно взывать только к торжественности и величественности. Если вы честно собирали картошку, чтобы она не сгнила, то вы уже стоите на путях указанной мною всечеловеческой радости труда.

О том, что все происходящее в человеческой жизни всегда является неожиданным и труднообъяснимым чудом, свидетельствует воззрение Маркса на природу такого прозаического предмета, как товар. Маркс пишет: «Стол остается деревом – обыденной, чувственно воспринимаемой вещью. Но как только он делается товаром, он превращается в чувственно-сверхчувственную вещь. Он не только стоит на земле на своих ногах, но становится перед лицом всех других товаров на голову, и эта его деревянная башка порождает причуды, в которых гораздо более удивительного, чем если бы стол пустился по собственному почину танцевать»*. «...Товарная форма и то отношение стоимостей продуктов труда, в котором она выражается, не имеет решительно ничего общего с физической природой вещей и вытекающими из нее отношениями вещей. Это лишь определенное общественное отношение самих людей, которое принимает в их глазах фантастическую форму отношения между вещами. Чтобы найти аналогию этому, нам пришлось бы забраться в туманные области религиозного мифа. Здесь продукты человеческого мозга представляются самостоятельными существами, одаренными собственной жизнью, стоящими в определенных отношениях с людьми и друг с другом. То же самое происходит в мире товаров с продуктами человеческих рук. Это я называю фетишизмом, который присущ продуктам труда, коль скоро они производятся как товары, и который, следовательно, неотделим от товарного производства»**.

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т.23, с. 81.

** Там же, с. 82.

Вывод ясен. Если человек и его труд есть только момент мировой истории, а мир есть бесконечность, то человеческий труд настолько широк, глубок и разнообразен, а в смысле продвижения на путях к всеобщему и свободному благоденствию настолько чудодейственен, что изобразить сущность его можно было только в каком-то мифологически-сказочном повествовании.

И в своем стремлении ко всеобщему благоденствию я вполне свободен, и никто меня к этому не принуждает. Иван сегодня серьезно болен. Если он завтра умрет, то это произойдет точно по законам природы и общества. Но если он завтра выздоровеет и после этого не будет болеть еще пятьдесят лет, то это тоже будет по законам природы и общества. Если завтра будет война, то это будет в силу законов природы и общества. Но если завтра войны не будет, то это тоже будет в силу законов природы и общества. Что же в таком случае значат законы природы и общества? Они значат только то, что они *принадлежат* мировой действительности, но вовсе *не есть* сама мировая действительность. Сама мировая действительность ровно ни от чего не зависит, потому что кроме нее и вообще нет ничего, от чего она могла бы зависеть. Значит, она зависит сама от себя, то есть она есть свобода. А я тоже вхожу в эту мировую действительность и, следовательно, тоже не только подчинен законам, но и вполне свободен от всяких законов. Поэтому мое стремление к всеобщечеловеческому благоденствию есть акт моей свободы, и к этому меня никто не принуждал. Это есть только результат моей причастности к мировой действительности, которая выше своих же собственных законов. Никаких других миров я не знаю и знать не хочу.

В заключение я хотел бы обратить ваше внимание на то второе слово, которое входит в термин «мировоззрение». Это слово – «воззрение». Вы, конечно, хорошо знаете, что когда говорят о воззрениях, то меньше всего имеют в виду какие-нибудь процессы физического зрения. «Воззрение» и «взгляд» обычно имеет смысл «мышление», «понимание», «система отношений человеческого субъекта к объектам». Пусть это так. Не будем отрицать известной правильности такого понимания термина. Но я и здесь хотел бы взывать к буквальному

пониманию, к такому пониманию, которое обладает всеми признаками непосредственности, наглядности, общедоступности и общечеловеческой простоты. Другими словами, под «воззрением» я просто понимаю «здоровый смысл». То, что обычно понимается под воззрением, это есть теория, наше построение, а всякая теория и всякое построение вполне может ошибаться и быть неправильным. Но «здоровый смысл» – это есть прямое и непосредственное узрение и наблюдение, и оно не может ошибаться. Вы меня никогда не убедите, что Солнце, планеты и созвездия никак не движутся. И почему? А потому, что это всякий видит своими собственными глазами. И вы не сможете меня убедить, что Солнце не оказывает никакого воздействия на Землю, на жизнь, на человека. А почему? А потому, что я ощущаю это своими прямыми непосредственными ощущениями.

Само собой разумеется, что для науки одного здравого смысла мало. Наука, это неоспоримое и достойное человеческое право, требует кроме наглядных наблюдений еще и построения на их основании целой системы мыслительных понятий. Но я с вами сегодня говорил не о науке и не о мыслительной системе, а только о тех простых наблюдениях, к которым взывает здоровый смысл. А такие наблюдения приводят к тому, что человеческий труд имеет космическое оправдание.

Стремитесь сделать жизнь лучше для самих себя и для всего человечества. Это и будет вашим настоящим мировоззрением. Кто не трудится для всеобщего благоденствия, тот не имеет мировоззрения, а имеет только миропрезревание.

Повторяю еще и еще раз: в настоящей своей беседе с вами я претендую только на здоровый смысл. То, что мир существует, это не нуждается в доказательствах и это есть требование самого обыкновенного здравого смысла. А если мир существует, то он есть нечто; он есть именно мир, а не что-нибудь другое. Но если мир существует именно как мир, то он есть нечто одно, то есть, целое. Но целое предполагает, что существуют также и части целого, поскольку, если нет частей целого, то нет и самого целого. А если целое существует, то оно порождает свои части, а части воспроизводят целое, каждая по-своему. Но если части воспроизводят целое, а целое состоит из частей, то каждая часть, воспроизводя целое, тем самым воспроизводит и все дру-

гие части. Эти части противоположны одна другой. И тем не менее, каждая часть предполагает другую часть и ее воспроизводит. Взаимная борьба частей и целого в своем первичном и нормативном смысле имеет своей целью воспроизводить целое, без которого невозможна не только взаимная борьба частей, но даже и их существование. Следовательно, борьба противоположностей имеет своей целью объединение этих противоположностей в одном мировом целом. Взаимная борьба частей целого единственно только и обладает тем смыслом, что в ее основе лежит мирное их состояние. Так что все мировое в основе своей есть нечто мирное. Бороться стоит только ради достижения всеобщего мирного состояния. А иначе борьба бессмысленна и в корне уничтожает себя самое. Мировое значит мирное. И я настаиваю: для понимания этого не нужно никакой философии, никакой науки и никакой системы мышления. Для этого нужен только здравый смысл. И какую бы философию вы ни строили, без этого отождествления мирового и мирного вам все равно не обойтись, если вы хотите рассуждать здраво.

Однажды меня спросили: неужели вы веруете в такой мир, который является каким-то невообразимым живым существом, беспрекословно повелевающим нам постоянно стремиться к мирному состоянию, к мирному строительству жизни? На этот вопрос я ответил также вопросом: а зачем мне еще и верить, когда я и без того знаю?

1986

Комментарий

Что ж, Лосеву было не привыкать изъясняться со своим читателем на языке или способом, который один известный критик и ценитель творчества философа назвал однажды «переложениями для там-тама», сравнивая с общением Миклухи-Маклая и папуасов. Констатация суровая и несколько, может быть, излишне экспрессивная, но оснований не лишенная. Взять для примера хотя бы главный (и единственный опубликованный при жизни) труд автора, посвященный имяславью, его теоретическим основаниям – книгу «Философия имени» (1927). Здесь не отыщешь ни слова «Бог», ни имени Иисус, ни самого термина «имяславие». Всё зашифровано! И только разве что знатоки языка Эллады смогут оценить скрытое авторское указание на существо дела, когда в заключительных строках

параграфа 13-го им внезапно встретится слово «ономатодоксия» (а это – «имяславие» в звучании по-гречески) или в самом конце книги обнаружится текст греческого же гимна со своеобразно двойственным (в книге так и не указанным) названием. Авторство гимна традиция приписывает то ли язычнику Проклу, тогда гимн следует называть «К богу», то ли христианину Григорию Богослову – и тогда название должно быть «К Богу». Греческое четверостишие как бы итожит напряженный интеллектуальный поиск всей книги, показывает истинную направленность или, что в данном случае безразлично, истинный исток его.

Но у «Философии имени» хотя бы основная терминология и аргументация носят очевидно философский характер. Здесь же, в статье «О мировоззрении» с первых строк объявляется одна-единственная установка: будем, читатель, опираться только на ваш здравый смысл. Избранный язык – почти бытового уровня с применением иллюстраций «на пальцах». Ну, а собственно методология оставляется разве что за требованием критического использования слов и понятий – в свете, впрочем, всё того же здравого смысла. И, оказывается, можно и в таких условиях убедительно рассуждать, для примера скажем, о соотношении части и целого, не упомянув ни давнего платонизма с его диалектикой, ни русской недавней идеи всеединства, ни модного еще в СССР (во всяком случае, для времени начала «горбачевской перестройки», когда составлялась статья) системного подхода. Можно учить тонкой науке узрения истины, так и не заговорив о феноменологии (а ведь когда-то много сил и страсти отдал Лосев именно на «феноменолого-диалектическую чистку» философских понятий). Можно распахнуть перед собеседником жизненно важную, если не сказать, необходимую даль актуальной бесконечности, в которой уже сам читатель найдет перспективу непреложного (и для Лосева, надо заметить, излюбленного) логического вывода: если есть мир – а он по самому устройству своему суть и мир и мир, – то обязательно существование Творца мира. Можно обнаруживать универсальную «солнечную» энергию символа, не отсылая к «Ареопагитикам» и трактатам св. Григория Паламы. Можно отстаивать личную необходимость труда «в пользу соседа», не связывая себя ни с коммунистической утопией – а читатель 80-х гг. (тогда настали сроки) вполне мог проверить выполнение известного обещания «Программы КПСС», ни с либеральной идеологией новоевропейской личности. Разве что скрытую полемику с одним из творцов упомянутой идеологии можно при большом желании разглядеть в задиристом лосевском выпаде: «Никаких других миров я не знаю и знать не хочу» (для этого нужно вспомнить вольтеровское: «Всё к лучшему в этом лучшем из миров»). Можно в несколько строк выстроить очерк учения о свободе как причастности к мировой действительности и о труде как источнике радости и чудо-действии, вовсе не навязывая своим оппонентам (глядишь, потом и сами, добровольно дойдут) христианскую доктрину человеческой жизни как сотрудничества

Богу. О многом из того, что составляет незримый историко-философский фундамент статьи 1986 года, Лосев годами размышлял, говорил в кругу друзей, что-то сумел изложить печатно – многочисленные книги служат тому свидетельством. И вот теперь всё это ушло в подтекст. А самое, может быть, главное (как надежно и компактно лежащую в ладони палочку, что завершающий свой этап бегун передает только что стартовавшему соучастнику эстафеты) автор уложил в немногие страницы, можно сказать, дофилософского, донаучного, добогословского рассуждения и адресовал его всем – молодым и старым, атеистам и верующим, философствующим и к философии не склонным, ученым и учащимся.

Нет, заговорив о «правильном мировоззрении», он ничего, пожалуй, специально не скрывал и не шифровал. Ему нужно было подводить итог своих исканий, потому-то он и стремился выразиться максимально ясно и доходчиво, на всем и каждому понятном языке. Это стремление более чем естественно для опытного педагога с семидесятилетним стажем. И ему, природенному мыслителю со стажем ничуть не меньшим, уже не требовалось в очередной раз проделывать привычный путь сугубо критического труда. В конце жизни с ее почти вековой высоты непрестанной философской работы он лишь удостоверился сам и заодно убеждал нас в верности своих давних прозрений, лишь подтверждал основательность изначальной уверенности: цельное знание, союз знания и веры – осуществимы.

Сказанное призвано разъяснить, почему выделение имяславских моментов работы «О мировоззрении» (а далее мы немного остановимся именно на них) представляет собой весьма непростую задачу, но одновременно и задачу важнейшую, позволяющую говорить о внутреннем единстве многолетнего творчества Лосева, на каком бы языке он, в самом деле, ни выражался и для какой бы аудитории он ни вынужден был приравниваться.

Имяславию, впрочем, ныне не только возвращается в архивных публикациях тех или иных документов (тут особенно активны исследователи творчества П.А. Флоренского и А.Ф. Лосева) и всё чаще и чаще становится предметом нешуточной полемики на страницах различных богословских и философских изданий. Имяславию сегодня напомнило о себе с самой неожиданной стороны, когда пришла тихая весть о некоем идейном единстве многовекового размаха. Совсем недавно произошло одно чрезвычайной важности событие, о котором стоит рассказать довольно подробно, на время отступая от нашего чисто «лосевского» повествования.

Дело в том, что в мартовском выпуске «Вестника РАН» за 2001 год А.А. Зализняк и В.Л. Янин опубликовали новую и, бесспорно, из самых важных – важнейшую находку Новгородской археологической экспедиции. Еще 13 июля предшествующего года на Троицком раскопе в культурном слое, уверенно датируемом первой четвертью XI века, была обнаружена перга – книга из дощечек, на четырех восковых страницах которой

в кириллице воспроизведены строки нескольких Псалмов Давидовых. Находка сама по себе сенсационная, ибо эта (пусть, заметим, небольшая и пусть с давно известным содержанием) книга является самой древней в славянском мире, она старше знаменитого Остромирова Евангелия. Однако исследователей поджидала еще одна, уже почти фантастическая удача. Когда для сохранения драгоценной находки пришлось отделить слой воска (с текстом на нем) от деревянной подложки, вдруг... на мягкой липовой древесине обнаружился отпечаток более раннего вполне связного текста, причем содержание его оказалось совершенно неизвестно науке! Небольшое повествование в одну страницу публикаторы условно – по первой строке – назвали «Закон христианского наказания»; последнее слово, конечно, надо понимать в смысле «наставления» или «наказа». Перед современным читателем предстала тысячелетней давности письменная клятва или своеобразная «формула обращения», которая призвана наикратчайше изложить некоторые основные христианские истины (здесь представленные в серии изречений, обобщенных итогом: «Таковы слова Иисуса Христа») и знаменательно отметить сам момент отречения от прежнего язычества и перехода в правую веру.

Как бы, наверное, радовался Алексей Федорович этим строчкам на деревянных скрижалях! Сколько драгоценного для него, сколько близкого его поискам, как нетрудно заметить, содержит новооткрытый «Закон». Вот, например, какой интересный материал извлекается из новгородского документа непосредственно к теме лосевской критики новоевропейского индивидуализма и возрожденческого титанизма – к одной из сквозных тем раннего «восьмикнижия» и знаменитой «Эстетики Возрождения». В «Законе» четко проведена граница между «я» и «мы», она разделяет и даже почти рассекает текст на две половины. Только в той части, где речь исходит из уст пока еще язычника (вплоть до точки, фиксирующей момент перехода – «От идольского обмана отвращаюсь»), употребляются формы первого лица единственного числа: «я наставлен», «я отвращаюсь». Но далее в лице новообращенного христианина говорится уже только с использованием множественного числа: «да не изберем», «да будем». Тут мы вполне можем припомнить определение из работы «О мировоззрении» – труд чудодейственен и имеет космическое оправдание, если и поскольку он направлен именно на всеобщее (а не только на индивидуальное) благоденствие. И о христианском соработничестве, упомянутом у нас выше, «Закон» гласит абсолютно прямо: «Да будем работниками Ему, а не идольскому служению». Наконец, нельзя не сказать о той завершающей фразе, которая по самому положению своему призвана быть эмоциональной кульминацией и, вместе, смысловым центром «Закона». Вот она: «Всех людей избавителя Иисуса Христа, над всеми людьми приавшего суд, идольский обман разбившего и на земле святое свое имя украсившего, достойны да будем». На земле – Имя...

Православию на Руси недавно исполнилось тысяча лет. Едва ли не столько же, как мы теперь узнали благодаря подвигам археологов, исполняется имяславие – тому православному учению о почитании Имени Божия, для богословского, логико-философского и жизненно-практического утверждения которого столько сил положил Лосев со единомышленники.

Конечно, ключевые для статьи «О мировоззрении» лосевские построения о части и целом, о символическом и прежде всего символическом их отношении (как сказано: «части реальны в качестве материальных символов мирового целого») восходят к имяславским изысканиям автора. Имяславие, дерзнувшее разрешать вопрос о взаимоотношении Творца и твари, Бога и человека, могло выступать, по мнению Лосева, только как символизм, причем символизм в его диалектической обработке. Именно символическое миропонимание позволяет одолеть крайность абсолютного апофатизма, когда Бог непознаваем и не открывается никаким образом, как непознаваем и мир, составленный из пресловутых «вещей в себе», чуждых человеку, и одновременно – крайность абсолютного рационализма, в рамках которого нет ничего сверхчувственного, не оставлено места тайне и чуду, а потому и самой жизни, получается, нет. Именно в символизме части и целого заключено подлинное знание – учит нас старый имяславец, смеясь над теми, кто мировоззрению предпочитает миропрезрение. Это для презревших мир «чисто символическое» (как часто мы слышали и слышим подобный словооборот!) есть совершенно условное, абстрактное, необязательное, безответственное, это для них, как точно определил в свое время Николай Заболоцкий:

Системой выдуманных знаков
Весь мир вертится, одинаков;
Не мир, а бешеный самум,
Переплетенье наших дум...

А для подлинного мировоззрения ничего нет номинально-условного, нет пустяков, нет пустых дел и не может быть пустых слов, знаков, символов. Здесь нет моей оставленности Богом, отсутствует разрыв между мною и миром, между «я» и «мы», между моим трудом и всеобщим благоденствием, потому-то для меня Мир значит Родина («родное») и Мир («мирное»). С таким мировоззрением жить радостно и светло. Источник радости, настаивает Лосев, носит бесконечный, космический масштаб, – и вместе с тем полагает мою ответственность – масштаб этот и обязывает всемирно. Ибо

велие Имя Его,

как гласит вторая строка Псалма 75-го, что начертан на воске новгородской церы поверх новообретенного древнего «Закона».

Примечания

Часть I

1.1. Бесконечность «торжественная» и бесконечность «живая»

¹ Ответы А.Ф. Лосева на вопросы Д.В.Джохадзе // А.Ф. Лосеву к 90-летию со дня рождения. Тбилиси, 1983. С.148–149.

² Лосев А.Ф. Языковая структура. М., 1983. С.17.

³ Там же. С. 149, 168, 179, 199, 150 и мн. др. аналогично.

⁴ Кантор Г. Труды по теории множеств. М., 1985. С.71–91, 302–305.

⁵ На важность идеи языковой континуальности уже обращалось внимание исследователей творчества Лосева; см.: *Постовалова В.И.* О лингвофилософской концепции А.Ф. Лосева // *Античная культура и современная наука.* М., 1985. С.322.

⁶ Историков науки должны заинтересовать тогдашние творческие контакты А.Ф. Лосева и П.А. Флоренского с выдающимся математиком, лидером московской школы теории функций Н.Н. Лузиным.

⁷ Джохадзе Д.В. Алексей Федорович Лосев. Краткий очерк жизни и деятельности // А.Ф. Лосеву к 90-летию со дня рождения. Тбилиси, 1983. С.13.

⁸ Лосев А.Ф. Языковая структура. С.9 и 56.

⁹ Там же. С.113, 149, а также 131–143 в связи с обсуждением принципа валентности языкового знака.

¹⁰ Лосев А.Ф. Что дает античность? // *Литературная учеба.* 1986. № 6. С.86.

¹¹ Из показаний очевидца: в свое время автор этих строк ввел новое понятие «эпистемация» (см.: *Троицкий В.П.* Текст, информация, «эпистемация» // *Научно-техническая информация.* Сер.2. 1981. №2. С.1–5), которое было призвано оформить важную особенность коммуникации посредством текста – текст поставляет конкретному читателю некую информацию, всегда оставаясь превыше отданного, «эпистемация» же как бесконечная сумма всех прочтений – информация текста для культуры в целом – показывает, насколько данный текст содержательно высок. Пока приходится констатировать, что попытка ввести идею актуальной бесконечности в теоретический арсенал информатики не встретила должного понимания.

¹² *Лосев А.Ф.* Языковая структура. С.177–178.

¹³ Еще свидетельство очевидца – его можно посчитать юмористическим, когда б не важность проблемы актуальной бесконечности (здесь – актуальной бесконечности слова). На одной из конференций под эгидой Научного совета по истории мировой культуры (при АН СССР) Лосев, выполняя почетную функцию председательствующего и в соблюдение регламента ученых говорений, напомнил очередному выступающему: «Ваше время истекло». Далее не произошло ровным счетом ничего, если не считать того, что регламент был-таки нарушен. Но если вдуматься, услышать от самого Лосева такое – это ж как приговор судьбы звучит! – значило бы для докладчика, наверное, немедленно провалиться сквозь кафедру или уж, во всяком случае, дрогнуть, садясь на место и запоздало «доходя»... Двойственность вполне тривиальной языковой ситуации чрезвычайно показательна и одновременно поучительна.

¹⁴ *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Последние века. М., 1988. Кн.2. С.152.

1.2. Virtuoz мысли

¹ Здесь и далее приводятся цитаты из «Жизни Плотина» Порфирия по изданию: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С.462–476 (*перевод М.Л. Гаспарова*). См. также: *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Поздний эллинизм. М., 1980. С.193–198. Первая цифра с точкой обозначает номер главы, остальные цифры соответствуют номерам строк.

² Часть примеров заимствована у Д.С. Лихачева из статьи «Слово об Анне Михайловне Астаховой»: *Лихачев Д.С.* Прошлое – будущему. Статьи и очерки. Л., 1985. С.466–467.

³ *Аверинцев С.С.* Памяти учителя // Контекст – 90. Литературно-теоретические исследования. М., 1990. С.4.

⁴ *Лосев А.Ф.* Античный космос и современная наука. М., 1927. С.18–19.

⁵ Да, по всей видимости, у Лосева была написана и такая работа; о ней как о законченном труде есть прямое упоминание в одной из книг раннего «восьмикнижия»: *Лосев А.Ф.* Философия имени. М., 1927. С.114.

⁶ Авторство этой характеристики принадлежит, видимо, Р.О. Якобсону.

⁷ *Лосев А.Ф.* Диалектика числа у Плотина. Перевод и комментарии трактата Плотина «О числах». М., 1928. С.5.

⁸ *Лосев Алексей*. В поисках смысла // Вопросы литературы. 1985. № 10. С.222.

⁹ Ответы А.Ф.Лосева на вопросы Д.В. Джохадзе // А.Ф.Лосеву к 90-летию со дня рождения. Тбилиси, 1983. С.148–149.

¹⁰ *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Кн.1. М., 1992. С.37.

1.3. Русский Прокл

¹ В период с 1930 по 1954 год была, впрочем, одна публикация А.Ф. Лосева – перевод и небольшой комментарий трех трактатов Николая Кузанского. Но имя переводчика даже не указано в выходных данных книги, его нужно с лупой искать посреди (в недрах) набранных петитом примечаний: *Кузанский Николай*. Избранные философские сочинения. М., 1937. С.357.

² *Лосев А.Ф.* Значение наук и искусств в диссертации Руссо «О влиянии наук на нравы» // Человек. 1995. № 1. С.91–104.

³ Читаем из бодрого лосевского обращения к молодежи: «Вали, ребята, вали!.. в ум, в мысль, в живую мысль и в живой ум, в живую науку, в интимно-трепетное ощущение перехода от незнания к знанию и от бездействия к делу и в эту бесконечную золотистую даль вечной проблемности, трудной и глубокой, но простой, здоровой и усладительной» (*Лосев А.Ф.* Сокровище мыслящих // Студенческий меридиан. 1982. №4. С.28).

⁴ *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Последние века. Кн. 2. М., 1988. С.152.

⁵ *Лосев А.Ф.* В поисках построения общего языкознания как диалектической системы // Теория и методология языкознания. Методы исследования языка. М., 1989. С.68.

⁶ Наиболее полную и научно выверенную публикацию работ А.Ф. Лосева с 1993 года ведет известное московское издательство «Мысль».

⁷ *Jacobson R., Pomorska K.* Dialogues. Paris, 1980. P.45.

⁸ Марин. Прокл, или О счастье // Приложение в кн.: *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С.490.

⁹ *Лосев А.Ф.* Первозданная сущность // Символ (Париж). 1992. № 27. С.261.

¹⁰ *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Последние века. Кн. 2. М., 1988. С.240.

¹¹ *Лосев А.Ф.* История эстетических учений. Предисловие // Путь. 1993. № 3. С.251. Предисловие написано в 1934 году.

1.4. «Новый альянс» или старый синтез: об одной интерпретации теории относительности

¹ П.А. Флоренский по воспоминаниям Алексея Лосева // Контекст-90. М., 1990. С.7–9.

² *Лосев А.Ф.* Античный космос и современная наука. М., 1927. С.6, 162.

³ Обязательные здесь кавычки призваны напомнить, что вместо какого-то абстрактного пространства Лосев признает только «выраженное» и только потому «фактическое» пространство.

⁴ Второе «восьмикнижие», воплотившись в «Истории античной эстетики», венчает жизнь Лосева и придает ей атрибут пифагорейского числового комплекса-загадки.

⁵ *Лосев А.Ф.* Письма // Вопросы философии. 1989. № 7. С.153.

⁶ *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа // В кн.: *Лосев А.Ф.* Из ранних произведений. М., 1990. С.405. Здесь творческий темперамент и писательское мастерство Лосева особенно проявились на ниве «отрицательной» поэтики, каковая заслуживает специального и наверняка поучительного исследования. А термин «дыра», с которого это исследование естественно было бы начать, самым серьезным образом обрел к концу века новое (положительное) содержание в ходе развития именно общей теории относительности: теорией сначала было предсказано явление неограниченного гравитационного сжатия массивных космических тел, а затем удачным подбором названия «эффект черной дыры», закрепившимся за явлением, ею сразу и отвоевана очередная территория у «абсолютного ничто» и занята определенная ниша в массовом, популярном сознании.

⁷ Античный космос и современная наука. С.21.

⁸ Там же. С.194, 197, 198.

⁹ *Уилер Дж.* Гравитация, нейтрино и Вселенная. М., 1962. С.218. Сам Эйнштейн отдал многие годы жизни на попытку создания геометризованной картины мира в «единой теории поля». Интересен и до сих пор мало исследован вопрос о том, в какой степени все-таки недостает «соматичности», «пластичности» либо «скульптурности» (только здесь, в примечании, и только до разрешения вопроса и уместны эти предварительные, эскизные определения) подобным попыткам «великих объединений».

¹⁰ Античный космос и современная наука. С.137.

¹¹ Там же. С.130 и 138.

¹² Противопоставление сконструировано по материалам работы «Музыка как предмет логики», см.: Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М., 1990. С.226–227, 260.

¹³ См.: Кузнецов Б.Г. Эйнштейн. Жизнь. Смерть. Бессмертие. М., 1972. С.78, 469, 579–580; особо важна целиком глава «Эйнштейн и Моцарт».

¹⁴ Музыка как предмет логики. С.271, 296, 331.

¹⁵ Античный космос и современная наука. С.209–211; Диалектика мифа. С.590–595.

¹⁶ Диалектика мифа. С.524–525.

¹⁷ Там же. С.590.

¹⁸ Флоренский П.А. Мнимости в геометрии. Расширение области двухмерных образов геометрии (опыт нового истолкования мнимостей). М., 1922. С.52. Разумеется, подобный вывод нашел в советской печати немало критиков. Так, говоря об «идеалистах чистой воды», один из них писал: «Используя в теории Эйнштейна то, что скорости не могут превысить известной величины, [они] решили, что за этим пределом, за звездами движется уже не материя, а рай. Это утверждение Флоренского, ученого человека, протоиерея. Вообще, какие угодно чертовщинные [!] выводы можно было сделать. Эйнштейн тут ни при чем, но за него немедленно ухватились» (Шмидт О.Ю. Задачи марксистов в области естествознания // Научное слово. 1929. № 5. С.8).

¹⁹ Античный космос и современная наука. С.212. Отметим, что Лосев уточняет трактовку Флоренского, подчеркивая, что в данных релятивистских иллюстрациях имеются в виду не сами «идеи», но некие «тела как абсолютные носители идей, или – абсолютные воплощенности идей».

²⁰ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Последние века. Кн. 2. М., 1988. С.99.

²¹ Диалектика мифа. С.592, 593; курсив Лосева. Заметим, что Лосев понимает конечность мира строго диалектически, а именно, он признает для «всех реальных, возможных и мыслимых объектов» их актуальную бесконечность (Там же. С.593). Потому, казалось бы, вместо конечности и (одновременно и вместе с тем) бесконечности следовало бы говорить, например, о конкретном. Но такого обозначения Лосев избегает, причем упорно! Уместно даже поставить вопрос о некоторой культурно-исторической загадке: Лосев, с одной стороны, по необходимости говорит о

категории конкретности, когда характеризует творчество некоторых русских философов и приветствует, скажем, победу над «отвлеченностями» у Вл. Соловьева (показательно уже название раздела «Идея Софии – конкретность» в монографии: Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М., 1990. С.258), но сам он, с другой стороны, никогда не проводит строго оформленного употребления термина конкретность в собственных исследованиях (в отличие от того же Флоренского – вспомним, что подзаголовок его труда «У водоразделов мысли» читается как «Черты конкретной метафизики»). Видимо, потому в обзорной работе Н.О. Лосского «Идея конкретности в русской философии» (1933) Лосев просто не упоминался и ему (несправедливо?) было отказано в принадлежности к мощной философской традиции. Напоминание же о том, что для Лосева «реально, вещественно и чувственно творимая действительность» есть прежде всего миф (Диалектика мифа. С.422), мало что разъясняет. Не следует забывать, сколь онтологично отношение Лосева к используемому категориальному аппарату, потому остается констатировать – затронутая тема («загадка») вряд ли сводится к поверхностным «спорам о словах». Как и почему миф глубже конкретного – вот в чем вопрос.

²² *Кузнецов Б.Г.* Эйнштейн. С.339, 452. Типологизации, распределения по школам – всегда тяжелый и чаще всего малополезный труд, если он применяется в творчестве крупного мыслителя. Вспомним хотя бы существенные поправки в оценке очевидной, казалось бы, «рационалистичности» Эйнштейна, принадлежащие тому же исследователю: *Кузнецов Б.Г.* Идеалы современной науки. М., 1983. С.98–104.

²³ *Мамардашвили М.К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси, 1984. С.3, 14, 20.

²⁴ *Хоружий С.С.* Обретение конкретности // *Флоренский П.А.* Сочинения. Т.2. У водоразделов мысли. М., 1990. С.7.

²⁵ *Линде А.Д.* Физика элементарных частиц и инфляционная космология. М., 1990. С.248.

²⁶ *Пригожин И.* От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках. М., 1985. С.62, 216.

1.5. «Античный космос и современная наука» и современная наука

¹ Далее при ссылках на данную работу будем использовать сокращение «Античный космос», цифрами в скобках указывая страницы по изданию 1927 г.

² *Лосев А.Ф.* Письма // Вопросы философии. 1989. № 7. С.153.

³ Уже состоявшаяся естественнонаучная и общекультурная реабилитация алхимии и отчасти астрологии удостоверяется книгами: *Рабинович В.Л.* Алхимия как феномен средневековой культуры. М., 1979; *Чижевский А.Л.* Земное эхо солнечных бурь. М., 1973; 1976. О магии кроме Лосева всерьез среди ученых говорил у нас, пожалуй, только П.А. Флоренский – см. в его книге «У водоразделов мысли» (М., 1990) главу «Магичность слова» и оба приложения к главе.

⁴ Выбор был ясен уже по крайней мере в 1916 году, он зафиксирован («Эту дерзость мы себе не позволим...») в первой крупной публикации Лосева «Эрос у Платона».

⁵ *Лосев Алексей.* О вечной молодости в науке // Студенческий меридиан. 1984. №5. С.22. Текст представляет собой существенно «смягченную» запись ответного слова юбиляра на торжественном вечере в МГПИ им. В.И. Ленина, состоявшемся 12 декабря 1983 года.

⁶ Там же.

⁷ *Тахо-Годи А.А.* Три письма А.Ф. Лосева // Вопросы философии. 1989. № 7. С.152.

⁸ *Кузнецов Б.Г.* Идеалы современной науки. М., 1983. С.135. Впрочем, в данной работе «стягивание времени в данное мгновение» приписывается только «поворотным шагам познания». Думается, сильная необратимость познания является атрибутом любой подлинно творческой жизни. Жизнь Лосева – пример.

⁹ *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. С.217 (опущен курсив автора). Это утверждение, относящееся к описанию эволюции чувства времени у Гёте, уже не потому ли как нельзя лучше соответствует долженствованиям современного миропонимания?

¹⁰ Анонимные пролегомены к платоновской философии // *Платон.* Диалоги. М., 1986. С.490.

¹¹ *Лосев А.Ф.* В поисках смысла // Монологи и диалоги. Т.2. М., 1988. С.477.

¹² Так, в VII томе «Истории античной эстетики» относительно «Античного космоса» значительно изменено представление о структуре «первоедиства», много больше внимания уделено иерархии тетрактид (в «Античном космосе» рассмотрены только два уровня, хотя и упомянуто о «бесчисленном количестве» (117) других тетрактид), не слишком

жестка «триада – тетрада – пентада» как основная единица в конструкции бытия.

¹³ *Гоготшивили Л.А.* Ранний Лосев // Вопросы философии. 1989. №7. С.137; *Тахо-Годи А.А. А.Ф. Лосев – философ имени, числа, мифа // А.Ф. Лосев и культура XX века.* М., 1991. С.3–21. Сразу три составляющие для «одного» кажутся лишними, однако последнее определение может быть свернуто в короткое «философ чуда». Здесь нет места для обоснования этого рационализаторского предложения (о чуде еще будет речь в основном тексте), остается отослать читателя за самостоятельными выводами непосредственно к гл. XI «Диалектики мифа» или к увлекательному диалогу с Чаликовым «Чудо без чудес» (*Лосев А.Ф. Держание духа.* М., 1988).

¹⁴ *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа // *Лосев А.Ф.* Из ранних произведений. М., 1990. С.405.

¹⁵ *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Последние века. Кн.2. М., 1988. С.105, 119, 153.

¹⁶ Ножом по сердцу – еще и такая «нестрогая» характеристика 1932 года, относящаяся к лагерному (да только ли лагерному?) бытию: «темный лес и невылазное бесконечное болото каких-то ненужных... исканий, это вечное болтание в атмосфере непроверенного, недостоверного, смутного, предположительного», «в этом мареве мертвых душ и безнадежной запутанности мозгов, в бестолковости и азиатчине распоряжений, порядков» (*Лосев А.Ф. Письма // Вопросы философии.* 1989. №7. С.155). И здесь это «марев»...

¹⁷ *Флоренский П.А.* Воспоминания // Литературная учеба. 1988. №2. С.169. За неимением места другой пример мы не будем разворачивать и просто сошлемся на показательное сравнение «редукционистского» представления о материи с индуистской майей-иллюзией в публикации: *Тростников В.Н.* Научна ли «научная картина мира»? // Новый мир. 1989. №12. С.259.

¹⁸ *Флоренский П.А.* Автореферат // Вопросы философии. 1988. №12. С.114.

¹⁹ См.: *Шрейдер Ю.А.* Сложные системы и космологические принципы // Системные исследования. Ежегодник 1975. М., 1976. С.153–158.

²⁰ *Пригожин И.* От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках. М., 1985. С.216.

²¹ Там же. С.242, 253.

²² О важности идеи актуальной бесконечности для Лосева см.: *Троицкий В.П.* Бесконечность «торжественная» и бесконечность «живая»

(к характеристике творчества А.Ф. Лосева) // А.Ф. Лосев и культура XX века. М., 1991. С.79–83; см. также в наст. изд.

²³ В довершение впечатления нужно раскрыть VII том «Истории античной эстетики» и отыскать великолепную поэму о точке, созданную Проклом и Лосевым отнюдь не в порядке критики известной евклидовой абстракции, но во славу красоты и величия каждой «малости» Космоса.

²⁴ *Барашенков В.С.* Существуют ли границы мира: Количественная и качественная неисчерпаемость материального мира. М., 1982. С.142–143. Любопытно наблюдать, как идейная сторона дела преломляется в поисках не столько удобного, сколько справедливого названия для подобных «миров-частиц»: то называющиеся отправляются от макромасштабов и говорят о «фридмонах», то «ономатетам» дороже квантовая механика и появляются, соответственно, «планконы», самые же совестливые предлагают остановиться на нейтральных «максимонах» (но почему же не «минимоны»?). Памятуя как раз о справедливости, предлагаем закончить утомительное имяборие на «проклонах» в благодарность Проклу, V в. от Р. Х. и за аргументами отсылаем к «Античному космосу» (131–145).

²⁵ См.: *Кузнецов Б.Г.* Эйнштейн. Жизнь. Смерть. Бессмертие. М., 1972. С.348.

²⁶ Стремительно меняется этот язык! В цитированном месте «Античного космоса» автор рассуждает об «электрической сущности материи» не только в силу своего понимания, но и в духе языка своего времени. На исходе XX века список фундаментальных сил значительно разросся, и в нем прежнему «электричеству» вряд ли отводится решающая роль.

²⁷ *Линде А.Д.* Физика элементарных частиц и инфляционная космология. М., 1990. С.248.

²⁸ *Гражданников Е.Д.* Экстраполяционная прогностика. Новосибирск, 1988. С.62.

²⁹ *Фуко Мишель.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977. С.488.

³⁰ *Гражданников Е.Д.* Метод систематизации философских категорий. Новосибирск, 1985. С.8–30, 87, 96.

³¹ *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Поздний эллинизм. М., 1980. С.342.

³² *Васютинский Н.А.* Золотая пропорция. М., 1990. С.186–188. Выражение «пульсирующий скелет» принадлежит Лосеву – см.: *Лосев А.* Памяти одного светлого скептика // Что с нами происходит? Записки современников. Вып.1. М., 1989. С.188.

³³ Урманцев Ю.А. Симметрия природы и природа симметрии. М., 1974. С.63, 166, 185.

³⁴ Система. Симметрия. Гармония. М., 1988. С.4. Столь же забавен и одновременно вполне научен перечень на с.114–115. Все это очень напоминает «фантоматор» (термин С. Лема) из повести «Геометрический лес» Геннадия Гора – сходства здесь явственно типологические.

³⁵ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. С.84. Предвосхищает «системные восторги» и следующая характеристика диалектики античного космоса: ее «категориальная эйдетика связей» «соединяет не часть с частью в целое, но целое с целым, категорию с категорией в новую категорию», и «такая конструкция обладает абсолютно универсальным характером, захватывая все мыслимые и воображимые типы бытия» (18).

³⁶ Там же. С.127, 112, 93–96 соответственно.

³⁷ Там же. С.68–69, 80–83.

³⁸ Там же. С.40, 113–114.

³⁹ Там же. С.42, 115–121.

⁴⁰ «Диалектика берет во внимание не вещь целиком, не всю ее полноту и окончательную явленность, но – лишь логические и категориальные скрепы ее» (15) – сравним лосевский тезис с характерным столкновением понятий у М.М. Бахтина: «Диалог и диалектика. В диалоге снимаются голоса (раздел голосов), снимаются интонации (эмоционально-личностные), из живых слов и реплик вылушиваются абстрактные понятия и суждения, все втискивается в одно абстрактное сознание – и так получается диалектика» (*Бахтин М.М. Из записей 1970–1971 годов // Эстетика словесного творчества. М., 1979. С.352*). Не в этом ли тонком различии диалога и диалектики лежат причины несходства и неустрахи столь значительных явлений – Лосева и Бахтина?

⁴¹ Последняя цитата относится к статье *С.В. Мейена* и *Ю.А. Шрейдера* «Методологические аспекты теории классификации» (*Вопросы философии. 1976. № 12. С.67*), а прилагательное «естественный» следует подчеркнуть. Во времена постоянного, но, к счастью, не тотального идеологического давления наша культура берегла свои резервы роста в неких духовных нишах: на художественных выставках знатоки сразу шли в раздел «театральной живописи», в биологии отдушиной была проблематика формы, систематики и эволюции организмов, в философии роль такой ниши играла, к примеру, эстетика (здесь обитал Лосев). Дух дышит, где... может.

⁴² Шрейдер Ю.А., Шаров А.А. Системы и модели. М., 1982. С.75–90, особенно с. 83–85.

⁴³ Сб.: Александр Александрович Любищев. Л., 1982. С.109–110.

⁴⁴ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Последние века. Кн.2. С.115–132.

⁴⁵ Лосев А.Ф. Философия имени. М., 1927. С.59, 176.

⁴⁶ Обзор соответствующих проблем логической семантики можно найти в главе «Язык и мир: проблема указания объекта» кн.: *Павленис Р.И.* Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М., 1983. С.121–189. Попытка описания уровней реальности с учетом бытийного статуса знаковых систем предпринималась в работе: *Троицкий В.П.* Семиотическое существование // Семиотика и информатика. Вып. 11. 1979. С.52–65.

⁴⁷ Тахо-Годи А.А. Греческая мифология. М., 1989. С.114–119, 164. Интересное для нашего случая смыкание древнего и нового оформлено в статье П.А.Флоренского «Термин» (около 1917 г.). Приведа известные этимологические материалы («терминус» по-латыни – «граница») и связав их с языческим почитанием сначала Терма, межевого знака в виде кучи камней либо вертикально поставленного столба, а затем и бога межей и границ Терминуса, П.А. Флоренский заключает, что и сам «термин» есть «граница, которою мышление само-определяется» (*Флоренский П.А.* У водоразделов мысли. М., 1990. С.226). В архиве мыслителя сохранились наброски, в которых намечен ход мысли из латинской языковой материи в греческую (Терминус – Гермес), а также от статики границ к динамике связей, чем как бы послан и нам привет (Там же. С.230).

⁴⁸ Тема числа всегда занимала Лосева. Вполне «наивный» вопрос о том, велика ли разница между «единицей» и, скажем, «двойкой» всерьез обсуждается спустя полвека после «Античного космоса» в книге: *Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А.* Платон. Жизнеописание. М., 1977. С.111–113. Взгляды Лосева не изменились и выдерживают испытание даже «детскими» вопросами, как известно, наиболее трудными для «взрослого» (т.е. рационального) мышления.

⁴⁹ Из всех математических «не-» лишь «несоизмеримость», как считается, открыта античностью, остальные отрицания приходятся на XIX («несчетность») и XX века («невывислимость» и «недоказуемость»). Грядущее бытие «несводимости» вполне способно подтвердить старую истину, что «в Греции все было». См.: *Рашевский П.К.* О догмате натурального ряда // Успехи математических наук. 1973. Т. XXVIII.

Вып. 4 (172). С.243–246; *Есенин-Вольпин А.С.* Ко второй проблеме Гильберта // Проблемы Гильберта. М., 1969. С.86–91; *Кусраев А.Г., Кутателадзе С.С.* Нестандартные методы анализа. Новосибирск, 1990. С.344.

⁵⁰ *Любищев А.А.* Понятие сравнительной анатомии // *Любищев А.А.* Проблемы формы, систематики и эволюции организмов. М., 1982. С.217.

⁵¹ *Сенокосов Ю.П.* О философе и его работе // Вопросы философии. 1991. №5. С.15–17.

⁵² *Мамардашвили М.К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси, 1984. С.3, 14.

⁵³ Цитата из книги *И. Пригожина* и *И. Стенгерс* «Новый альянс» (1979) приводится по изд.: *Кузнецов Б.Г.* Идеалы современной науки. М., 1983. С.21.

⁵⁴ О начальной стадии дискуссии можно судить по тексту одного из ее зачинателей: *Картер Б.* Совпадения больших чисел и антропологический принцип в космологии // Космология. Теории и наблюдения. М., 1978. С.369–379. Новые интерпретации антропного принципа (изменения отнюдь не только в замещении «антропологического» на «антропный») можно найти в статье: *Рьюз М.* Наука и религия: по-прежнему война? // Вопросы философии. 1991. №2. С.38–46.

⁵⁵ *Хоружий С.С.* Обретение конкретности // *Флоренский П.А.* У водоразделов мысли. М., 1990. С.7.

⁵⁶ *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа // *Лосев А.Ф.* Из ранних произведений. М., 1990. С.530.

1.6. О понятии «мир как целое»

¹ Лишь сравнительно недавно, в октябре 1993 года на Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения философа, А.А. Тахо-Годи сообщила установленный ею факт, что 3 июня 1929 года А.Ф. Лосев и его жена В.М. Лосева приняли тайный монашеский постриг под именами Андроник и Афанасия.

² Работы А.Ф. Лосева по указанной тематике изданы в основном посмертно; исключение составляет книга «Диалектика мифа» (1930), ставшая для самого автора, как известно, фатальной.

³ Работы по философии математики впервые изданы в книге: *Лосев А.Ф.* Хаос и структура. М., 1997. Многие работы логико-философского цикла до сих пор еще покоятся в архиве ученого.

⁴ «Малый Соловьев» вышел в 1983 году, еще при жизни Лосева, и

книжица эта вызвала весьма болезненную реакцию властей вплоть до запрета, весьма своеобразного. Большая книга «Владимир Соловьев и его время» увидела свет лишь в 1990 году.

⁵ Восьмой том сочинений под названием «Личность и Абсолют» принят в печать в начале 1999 года. Он в основном составлен на основании материалов, возвращенных в 1995 году из Центрального архива ФСБ РФ.

⁶ Приводим в записи Юрия Ростовцева, активного участника съемок фильма. См.: «Литературная газета» от 11 сентября 1998 г., № 45(5721), С.14.

⁷ Специально о переключках и различиях юного христианства и «перезрелой» античности (в связи с тринитарной проблематикой) см.: *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Кн. 1. М., 1992. С.58–64.

⁸ Здесь, в частности, доказывается, «почему понятие Бога рушится одновременно с разрушением интуиций цельности бытия вообще» (п.5 гл. XIV «Диалектики мифа»).

⁹ *Лосев А.Ф.* Дерзание духа. М., 1988. С.297–314. К сожалению, по условиям времени данная публикация вышла с существенными сокращениями и весьма бесцеремонным редакционным вмешательством. Читателям нужно иметь это в виду. То же самое следует сказать о недавней публикации варианта статьи «О мировоззрении», предпринятой И. Кленской в газете «Русская мысль» в июне 1998 г., десятилетие спустя. См. полный текст работы «О мировоззрении» в наст. изд.

¹⁰ *Кант И.* Критика чистого разума / Пер. с нем. *Н.О. Лосского.* Минск, 1998. С.639.

¹¹ Напомним о кавычках: бытие Божие не нуждается и не попускает человеческих доказательств, доказывать и показывать дано лишь логическую непротиворечивость понятия или представления о Боге.

¹² *Прот. С.Н. Булгаков.* Об особом религиозном призвании нашего времени. Прага, 1923. С.3

¹³ Там же, С.4–5.

1.7. К философии чуда

¹ См.: *Льюис К.С.* Чудо. М., 1991. С.198 (примечание 89).

² *Гессе Г.* Избранное. М., 1984. С.338 и 389, перевод С. Апта.

³ К 80-летию архиепископа Иоанна Шаховского. Интервью, данное «Вестнику РХД» 2 февраля 1982 года // Вестник русского христианского движения. 1982. № 137. С.279–280.

⁴ *Феофан, епископ Кронштадтский*. Чудо. Христианская вера в чудо и ее оправдание. Опыт апологетически-этического исследования. Петроград, 1915. С.96.

⁵ *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. М., 1930. С.195; курсив Лосева.

⁶ Там же. С.196–199.

⁷ *Соссюр Фердинанд де*. Курс общей лингвистики // *Ф. де Соссюр*. Труды по языкознанию. М., 1977. С.144–152.

⁸ Ф. де Соссюр даже специально подчеркивал необходимость отделения знаковой сферы от мира вещей, постулируя: «язык есть форма, а не субстанция» (Там же. С.154). Впрочем, мы лишь воспроизводим давно укоренившееся расхожее мнение о воззрениях де Соссюра. В оригинале они выглядели куда менее прямолинейными; см., напр.: *Иванова Е.П.* В каком смысле лингвистический знак произволен? // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Сер. 2., 2000. Вып.2. С.30–43.

⁹ *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. С.200–202.

¹⁰ См., например: *Лосев А.Ф.* Некоторые элементарные размышления к вопросу о логических основах исчисления бесконечно-малых // *Лосев А.Ф.* Хаос и структура. М., 1997. С.735–736, 739.

¹¹ Особенно выделим работы: *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977 (фундаментальные «коды» культур в их отношении к сходству и различию); *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М., 1998 (семиотическая интерпретация модернизма и традиционализма); *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М., 1970 (восприятие новости в разных культурах).

¹² *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. С.198.

¹³ См. прежде всего: *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Кн. 1. М., 1992. С.210–214; Кн. 2. М., 1994. С.53–55, 163, 342–346.

¹⁴ См.: *Троицкий В.П.* Диалог со сложными техническими системами. Тверь, 1996. С.39–47, 62–65 (два достаточно общих подхода к определению информации; традиционное понимание чуда и проблема сложности).

¹⁵ *Лосев А.Ф.* Чудо без чудес // *Лосев А.Ф.* Дерзание духа. М., 1988. С.339.

¹⁶ К 80-летию архиепископа Иоанна Шаховского. С.274, 277.

¹⁷ Протоиерей Сергей Булгаков. О чудесах евангельских. М., 1994. С.21, 87.

¹⁸ Там же. С.16.

1.8. Типология культур А.Ф. Лосева и символ фокстрота

¹ Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. Т.1. М., 1930. С.62.

² Там же.

³ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т.1. Гештальт и действительность. М., 1993. С.156, 208.

⁴ «Так истязуется и распинается истина...» А.Ф. Лосев в рецензиях ОГПУ // Источник. 1996. № 4. С.118.

⁵ Обращение к философской прозе дает еще одно важное направление для исследования творчества Лосева: по ее материалам возможна частичная реконструкция содержания во многом утраченной первой (преимущественно «социологической») части «Дополнения». Располагая сохранившимися фрагментами этой книги, уже сейчас можно с уверенностью указать некоторые реминисценции из «Дополнения» – см. типологию социального бытия по Вершинину (повесть «Встреча») или жутковатое описание работающей машины – «кажется, что кто-то страдает» – в монологе Харитоновна («Из разговоров на Беломорстрое»). Экспрессивный символ фокстрота также не чужд общему строю и настрою «Дополнения».

⁶ Лосев А.Ф. Жизнь. Повести. Рассказы. Письма. СПб., 1993. С.128.

⁷ Там же. С.333–334.

⁸ Вместо развернутого рассуждения о фокстроте в повесть вошло короткое его упоминание в связи с характеристикой музыкального стиля Прокофьева; см.: Лосев А.Ф. Женщина-мыслитель // Москва. 1993. № 6. С.125.

⁹ Лосев А.Ф. Гибель буржуазной культуры и ее философии // Хюбшер Артур. Мыслители нашего времени (62 портрета). М., 1962. С.353.

¹⁰ Лосев А.Ф. Жизнь. С.97.

Часть II

2.1. Черная шапочка мастера

¹ Барков А.Н. О Булгакове, Маргарите и МАССОЛИТЕ. Литературно-критический этюд. [Киев, 1990]. С.20.

² Лакшин В.Я. Роман М.Булгакова «Мастер и Маргарита» // Новый мир. 1968. № 6. С.302.

³ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т.1. Стлб.1300.

⁴ *Катаев В.* Алмазный мой венец // *Катаев В.* Уже написан Вертер. М., 1992. С.314.

⁵ Там же. С.276.

⁶ Сообщение на конференции // Начала. 1994. № 1. С.191.

⁷ *Вулис А.З.* Близ «Мастера» // Вулис А.З. Вакансии в моем альбоме. Рассказы литературоведа. Ташкент, 1988. С.290–292.

⁸ *Чудакова М.О.* Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С.397.

⁹ *Чудакова М.О.* Архив М.А. Булгакова. Материалы для творческой биографии писателя // Записки отдела рукописей. Вып. 37. М., 1976. С.102.

¹⁰ ОР РГБ, ф. 547 (П.С. Попов), к. 10, е.х. 1, лл.6–15; за А.Ф. Лосевым мы насчитали 23 словарных статьи, причем в разряде «готовых», судя по заметкам П.С. Попова, значилось 14. Кстати сказать, несколько лет А.Ф. Лосев и П.С. Попов работали в одном отделении ГАХНа – Философском, и в списке штатных действительных членов Академии их фамилии стоят рядом, см.: РГАЛИ, ф. 941 (ГАХН), оп. 1, е.х. 83, л. 7об.

¹¹ Там же, е.х. 3 и 4.

¹² А.Ф. Лосев и П.С. Попов окончательно и бесповоротно разошлись в 1940-е годы, когда одному из них, «старому идеалисту», обремененному грузом публичной брани Л. Кагановича с трибуны XVI съезда ВКП(б), не нашлось места на кафедре логики Московского университета, а другой эту кафедру возглавил. Тогда шли в ход безотказные (безоткатные) орудия доносов.

¹³ *М. Булгаков.* Письма. Жизнеописание в документах. М., 1989. С.532–533. Отметим, что у Попова мастер упомянут в написании с прописной буквы.

¹⁴ *Чудакова М.О.* Архив М.А. Булгакова... С.29.

¹⁵ ОР РГБ, ф. 189 (Муравьев В.Н.), п. 13, е.х. 24.

¹⁶ *Лосев А.Ф.* Миф – Число – Сущность. М., 1994. С.217–232.

¹⁷ *Муравьев В.Н.* Имяславие как культурно-философское учение. Л.З.

¹⁸ *Булгаков М.* Великий канцлер (главы из романа) // *Булгаков М.* Из лучших произведений. М., 1993. С.551.

¹⁹ Там же. С.582.

²⁰ Лосев А.Ф. Жизнь. Повести, рассказы, письма. СПб., 1993. С. 42.

²¹ Соколов Б.В. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Очерки творческой истории. М., 1991. С. 41.

²² Там же. С.35–36.

²³ Говоря как раз о магическом реализме слова в романе Булгакова, немецкий исследователь П. Ролльберг апеллировал, подчеркнем, не к имяславию как таковому, а к «чисто филологическим» анализам о. П. Флоренского (Михаил Булгаков: современные толкования. Сборник обзоров. М., 1991. С.177–178).

²⁴ П.А. Флоренский в воспоминаниях Алексея Лосева // Контекст-1990. Литературно-теоретические исследования. М., 1990. С.17.

2.2. О борьбе с природой и еще кое о чем

¹ Только в 90-е годы отыскивались некоторые материалы, относящиеся к «Дополнению»; см.: Тахо-Годи А.А. От диалектики мифа к абсолютной мифологии // Вопросы философии. 1997. №5. С.173, 177.

² Видимо, правильное было бы иначе – «среды». Но так напечатано и в газетах, и в тексте Полного собрания сочинений, то же «среди» обнаруживается, как мы увидим позже, и в архивном экземпляре машинописи статьи М. Горького.

³ Горький М. О борьбе с природой // Правда. 12 декабря 1931. № 341 (5146). С.3; см. также: Известия. 12 декабря 1931. № 341 (4548). С.2.

⁴ Описание рукописей М. Горького. Т.1. Художественные произведения, литературно-критические и публицистические статьи. М.-Л., 1948. С.585.

⁵ Архив Горького, ПСГ 2-18-1, л.4.

⁶ Архив Горького, ПСГ 2-18-2, л.4.

⁷ Сравниваются названия из ПСГ 2-18-2, л.7 и ПСГ 2-18-1, л.6. Статья В.С.Соловьева на самом деле называется «Враги с Востока» (1892).

⁸ Горький М. Публицистические статьи. М.-Л., 1933. С.310.

⁹ Там же. С.245.

¹⁰ Архив Горького, ПСГ 5-1-1, л.188.

¹¹ Следственное «Дело № 100256 по обвинению Лосева Алексея Федоровича и др.» в 11 томах.

¹² К уже упомянутым вариантам названий («Дополнение» и «Дополнения») приходится присоединять еще один – «Добавления». Среди материалов, возвращенных в архив Лосева из Центрального архива ФСБ

РФ, имеется машинописный лист с надписью «Добавления к книге А.Ф. Лосева Диалектика мифа и сказки» (здесь же красный штамп Главлита «не печатать»). Заметим, что «Диалектика мифа и сказки» – первоначальное название книги «Диалектика мифа». Судя по виду указанного листа, он являлся обложкой весьма толстой рукописи в несколько сот (до полутысячи?) страниц.

¹³ Цит. по: «Так истязуется и распинается истина...» А.Ф. Лосев в рецензиях ОГПУ // Источник. 1996. № 4. С.120.

¹⁴ Там же. С.116. Публикаторы почему-то забыли указать, что на препроводительном письме из Информационного отдела ОГПУ стоит дата (30 июня 1930 г.) и любопытная машинописная пометка, скорее всего свидетельствующая о «тираже» материала Герасимовой: «мн. 17 экз.»

¹⁵ Переписка М. Горького с Г.Г. Ягодой // Неизвестный Горький. М., 1994. С.174.

¹⁶ И не выполнял ли потом М. Горький какой-то срочный заказ? Во всяком случае, статья «О борьбе с природой» публиковалась весьма оперативно. Вот некоторые данные по материалам Архива Горького: 4 ноября 1931 г. – датировка письма (КГ-П 80-3-9) из Москвы от С.Б. Урицкого, сообщавшего о Всесоюзной конференции по борьбе с засухой и ее итоге – «природе объявлен большой бой», эта фраза подчеркнута красным карандашом М. Горького; 4 декабря – датировка письма (ПГ-рл 21а I 387) от М. Горького из Сорренто к П.П. Крючкову в Москву, где сообщается: «Пошлю две статьи с копиями» (составители горьковской «Летописи» считают, что имеются в виду «О борьбе с природой» и «Об анекдотах»); 10 декабря – московский почтовый штамп на данном письме; 11 декабря – дата резолюции редактора на полях наборной рукописи «О борьбе с природой»: «В корректуру сверить и дать в «Извест<ия>» по этому оригина<лу> и срочно его мне вернуть» (ПСГ 2-18-1, л.1); 12 декабря – выход статьи в «Правде» и «Известиях».

¹⁷ Беломорско-Балтийский Канал имени Сталина. История строительства. [М.], 1934. С.134–135. В один год вышло два варианта книги различного формата – сначала большого «подарочного» (тираж 4000 экз., сдано в печать 12 декабря 1933 г.), потом несколько меньшего (тираж 80000 экз., сдано в печать 13 сентября 1934 г.). Мы опираемся на экземпляр более позднего издания, а именно на книгу за номером И222/131 и со штампами прежнего «спецхрана» РГБ и прежнего... австрийского владельца книги – *Nationalbibliothek in Wien*. Дейст-

вительно, перед нами редкая книга, если она вернулась домой как военный трофей!

¹⁸ Hochland. 1935/1936. № 2. S.569.

¹⁹ Беломорско-Балтийский Канал... С.12.

²⁰ «Жму Вашу руку, дорогой товарищ». Переписка Максима Горького и Иосифа Сталина // Новый мир. 1997. № 9. С.138.

²¹ Там же. Имеется в виду книга: Russell Bertrand. The Scientific outlook. London – N.Y., 1931.

²² Г. Ягода, Л. Авербах, В. Киришон, С. Фирин, А. Афиногенов и др. – Горькому // Неизвестный Горький. С.184.

²³ Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. М., 1990 (репринт изд. 1918 г.). С.141, 181, 80, 133, 254, 167, 169 соответственно.

²⁴ М. Горький вполне мог получать сведения о Лосеве от кого-то из своих многочисленных корреспондентов. В частности, проявляя значительный интерес к учению Н.Ф. Федорова о «восстановлении отцов» (чем не задача борьбы с природой?!), М. Горький активно общался с многими «федоровцами». А те, в свою очередь, весьма благосклонно относились к исканиям московских «имяславцев» и даже особо выделяли среди них А.Ф. Лосева – см. главу «Об Имяславии» в статье Рафаила Мановского «Мессианство и «русская идея». О потугах некоего философа» (рижский сборник «Вселенское дело», 1934. №2. С.92). Статья подписана псевдонимом, ее автор – Н.А. Сетницкий; выпад публикации направлен в сторону И.А. Ильина.

²⁵ Устрялов Н.В. Из письма // Вселенское дело. 1934. № 2. С.162, 164.

²⁶ Письмо М. Горького к О.Д. Форш // Литературное наследство. М., 1963. Т. 70: Горький и современные писатели. Неизданная переписка. С. 610.

²⁷ К читателю этой книги (тем, кто не любит читать между строк) // Беломорско-Балтийский Канал имени Сталина. История строительства 1931–1934 гг. [Б.м.], 1998, С. 2. Данное издание полностью, вплоть до расположения строк воспроизводит второй вариант издания 1934 г. (см. прим. 17), за двумя исключениями: опущена вкладка «гармошка» с цветными рисунками основных инженерно-технических достопримечательностей Канала и изменен знаковый цвет обложки – вместо серого (стального) использован красный.

2.3. «Духовная Русь» –
неосуществленный издательский проект 1918 года

- ¹ В соавторстве с Еленой Тахо-Годи.
- ² *Бибихин В.В.* Из рассказов А.Ф. Лосева // Начала. 1993. № 2. С.135.
- ³ *Лосев А.Ф.* Форма – Стиль – Выражение. М., 1995. С.620.
- ⁴ *Лосев А.Ф.* Русская философия // *Лосев А.Ф.* Страсть к диалектике. М., 1990. С.78, 69, 84, 101 соответственно.
- ⁵ *Лосев А.Ф.* Имяславие // Вопросы философии. 1993. № 9. С.53.
- ⁶ *Франк С.Л.* Биография П.Б. Струве. Нью-Йорк. 1956. С.115.
- ⁷ Там же. С.116.
- ⁸ Русская свобода. 1917. №9. С.20 (номер вышел «печатанием 21 июня 1917 г.»).
- ⁹ *Франк С.Л.* Биография П.Б. Струве. С.105.
- ¹⁰ Русская свобода. 1917. № 3. С.3, 5 (номер вышел «печатанием 12 мая 1917 г.»).
- ¹¹ Русская свобода. 1917. № 9. С.25.
- ¹² Там же.
- ¹³ Из глубины. Сборник статей о русской революции. М.-Пг., 1918. Первая сторона обложки.
- ¹⁴ Там же. Предисловие издателя.
- ¹⁵ ОР РГБ, ф.109 (В.И. Иванов), оп.1, к.11, е.х.19, лл.6–8.
- ¹⁶ *Струве П.Б.* Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины. С.273.
- ¹⁷ Из глубины. Вторая сторона обложки.
- ¹⁸ *Бердяев Ник.* Кто виноват? // Русская свобода. 1917. №18–19. С.8.
- ¹⁹ П.А. Флоренский по воспоминаниям Алексея Лосева // Контекст-90. М., 1990. С.14.
- ²⁰ Сергей Алексеевич Сидоров, впоследствии став священником, служил недолгое время в храме Петра и Павла в Сергиевом Посаде, в 1925 году был арестован по делу митрополита Петра (Полянского), отбывал сначала ссылку во Владимирской области, а потом лагеря под Котласом и Мариинском, расстрелян в 1937 году. (Выражаем глубокую благодарность В.С. Бобринской за сведения о ее отце.)

²¹ ОР РГБ, ф.109, к.35, е.х. 76, л. 3об; в старой орфографии.

²² Описка, должно быть – «Издатель»; см. далее в других письмах.

²³ Опубликовано в сб.: Контекст-90. С.13. Письмо хранится в домашнем архиве П.А. Флоренского.

²⁴ РГАЛИ, ф.142 (А.С. Глинка-Волжский), оп.1, е.х. 247, л. 1–2; в старой орфографии. В этом же архивном фонде (е.х. 198) хранится около сотни писем С.Н. Булгакова, однако упоминаний о «Духовной Руси» мы в них не обнаружили.

²⁵ ОР РГБ, ф.109, к.35, е.х. 76, л.1; в старой орфографии.

²⁶ Контекст-90. С.14.

²⁷ ОР РГБ, ф.261 (издательство Сабашниковых), к.5, е.х. 19, лл.1–2; в старой орфографии. Прямые скобки в названии выпуска VII – так в рукописи.

²⁸ Контекст-90. С.14.

²⁹ ОР РГБ, ф.261, к. 1, е.х. 2; к.23, е.х. 79.

³⁰ Лосев А.Ф. Очерк о музыке // *Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение*. С.656.

³¹ *Лосев А.Ф. Два мироощущения // Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение*. С.635.

³² Там же.

³³ *Лосев А.Ф. <Мировоззрение Скрябина> // Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение*. С.777. Примерно через год после публикации данной рукописи из архива А.Ф. Лосева был обнаружен ее титульный лист, ранее недостающий, с авторским названием «Философское мировоззрение Скрябина».

³⁴ Там же. С.770, 779, 775 соответственно.

³⁵ *Лосев А.Ф. Два мироощущения*. С.635, 633. Примечательно, что в 1918–1919 годах Лосевым была написана работа «Философский комментарий к драмам Рихарда Вагнера» (*Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение*. С.667–731).

³⁶ См.: *Чулков Г.И. Вчера и сегодня*. М., 1916. С.39–42; его же. О театре Пушкина // *Вестник театра*. 1919. 4–8 апреля. С.7–8; его же. *Жизнь Пушкина*. М., 1938.

³⁷ Из глубины. С.73.

³⁸ *Христианская мысль*. Киев. 1916. № 11. С.73–86.

³⁹ См.: Публикация двух отрывков из статьи Вяч. Иванова о русском языке // *Грани*. 1976. № 102. С. 151. Публикатор – Н.В.

⁴⁰ Из глубины. С.135, 137 и 135 соответственно.

⁴¹ Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М., 1999. С.8. В первой публикации стихотворения в IV томе Собрания сочинений поэта (Брюссель, 1987. С.66) в восьмой строке фиксируется иной вариант: *На себе сияющую ризу.*

⁴² Там же. В квадратных скобках воспроизведены слова, зачеркнутые автором в рукописи.

⁴³ Там же. С.119–120. См. также наше примеч. 21.

⁴⁴ Из глубины. С.102.

⁴⁵ Там же. С.105.

⁴⁶ Добавим, что образ ризы Христовой, держась за край которой только и спасается человек, возникает и в упомянутой статье С.Н. Дурылина о Лескове.

⁴⁷ См. : Письма С.Н. Булгакова к С.Н. Дурылину // Вопросы философии. 1990. № 3. С.160–162.

⁴⁸ Русская мысль. 1918. № 1–2. С.21–44.

⁴⁹ Его статья «Обыденные храмы в древней Руси» напечатана здесь в №3, с.12–14.

⁵⁰ Отметим, что экземпляр этого редчайшего издания сохранился в библиотеке А.Ф. Лосева, пережив арест своего хозяина и пребывание его в лагерях, пережив и бомбежку 1941 года, когда большая часть библиотеки погибла. Этой книгой мы пользовались при подготовке настоящего исследования.

⁵¹ Не П.А. Флоренский ли вместе с А.С. Глинкой-Волжским входили в число не названных Лосевым в письме к М.В. Сабашникову авторов еще трех предполагаемых выпусков (одиннадцатого–тринадцатого), помимо десяти названных?

⁵² Бердяев Н. Духи русской революции // Из глубины. С.74.

⁵³ Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины. С.252.

2.4. Из истории «Диалектики мифа»

¹ Книга зарегистрирована под шифром BL 41 1г (здесь используется система Библиотеки Конгресса США). На самом деле она не утрачена, а с декабря 1988 года сдана на реставрацию, каковой и дожидается до сих пор. Она зарегистрирована в «Инвентарной книге» библиотеки (том 8,

акт № 523 от 3 октября 1940 года) среди очередной партии из 50 книг, где имеются издания периода от конца XIX в. до 1936 года. Штемпель на книге – «Библиотека ООН», где ООН следует читать как «отделение общественных наук». Благодарим *Т.И. Решетник* за квалифицированную помощь.

² Книга зарегистрирована под шифром С 52/16; под тем же шифром широкой публике выдается фотокопия (технологический номер 24780-36). Другие артефакты: первоначальный учетный номер экземпляра (зачеркнут карандашом) – Л-79; на последней странице обложки значится типографский оттиск цифр 16543 (зачеркнуты красным карандашом).

³ Известно о существовании третьего экземпляра книги. Профессор Дж. Клайн (США) обнаружил его в 1969 году в букинистическом магазине в Мюнхене (см.: Начала. 1994. № 2–4. С.66).

⁴ *Франк С.* Новая русская философская система // Путь, Париж. 1928. № 9. С.89–90 (в части тиража журнала заголовки иной: Новая русская религиозная система); *Чижевский Д.* Философские искания в Советской России // Современные записки, Париж. 1928. № 37. С.516–520; *Прокофьев П.* Кризис советской философии // Современные записки, Париж. 1930. № 43. С.479–486 («П.Прокофьев» – псевдоним Д.И. Чижевского).

⁵ *Koyrè A.* La philosophie de Jacob Boehme. Etude sur les origines de la metaphysique allemande. Paris. 1929. XIX + 525. См. упоминание книги в обзоре: *Duddington Natalie.* Philosophy in Russia // Philosophy, vol. IV. № 16 (october 1929). P.553.

⁶ Соответствующий отрывок из «Диалектики мифа» таков: «Сжигать людей на кострах <...> платонизм – материализма» (из пункта 2 главы X). См.: *Устрялов Н.В.* Проблема прогресса. Харбин. 1931. С.18–19. Благодарим *О.А. Воробьева* за сообщение о данной публикации.

⁷ Хотя и свершалось это осторожно, в примечаниях. См.: *Асмус В.* Философия языка Вильгельма Гумбольдта в интерпретации проф. Г.Г. Шпета // Вестник Коммунистической Академии. 1927. № 23. С.265; *Асмус В.* Диалектика и антиномии Канта // Вестник Коммунистической Академии. 1928. № 29(5). С.135.

⁸ Только «Отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б)» вышел в отдельном издании тиражом 2500000 экз. (см. текст объявления: На книжном фронте. 1930. № 18, обложка), тираж «Стенографического отчета» съезда составил еще 60000 экз.

⁹ XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографи-

ческий отчет. М.-Л., 1930. С.75. Упомянутая рецензия в «Правде» вышла примерно за месяц до съезда: А. *Сараджев*. Против поповско-идеалистической реакции // Правда. № 131 (4576) от 14 мая 1930 года.

¹⁰ Стенографический отчет. С.279.

¹¹ Используем указание кн.: «Исключить всякие упоминания...» Очерки истории советской цензуры. М.-Минск, 1995. С.10.

¹² Там же. С. 20: Главное Управление по делам литературы и издательств (Главлит) при Наркомпросе РСФСР учреждено Декретом СНК СССР от 6 июня 1922 года.

¹³ Архив РАН, ф. 597 (Лебедев-Полянский), оп.3, е.х. 17, лл.13–17.

¹⁴ Там же, оп. 6, е.х. 4, л.5; отчет датирован 25 мая 1927 года. Почти та же формулировка встречается в отчете «О деятельности частных издательств за 1927 г.» (оп.3, е.х.10, л.85), документ датирован 27 июля 1927 года.

¹⁵ Там же, оп.3, е.х.17, л.87, л.95.

¹⁶ Известно, что другим местом издания планировалась Тула (в архиве Лосева имеется вариант титульного листа книги с указанием «типография в г. Туле»).

¹⁷ Письмо В.М. Лосевой к К.А. Половцевой, 20 января 1935 г. // Начала. 1994. № 2–4. С.53.

¹⁸ Цит. по: *Тахо-Годи А.А.* От диалектики мифа к абсолютной мифологии // Вопросы философии. 1997. № 5. С.171. В надежде отыскать какие-либо следы этой истории с «оттенками мысли» мы просмотрели достаточно много материалов из архива С.А. Басова-Верхоянцева, в особенности его записные книжки и автобиографические заметки (РГАЛИ, ф. 1365, оп.1, е.х. 97, 98, 120), но ничего существенного обнаружить не удалось.

¹⁹ См. статью, упомянутую в предыдущем примечании, а также материал: «Я от всех все беру и всех критикую» // Русская мысль. № 4150 (21–27 ноября 1996 г.).

²⁰ «Дело № 100256», Т.8, лл.193–196 (цит. по : *Тахо-Годи А.А.* Лосев. М., 1997. С.154).

²¹ По данным сотрудников отдела ретроспективного комплектования РГБ, «Диалектика мифа» поступила в библиотеку в марте 1936 года, причем странным путем: не из спецхрана, не как обязательный экземпляр, не в результате целевой закупки, а воистину «с улицы». Как вспоминали ветераны отдела, такое бывало: добрые люди просто приносили книги, чтобы спасти их. Благодарим А.Г. *Лаврентьеву* за ценную информацию.

²² Разница в одну страницу можно объяснить или погрешностью подсчета, или же тем, что на одном листе размещалось не дошедшее до нас «Оглавление» книги (что вероятнее).

²³ Заметим: использовать форму «будет» при создании рукописи в 1927 году – верно, при печатании текста в 1930 году – огрех.

²⁴ Однозначный вывод о «топографии» двух упомянутых фрагментов сделать не представляется возможным, т.к. в лубянской рукописи отсутствует как раз соответствующий им лист. Единственный пассаж («Говорили <...> вор и разбойник») входит во второй слой текста (см. о нем ниже).

²⁵ Письмо А.Ф. Лосева В.М. Лосевой, 11 марта 1932 г. // *Лосев А.Ф. Жизнь.* СПб., 1993. С. 401.

²⁶ Данный блок отнюдь не составляет начало какой-то завершенной работы, поскольку его текст открывается номером пункта 5 (зачеркнут). Возможно, он был взят автором из того самого «Дополнения», о котором ниже еще будет речь.

²⁷ Подробнее см.: *Тахо-Годи А.А.* От диалектики мифа... С.170–171, 174.

²⁸ Данному количеству примерно соответствует объем авторских дополнений в составе указанного рукописного слоя вставок, третьего в нашей нумерации.

²⁹ «Так истязуется и распинается истина...» А.Ф.Лосев в рецензиях ОГПУ // *Источник.* 1996. № 4 (23). С.116.

³⁰ Мы вовсе не затрагивали, например, важного вопроса о соотношении «Диалектики мифа» с другими работами Лосева.

³¹ Отдел рукописей РНБ, ф.207 (Голлербах), е.х.81, лл.30–30 об.

³² Там же, л.42 об.

³³ Там же, е.х.82, л.3.

2.5. Домик у горы Дивьей

¹ *Лосев А.Ф. Жизнь.* СПб., 1993. С.300.

² Необходимое уточнение: рукопись повести не датирована, что не позволяет точно определить место и время ее создания. Однако анализ архивных материалов позволяет сделать предположение, что повесть «Из разговоров на Беломорстрое» написана уже в Москве по возвращении из Медвежьей горы, но, видимо, не позднее 1934 года.

³ Мы – это автор данной заметки и его жена Тамара Викторовна.

Особую атмосферу поездки создавала только что вышедшая из печати книга Ивана Солоневича «Россия в концлагере», которую мы накануне отъезда случайно купили в Питере и читали наперегонки и в поезде, и в гостинице, и прямо на берегу Онеги, там, где в нее впадает речка Кумса...

⁴ Беломорско-Балтийский Канал имени Сталина. История строительства 1931–1934 гг. М., 1934. С.106.

⁵ Нам удалось проследить последовательность жильцов дома («цепочка» из четырех семей) только до 1944 года, в чем нам существенно помогла Мария Григорьевна Леонтьева (г. Медвежьегорск), многие годы проживавшая по адресу: ул. Фрунзе, дом 10. К сожалению, о «квартирной хозяйке Е. Антоновой» ей уже ничего не было известно.

⁶ Лосев А.Ф. Хаос и структура. М., 1997. С.18–608. Несколько глав «Диалектических основ математики», обнаруженных после выхода в свет данного тома, вошли в книгу: Лосев А.Ф. Личность и Абсолют. М., 1999. С.516–646.

⁷ Письмо А.Ф. Лосева к В.М. Лосевой от 12 сентября 1933 г. // Лосев А.Ф. Жизнь. С.421–422.

⁸ О происхождении данного исторического термина см. подробное разъяснение в упомянутой книге о Беломорско-Балтийском Канале (с. 209). Слово придумал начальник Беломорстроя Л.И. Коган.

Письма Лосевых к М.В. Соколову и Т.Е. Соколовой из Арнольдского поселка

¹ Здесь и далее в скобках приводятся предположительные датировки исходя из содержания письма.

² Амнистия (постановлением ВЦИК) по завершении Беломорканала состоялась 4 августа 1933 г., причем Лосевы были включены в список 500 отличившихся строителей, для которых «за самоотверженную работу на строительстве Беломорско-Балтийского канала имени т. Сталина» была полностью снята судимость и восстановлены гражданские права.

³ Первоначально В.М. Лосева отбывала заключение в Сиблаге, на Алтае (ст. Боровлянка).

⁴ Н.Д. Моисеев (1902–1955), известный астроном, профессор Астрономического института им. Штернберга, научный руководитель аспирантуры В.М. Лосевой.

⁵ По одному «делу» с Лосевыми Н.В. Петровского приговорили к

10 годам концлагеря (как и А.Ф. Лосева), А.Б. Салтыкова – к 5 годам (как и В.М. Лосеву).

⁶ Имеется в виду Политический Красный Крест (ПКК), организация «под патронажем» ОГПУ, которую возглавляла Е.П. Пешкова, бывшая жена Горького. Она безусловно сыграла важнейшую роль в освобождении Лосевых. Упомянутые далее в письме М.С. Фельдштейн и З.А. Таргонская были сотрудниками ПКК.

⁷ На 23 февраля приходились именины Валентины Михайловны.

2.6. Чеховская тема в творчестве А.Ф. Лосева

¹ *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Кн.1. М., 1992. С.399–400.

² *Мусатов В.В.* Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века. М., 1998. С.189–191.

³ Полностью доклад опубликован в кн.: *Тахо-Годи Е.А.* А.Ф. Лосев. От писем к прозе. От Пушкина до Пастернака. М., 1999. С.138–162.

⁴ *Набоков Владимир.* Лекции по русской литературе. М., 1996. С.337–338.

2.8. С веком наравне

¹ Автор этих заметок имеет честь входить в их число, нося членский билет общества за номером 13 и неустанно благодаря далее поминаемую Судьбу (неудобно за такую малость благодарить Бога) за ее счастливый аритмологический выбор.

² Первоначальный вариант книги под названием «Критический обзор основных учений и методов Вюрцбургской школы» был закончен автором в 1915 году; подробнее см.: *Тахо-Годи А.А.* А.Ф. Лосев о личности и Абсолюте // *Лосев А.Ф.* Личность и Абсолют. М., 1999. С.648–653.

³ Ук. соч. С.651.

⁴ Публикация этих «имяславских» документов начата недавно, см.: *Священник Павел Флоренский.* Переписка с М.А. Новоселовым. Томск. 1998; также см. два специальных выпуска журнала «Начала», № 1–4 за 1995 г. и № 1–4 за 1998 г.

⁵ Потому лишь в тщательно зашифрованном виде ряд проблем «имяславия» Лосев трактовал на страницах своей «Философии имени»

(1927). Уже в эмиграции, и потому открыто, вернулся к тем же вопросам о. Сергей Булгаков, книга которого (напечатана в 1953 году) не только писалась одновременно с Лосевым, но и названа – символичная случайность – одинаково.

⁶ Соответствующие подробности и характеристики содержания вновь обретенных рукописей можно найти в книге: *Тахо-Годи А.А.* Лосев. М., 1997.

⁷ Статья опубликована сразу в двух центральных газетах СССР в декабре 1931 года, когда Лосев уже «перековывался» на Беломорканале.

⁸ «Так истязуется и распинается истина...» А.Ф.Лосев в рецензиях ОГПУ // Старая площадь. Вестник Архива президента РФ. 1996. №4. С.115–129 // В журнале: Источник. 1996. № 4 (23).

⁹ *Лосев А.Ф.* Хаос и структура. М., 1996. Книга стала шестым томом в собрании сочинений автора. Сюда, кроме «Диалектических основ математики», вошли также впервые публикуемые работы «О методе бесконечно-малых в логике», «Некоторые элементарные размышления к вопросу о логических основах исчисления бесконечно-малых» и фрагмент «Математика и диалектика».

Часть III

3.1. О смысле чисел

¹ *Вейль Г.* О символизме математики и математической физики // *Вейль Г.* Математическое мышление. М., 1989. С.68.

² Здесь и далее при ссылках на «Критику» и «Диалектику» в скобках будем указывать номера страниц по первым изданиям книг.

³ Письма из лагеря и в лагерь (1931 – 1933) // *Лосев А.Ф.* Жизнь. СПб., 1993. С.367, 373, 374, 383; косвенные данные – с. 385, 398, 402, 412.

⁴ *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Кн.1. М., 1992. С.502.

⁵ Заметим по случаю, что в XIV книге «Метафизики» содержится шесть глав, в XIII – десять (на единицу больше «совершенной» девятки). Но последних первоначально вполне могло быть именно девять, ведь есть давно известное наблюдение – его приводит и Лосев («Критика», примечание 53), – о каком-то неуклюжем и почти дословном повторении

в 4-й и 5-й главах XIII книги содержания из книги I. Следовательно, и главы этих двух книг могли воспроизводить гармоничное Порфириево сочетание. Не было ли это искусственное (но не искусное) увеличение глав – рискнем дать свою гипотезу – своеобразною тайною мстью Аристотелю со стороны кого-то из пифагорейцев еще времен Андроника Родосского?

⁶ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Кн. 1. С.513.

⁷ Там же. С.514.

⁸ Там же. С.536.

⁹ Там же. С.537.

¹⁰ Уайтхед А. Приключения идей // Уайтхед А. Избранные работы по философии. М., 1990. С.681.

¹¹ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. М., 1990. С.203.

¹² См.: Иванов Вяч. Вс. Числа // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т.2. М., 1991. С.629–631.

¹³ Лосев А.Ф. Философия имени // Лосев А.Ф. Бытие – Имя – Космос. М., 1993. С.616.

¹⁴ Свасьян К.А. Судьбы математики в истории познания нового времени // Вопросы философии. 1989. № 12. С.47.

¹⁵ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Последние века. Кн.1. М., 1988. С.232–233.

¹⁶ См. там же. С.231.

¹⁷ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М., 1969. С.326, 313.

¹⁸ Потому-то Аристотель со своей теорией абстракции математического объекта признавал только *потенциальную* бесконечность.

¹⁹ Кантор Г. Труды по теории множеств. М., 1985. С.167–169, 248.

²⁰ Наши нехитрые формализации опираются на текст: Лосев А.Ф. Античный космос и современная наука // Лосев А.Ф. Бытие – Имя – Космос. С.174–176.

²¹ «Математика с человеческим лицом» – название рецензии В.И. Арнольда на книгу И.Р. Шафаревича «Основные понятия алгебры». М., 1986.

¹ Научная деятельность Г. Кантора закончилась около 1899 года, когда его идеи уже проникли в университетскую среду России. Канторовские работы были переведены на русский язык П.С. Юшкевичем и изданы в сб.: Новые идеи в математике. СПб., 1914. Сб.6. Большинство выпусков указанной серии отводилось именно проблематике теории относительности и оснований математики.

² Платонов А.П. Слышные шаги (Революция и математика) // Платонов А.П. Государственный житель. Проза, письма. М., 1988. С.536.

³ Письмо А.Ф. Лосева к П.А. Флоренскому от 24 мая 1924 г. // Контекст – 1990. Литературно-теоретические исследования. М., 1990. С.14.

⁴ Муравьев В.Н. Всеобщая производительная математика // Русский космизм. Антология философской мысли. М., 1993. С. 192.

⁵ Кантор Г. К учению о трансфинитном. С.271–272; цитата выше («по букве») относится к работе: Основы общего учения о многообразиях. С.101. Работы Г. Кантора здесь и далее указываются по изд.: Кантор Г. Труды по теории множеств. М., 1985.

⁶ Джойс Д. Улисс. М., 1993. С.485. Надо полагать, «океаном» болтовни Молли Блум (в следующем эпизоде) представлена уже актуальная бесконечность.

⁷ Точно сообразуемся с двойной семантикой латинского *plus* из нашего заголовка: как *около* и как *больше*.

⁸ Сам Кантор рассматривал актуальное бесконечное в трех главных отношениях: *in Deo*, *in concreto*, *in abstracto* (О различных точках зрения на актуально бесконечное. С.264). Наша классификация, как минимум, покрывает логический объем модуса *in abstracto* (а при определенных допущениях – и *in concreto*), модусу же *in Deo* соответствует «актуально бесконечное бесконечное».

⁹ Основы общего учения о многообразиях. С.70–71; О различных точках зрения на актуально бесконечное. С.265–266.

¹⁰ К учению о трансфинитном. С.294–296.

¹¹ Флоренский Павел. Мнимости в геометрии. Расширение области двухмерных образов геометрии (Опыт нового истолкования мнимостей). М., 1922. С.33.

¹² См.: Успенский В.А. Нестандартный, или неархимедов, анализ. М., 1983. С.15, 21.

¹³ «Бесконечность, которая умещается на ладошке младенца» (один из развернутых эпитетов «Каббалы») – в мистике подобная конструкция естественна.

¹⁴ *Лосев А.Ф.* Единство трех понятий // *Лосев А.Ф.* Дерзание духа. М., 1988. С.106, 107.

¹⁵ *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. Т.1. М., 1930. С.61 (см. также с.21–22, 66, 96); *он же.* История античной эстетики. Последние века. Кн.2. М., 1988. С.19, 62, 144–150.

¹⁶ *Лосев Алексей.* Из воспоминаний // Студенческий меридиан, 1990. № 5. С.31.

¹⁷ *Лосев А.Ф.* Критика платонизма у Аристотеля. (Перевод и комментарий XIII-й и XIV-й книги «Метафизики» Аристотеля). М., 1929. С.43–44, 59, 97–102.

¹⁸ Там же. С.33. Здесь и выше курсив Лосева.

¹⁹ Использовано явное определение «несчислимости», данное Лосевым в «Очерках античного символизма и мифологии», с.596.

²⁰ *Топоров В.Н.* Числа // Мифы народов мира. Т.2. М., 1992. С.629–631.

²¹ *Аристотель.* Сочинения в четырех томах. Т.1. М., 1976. С.331.

²² Предварительную постановку вопроса о «несводимости» можно найти в работе: *Троицкий В.П.* «Античный космос и современная наука» и современная наука // *Лосев А.Ф.* Бытие – Имя – Космос. М., 1993. С.900–901; см. также наст. изд.

²³ Известны разновидности кодирования, родственные гёделевской нумерации и относящиеся, по Клини, к «методу цифр»; они подробно изучены Р. Шмульяном (*Клини С.* Математическая логика. М., 1973. С.209–210, 302).

²⁴ В гёделевской нумерации это обеспечивается однозначным представлением любого целого числа как произведения степеней простых множителей.

²⁵ *Лосев А.Ф.* Единство трех понятий. С.103.

3.3. Информация и чудо

¹ *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа // *Лосев А.Ф.* Из ранних произведений. М., 1990. С.393.

² Активно пользоваться «расчленяющими глазами» Лосев призывал во многих своих работах, в том числе и поздних; вспомним также

ключ из повести «Жизнь»: «Давайте мыслить, рассуждать, расчленять, освещать!»

³ «Указать пальцем» – также одна из любимых присказок Лосева. Если указывать пальцем всегда некультурно, то Лосев, конечно же, не «интеллигент».

⁴ Хотя это первое обозначение и не понадобится нам в дальнейшем, оно несет не только нейтрально-фиксирующую, но и смысло-образующую нагрузку, будучи согласовано и с последующими нашими обозначениями, и с традицией, берущей начало от легендарной надписи на храме Аполлона в Дельфах.

⁵ Точнее, нужно говорить об операторах и об операторной форме записи, столь популярной в области, весьма удаленной от «чистой» философии – в квантовой механике.

⁶ Впрочем, приведем в качестве иллюстрации метода пентадной шифровки два примера: лосевское определение музыкального «метра» сжимаемо до формулы еППср, а «цветность звука» – до еППср.

⁷ Урсул А.Д. Проблема информации в современной науке. Философские очерки. М., 1975. С.288.

⁸ В 9-й главе книги Лосева «Античный космос и современная наука» есть эпизод, когда автор намечает более тонкое противопоставление категорий: «множество» (в нашем изображении еППср) с выделением аспекта покоя предстает «собственно множеством» (здесь епПср) и с выделением аспекта движения – «умным движением» (еПпср). Однако в последующих диалектических конструкциях он использует «подвижной покой», как, впрочем, и «самотождественное различие» в виде совокупных, цельных категорий. Похоже, столь просто и изящно намеченное здесь категориальное разнообразие пока остается избыточным для современного мышления.

⁹ Vocabulaire technique et critique de la philosophie. Par A. Lalande. Paris, 1962. P.629. Впрочем, сами высказывания Le Roy и Феофана близки во времени – они публиковались в 1906 и 1915 годах соответственно.

¹⁰ Диалектика мифа. С.553.

¹¹ Там же. С.548.

¹² Там же. С.552; курсив Лосева.

¹³ Там же. С.422.

¹⁴ Там же. С.534.

¹⁵ Там же. С.561–562. Почти дословно отмеченное место совпадает с

итоговой частью повести «Жизнь» (*Лосев А.Ф.* Жизнь. СПб., 1993. С.47), откуда мы и взяли вполне строгий термин «Родина». Повесть, стало быть, дополняет категориальную систему «Диалектики мифа».

¹⁶ *Троицкий В.П.* Экстраполяционный подход к понятию информации // НТИ, сер.2. Информационные процессы и системы. 1979. № 12. С.1–7; *он же.* Текст, информация, «эпистемация» // НТИ, сер.2. 1981. № 2. С.1–5; *он же.* Предвосхищение в коммуникации: время текста // НТИ, сер.2. 1982. № 6. С.1–6.

¹⁷ Из речи Хорхе, героя романа У. Эко «Имя розы» // Иностранная литература. 1988. № 9. С.173.

¹⁸ *Eco U.* La struttura assente. Milano, 1968. P.369, курсив У. Эко.

¹⁹ *Трубецкой С.Н.* О природе человеческого знания // Вопросы философии и психологии. 1890. Кн.3. С.171.

²⁰ *Лосев А.Ф.* Русская философия // *Лосев А.Ф.* Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С.236.

²¹ Диалектика мифа. С.561.

3.4. Теория множеств как «научно-аналитический слой» имяславия

¹ Имяславские материалы из архивов Лосева и Флоренского в настоящее время опубликованы в целом ряде изданий; соответствующие тексты Муравьева (из хранящихся в ОР РГБ, к примеру, особый интерес представляют рукописи ф.189, п.11, е.х.4–12 и п.13, е.х. 24, 24а) еще ждут своего часа.

² Только сближения и аллюзии не следует понимать здесь прямолинейно и уж тем более буквально. Свое критическое отношение к приведенной максиме автор вполне выразил в работе: *Лосев А.Ф.* Эстетика Возрождения. М., 1982. С.146–147.

³ *Лосев А.Ф.* Имяславие, изложенное в системе // Начала. 1995. №1–4. С.248. Текст тезисов не датирован, он относится, судя по содержанию и некоторым внешним приметам рукописи (например, по характеру почерка, после «лагерного» периода жизни автора существенно изменившегося), к началу 1920-х годов.

⁴ *Кантор Г.* К обоснованию учения о трансфинитных множествах // *Кантор Г.* Труды по теории множеств. М., 1985. С.173. Перевод *Ф.А. Медведева.* Далее все ссылки на Кантора относятся к указанному сборнику трудов.

⁵ *Флоренский П.А.* О символах бесконечности (Очерк идей Г. Кантора) // Новый путь. 1904. №9. С.195.

⁶ *Кантор Г.* Письмо к Дедекинду от 6 ноября 1888 года. С.363. О так называемых «неконсистентных множественностях» см. также с. 368–369.

⁷ *Лосев А.Ф.* Античный космос и современная наука. М., 1927. С.112–113. Важный материал, связанный с теорией множеств, содержит авторское примечание 79.

⁸ Там же. С.117.

⁹ *Лосев А.Ф.* Имяславие // Вопросы философии. 1993. №9. С.59.

¹⁰ *Кантор Г.* К учению о трансфинитном. С.270; Основы общего учения о многообразиях. С.101.

¹¹ *Кантор Г.* К учению о трансфинитном. С.271–272. Конечно, по вопросу признания актуальной бесконечности Кантора никак нельзя считать аристотелианцем; см.: Основы общего учения о многообразиях. С.72–74.

¹² *Лосев А.Ф.* Имяславие. С.59.

¹³ Там же. С.60.

¹⁴ *Флоренский П.А.* О символах бесконечности. С.196.

¹⁵ В «Прослогионе» Ансельма не только вводится феноменологически непоколебимое «то, более чего нельзя ничего помыслить», но и обнаруживается следующий вполне «имяславский» ход мысли, весьма замечательный: «Вещь может быть помыслена двояким способом: 1. когда бывает помыслено обозначающее ее речение; 2. когда бывает помыслена сама вещь. Первым способом небытие Божие может быть помыслено, вторым – не может» (Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков. М., 1972. С.252).

¹⁶ Проводимое у нас различие не слишком очевидно и известно; среди немногих исследований на сей счет можно указать прежде всего работу: *Слупецкий Е., Борковский Л.* Элементы математической логики и теории множеств. М., 1965. С.343.

¹⁷ В частности, свой вариант решения «парадоксов» теории множеств Лосев дал в большой работе «Диалектические основы математики» (1930-е гг.).

¹⁸ См.: *Френкель А., Бар-Хиллел И.* Основания теории множеств. М., 1966. С.229.

¹⁹ *Кантор Г.* Основы общего учения о многообразиях. С.75.

²⁰ Прямая демонстрация эквивалентности бесконечного множества своей (правильной) части действительно удалась только Кантору. На интуитивном уровне об этом свойстве бесконечностей догадывались, к примеру, еще Г. Галилей и Б. Больцано, а много раньше и, может быть, глубже всех – Прокл. См. комментарии Лосева относительно прокловской категории «причастности» в общем учении о едином и многом: Прокл. Первоосновы теологии. Гимны. М., 1993. С.224–228.

²¹ К примеру: Кантор Г. К учению о трансфинитном. С.275.

²² Флоренский П.А. О символах бесконечности. С.226.

²³ Кантор Г. Основы общего учения о многообразиях. С.79.

²⁴ Все приведенные примеры взяты из работы: Кантор Г. К учению о трансфинитном. С.298, 307–308.

²⁵ Кантор Г. Основы общего учения о многообразиях. С.66, 91–94. Здесь упоминается также третий принцип, принцип «стеснения», который требует своеобразной непрерывности на шкале бесконечностей.

²⁶ Кантор Г. К учению о трансфинитном. С.288–289. Заметим, что только с введением операций с пределами (т.е. с определенным моментом *конечности*) идея потенциальной бесконечности сыграла действительно важную роль в создании дифференциального и интегрального исчисления.

²⁷ Клини С. Математическая логика. М., 1973. С.220.

²⁸ Флоренский П.А. О символах бесконечности. С.109; Кантор Г. К учению о трансфинитном. С.293.

²⁹ Флоренский П.А. О символах бесконечности. С.126. См. афоризм 72 из «Опытов» Б. Паскаля.

³⁰ См.: Кантор Г. К учению о трансфинитном. С.292. Кантор хорошо понимает, что *Absolutum* уже не входит в названные ряды, это Бытие «превосходит человеческое разумение и недоступно, в частности, математическому определению» (там же. С.293).

³¹ Вероятно, именно архимандрит Серапион Машкин (1854–1905), который независимо от Кантора пришел к идее актуальной бесконечности и ее месте в фундаменте антроподицеи, оказал существенное влияние на интересы П.А.Флоренского.

³² Муравьев В.Н. Внутренний путь // Вопросы философии. 1992. № 1. С.108.

³³ Есть только подозрение, что множество всех функций (как непрерывных, так и разрывных) одного или многих переменных может иметь

мощность «третьего числового класса». Однако определенного результата (а подозрение, конечно, первым посетило голову Кантора) до сих пор не получено.

³⁴ В конечной области, напомним, ординальные и кардинальные числа совпадают, тогда как в области бесконечных множеств на один кардинал может приходиться бесконечное число ординалов.

³⁵ «Господи Вседержителю... заключивый бездну и запечатствовавший ю Страшным и Славным Именем Твоим». Для примера укажем на использования этой выразительной фразы в докладе Муравьева «Имяславие» от 26 сентября 1921 года (ОР РГБ, ф. 189, п.13, е.х. 24а, л. 3об) и в докладе Лосева «Философия имени у Платона» от 1 ноября 1922 года (хранится в архиве Лосева, недавно опубликовано в журнале: Символ. 1993. № 29. С.136).

³⁶ Об истории выбора «алефа» см.: *Даубен Д.* Георг Кантор и рождение теории трансфинитных множеств // В мире науки. 1983. № 8. С.86.

³⁷ *Кантор Г.* Об одном свойстве совокупности всех действительных алгебраических чисел. С.19. Заимствование термина «мощность» у Я. Штейнера специально указано в работе: *Кантор Г.* О бесконечных линейных точечных многообразиях. С.51–52.

³⁸ *Кантор Г.* Принципы теории порядковых типов. С.249.

³⁹ «Исследование застывших моделей – сущность математического метода», – см. характерную констатацию в работе: *Подниекс К.М.* Платонизм, интуиция и природа математики // Семиотика и информатика. 1990. Вып.31. С.157.

3.5. Метаматематика А.Ф. Лосева

¹ Письмо А.Ф. Лосева к В.М. Лосевой от 12 декабря 1931 года. Обмолвка «под хорошим руководством» показательна – в «потоках» ГУЛАГовских «университетов» можно было изучать едва ли всё в размахе от генетики до шумерской клинописи.

² Работа впервые издана в журнале «Вопросы философии». 1994. № 11. С.82–134.

³ Цифрами в скобках здесь и далее указываются страницы издания: *Лосев А.Ф.* Хаос и структура. М., 1997.

⁴ Точнее, по обыкновению тех лет интересующий нас заголовок многоярусен: «В траншеях ленинской диалектики // Идеологические

бои. – «Вольные стрелки» из ГАХН. – Психология во власти идеалистов. – Физика в тупике. – В чем ошибка «механистов»? – Только на основе диалектического материализма // На конференции марксистских научно-исследовательских учреждений // (Доклад тов. А.М. Деборина)». Заметка не подписана, но можно предположить, учитывая примыкающие публикации, что ее автор – А. Кут.

⁵ М. Хагемайстер (Начала. 1994. №4. С.150) ошибается, задавая такой отсчет годом позже, с доклада Х. Гарбера «Против воинствующего мистицизма А.Ф. Лосева» (Вестник Коммунистической Академии. 1930. №37–38).

⁶ Вестник Коммунистической Академии. 1929. №32 (2). С.4–5.

⁷ Франк С. Новая русская философская система // Путь (Париж). 1928. № 9. С.89, 90. Нам встречался экземпляр указанного издания (фонд «Русское Зарубежье» в РГБ), где заголовок еще и таков: «Новая русская религиозная система».

⁸ Брушлинский В. Отклики на философскую дискуссию 1930 г. в иностранной прессе // Под знаменем марксизма. 1936. № 1. С.189–191.

⁹ Волков К. Диалог о диалектике // Научное слово. 1930. № 7–8. С.44, 56.

¹⁰ Богомолов А.Н., Роженко Н.М. Опыт «внедрения» диалектики в математику в конце 20-х – начале 30-х гг. // Вопросы философии. 1991. № 9. С.37.

¹¹ См.: Charles Ford E. Dmitrii Egorov: Mathematics and Religion in Moscow // The Mathematical Intelligencer. 1991. Vol.13. № 2. Статья в основном обобщает сведения, полученные в результате поисков С.С. Демидова и С.М. Половинкина.

¹² Яркий тому пример – «Манифест» московских имяславцев (около 1922 года), составленный рукою Лосева и подписанный Д.Ф. Егоровым, среди прочих – первым. Копия этого документа была передана А.А. Тахо-Годи из Центрального архива ФСБ РФ в 1995 году, он частично опубликован в ее книге «Лосев» (серия «Жизнь замечательных людей». М., 1997. С.111–113).

¹³ Письмо Н.Н. Лузина П.А.Флоренскому от 4.08.1915 г. // Историко-математические исследования. М., 1989. Вып.31. С.178.

¹⁴ Это драматическое признание зафиксировано: Письмо Н.Н. Лузина А.Н. Крылову от 7.12.1934 г. // Там же. С.243, 244.

¹⁵ *Лосев Алексей*. Из воспоминаний // Студенческий меридиан. 1990. № 5. С.31.

¹⁶ *Флоренский П.А.* Природа // Детям моим. Воспоминанья прошлых дней. М., 1992. С.78.

¹⁷ Несколько подробнее об этом сопоставлении см.: *Троицкий В.П.* «Античный космос и современная наука» и современная наука // *Лосев А.Ф.* Бытие – Имя – Космос. М., 1993. С.887–890; имеется в наст. изд.

¹⁸ *Флоренский Павел*. Письма с Соловков // Наше наследие. 1988. № 4. С.128; здесь же воспроизведены некоторые рисунки о Павла – потрясающие документы духовной биографии мыслителя.

¹⁹ В фонде В.Н. Муравьева в Рукописном отделе РГБ хранятся, к примеру, рукописи с такими характерными названиями: «Диалектическое построение множественности» (ф.189, п.10, е.х.11), «Основной элемент ряда чисел» (п.11, е.х.5), «Пифагорейское учение о числах и современные проблемы» (п.13, е.х.1), «Имяславие» (п.13, е.х.24).

²⁰ *Муравьев В.Н.* [Имяславие. Тезисы] // ОР РГБ, ф.189, п.13, е.х. 24 а, л.2; е.х. 24 б, л.7.

²¹ Обоснованно нелестные оценки этим попыткам и распространенному пониманию антиномичности «множеств» даны еще около 1925 года в книге «Античный космос и современная наука» (*Лосев А.Ф.* Бытие – Имя – Космос. С.413–414).

²² Теорема Гёделя (о неполноте) довольно быстро вошла в круг тем, обсуждавшихся советскими философами; см.: *Кольман Э.* Предмет и методы современной математики. М., 1936 (особенно с. 261–268).

²³ Работы переизданы в кн.: *Лосев А.Ф.* Миф – Число – Сущность. М., 1994. С.527–876; здесь же помещен наш комментарий к ним – «О смысле чисел» (см. также в наст. изд.).

²⁴ *Клини С.* Математическая логика. М., 1973. С.232, 233.

²⁵ Один из свежих примеров: в обзорном докладе А.Г. Драгалина «Состояние работ по основаниям математики» на Смирновских чтениях в Институте философии РАН (18 марта 1997 года) предложено не менее восьми (!) способов изживания «грехов абстракции», связанных с математическими суждениями и объектами, и все восемь – посредством новых абстракций.

²⁶ *Франк С.Л.* Предмет знания. Об основах и пределах отвлеченного знания. СПб., 1995. С.39–40.

²⁷ Там же. С.288, 290.

²⁸ Лосев А.Ф. Музыка как предмет логики // Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение. М., 1995. С.594.

²⁹ Бердяев Н.А. Два типа мирозерцания (По поводу книги С.Л. Франка «Предмет знания») // Вопросы философии и психологии. 1916. Кн. 134. С.305, 312.

³⁰ Лосев А.Ф. Диалектика художественной формы // Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение. С.257, 264.

³¹ Шпенглер О. Закат Европы. Т.1. М., 1993. С.208.

³² Вальков К.И. Моделирование и формализация. Л., 1984.

³³ Фанг Дж. Между философией и математикой: их параллелизм в «параллаксе» // Вопросы истории естествознания и техники. 1992. № 2. С.8.

³⁴ К очевидно-оценочной ассоциации («почетный кортеж») здесь нужно присовокупить профессиональную семантику алгебраистов, кортежем называющих последовательность элементов некоторого множества, некий набор «букв» из строго фиксированного «алфавита».

³⁵ Кулаков Ю.И. Еретические горизонты физики // Вопросы истории естествознания и техники. 1996. № 4. С.167.

3.6. Введение в периодическую систему начал

¹ Лосев А.Ф. История эстетических учений. Введение // Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение. М., 1995. С.332.

² Тахо-Годи А.А. Лосев. М., 1997. 458 стр., серия «Жизнь замечательных людей».

³ Здесь и далее цифрами в скобках мы указываем ссылки на страницы «Диалектики художественной формы» по изданию: Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение.

⁴ Лосев А.Ф. Парменид. Диалектика одного и иного как условие возможности существования порождающей модели // Платон. Сочинения в 3-х томах. Т.2. М., 1970. С.588–590.

⁵ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Последние века. Кн.2. М., 1988. С.106–146, 369–377.

⁶ Лосев А.Ф. Античный космос и современная наука // Лосев А.Ф. Бытие – Имя – Космос. М., 1993. С.104.

- ⁷ Лосев А.Ф. Самое само // Лосев А.Ф. Миф – Число – Сущность. М., 1994. С.401.
- ⁸ Там же. С.407.
- ⁹ См.: Кулик Б.А. Логические основы здравого смысла. СПб., 1997. С.38–48.
- ¹⁰ Лосев А.Ф. Античный космос и современная наука. С.106.
- ¹¹ Самое само. С.432.
- ¹² Там же. С.396.
- ¹³ Ефремов И.А. Туманность Андромеды. М., 1959. С.229.
- ¹⁴ См. также: Античный космос и современная наука. С.174.
- ¹⁵ Там же. С.422–423.
- ¹⁶ История античной эстетики. Последние века. Кн.2. С.148–149.
- ¹⁷ Античный космос и современная наука. С.423.
- ¹⁸ Лосев А.Ф. Музыка как предмет логики // Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение. С.453.
- ¹⁹ Античный космос и современная наука. С.176, 178.
- ²⁰ Там же. С.423.
- ²¹ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. М., 1980. С.203.
- ²² История античной эстетики. Последние века. Кн.2. С.219–220.
- ²³ Античный космос и современная наука. С.423.
- ²⁴ Впервые это сделано в работе: Троицкий В.П. Информация и чудо // Начала. 1994. № 2–4. С.213–224. См. также в наст. изд.
- ²⁵ Античный космос и современная наука. С.424.
- ²⁶ Попов П.С., Стяжкин Н.И. Развитие логических идей от античности до эпохи Возрождения. М., 1974. С.49.
- ²⁷ Троицкий В.П. Предвосхищение в коммуникации: время текста // Научно-техническая информация. Сер.2. Информационные процессы и системы. 1982. № 6. С.1–6.
- ²⁸ Самое само. С.433–441.
- ²⁹ Античный космос и современная наука. С.175.
- ³⁰ Там же. С.177.

³¹ *Лосев А.Ф.* Диалектические основы математики // *Лосев А.Ф.* Хаос и структура. М., 1997. С.409.

³² *Троицкий В.П.* О смысле чисел // *Лосев А.Ф.* Миф – Число – Сущность. С.902; см. наст. изд.

³³ Античный космос и современная наука. С.152.

³⁴ Там же. С.155.

³⁵ Там же. С.156.

³⁶ Там же.

³⁷ Опубликованы в книгах: *Лосев А.Ф.* Миф – Число – Сущность. С.218–298; *Лосев А.Ф.* Личность и Абсолют. М., 1999. С.378–514.

³⁸ *Лосев А.Ф.* Имя. Избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы. СПб., 1997.

³⁹ См. также: Античный космос и современная наука. С.424. В 20-е годы автором была написана работа «Диалектика интеллигенции», которую приходится считать утраченной.

⁴⁰ История эстетических учений. Введение. С.343.

⁴¹ *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1980. С.3.

⁴² Музыка как предмет логики. С.565.

⁴³ Там же. С.544–545.

⁴⁴ Античный космос и современная наука. С.233–243.

⁴⁵ Диалектические основы математики. С.217–234.

⁴⁶ *Лосев А.Ф.* Логическая теория числа // Вопросы философии. 1994. № 11. С.121

3.7. Гипотеза о типах бесконечности

¹ *Флоренский П.А.* О символах бесконечности (Очерк идей Г. Кантора) // Новый путь. 1904, сентябрь. С.181–182.

² Там же. С.183 (примечание). Схема Флоренского родственна известной в истории логики круговой фигуре из трактата «Великое искусство» Р. Луллия (XIV в.), с помощью которой чисто комбинаторным путем можно наглядно демонстрировать различные утверждения силлогистического типа.

³ Там же. С.182.

⁴ *Кантор Г.* О различных теоремах из теории точечных множеств...

Сообщение второе // *Кантор Г.* Труды по теории множеств. М., 1985. С.168–169, курсив Кантора.

⁵ *Шрейдер Ю.А.* Сложные системы и космологические принципы // Системные исследования. Ежегодник 1975. М., 1976. С.158–161.

⁶ Как на союзника в борьбе за признание актуальной бесконечности ссылается на Гутберлета автор теории множеств; см.: К учению о трансфинитном // *Кантор Г.* Труды по теории множеств. М., 1982. С.282–283 (примечание 9).

⁷ Переписка Кантора с Дедекиндом // *Кантор Г.* Труды по теории множеств. М., 1982. С.369 (письмо от 31 августа 1899 года).

⁸ Здесь числовые классы понимаются в духе Кантора как иерархия трансфинитов.

⁹ *Лосев А.Ф.* Диалектические основы математики // *Лосев А.Ф.* Хаос и структура. М., 1997. С.504–508.

¹⁰ В этом случае между *абсолютом* *W* и сферой *конечных* чисел может насчитываться конечное же количество *типов* бесконечных чисел; ср. представление о девяти чинах небесных в трактате «О небесной иерархии» Дионисия Ареопагита (гл.6 и 14).

¹¹ Слово «достаточно» применено из осторожности и может оказаться... недостаточным: в последние годы канторовская теория трансфинитов подвергается серьезным сомнениям, в том числе в узловом пункте доказательства существования несчетных множеств (см.: *Петросян В.К.* Основные положения концепции оснований гармонической арифметики // Бесконечность в математике: философские и исторические аспекты. М., 1997. С.49–53; *Зенкин А.А.* Ошибка Георга Кантора // Вопросы философии. 2000. № 2. С.165–168).

¹² *Лосев А.Ф.* Диалектические основы математики. С. 520–522.

¹³ Нелишне будет напомнить, что представление всего существующего (и в малом и в большом) как «неделимой единичности» того или иного типа актуально бесконечного составляет одну из главных черт античного неоплатонизма; учили неоплатоники и о «материи» как о первоедином, которое воплощено «нулевым образом» – подробнее см.: *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Последние века. Т.2. М., 1988. С.115–132.

¹⁴ *Гёте И.-В.* Гипотеза // *Лихтенштадт В.О.* Гёте. Борьба за реалистическое мировоззрение. Пб., 1920. С.304, 305.

3.8. Загадочный набросок

¹ См.: *Лосев А.Ф.* Имяславие, изложенное в системе // *Лосев А.Ф.* Личность и Абсолют. М., 1999. С.241.

² *Лосев А.Ф.* Имяславие // Там же. С.237.

³ *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа // *Лосев А.Ф.* Миф – Число – Сущность. М., 1994. С.207.

⁴ *Лосев А.Ф.* Диалектические основы математики // *Лосев А.Ф.* Хаос и структура. М., 1997. С.429 – 435.

⁵ *Лосев А.Ф.* Философия имени. М., 1927. С.83. Можно предположить, что упоминание этих двух типов имен сохранилось в окончательном варианте книги как рудимент более ранней редакции текста, подвергнутой «небезболезненным сокращениям» (слова автора), причем указанный параграф 10 назван в «Предисловии» книги среди особенно пострадавших (Там же. С.6).

⁶ *Лосев А.Ф.* Миф – развернутое магическое имя // *Лосев А.Ф.* Миф – Число – Сущность. М., 1994. С.218–232. Этот текст представляет собой один из вариантов завершающей части «Диалектики мифа», не вошедший в книгу 1930 года.

⁷ Там же. С.222.

⁸ Там же. С.232.

⁹ Там же.

¹⁰ Вероятно, имеется в виду сформулированная Э. Цермело в 1904 году знаменитая «аксиома выбора» (или, как выражался Цермело, «принцип выбора»), согласно которой любое произвольное множество можно представлять вполне упорядоченным. Вокруг именно этой аксиомы в годы кризиса оснований математики было наломано великие горы полемических копий.

¹¹ *Жегалкин И.* Трансфинитные числа. М., 1908. С.204.

¹² Там же. С.206, 207.

¹³ Там же. С.222 (соответственно для §327).

¹⁴ Там же. С.221–222 (соответствует отсылке на §324).

¹⁵ Там же. С. 223 (соответствует отсылке на §330).

¹⁶ Там же. С. 225.

¹⁷ Там же. С. 295, 296.

Часть IV

А.Ф. Лосев.

О форме бесконечности

¹ В составе «Диалектических основ математики» данному тексту предшествует небольшая вступительная заметка (см.: Лосев А.Ф. Хаос и структура. М., 1997. С.522–523), которая в совокупности с текстом «О форме бесконечности» составляет параграф 98-й книги. Исходная рукопись была обнаружена уже после выхода в свет книги «Хаос и структура», в составе которой текст «Диалектических основ математики» издавался на основе не вполне удовлетворительной (не исправленной самим автором после перепечатки местами весьма неразборчивого текста) машинописной копии из архива А.Ф. Лосева. В настоящем издании дается сверенный по рукописи текст; наиболее семантически значимые изменения приводятся ниже в данных примечаниях.

В конце указанной вступительной заметки в рукописи имеется авторская ремарка: *Сюда – статья «О форме бесконечности» стр. 1–13.* Здесь же приложена небольшая пачка вчетверо сложенных листов белой (пожелтевшей) бумаги, с двух сторон исписанных синими чернилами. Текст занимает 13 страниц, содержит небольшое количество исправлений, которые внесены фиолетовыми чернилами, вероятно, при редактировании текста уже в составе планируемой книги. В правом верхнем углу первого листа рукописи возле заголовка имеются датировки: *Нач. 31 июля 1932 и Конч. 2 авг. 1932.* Указанные даты соответствуют времени пребывания Лосева в Белбалтлаге на ст. Медвежья Гора накануне освобождения из заключения.

² Первоначально (в рукописи зачеркнуто) начало раздела 3 выглядело так: *Если взять треугольник и его вершину отдалять от основания, то угол при вершине делается все меньше и меньше, и основание сокращается по мере уменьшения угла при вершине. Если вершина будет удалена в бесконечность, то длина основания сократится в точку, и угол при вершине обратится в линию.*

³ В первом издании: *только.*

⁴ В первом издании вместо *уточнения* машинописи делалась попытка исправления: *утончения.*

⁵ В первом издании: *взгляде на.*

⁶ В первом издании слова *значение* и *разное* пропущены.

⁷ В первом издании: *людей*.

⁸ В первом издании: *космогония*.

⁹ В первом издании: *жизнями*.

¹⁰ В первом издании: *количественной*.

¹¹ В первом издании: *разбирающей*.

Вопросы философии

¹ Название условное, дано комментатором. Первые четыре письма публикуются по материалам из архива А.Ф. Лосева. Письмо I представлено двумя машинописными копиями и рукописью А.Ф. Лосева, письмо III – только машинописной копией. Письмо II представлено двумя рукописными дубликатами, выполненными разными лицами, причем один из них написан рукою А.А. Мейера, принадлежность другого не установлена. Письмо IV представлено рукописью, выполненной в каллиграфии К.А. Половцевой. Письмо V, отстоящее по времени написания от названных писем на четыре года и завершающее этап эпистолярного общения философов, публикуется по рукописи из личного фонда А.А. Мейера (Научно-информационный центр общества «Мемориал», г. Санкт-Петербург); рукопись исполнена А.Ф. Лосевым. Отметим, что никаких иных следов переписки, кроме последнего письма, в бумагах А.А. Мейера (включая сюда и ф.601 Рукописного отдела ГПБ им. Салтыкова-Щедрина) нами не обнаружено.

Переписка публиковалась в журналах «Начала», 1994, № 2–4 (письма I, III, IV) и «Вопросы философии», 2000, № 3 (в полном объеме).

² Дата проставлена карандашом на одной из рукописных копий письма.

³ В машинописи: *откровенности*.

⁴ Возможно, имеется в виду работа А.А. Мейера «*De mundo visibile (О видимом мире)*» (1938), не опубликована.

⁵ Есть данные, что А.А. Мейер перевел несколько глав книги V трактата Прокла «О теологии Платона» (см.: Мейер А.А. Философские сочинения. Париж, 1982. С.475). Трудно с полной ясностью судить, понимался ли под «всем Прокломом» целиком трактат или указанная книга из его состава.

¹ Статья в жанре «бесед с молодежью» была написана (вернее, продиктована) А.Ф. Лосевым в 1986 году по заказу редакции журнала «Сельская молодежь». Впервые опубликована в составленной Ю.А. Ростовцевым книге: *Лосев А.Ф. Дерзание духа*. М., 1988. С.297–314. Спустя десять лет материалом воспользовалась бывшая сотрудница указанного журнала И. Кленская, опубликовавшая эту же статью в чуть более развернутом виде в еженедельной газете «Русская мысль», 1998, №№ 4225, 4226 (июнь). В обоих случаях текст подвергся сокращениям и значительной стилистической правке.

В архиве А.Ф. Лосева имеются два варианта статьи – первоначальный объемом 16 машинописных страниц и окончательный объемом в 21 страницу, легший в основу названных выше публикаций. В настоящем издании впервые публикуется расширенный вариант статьи в полном соответствии с оригиналом. Подчеркивания в машинописи переданы у нас курсивом.

Библиографические справки и дополнения.

Указатели

I.

Бесконечность «торжественная» и бесконечность «живая».

Опубликовано в сборнике: А.Ф. Лосев и культура XX века. Лосевские чтения. – М.: Наука, 1991. С.79–83. Сборник включал (в основном) доклады, прочитанные на «Лосевских чтениях», проходивших на филологическом факультете МГУ 22–23 мая 1989 года.

Виртуоз мысли. Опубликовано в журнале: Начала, 1993. № 2. С.4–7. Выпуск журнала целиком посвящен 100-летию со дня рождения А.Ф. Лосева.

Русский Прокл. Опубликовано в сборнике: Ойкумена мысли: феномен А.Ф. Лосева. – Уфа: Восточный университет, 1996. С.20–23.

Сколь прихотлива история философии и своеобразны переплетения в ней! Уже после того как этот текст был опубликован, в одной весьма сердитой и, надо сказать, довольно квалифицированно написанной рецензии времен «великого перелома» мне пришлось прочесть следующее: «... Для Лосева возможен один путь – от Гегеля назад, а не от Гегеля вперед. Впрочем, Гегель не является для Лосева даже временной остановкой. Да и философия Шеллинга его мало удовлетворяет. Чувствует он себя свободно лишь в обществе Плотина и Прокла. Себя он ставит в одном ряду с ними, так что сам Лосев, по-видимому, считает себя не то Платином, не то Проклом наших дней» (*Гарбер Х.* Против воинствующего мистицизма А.Ф. Лосева // Вестник Коммунистической Академии. 1930. Кн. 37–38. С. 131–132). Доклад Гарбера был прочитан в Институте философии Коммунистической Академии 21 мая 1930 года. В это время А.Ф. Лосев уже «сидел» на Лубянке.

«Новый альянс» или старый синтез. Публикуется на основе доклада, прочитанного 22 мая 1991 года на «Лосевских чтениях» (проходили 22–23 мая) на филологическом факультете МГУ. Материалы конференции (всего было около 35 докладов и сообщений) не издавались.

«Античный космос и современная наука» и современная наука.

Опубликовано как послесловие в книге: *Лосев А.Ф.* Бытие – Имя – Космос. – М.: Мысль, 1993. С.882–905.

О понятии «мир как целое». Опубликовано в сборнике: Рождественские чтения – 99. Христианство и наука. М., 2000. С.70–78. Доклад прочитан 28 января 1999 года на Седьмых Международных Рождественских образовательных чтениях в рамках конференции «Христианство и наука», проходившей на физическом факультете МГУ.

С лосевским рассуждением о «мире в целом» генетически связана работа «О мировоззрении» (см. наст. изд).

К философии чуда. Публикуется на основе доклада, прочитанного 25 января 2001 года на Девятых Международных Рождественских образовательных чтениях в рамках конференции «Научные и богословские аспекты исследования Туринской Плащаницы и чудесных знамений, происходящих в Православной Церкви», проходившей в Государственной Публичной Исторической библиотеке.

Типология культур А.Ф. Лосева и символ фокстрота. Опубликовано в сборнике материалов Международной научной конференции, проходившей в различных учреждениях г. Москвы 12–14 марта 2001 года: Культура в эпоху цивилизационного слома. – М., 2001. С. 583–592. Доклад прочитан 14 марта 2001 года в рамках секции «Проблемы культуры и творческое наследие А.Ф. Лосева», проходившей на филологическом факультете МГУ.

II.

Черная шапочка мастера. Опубликовано в журнале: Москва, 1996. № 11. С.154–164 (под названием «О безымянном мастере и его шапочке»). В сокращенном варианте под названием «Черная шапочка мастера» опубликовано также в еженедельнике: Домашнее чтение, 1996. № 25 (107). С.12–13.

Замечу, что образ черной шапочки, без всяких, правда, обоснований и далеко идущих рассуждений, встречается еще в известном интервью Виктора Ерофеева, где автор так описывал свои впечатления и ассоциации первой встречи с Лосевым: «... увидел перед собой высокого, прямого и, как мне сразу показалось, весьма крепкого для своего почтенного возраста старика в светлой, свежей сорочке. На голове – черная круглая шапочка, на которой не хватает вышитой буквы «М». Кругленькие профессорские очки» (А.Ф. Лосев. В поисках смысла. Беседу вел Вик. Ерофеев // Вопросы литературы, 1985. № 10. С.206).

Разумеется, это интервью уже в 1985 году довелось прочесть и мне, – в Москве сей текст распространялся со славою интеллектуального бестселлера. Однако булгаковская аллюзия, видимо, никак не задела (похоже, она воспринялась как почти очевидный литературный «штамп»), а слова В.В. Ерофеева мне будто впервые вспомнились лишь после соответствующего вопроса Елены Тахо-Годи, когда обсуждалась только что вышедшая в журнале «Москва» статья.

Для меня все «замкнулось» в одно-единственное мгновение того зимнего дня 1995 года, когда по случаю пришлось бросить взгляд на копию имяславского «манифеста» из «Дела» с Лубянки (внимательное чтение состоялось много позже) и увидеть в списке подписавших «манифест», среди прочих, фамилию П.С. Попова.

О борьбе с природой и еще кое о чем. Опубликовано в сборнике материалов Международной научной конференции «Образ мира – структура и целое», проходившей 19–23 октября 1998 года на филологическом факультете МГУ: Лосевские чтения. Образ мира – структура и целое / Логос, 1999. № 3. С.40–52. Прочитано 21 октября на «Круглом столе» конференции.

Сразу после моего выступления слово попросил Владимир Николаевич Щелкачев и, не отпуская моей руки и не давая сесть на свое место, горячо заговорил о том, как это действительно важно и нужно именно сегодня – искать правду о прошлом и выяснять все эти «мелочи» (речь шла о рукописной вставке в статье М. Горького), кто и что делал и что не делал в те годы... В.Н. Щелкачев, известный математик и признанный патриарх-теоретик в области нефтедобывающей промышленности, в молодости проходил по одному «делу» с Лосевым, пережил тюрьму Лубянки и затем ссылку в Казахстан. Скончался он 13 апреля 2005 года на 98-м году жизни. Светлый и вместе с тем сильный был человек, образец несгибаемой веры и чистого сердца.

«Духовная Русь» – неосуществленный издательский проект 1918 года. Различные варианты данной работы (в соавторстве с Еленой Тахо-Годи) публиковались в изданиях: Вестник Русского Христианского Движения, № 176 (февраль–март 1997). С.127–145; Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. – М.: Русские словари, 1999. С.123–133.

Представляется весьма перспективной дальнейшая реконструкция и издание хотя бы части некогда замышлявшейся серии «Духовная Русь». К намеченным в данной главе возможностям на сей счет

следует добавить тот факт, что в фонде С.Н. Дурьлина (РГАЛИ) недавно отыскалась обширная рукопись работы «Апокалипсис и Россия», до сих пор не напечатанной.

Из истории «Диалектики мифа». Опубликовано как послесловие в книге: *Лосев А.Ф. Самое само.* – М.: Эксмо-Пресс, 1999. С.985–1001.

Некоторые новые сведения о «Диалектике мифа» (характеристика подготовительных материалов к книге и вновь найденных фрагментов «Дополнения», биографические данные о следователе Марианне Герасимовой, вопрос о «вставках» и др.) вместе с критическим изданием соответствующих текстов можно найти в предисловии А.А. Тахо-Годи и моих комментариях, опубликованных в книге: *Лосев А.Ф. Диалектика мифа.* – М.: Мысль, 2001. 559 с. (серия «Философское наследие», вып. 130).

Домик у горы Дивьей. Опубликовано под названием «Обратный адрес: Медвежья Гора» (в сокращении) в журнале: *Посев*, 2000. № 3. С.28–32. Публикация писем из архива А.Ф. Лосева принадлежит А.А. Тахо-Годи.

Самое полное издание «лагерных» писем Лосевых теперь представлено в кн.: *Лосев А.Ф., Лосева В.М. «Радость на веки». Переписка лагерных времен.* – М.: Русский путь, 2005. 264 с. (составление, подготовка текста и комментарии А.А. Тахо-Годи и В.П. Троицкого). Новая экспозиция, посвященная А.Ф. Лосеву и В.М. Лосевой и созданная по материалам, предоставленным Культурно-просветительским обществом «Лосевские беседы», открылась в краеведческом музее г. Медвежьегорска в 2003 году (см. фото в указанной книге).

Чеховская тема в творчестве А.Ф. Лосева. Опубликовано в журнале: *Чеховский вестник*, 1999. № 4. С.68–72; здесь же приведена заметка А.А. Тахо-Годи «Кое-что о Чехове и Лосеве» (с.72–76).

Образ Лосева как писателя и Лосева как читателя и почитателя русской классической литературы обрисован в книге: *Тахо-Годи Е.А. А.Ф. Лосев. От писем к прозе. От Пушкина до Пастернака.* – М.: Диалог-МГУ, 1999. 288 с.

Здесь думают и помнят. Опубликовано с некоторыми сокращениями в еженедельнике: *Домашнее чтение*, 1997. № 8 (116). С.3.

Беседа с А.А. Тахо-Годи записана 1 марта 1997 года. По молчаливому согласию в нашем разговоре не затрагивалась книга «Лосев»,

работа над которой (для серии «Жизнь замечательных людей») как раз в это время заканчивалась; вышла из печати летом 1997 года. Другие, уже упомянутые книги напечатаны позднее: Греческая культура в мифах, символах и терминах (СПб., 1999); Владимир Соловьев и его время (М., 2000).

Работы по капитальному ремонту «Дома Лосева» полностью завершены в феврале 1999 года. В декабре 2000 года решением правительства г. Москвы в «Доме Лосева» определено размещение государственного учреждения культуры – Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». В основу книжного фонда Библиотеки были положены книги из лосевского собрания (около 10000 экз.), переданные А.А. Тахо-Годи в дар городу Москве. Торжественное открытие Библиотеки состоялось 23 сентября 2004 года. Здесь кроме работы с читателями ведется также активная научная и культурно-просветительская работа: семинары, научные конференции, встречи с исследователями, творческие вечера, обсуждения новых книг и т.д.

С веком наравне. Опубликовано (в сокращении) в журнале: Посев, 1999. № 10. С.45–48.

Когда читатели изрядно попривыкли к третьему лосевскому «восьмикнижию» как к факту свершившемуся, в издательстве «Мысль» решили продолжить (и теперь уже, можно сказать, завершить) серию новым выпуском. В основу девятого тома, напечатанного в 2002 году, легла книга А.Ф. Лосева «Эллинистически-римская эстетика I – II веков» (1979), та самая работа, которая в свое время была вычленена из корпуса второго «восьмикнижия» – «Истории античной эстетики». Книга об известном переходном периоде культуры, получается, сама явила некий перманентный культурный переход, прейдя сначала границы второго «восьмикнижия» и теперь уже третьего – тоже.

III.

О смысле чисел. Опубликовано как послесловие в книге: Лосев А.Ф. Миф – Число – Сущность. – М.: Мысль, 1994. С.894–903.

Разумеется, возможны и другие подходы к интерпретации «идеальных» и «математических» чисел. См., например: Беккер О. Диалектическое порождение платоновских идеальных чисел // Истори-

ко-математические исследования. Вторая серия, выпуск 9 (44), 2005. С. 288–330 (перевод и комментарий В.С. Маргаритова). Возникающие здесь древесные структуры активно изучает в последние годы А.Н. Паршин. Интересно, что в его построениях естественным образом используется гёделевская нумерация как особая система координат: *Паршин А.Н.* Путь. Математика и другие миры. – М.: Добросвет, 2002. С. 67–101.

Кантор plus Лосев. Опубликовано в качестве комментария к первой публикации статьи А.Ф. Лосева «Логическая теория числа» в журнале: Вопросы философии, 1994. № 11. С.135–140. В виде доклада прочитано 20 октября 1993 г. на Международной научной конференции «А.Ф. Лосев: философия, филология, культура», проходившей 18–23 октября 1993 г. на филологическом факультете МГУ.

Упомянутую в статье заметку Андрея Платонова о канторовской теории множеств под названием «Истина, сделанная из лжи» удалось в конце концов обнаружить в одном из выпусков газеты «Воронежская коммуна» за 1921 год. Немалая трудность состояла в том, что подшивки воронежских газет оказались рассеяны по разным библиотекам Москвы и везде представлены с большими лакунами, не говоря уже о том, что сами эти «слепые» тексты, напечатанные на дурной бумаге, читать крайне трудно – разруха была. Вместе с упомянутой работой «Слышные шаги» эта статья переиздана мною как раз к 100-летию со дня рождения писателя (см.: Знание – сила, 1999. № 9–10. С. 21–25).

К приведенным в работе примерам-проектам представления чисел в «несводимом» виде можно присоединить активно обсуждаемую в последние годы идею создания «квантового компьютера» (см. интересный обзор состояния разработок: *Валиев К.А.* Квантовая информатика: компьютеры, связь и криптография // Вестник РАН, 2000. № 8. С.688–695) с невозможными для обычного компьютера свойствами параллелизма состояний и интерференции вычислений.

Информация и чудо. Опубликовано в журнале: Начала, 1994. № 2–4. С.213–224. Позднее включено в сборник: Философия. Филология. Культура. Лосевские чтения. – М.: Издательство Московского университета, 1996. С.78–86.

Отмечу, что в обоих случаях, несмотря на усилия редакторов, моя несколько необычная и громоздкая нотация, использованная

для передачи лосевской категориальной системы, была воспроизведена с искажениями.

Еще о месте и роли категории информации в рамках лосевской системы см. в наст. изд., гл. «Введение в периодическую систему...».

Теория множеств как «научно-аналитический» слой имяславия. Опубликовано в качестве исследовательского материала в книге: *Лосев А.Ф.* Имя. Избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы. – СПб.: Алетейя, 1997. С.537–550.

С упомянутыми разработками Станислава Лесьневского и прилегающими логическими теориями теперь можно познакомиться по развернутому изложению в монографии: *Васюков В.Л.* Формальная феноменология. – М.: Наука, 1999. 223 с. Вообще глубокие логические идеи А.Ф. Лосева 1920–40-х годов удивительно часто и существенно перекликаются со многими пионерскими логическими исследованиями того же времени, выходящими именно сейчас на первый план. Здесь залегает богатейшая тема и для «лосеведения» и для современной логики.

Метаматематика А.Ф. Лосева. Опубликовано как послесловие в книге: *Лосев А.Ф.* Хаос и структура. – М.: Мысль, 1997. С.804–821.

Новые данные о «Диалектических основах математики», в том числе наиболее полный план книги, известный на сей день, приведены в материале: *Троицкий В.П.* О математических рукописях А.Ф. Лосева // Лосевские чтения. Образ мира – структура и целое / Логос, 1999. № 3. С.208–211. См. также главу «С веком наравне» в наст. изд.

О лосевской критике идейных основ метаматематики по Д. Гильберту также см.: *Троицкий В.П.* Реализм против номинализма // Историко-математические исследования. Вторая серия. Выпуск 8 (43), 2003. С. 337–339. Здесь же (с. 339–401) впервые опубликована работа А.Ф. Лосева «Критические заметки о буржуазной математической логике» (завершена в 1944 году).

Введение в периодическую систему начал. Опубликовано в журнале: Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы, 2000. № 1. С.1–11.

Считаю важным отметить, что редакционная коллегия журнала и сотрудники ВИНТИ РАН отдали должное имени Лосева, оперативно поместив данную статью в содержательно отмеченное «милле-ниумом» место. К сожалению, инициатор этого символического жеста,

бессменный редактор журнала «Научно-техническая информация» и сборников «Семиотика и информатика» Татьяна Николаевна Лаппалайнен вскоре скончалась. Мы были знакомы с 1978 года. Вечная память!

Затронутые системологические мотивы заново рассмотрены в широком историко-философском контексте в работе: *Троицкий В.П.* Философские начала цельного знания у Вл. Соловьева и А.Ф. Лосева // Владимир Соловьев и культура Серебряного века: К 150-летию Вл. Соловьева и 110-летию А.Ф. Лосева. – М.: Наука, 2005. С. 103–108.

Гипотеза о типах бесконечности. Расширенный текст доклада, прочитанного 26 января 2000 года на Восьмых Международных Рождественских образовательных чтениях в рамках конференции «Христианство и наука», проходившей на физическом факультете МГУ. Опубликовано в сб.: Два града. Диалог науки и религии: Восточно- и Западноевропейская традиции. – М.: Издательство Н. Бочкаревой, 2002. С. 277–289.

Загадочный набросок. Текст составлен в феврале 2001 года и подготовлен для сборника трудов научной конференции «Культурное наследие России: универсум религиозной философии», проходившей в г. Уфе 29–30 сентября 2003 года. Несколько в иной редакции и под заголовком «Имяславие и теория множеств (опыт медленного чтения одной рукописи из архива А.Ф. Лосева)» опубликован в альманахе: София: Вып. 1: А.Ф. Лосев – ойкумена мысли. – Уфа, 2005. С. 63–72.

Указатель имен

- Авербах А. – 115, 398
 Аверинцев С.С. – 5, 16, 381
 Августин, св. – 345
 Адельшин Г.М. – 5
 Александр Александрович, см.
 Мейер А.А.
 Александр Борисович, см. Салты-
 ков А.Б.
 Ампер А. – 250
 Андреев Л.Н. – 145
 Андроник, монашеское имя
 А.Ф. Лосева – 95, 390
 Андроник Родосский – 260, 408
 Ансельм Кентерберийский, – 233,
 413
 Антисфен – 39
 Антонова Е. – 151, 405
 Апт С. – 81, 392
 Ареопagit Дионисий – см. Дио-
 нисий Ареопagit
 Аристотель -- 23, 49, 79, 139, 189,
 190, 192-195, 204, 207, 211,
 231, 246, 257, 258, 260, 272,
 274, 285, 336, 407, 410
 Арнольд В. И. – 408
 Арнольд М. – 69
 Арнольдов – 153
 Аскольдов С.А. – 123, 133
 Асмус В.Ф. – 136, 402
 Астахова А.М. – 381
 Афанасия, монашеское имя
 В.М. Лосевой – 95, 391
 Афиногенов А.Н. – 398
 Бабель И.Э. – 93
 Барашенков В.С. – 388
 Барков А.Н. – 394
 Бар-Хиллел И. – 413
 Басов-Верхоянский С.А. – 141,
 403
 Баткин Л.М. – 40
 Бахтин М.М. – 40, 386, 389
 Белый А. – 176
 Бекетова Н.В. – 5
 Беккер О. – 430
 Бёме Я. – 135, 402
 Бергсон А. – 98, 351
 Берд Р. – 6
 Бердяев Н.А. – 121-124, 127, 130,
 132, 133, 250, 262, 399, 401,
 418
 Бернайс П. – 257
 Библер В.С. – 40
 Биbihин В.В. – 5, 120, 186, 334,
 399
 Бичурин Н.Я., в монашестве
 Иакинф – 15
 Блок А.А. – 197
 Бобринская В.С. – 399
 Богомоллов А.Н. – 416
 Бойко П.Е. – 5
 Большано Б. – 414
 Бор Н. – 46, 47
 Борковский Л. – 413
 Бройтман С.Н. – 5
 Брушлинский В. – 416
 Булгаков М.А. – 87-89, 91-93,
 96-100, 102-105, 394-396
 Булгаков С.Н. – см. Сергий
 (Булгаков)
 Булгаков Ф.С. – 178

- Булгакова Е.С. – 99
 Бурбаки Н. – 257
 Бычков В.В. – 5

 Вавилов Н.И. – 269
 Вагнер Г.К. – 5
 Вагнер Р. – 127, 128, 400
 Валентина Михайловна, Валя, см.
 Лосева В.М.
 Варвара Ефремовна – 162
 Васильев Д.Ю. – 5
 Васюков В.Л. – 432
 Васютинский Н.А. – 50, 388
 Валиев К.А. – 431
 Вальков К.И. – 265, 418
 Вейль Г. – 190, 196, 407
 Вейнингер О. – 170
 Венгерс С.А. – 126
 Венедикт Нурсийский, св. – 145
 Венн Д. – 277
 Вернадский В.И. – 73, 269
 Винер Н. – 201
 Витгенштейн Л. – 183
 Волков К. – 416
 Воробьев О.А. – 402
 Востоков П. – 250
 Вулис А.З. – 96, 395

 Гайденок П.П. – 5
 Галилей Г. – 414
 Гальперин С.В. – 6
 Гамаюнов М.М. – 6
 Гарбер Х. – 416, 426
 Гаспаров М.Л. – 381
 Гачев Г.Д. – 6
 Гегель Г.-В.-Ф. – 19, 22, 49, 225,
 246, 247, 286, 335, 336, 343,
 351, 426
 Гёдель К. – 214, 257, 259, 417
 Генон Р. – 15
 Гераклит Эфесский – 24, 336
 Герасимова М.А. – 113-115, 147,
 168, 169, 397, 429
 Гершензон М.О. – 358, 359
 Гесиод – 201
 Гессе Г. – 69, 392
 Гёте И.-В. – 52, 307, 358, 386, 421
 Гильберт Д. – 214, 257-260, 391,
 432
 Гиппиус З.Н. – 145
 Глинка-Волжский А.С. – 124,
 126, 133, 400-401
 Гоббс Т. – 220
 Гоголь Н.В. – 127, 130, 132
 Гоготишвили Л.А. – 6, 43, 174,
 186, 387
 Голлербах Э.Ф. – 137, 149, 404
 Голованов Л.В. – 6
 Гор Г. – 388
 Горький М. – 89, 92, 106-119, 146,
 147, 165, 167, 169, 185, 396-
 398, 406, 428
 Гражданников Е.Д. – 49, 388
 Гранат – 45
 Грец – 160
 Григорий Богослов, св. – 376
 Григорий Палама, св. – 185, 376
 Гришин М. – 141
 Грузенберг – 139
 Гудзий Н.К. – 178
 Гулыга А.В. – 6, 179
 Гумбольдт В. – 402
 Гуссерль Э. – 24, 39, 183, 280
 Гутберлет К. – 303, 421

 Давид, псалмопевец – 378

- Давид Непобедимый, Анахт – 19
 Даль В.И. – 92, 395
 Дамаский – 53
 Данцев А.А. – 6
 Даубен Д. – 415
 Деборин А.М. – 136, 248-250, 416
 Дедекинд Р. – 303, 413, 421
 Декарт Р. – 34
 Демидов С.С. – 416
 Демин Н.В. – 6
 Демокрит – 53, 79
 Денн М. – 6
 Джемс В. – 183
 Джимбинов С.Б. – 6
 Джойс Д. – 208, 409
 Джохадзе Д.В. – 6, 380, 382
 Джубара А. – 6
 Димитров Э. – 6
 Диоген Синопский – 39
 Диоген Лаэртский – 381, 382
 Дионисий Ареопагит – 172, 421
 Дирак П. – 307
 Доброхотов А.Л. – 6
 Достоевский Ф.М. – 29, 124, 127, 130, 132, 163, 164
 Драгалин А.Г. – 417
 Дунаев А.Г. – 6
 Дурьлин С.Н. – 127, 130, 132, 133, 401, 429
 Евклид – 247, 257
 Еврит – 204, 205
 Егор Васильевич – 161, 162
 Егоров Д.Ф. – 250, 253, 416
 Е.И. – 227
 Ерофеев В.В. – 6, 427
 Есенин С.А. – 94
 Есенин-Вольпин А.С. – 56, 391
 Ефремов И.А. – 279, 419
 Жарова П. – 252
 Жегалкин И.И. – 232, 319-322, 421
 Заболоцкий Н.А. – 379
 Завьялова В.П. – 6
 Зализняк А.А. – 377
 Зверев Г.В. – 175
 Зенкин А.А. – 418
 Зенкин К.В. – 6, 421
 Зеньковский В.В. – 136, 171
 Зинаида Аполлоновна, см. Таргонская З.А.
 Иванов, владелец типографии – 140
 Иванов В.И. – 123-128, 131-133, 166, 243, 358, 359, 399-401, 424
 Иванов Вяч. Вс. – 408, 428
 Иванова Е.П. – 393
 Идлис Г.М. – 269
 Изгоев А.С. – 122, 123
 Иларион (Домрачев), схимонах – 101
 Илия II, католикос – 178
 Ильин И.А. – 124, 246, 398
 Иоанн Лествичник, св. – 145
 Иоанн Шаховской, архиеп. – 69, 70, 76, 392
 Каганович Л.М. – 136-138, 144-146, 395
 Казарян А.Т. – 6
 Камчатнов А.М. – 6
 Кант И. – 66-68, 293, 336, 343, 347, 351, 392, 402

- Кантор Г. – 10, 12, 67, 191, 202, 204-209, 227-233, 235-242, 256, 280, 297-301, 303, 306, 380, 408, 409, 412-415, 420, 421, 431
- Карсавин Л.П. – 43, 246
- Карташев А.В. – 122
- Картер Б. – 36, 391
- Карцевский С.И. – 124
- Катаев В.Б. – 162
- Катаев В.П. – 93, 94, 395
- Кашкаров Ю.Д. – 6
- Кедров К.А. – 6
- Кирилл, св. – 176
- Киришон В.М. – 137, 138, 141, 398
- Клайн Д. – 402
- Кленская И. – 392, 425
- Клини С. – 259, 410, 414, 417
- Ключевский В.О. – 15
- Ковалев В.И. – 6
- Коган Л.И. – 405
- Кознова О.В. – 179
- Койре А. – 135, 136, 402
- Колтырин С.И. – 152
- Кольман Э.Я. – 417
- Конюс Г.Э. – 50
- Косаковский В.А. – 63
- Котляревский С.А. – 123
- Коши О. – 304
- Кравец С.Л. – 6
- Крылов Н.Н. – 416
- Крючков П.П. – 397
- Ксенократ – 191
- Ксенофонт – 336
- Кубицкий А.В. – 213
- Кудрин В.Б. – 6
- Кузанский Николай (Кузанец), см. Николай Кузанский
- Кузнецов Б.Г. – 34, 40, 384, 386, 388, 391
- Кузьмичев И. – 357
- Кулаков Ю.И. – 269, 418
- Кулик Б.А. – 419
- Кусраев А.Г. – 391
- Кут А. – 416
- Кутателадзе С.С. – 391
- Лаврентьева А.Г. – 403
- Лазарев В.Я. – 6, 179
- Лакшин В.Я. – 89, 394
- Лаланд А. – 220, 411
- Лаппалайнен Т.Н. – 433
- Ларичев В.П. – 180
- Лебедев-Полянский П.И. – 138, 140, 142, 144, 403
- Лейбниц Г.-В. – 343, 351
- Лем С. – 389
- Ленин В.И. – 249
- Леонардо да Винчи – 19
- Леонтьев К.Н. – 170
- Леонтьева М.Г. – 405
- Лермонтов М.Ю. – 132, 177, 366
- Леруа Э. – 220, 411
- Лесков Н.С. – 127, 130, 132
- Лесьневский С. – 234, 235, 432
- Лефевр В.А. – 50
- Линде А.Д. – 48, 59, 385, 388
- Линней К. – 255
- Лин Цзияо – 6
- Литвинова Л.В. – 182
- Лихачев Д.С. – 381
- Лихтенштадт В.О. – 421
- Локк Д. – 257
- Лоренц Г.-А. – 28, 31, 33, 38
- Лосев А.Ф. – *passim*

- Лосева (Соколова) В.М. – 95,
146, 151, 155, 160, 161, 167,
168, 187, 246, 247, 264, 269,
356, 357, 391, 403-406, 415,
429
- Лосева И.Н. – 6
- Лосевы – 156
- Лосский Н.О. – 136, 171, 385, 392
- Лотман Ю.М. – 75, 393
- Лузин Н.Н. – 250, 253, 254, 380,
416
- Лукьянов С.М. – 179
- Луллий Р. – 420
- Львов Н.Н. – 122
- Льюис К.С. – 392
- Любищев А.А. – 53, 57, 269, 390,
391
- Лютер М. – 224
- Магомедова Д.М. – 6
- Малеина Е.И. – 158, 159
- Малеина М.И. – 158
- Малинаускене Н.К. – 6
- Мальчукова Т.Г. – 6
- Мамардашвили М.К. – 35, 57, 58,
385, 391
- Мановский Рафаил – см. Сет-
ницкий Н.А.
- Маргаритов В.С. – 431
- Марин – 382
- Марк Подвижник, св. – 145
- Маркс К. – 170, 249, 372
- Марутаев М.А. – 50
- Марченков Вл. – 6
- Матешук А.В. – 182
- Махов А.Е. – 6
- Медведев Ф.А. – 412
- Мейен С.В. – 50, 52, 389
- Мейер А.А. – 5, 335, 338, 354-359,
424
- Менделеев Д.И. – 255, 269, 284
- Мендель Г. – 250
- Месарович М. – 50
- Мефодий, св. – 176
- Миклухо-Маклай Н.Н. – 375
- Михайлов А.В. – 6
- Михайловский Н.К. – 338
- Моисеев В.И. – 6
- Моисеев Н.Д. – 158, 160, 162, 405
- Моцарт В.-А. – 384
- Муравьев В.Н. – 100, 101, 122,
123, 206, 227, 240, 246, 255,
256, 309, 394, 409, 412, 414,
415, 417
- Мусатов В.В. – 163, 406
- Набоков В.В. – 165, 406
- Науомы – 154
- Нахов И.М. – 6
- Н.В. – 400
- Николай Дмитриевич, см.
Моисеев Н.Д.
- Николай Кузанский – 37, 246,
247, 261, 271, 306, 334, 382
- Николай Чудотворец, святитель –
69, 70
- Ницше Ф. – 351
- Новоселов М.А. – 406
- Ньютон И. – 46
- Ожегов С.И. – 293, 420
- Оккам В. – 45
- Ольга Васильевна – 160, 161
- Остромир – 378
- Осука Ф. – 6

- Павел, ап. – 77
 Павилёнис Р.И. – 390
 Паршин А.Н. – 431
 Паскаль Б. – 239, 414
 Пастернак Б.Л. – 6, 406, 429
 Панасенко Ю.Ф. – 6
 Паш М. – 251
 Пеано Д. – 258
 Петр (Полянский), митр. – 399
 Петровский Н.В. – 160, 405
 Петросян В.К. – 421
 Пешкова Е.А. – 140, 406
 Пиаже Ж. – 200
 Пифагор – 53, 250, 336
 Платон – 21, 24, 28, 30, 33, 37, 39,
 53, 55, 63, 79, 98, 113, 114, 170,
 172, 189, 194, 195, 197, 199,
 201, 206, 207, 209, 211, 231,
 232, 242, 246, 258, 276, 278,
 283, 334, 336-338, 386, 390,
 408, 415, 418, 424
 Платонов А.П. – 205, 409, 431
 Платонова В.А. – 356, 357
 Плотин – 15, 17, 28, 37, 139, 189-
 196, 198, 202, 203, 206, 209,
 232, 246, 249, 258, 261, 272,
 274, 283, 285, 334, 337, 381,
 426
 Плутарх – 19, 336
 Подниекс К.М. – 415
 Покровский А.И. – 123
 Полковникова С.А. – 6
 Половинкин С.М. – 416
 Половцева К.А. – 356, 357, 403,
 424
 Попов П.С. – 97-99, 102, 103, 395,
 419, 428
 Порфирий – 15, 193, 381, 405
 Постовалова В.И. – 6, 380
 Пригожин И. – 36, 46, 58, 203,
 385, 387, 391
 Прокофьев П. – см.
 Чижевский Д.И.
 Прокофьев С.С. – 394
 Прокл – 13, 19-22, 24-26, 28, 30,
 31, 34, 37, 50, 53, 55, 64, 139,
 191, 199, 202, 203, 207, 209,
 232, 246, 247, 249, 283, 334,
 354, 376, 382, 388, 414, 424,
 426
 Проселкова Т.В. – 6
 Пушкин А.С. – 6, 99, 124, 127,
 129, 130, 132, 163, 366, 400,
 406, 429
 Рабинович В.Л. – 386
 Рассел Б. – 117, 257, 398
 Рафаэль С. – 15
 Рашевский П.К. – 56, 390
 Резерфорд Э. – 47
 Резниченко А.И. – 6
 Ремизов А.М. – 15
 Решетник Т.И. – 402
 Римский-Корсаков Н.А. – 120,
 127, 128
 Робинсон А. – 304
 Родзянко М.В. – 122
 Роженко Н.М. – 416
 Розанов В.В. – 16, 145, 147
 Рольберг П. – 396
 Романенко Ю.М. – 6
 Ростовцев Ю.А. – 6, 392, 425
 Русов Н.Н. – 148, 149, 170
 Руссо Ж.-Ж. – 382
 Рьюз М. – 391

- Сабашников М.В. – 124, 127, 128, 133, 401
- Сабашниковы – 128, 400
- Савельева О.М. – 6
- Салтыков А.Б. – 160, 162, 406
- Сараджев А.Х. – 403
- Свасьян К.А. – 408
- Селиверстов Г.И. – 178
- Сенокосов Ю.П. – 391
- Серапион (Машкин), архим. – 240, 414
- Сергий (Булгаков), протоиерей – 43, 67, 76, 77, 122-127, 132, 133, 178, 184, 392, 393, 400-401, 407
- Сетницкий Н.А. – 398
- Сидоров С.А. – 125, 127, 131-133, 399
- Скрябин А.Н. – 129, 176, 400
- Слупецкий Е. – 413
- Соколов Б.В. – 103, 104, 396
- Соколов Б.М. – 124
- Соколов В.В. – 6
- Соколов М.В. – 156
- Соколова Т.Е. – 156
- Сократ – 248, 336, 408
- Солженицын А.И. – 355
- Соловин М. – 48
- Соловьев – 142, 143, 145
- Соловьев Вл. С. – 24, 62, 110, 121, 172, 179, 180, 246, 258, 385, 392, 396, 430, 433
- Солоневич И.Л. – 405
- Соссюр Ф. де – 73, 74, 393
- Спевсипп – 191
- Спенсер Г. – 339
- Спиноза Б. – 34, 220, 351
- Сpirкин А.Г. – 6
- Стагирит, см. Аристотель
- Сталин И.В. – 117, 398
- Стахов А.П. – 50
- Стенгерс И. – 391
- Степанов Ю.С. – 6
- Столлович А.Г. – 6
- Струве П.Б. – 122-124, 130, 132, 133, 399, 401
- Стяжкин Н.И. – 419
- Тамм И.Е. – 269
- Тарабукин Н.М. – 145
- Таргонская З.А. – 161, 406
- Таривердиева М.А. – 6
- Тахо-Годи А.А. – 5, 6, 20, 43, 95, 100, 112, 142, 148, 162, 167, 182, 183, 185, 188, 271, 310, 386, 387, 390, 391, 396, 403, 406, 407, 416, 418, 429, 430
- Тахо-Годи Е.А. – 6, 162-164, 166, 399, 428-429
- Толстой Л.Н. – 124, 127, 130, 132
- Топоров В.Н. – 410
- Троицкая Т.В. – 403
- Троицкий В.П. – 6, 168, 175, 380, 387, 390, 393, 410, 411, 417, 419-420, 429, 432, 433
- Тростников В.Н. – 387
- Трубецкой Е.Н., кн. – 127, 132
- Трубецкой С.Н., кн. – 412
- Тумаш Е.О. – 152
- Тураев Б.А. – 15
- Уайтхед А. – 257, 408
- Уваров М.С. – 6
- Уемов А.И. – 50
- Узелац М. – 6
- Унлер Дж. – 383

- Урицкий С.Б. – 397
 Урманцев Ю.А. – 50-52, 269, 389
 Урсул А.Д. – 411
 Успенский В.А. – 409
 Устрялов Н.В. – 119, 136, 398, 402
 Ухтомский А.А. – 356, 357
- Фанг Д. – 265, 418
 Федоров Е.С. – 269
 Федоров Н.Ф. – 398
 Фейербах Л. – 19
 Фейнман Р. – 299
 Фельдштейн М.С. – 161, 162, 406
 Феофан, еп. Кронштадтский – 71, 72, 145, 220, 393, 411
 Фибоначчи (Леонардо Пизанский) – 50
 Филатов С.А. – 6
 Фирин С.Г. – 115, 398
 Фитцджеральд – 38
 Фихте И.-Г. – 336, 337, 343, 351
 Фламарион К. – 60, 165
 Флоренский П.А., священник – 16, 19, 28, 33-36, 43-45, 59, 61, 85, 101, 103, 124, 125, 127, 132, 133, 173, 184, 206, 209, 227, 229, 232, 236, 239, 241, 245, 246, 253-255, 297-299, 301, 306, 309, 377, 380, 383-385, 387, 390, 391, 396, 399-401, 406, 409, 412-414, 416, 417, 420
 Флоренский П.В. – 6
 Фома Аквинский – 184
 Форш О.Д. – 398
 Франк С.Л. – 116, 122, 123, 135, 171, 246, 249, 261, 262, 301, 311, 399, 402, 416-418
 Франс А. – 93
 Френкель А. – 413
 Фридман А.А. – 47
 Фуко М. – 49, 50, 75, 388, 393
- Хаардт А. – 6
 Хагемайстер М. – 416
 Хайдеггер М. – 183
 Холопов Ю.Н. – 6
 Хоружий С.С. – 6, 59, 61, 170, 256, 269, 385, 391
 Хрущев Н.С. – 177
 Хюбшер А. – 394
- Цермело Э. – 317, 421
 Цесарская Э. – 171
- Чайковский П.И. – 164
 Чаплевич Е. – 6
 Челпанов Г.И. – 98, 140
 Черч А. – 268
 Чехов А.П. – 162-164, 341, 429
 Чехович Д.О. – 6
 Чижевский А.Л. – 386
 Чижевский Д.И. – 135, 171, 402
 Чудакова М.О. – 135, 171, 395
 Чулков Г.И. – 127, 129, 132, 177, 400
 Чулкова Н.Г. – 177
- Шаров А.А. – 50, 390
 Шаумян С.К. – 6
 Шафаревич И.Р. – 408
 Швейцер А. – 16
 Шеллинг Ф.-В. – 24, 225, 246, 247, 336, 337, 343, 347, 426

- Шеннон К. – 75
 Широков О.С. – 6
 Шмидт С.О. – 384
 Шумлян Р. – 410
 Шопенгауэр А. – 262, 336, 351
 Шпенглер О. – 77, 78, 80, 81, 86,
 203, 264, 351, 394, 418
 Шпет Г.Г. – 139, 402
 Шрейдер Ю.А. – 45, 50, 52, 53,
 272, 302, 387, 389, 390, 421
 Штейнер Я. – 415
 Штерн А.М. – 6
 Шульгин В.В. – 122
- Щелкачев В.Н. – 6, 428
 Щербатской Ф.И. – 15
- Эйлер Л. – 277
 Эйнштейн А. – 28-34, 37, 38, 46,
 48, 205, 384-385, 388
 Экгард И. (Майстер Экхард) – 345
 Эко У. – 75, 224, 393, 412
 Энгельс Ф. – 249, 372
 Эпикур – 336
 Эригена – 345
- Юшкевич П.С. – 409
- Ягода Г.Г. – 100, 115, 397-398
 Якобсон Р.О. – 24, 382
 Яковлев С.В. – 6
 Ямвлих – 198, 206
 Янин В.Л. – 377
 Яновская С.А. – 187, 251, 257
 Ярославский Е. – 115, 147, 169
- Boehme J., см. Бёме Я.
 Duddington N. – 402
 Eco U., см. Эко У.
 Egorov D., см. Егоров Д.Ф.
 Ford Ch. E. – 416
 Jacobson R., см. Якобсон Р.О.
 Koyrè A., см. Койре А.
 Lalande A., см. Лаланд А.
 Le Roy E., см. Леруа Э.
 Pomorska K. – 382
 Russell B., см. Рассел Б.
 Zermelo E., см. Цермело Е.

Указатель мифологических и литературных персонажей

- Аполлон – 411
Афина – 25
- Бездомный Иван – 87, 88
Берлиоз – 104
Блум Леопольд – 208, 209
Блум Молли – 409
Босой Никанор – 88
- Веда Конг – 279
Вертер – 395
Вершинин Николай – 83, 394
Воланд – 88, 94, 96, 99, 102-104
- Гамлет – 141, 357
Га-Ноцри Иешуа – 89, 94, 104, 105
Гермес – 55, 390
- Епиходов – 341
- Зевс – 25
- Кнехт Иозеф – 69
Корзухин – 92
Кронос – 25
- Манассия – 241
- Маргарита – 88-90, 94, 99, 102, 104, 394
Мастер – 87-94, 99, 102-104, 395
- Пенелопа – 342
Пилат Понтий – 88, 94
Посейдон – 371
Протей – 15
- Сомов – 115
Стравинский – 88
- Терм, Терминус – 390
- Урания – 335
- Фауст – 354, 358
Фрида – 104
- Харитонов – 394
Хорхе – 412
- Чаликов Иван – 387
Чарнота – 92
- Эдип – 166
Эрос – 359

Уважаемые читатели!

Отзывы, замечания и пожелания, появившиеся у вас после ознакомления с данной книгой, просьба посылать ее автору по адресу электронной почты: vicpetro@pochta.ru.

Особо будут приветствоваться новые (в «лосевiane») данные биографического и библиографического характера. Нам интересны также сведения о фактах и проектах конкретного применения или развития лосевских идей в различных областях науки, культуры, философии.

А еще (а вдруг!) попробуем коллективно прояснить хотя бы один из следующих прямых вопросов, пока еще пребывающих в темноте:

где именно и сколько сохранилось экземпляров книги «Диалектика мифа» (1930),

что известно о последних годах жизни Н.Н. Русова, лосевского знакомого в 1930–40-е годы, уцелел ли его архив,

где был похоронен духовный отец Лосевых архимандрит Давид (в миру Мухранов Дмитрий Иванович), скончавшийся в Москве летом 1930 года, и сохранилась ли его могила,

где можно прочесть лагерную газету «Перековка» (орган печати Медвежьегорского отделения Беломорско-Балтийского ИТУ ОГПУ) за 1932–1933 годы; в известных газетохранилищах двух столиц, а также в Центральном архиве ФСБ РФ этого издания за указанный период времени нет,

сохранилось ли выпускное сочинение гимназиста Алексея Лосева, написанное по заданному высказыванию Н. Карамзина; бумаги Канцелярии попечителя Харьковского учебного округа (ф. 2162 в Госархиве Украины), где оно могло находиться, до сих пор еще, кажется, не разобраны.

Автор

Содержание

<i>От автора</i>	3
Часть первая	
1.1. Бесконечность «торжественная» и бесконечность «живая»	9
1.2. Virtuoz мысли	14
1.3. Русский Прокл	19
1.4. «Новый альянс» или старый синтез: об одной интерпретации теории относительности	27
1.5. «Античный космос и современная наука» и современная наука	
1. О семантике союза «и»	36
2. О духовной зоркости и вселенском мареве	42
3. О логических скрепах бытия и уровнях реальности ..	49
4. О посвящениях	57
1.6. О понятии «мир как целое»	60
1.7. К философии чуда	68
1.8. Типология культур А.Ф. Лосева и символ фокстрота ..	77
Часть вторая	
2.1. Черная шапочка мастера. К 30-летию публикации романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» в журнале «Москва»	87
2.2. О борьбе с природой и еще кое о чем	106
2.3. «Духовная Русь» – неосуществленный издательский проект 1918 года	120
2.4. Из истории «Диалектики мифа»	134
2.5. Домик у горы Дивьей	150
Письма Лосевых к М.В. Соколову и Т.Е. Соколовой из Арнольдковского поселка	156
2.6. Чеховская тема в творчестве А.Ф. Лосева	162
2.7. Здесь думают и помнят (беседа с А.А. Тахо-Годи)	167
2.8. С веком наравне	180
Часть третья	
3.1. О смысле чисел	
1. Тема на всю жизнь	189
2. Платонизм в обороне и в наступлении	192
3. Другая математика	197
4. Возвращение наглядности	203

3.2. Кантор <i>plus</i> Лосев (о неединственности натурального ряда чисел)	205
3.3. Информация и чудо	215
3.4. Теория множеств как «научно-аналитический слой» имяславия	227
3.5. Метаматематика А.Ф. Лосева	243
1. Недостающее звено	244
2. «В траншеях ленинской диалектики»	248
3. У последних «как» и «почему»	252
4. Аксиоматика и метаматематика	256
5. Диалектика как точная наука	262
6. Вместо заключения	269
3.6. Введение в периодическую систему начал	270
1. Краткая характеристика «восьмикнижия»	272
2. Структура базовой тетрактиды	274
3. Структура базовой пентады	278
4. Периодическая система начал	281
5. Расширения системы (о размерности)	286
6. Примеры выразительных категорий	294
7. Заключение	297
3.7. Гипотеза о типах бесконечности	297
3.8. Загадочный набросок (еще к теме «имяславие и теория множеств»)	308

Часть четвертая

<i>А.Ф. Лосев. О форме бесконечности</i>	323
Комментарий	333

Вопросы философии

<i>(переписка А.Ф. Лосева и А.А. Мейера)</i>	335
Комментарий	354

<i>А.Ф. Лосев. О мировоззрении</i>	359
Комментарий	375

Примечания	380
-----------------------------	-----

Библиографические справки и дополнения. Указатели

Библиографические справки и дополнения	426
Указатель имен	434
Указатель мифологических и литературных персонажей	443

Троицкий Виктор Петрович

**РАЗЫСКАНИЯ
О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ
А.Ф. ЛОСЕВА**

*Редактор О. Булаева
Компьютерная верстка Г. Егорова*

Подписано в печать 07.04.06. Формат 84x108/32
Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman Cyr»
Усл.-печ. л. 23,52. Тираж 1000 экз. Заказ № 6413.

Издательство «АГРАФ»
129343, г. Москва,
проезд Серебрякова, д. 14, стр. 15
e-mail: agraf.ltd@ru.net
<http://www.website.ru/agraf>
т./ф. 518-97-98
т. 518-97-99

**Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122**



ИЗДАТЕЛЬСТВО

///АГРАФ

ПРЕДСТАВЛЯЕТ КНИГИ

Для тех, кто знает...

**Философия, литературоведение,
история, психология, культурология,
искусство, энциклопедии, словари,
справочники.**

Художественная литература

Книги издательства «АГРАФ» оптом и в розницу
можно приобрести в издательстве, а также
заказать наложенным платежом по адресу:

**129343, г. Москва,
пр-д Серебрякова, д. 14, стр. 15**

**E-mail: agraf.ltd@ru.net
<http://www.website.ru/agraf>**

**т./ф. 518-97-98
т. 518-97-99**

